

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ
ДЛЯ МОЛОДЕЖИ

Азъ-арт

№ 2 (4) - 2021

Р. Черноусова. «Осенние мониста»

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ МОЛОДЕЖИ

Азъ-арт

№ 2 (4) - 2021

Нравственно-культурный и просветительский журнал
молодых авторов 16-40 лет
Живетьев Максим Аркадьевич
Молодежное литературное объединение «Азъ-Арт»
при Иркутском Доме литераторов
Иркутское региональное отделение Совета молодых литераторов
Союза писателей России
При финансовой поддержке Министерства культуры и архивов
Иркутской области

Содержание

Слово редактора 5

Поэзия

Рада Черноусова. «Автобус пуст...» 6
Андрей Антипин. «Я не был там. Но в том селеньи...» 49
Евгения Скареднева. «Суета – не беда: приноси, разделю...» 59
Антон Зоркальцев. *Радость* 85
Константин Максимов. *Русская песня* 93
Юлия Шубенко. «В детстве, когда мой двоюродный брат...» 98
Наташа Маякова (Хадкевич). «Ты видишь снежные пики только в своём
смартфоне...» 127
Василий Попов. «А снегу, снегу намело...» 129
Андрей Андреев. *Майские зори* 134
Татьяна Чебыкина. «Ты носишь лавры на голове...» 204
Ольга Безрукова. *Отправляйся в дорогу* 209

Проза

Юрий Харлашкин. *Кирилл и Мефодий* 18
Михаил Кривенюк. *Вброд* 66
Анатолий Бичевин. *Дай* 75
Екатерина Сереброва. В чёрно-белых тонах. 103
Антон Макарова. *Вольный плен* 119
Юлия Шубенко. *#LakeБайкал* 166
Глеб Булатов. История одной вендетты. 170
Яна Динь. Что я люблю. 213

Мария Борисова. Лорелей.....	219
Наталья Папенко. Золотой зов	223

Миниатюры

Сергей Баянов. Любовь.....	139
----------------------------	-----

Поэзия в прозе

Любовь Головина. «Пролетая над моей макушкой...»	143
Екатерина Серова. Будьте.....	147

Визитница

Мария Кириллова. «А дождь идёт по улицам...».....	149
Андрей Шпаков. «Мой ангел сел на подоконник...»	151
Евгения Гарина. «Утро начинается с тебя...»	152
Александра Ломухина. «Заблудившись в паутине снов...»	153
Глеб Тугарёв. Межзвёздный пёс...	154
Кристина Серебренникова. «Бабье лето проступит светом...».....	156
Татьяна Гуралёва. Три слова из моей души – Байкал, Ольхон, Хужир.....	157
Елена Михина. «Байкала царство среди степей...»	160
Даниил Цивенов. «Снег падает, падает с неба...»	161
Руслан Беленко. Ностальгия.....	161
Алина Дзюба. Почему мы не боимся Грома.....	162
Татьяна Сенокосова. У меня не будет папы.....	163
Варвара Галичина. Новости лесной школы.....	164

Конкурс Мивинка

Дарья Гандина. «Поезд близко. Ты слышишь, гремит вдалеке?...»	234
Евгения Герасимчук. Враг.....	234
Иван Вологдин. Сталинград	235
Ярослав Опарин. Берёза памяти	237
Кристина Подгородецкая. Волшебство	239

Критика и литературоведение

Артём Писарев. Художественное творчество Рады Черноусовой	241
Анатолий Бичевин. «Кавказский цикл» Н. С. Гумилёва.....	242
Галина Кошкарёва. Мусорные фантазии и боль реальности.....	250
Назира Сухих. Это о человеке. Картина Эрика Булатова «Дорога».....	255
Александр Сокольников. В поисках Пашки. Работа над ролью в спектакле «Прошлым летом в Чулимске»	258
Елена Жданова. Восемь дней – пять эскизов: актуальная драма на сцене драмтеатра	265

О рассказах Максима Живетьева

Дарья Желвис.	271
Светлана Соловьёва.	272
Анастасия Лушева.....	275
Дарья Гущина.....	276
Дарья Андреева.	278

Гость номера: поэзия

Александр Тихонов. *Перемешивая сюжеты* 280

Гость номера: сатира

Александр Тихонов. *Творческий вечер*..... 291

Гость номера: проза

Андрей Тимофеев. *Свадьба* 294

Эссе

Дарья Головина. *О простом* 309

Дмитрий Рец. *Мой папа – мой друг* 310

Дарья Перфильева..... 311

Александра Чайка. *Моя любовь к родному краю* 312

Юлия Тетерина..... 313

Посвящается... Александру Казинцеву

Андрей Тимофеев..... 315

Александр Тихонов. *Всегда современный Александр Казинцев* 316

Андрей Антипин. *Прощание с молодостью* 317

Максим Живетьев. *Александр Казинцев – Белинский нашего времени* 318

Владимир Скиф. *Пробивший «стеклянное» небо* 320

Александр Казинцев. *«Удивительно пахнет дождём...»*..... 322

События

Любовь Головина. *О круглом столе «Филология и литература сегодня: взаимные ожидания»*..... 334

Милена Десятерик. *Писатели в Гуманитарном центре*..... 337

Е. А. Сыроватская, М. А. Штрассер. *На «Перекрёстке вдохновений»*..... 339

Антон Зоркальцев. *Глаголь, глагол: на пороге двадцатилетия*..... 342

Нам пишут

Галина Моргунова. 344

Главный редактор – **Максим Живетьев**
Заместитель главного редактора – **Юрий Харлашкин**
Редактор, корректор – **Екатерина Куйдина**
Технический редактор, дизайнер – **Ирина Железняк**

Редакционный совет

Андрей Антипин (Усть-Кут)
Анатолий Бимаев (Абакан)
Кристина Кармалита (Новосибирск)
Игорь Корниенко (Ангарск)
Александра Малыгина (Барнаул)
Дмитрий Мурзин (Кемерово)
Елизавета Оводнева (Иркутск)
Юлия Ольховская (Шелехов)
Андрей Тимофеев (Москва)

Редакция оставляет за собой право на редактуру
и корректуру рукописей, принятых к печати.
Мнение редакции может отличаться от мнения авторов.

Электронная почта редакции: nik.19@mail.ru

Подписано в печать 1.12.2021 г. Выход в свет 12.12.2021 г.

Тираж 200. Цена свободная.

Издательство: ИП Лаптев А.К. Адрес: 664047, ул. Трудовая, 55-51. Тел.: 8-(3952)-23-38-45.

Отпечатано в типографии: ООО «Форвард», г. Иркутск, ул. Советская, 109 Г, оф. 301. Тел.: 8-(3952)-19-91-10.

© Живетьев М. А., Харлашкин Ю. С., составление, 2021
© Живетьев М. А., Харлашкин Ю. С., Железняк И. М., оформление, 2021
© Журнал «АЗЪ-АРТ», №2, 2021

16+

Слово редактора

В номере представлены поэты, прозаики, критики из Усть-Илимского, Усть-Кутского, Зиминского, Иркутского и Ольхонского районов, городов Ангарск, Иркутск и Усолье-Сибирское.

Дворец творчества детей и молодёжи г. Ангарска в этом году провёл ежегодный VI Областной литературный дистанционный конкурс «Живинка» для школьников, студентов и работающей молодёжи. Некоторые работы участников представлены на страницах журнала.

В рубрике Визитница советую обратить внимание на стихотворение Кристины Серебrenниковой.

Критику и литературоведение дополняют статьи о театральном искусстве и живописи, в том числе об иллюстрациях Рады Черноусовой, с поэзии которой начинается номер. Украшение рубрики – рассуждения Галины Кошкарёвой об уникальном в России музее «На свалке», расположенном на полигоне ТБО.

В последней декаде сентября Институт филологии, иностранных языков и медиакommunikации Иркутского государственного университета организовал конференцию «Литература Сибири в социокультурном пространстве», а с 26 сентября по 3 октября прошли традиционные Дни русской духовности и культуры «Сияние России». Эти мероприятия нашли отражение в рубрике События.

В этом номере мы рассказываем о двух ЛИТО г. Иркутска – это клуб «Перекресток вдохновений», который более 15 лет действует при Областной юношеской библиотеке им. И.П. Уткина, и организация «Глагол», готовая в наступающем году отметить своё двадцатилетие.

Гостями номера стали писатели Александр Тихонов и Андрей Тимофеев – лауреаты премий журнала «Наш современник».

А в рубрике Посвящается... опубликованы ранние стихи ушедшего год назад заместителя главного редактора «Нашего современника» Александра Ивановича Казинцева, много лет отдавшего работе с молодыми талантами, а также воспоминания его учеников и друзей.

Максим Живетьев

Поэзия

РАДА ЧЕРНОУСОВА, 1974 г.р., Усть-Илимск

Писать стихи начала с детства. Училась в художественной школе. Окончила Иркутский государственный технический университет (ИПИ), архитектурный факультет. Играла в иркутском народном театре «Предместье». В Усть-Илимске работала преподавателем черчения, изобразительного искусства, мировой художественной культуры, художником-оформителем, психологом, художником-постановщиком цирковой студии. С 1999 г. ведущий архитектор в АО ПКБ (ПКТБ) в г. Усть-Илимске. Реализованные проекты: Пасхальные ворота «Храма всех святых...», частные коттеджи, магазины города, производственные цеха и бытовые помещения на промышленной площадке ЛПК, дизайн-проекты по внешней и внутренней отделке. В литературном объединении «Поиск» состоит 24 года. Стихи публиковались в местных газетах «Усть-Илимская правда», «Вечерний Усть-Илим», в сборнике усть-илимских поэтов «Родники» (2011г.), в журнале «Сибирь». Автор поэтической книги «Ожоги. Шрамы. Имена» (2020).

* * *

Автобус пуст.
Людей в нем два десятка.

Но в то же время нет ни одного,
Чей кокон густ,
В ком свежая загадка,
В ком бьется пульс сильнее моего.

Я словно лук –
Натянутый, дрожащий.
Я вечный поиск, вечная тщета.
Блужданье рук
В непроходимой чаще,
Напрасная, быть может, маята.

В пустыне зной,
Ночами черный холод.
А я внутри, на дереве в гнезде.
Светильник мой
На звездочки расколот.
Приостановлен поиск... на себе.

* * *

Зачем кружит весенний сад
По солнцу и по грозам?
Весь этот белый аромат
Для поцелуев создан,

Для фантастических надежд,
Свиданий босоногих,
Для избавленья от одежд
И убеждений строгих.

И в перегретой голове
Не отыскать ответа:
Зачем же высохшей траве
Хмельная свежесть лета?

* * *

По краям заболоченных рек,
В звоне кратких расчетливых истин,
Позабылось – за что, человек –
Ты пронзительным ветром освистан.

Лишь вдали от воря-воронья
Нежный шорох под тающим снегом:
Заповедные речи ручья
Стерегут берега оберегом.

* * *

Мой образ мыслей – повод для пародий,
Недоумения, споров и гримас.
Я вижу экзальтацию в природе,
И в серых тучах – разноцветный джаз.

В пыли и щебне кроются узоры,
И сладострастьем дышит каждый шаг.
Пустяк игры и торжество позора...
Смешон и горд простреленный мой стяг.

* * *

Погасим экраны и лампы,
Закроем учебник, тетрадь.
И выйдем под звездные залпы
Природу как книгу читать.

Как наши прилежные предки
Учились листать небосвод,
Вплетая наследные ветки
В большой мировой поворот.

Как волю выковывал голод.
И к ночи готовились днем,
Громадный неистовый холод
Пугая веселым огнем.

* * *

Пока вершит дрожащий бег
Во тьму керосиновая лампа,
Окно целует робкий снег,
И маму обнимает папа,

Покуда непрерывен круг
Меж пробуждением и полетом,

Пока возлюбленный и друг
Играют по единым нотам,

Покуда детству нет конца,
И в ласках нежится простуда,
И каждый день пророчит чудо –
Сияет свет вокруг лица.

* * *

Ты помнишь, я пришла сама...
Мне было все равно.
Во мне с утра плескалась тьма,
Заткнувшая окно.

Лишь два движенья – вверх и вниз
Избавили меня
От тесноты натужных риз
Сверкающего дня.

Ты перед шагом за черту
Сказал: «Защиты нет!»
И камнем канул в темноту,
В ней возрождая свет.

* * *

Достичь простоты. И умыться с хозяйственным мылом.
С крапивою сныть поглощать и хрустеть сухарем.
В ночной тишине приобщаться к таинственным силам.
Как Маугли быть – одной крови с косматым зверьем.

Смешные мечты так понятны в редеющем лесе...
Медведь грустноглазый, приметив огни впереди,
Идет к человеку, как рыцарь приходит к принцессе –
Стрелу получить в середину широкой груди.

* * *

Я заготавливаю чай.
Прокатываю скалкой листья.
Чтоб каждым миллиметром – в край –
Моим давлением проникся,

Чтоб исторгал душистый сок
Он каждой клеточкой душевной,
Сжимаясь в небольшой комок
Для ферментации волшебной.

Чтоб жизнь его сакральный смысл,
Помимо целей размноженья,
Вдруг обрела... И эта мысль
Меня выводит из сомненья:

Зачем на свете я живу?
С чьим непрерывным интересом
Меня, как сочную траву,
Судьба продавливают прессом?

* * *

Люблю бродить по городу ночному
В контрастах черноты и фонарей,
В кисейных мглах, зеркальных переломах,
В рассеянных касаниях лучей.

Прохожий появляется внезапно,
Как позабытый в юности мотив.
И пропадает также непонятно,
Мгновенно, будто штору опустил.

Ночных дорог обласкано немало...
Вдоль них, мерцающая длинной чередой,
Дрожат от нетерпения порталы,
Невидимые при звезде дневной.

* * *

Еще звенят осенние мониста,
А снег уж лег на разноцветный лес,
И первый луч на нем играет чисто
В размытых бликах утренних небес.

Сентябрь томит болезненным стремленьем
Отбросить стыд, одежду и металл,
Бетон, асфальт и городские мненья.
Спешить, куда есть еще запал,

Упасть лицом на ворс подростков хвойных
В душистый снег на скопище ветвей...
Ключим льдом немного успокоить
Горячий голод щедрости моей.

* * *

Какое наслажденье – быть водой!
Глубоким небом отражаться ярко.
И каждый день, и каждый миг земной,
Безостановочно – дарить подарки.

Зверей поить и выпадать росой,
Лохматой тучей приносить прохладу,
В пыль мостовых вонзая дождь косою,
Томленью зноя воздавать награду.

Преграды окон неустанно мыть,
Не думая: хозяин ли я? раб ли?
Какое наслажденье – просто быть
Используемой, до последней капли!

* * *

Трамвай, трамвай... Мой друг бесценный
Упрямой юности моей,
Железный всадник вдохновенный
Воображаемых коней.

Твои ритмические песни
Рождают дивный резонанс.
Твой марш любви и Красной Пресни
Опять дает желанный шанс

Домчаться до мечты, до края,
С разбегу проскочить портал
В раздолья октября и мая,
Где красный конь крыла купал.

* * *

У тебя повадки ангела.
Как на тонкие края –

Лёгким взмахом, жизнью набело –
Кружевная кисея...

У тебя туманна аура,
А глаза ясней озёр.
Ореол зрачка муаровый.
Взор отважен и остёр.

И во мне чертята бесятся.
Грешным – нет к тебе путей:
Ни щелей, ни труб, ни лестницы,
Ни окошек, ни дверей.

* * *

Я могу раскрутить карусель,
Я могу уронить звездопад,
В чистом поле устроить постель
И фатой ограничить наряд.

Я могу чаровать маяту
И молчаньем вскрывать погреба,
Как перину взбивать черноту
И лепить из тирана раба.

Мне до боли знаком первый шаг
К неизвестным дверным звонарям,
Мной приучен подвал и чердак
К романтичным свечным фонарям.

Мне не стыдно, не трудно, в строку,
И мартеновы печи горят,
И оракулы ясно рекут,
И на выбор – все шансы подряд.

Только мне бы – бездумье и бег
В темноту на сверканье зарниц...
Чтоб какой-то *другой* человек
Всё решил за царицу цариц.

* * *

Любовь сорокалетних горяча,
Как солнце августа в кузнечиковых трелях.
Заросшей тропкой прячется печаль.
Жемчужный голос тающей свирели

Опять поёт привычную тоской,
Иллюзий прежних надоевшей строчкой...
Прохладой ветра выкованный зной
Пронзает сердце новой заточкой.

* * *

Как тают в небе облака
В растворе голубого зноя,
Как будто хлопья мнет рука –
Невидимая – над землёю.

Как испаряются легко
Их красота и непорочность:
Так исчезает молоко,
И трон утрачивает прочность.

Как тают в небе облака...
Природы сказок вдохновенных
Неисчерпаема река –
Таких чудес обыкновенных!

* * *

Последний раз – значителен, как первый.
Парит промытый деревянный пол,
Душистый воздух, коврик бледно-серый
Цвета утратил. Ты совсем ушёл

Из сердца, из судьбы, из телефона.
Лишь память необдуманно хранит
Хмельную тень полуденного звона
И счастья полыхающий зенит.

И, тишиною растворяя нервы,
Молчание вливается в поток...

Последний раз – значителен, как первый.
И так же сладок горечи глоток.

* * *

И в сумерки влывает день,
Немыслимо меняясь ликом.
Раздавленную земляникой
Благоухающая тень

Горчит и свежестью палит –
Ментоловым ожогом белым.
Внезапным снегом переспелым
Июльский воздух перемыт.

На остывающих полях
Молчанье дремлющего зноя,
И ласки древнего покоя
Сочатся, как прозрачный яд.

И открываются врата
Небесных и земных укрытий,
Пророчествами всех событий
Заболевают все уста.

Но снова побеждает лень.
Уходит свет последним бликом,
Немыслимо меняясь ликом...
И в сумерки влывает день.

* * *

Твоя неугомонная душа
Всё мечется по дому в стиле ню,
Всё тянется к неясному огню,
Трёх мотыльков смущая и смеша.

И ванна переполниться спешит...
В морозный лес распахнутый балкон...
А ты глядишь свой тридевятый сон
Про молодой завянувший самшит.

А я вершу неведомый полёт.
Ещё один рискует быть любим.
Он назовётся именем твоим
И также неприкаянно заснёт.

* * *

Минута – времени игла,
Торжественна и драматична.
Ты видел? Вот она прошла –
Разнузданна и аскетична.

Ты слышал, как поют сердца,
И мысли суетно стрекочут?
Как ровен гул в груди бойца,
Что целый день проводит молча?

И мой удел непоправим:
Во мне патетика и шалость.
Всё выгребай и поглядим,
Что там, на доньшке осталось?

Мне ль петь и танцевать кадрили,
Когда душа грохочет гимном?
Высокопарный дерзкий стиль
Не притворяется наивным.

Ты слышал? Только что прошла!
Та девушка – в блестящей тоге...
Как в ней звонят колокола
О неминуемом итоге!

* * *

Был целомудрен. Был неприхотлив.
Был благороден правдою смиренной.
Бог одарил. Вдруг, не предупредив.
Он взял. Случайно совершив измену.

Пред ним внезапно отворился путь
К любому из желаемых открытий.
Он мог куда угодно повернуть,
Мгновенно формируя цепь событий.

Он устремлялся, счастья достигал
Во всём, к чему был склонен по природе.
Устал. Отчаялся. И на колени пал,
И Господа молил о несвободе!

* * *

...И освежающая боль
Любви – принципиально юной.
Заветный вкрадчивый пароль
Случайностью заденет струны

Так не хватает остроты
В преснятине совместной жизни!
Разбавь же дозой прямоты
Благопристойность укоризны.

Недосягаем, как родник
На дне глубокого колодца –
Учитель мой и ученик,
Мой день и ночь, луна и солнце,

И освежающая боль
Любви – принципиально юной...
Ведь ты опять сменил пароль
И новые поставил струны.

* * *

Ты спросишь, не ревную ли его к ней?
Ты спросишь, не ревную ли его к ним?
А я отвечу только, что в поток дней
Вошёл сиянием его нимб.

И что она – всего только его тень.
И что они для красоты в венки сплелись.
А для меня он только повод, чтоб прожить день,
Надёжный способ, чтоб взлететь ввысь.

СЫНОВЬЯ

Когда зенит пережила семья,
И травы у косца пощады просят,

По сумеркам выходят сыновья
И самый смак снимают и уносят.

К горячим потаённым рубежам
Стремятся под покровом летней ночи,
В цикадных трелях, по крутым межам,
Сладчайшей болью в сердце кровотока.

Бегут, иль нарочито не спешат,
Все предвкушенья с воздухом вдыхая,
Мешая шаг с шуршаньем камыша,
Переполюнясь свежестью до края.

А с ними мой недремлющий «жучок»,
Мой соглядатай, потайной попутчик,
Незримый скрытых камер маячок,
Врождённый в тело встроенный лазутчик.

Он для меня записывает сны
И ворожит мне юность до успенья...
Покуда разудалые сыны
Вдыхают ночи до самозабвенья.

* * *

Люблю тебя, как шалый цвет заката,
Как первый плеск весенних нежных луж.
Но вечный голод призрачного брата
Меня казнит хандрой залётных стуж.

Безумье счастья лютой правдой лечит,
В чужих глазах опять ищущее...
Любовь измене не противоречит,
А даже провоцирует её.

Проза

ЮРИЙ ХАРЛАШКИН, 1985 г.р., Иркутск

Магистр филологии по специальности «Русская литература». Работал продавцом в сети книжных магазинов, журналистом в районной газете. Методист в Иркутском Доме литераторов. Печатался в альманахах и журналах: «Первоцвет», «Образ», «Зелёная лампа», «Веретено», «Сибирь», «Дон_новый», «Бельские просторы», сборниках «Молодые голоса», «Новые писатели» (2016, 2019), «Пускай услышат наши голоса». Дипломант третьей степени в номинации «Проза» Областной молодёжной литературной конференции «Молодые голоса» (2014). Участник Совещания молодых писателей Урала, Сибири и Дальнего востока в Томске (2015), в XV и XVII Форумов молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья в Звенигороде и Иркутске (2015, 2017), II и III Ежегодных Всероссийских Совещаний молодых литераторов Союза писателей России в Химках (2019, 2020), Всероссийского фестиваля поэзии им. А. Бельмасова в Ленинске-Кузнецком (2019) и Третьего регионального совещания сибирских авторов в Новосибирске (2019). Победитель Областной литературной конференции «Молодость. Творчество. Современность. – 2018» в номинации «Проза». Стипендиат Министерства культуры РФ по литературе 2016 года. Прозаик, член Союза писателей России. Руководитель Иркутского регионального отделения Совета молодых литераторов Союза писателей России.

КИРИЛЛ И МЕФОДИЙ

Главы из романа

иже пришеде на брѣгъ ѳезероу ѳединъ и отаи . Ѳвлосоѳъ не вида свѣта ибо ношть сѣло темьна стоіаше . но тѣ молитвѣ сътворилъ бѣаше . иже глаголаше при водѣ и брѣзѣ . с Богомъ и вънимѣахъ ѳемоу Богъ и анѣлы Господни . и даде Богъ Ѳвлосоѳоу ѣа боукѣви словеньскы.

(...Он же пришёл на берег озера один и тайно, философ, не видящий света, потому что ночь очень тёмная стояла. Но он тогда сотворил молитву, он разговаривал у воды и у берега с Богом, и стали ему внимать Бог и ангелы господни. И дал Бог Философу эти буквы славянские...)

Буква первая АЗЪ

1. (Экспозиция, 827–840 гг.)

Имя моё – Крохобор, я горжусь быть достойным потомком Храброго духом отца Хлебогрыза и матери милой, Ситолизуньи, любезнейшей дочки царя Мясоеда. А родился в шалаше я и пищей обильной взлелеян: Смоквою нежною, сочным орехом и всяческой снедью. «Батрахомиомахия» – «Война мышей и лягушек»
(пер. М. С. Альтмана)

Маковки собора украшались первыми лучами.

Тишина и покой царили в сыром воздухе, как вдруг ударил колокол – гулко, второй – звонко, третий – опять гулко, и поднялась растревоженная стая голубей. Они в едином порыве то взлетали ввысь, то бросались вниз навстречу черепичным крышам и булыжной мостовой. На их перьях играло утреннее солнце. Они были вестниками нового дня, частью огромного механизма, приводящего в движение торговый город.

Колокольный звон, вначале нескладный и неуклюжий, постепенно переходил в бойкую мелодию, услышав которую, хотелось вторить ей свистом, но никто не осмеливался.

К собору спешили толпы народа, желая успеть на воскресную службу. Они собирались ручьями по дворикам, лились подобно рекам, затопляя узкие переулочки и выплёскиваясь на соборную площадь, создавая иллюзию океана, где волны людей накатывали одна на другую, где их голоса – шёпотом, причитаниями, вскриками – порождали хаотичный

шум, служащий фоном и оттеняющий колокола. И этот шум, звучащий на разных языках и наречиях, как ни странно, объединял, вплетая голос в голос, тональность в тональность, мысль в мысль, настраивая их на единый лад.

Люди были полны радости и привычного трепета: и Никодим-мясник, ещё вчера с упоением кромсавший кровавую говядину, и жена трактирщика, намедни изменившая мужу с молоденьким постояльцем, и добродетельный кузнец, иногда развлекающийся грабежом по ночам, и дочь убитого им сановника, торгующая цветами и собственной красотой. Все они спешили, и только дурачок, раскрыв рот с гнилыми зубами, застыл, прислонившись к забору, и смотрел в небо, где клубились птицы. Он покочерялся в носу, громко чихнул и засмеялся:

– Дево Марие! Что творят птицы-то сии! Его-го! Жители небесные! Души пресвятыя! Несите, несите весточки!

И голуби, словно послушавшись его, скрылись за собором. И тогда окрестили Философа и нарекли его Константином.

На дворе стоял 6327 год. Ромейская империя, за последние три столетия потерявшая половину своей территории, тем не менее, была могущественна. Её император по праву считал себя владыкой половины мира, уверенный в том, что является единственным подлинным правителем всего Средиземноморья. Только его вера и вера его народов были несказанно больше. В то время вера пропитывала всё, и даже на убийство шли, перекрестясь. Такие стояли нравы, такой странной и удивительной была жизнь в империи. Высокое и низкое, ум и глупость, добродетель и порок – всё плавилось в едином тигле, причудливо перемешиваясь, создавая удивительные сплавы человеческих характеров.

В тот же год в провинциальном городе под названием Салоники родился Константин Философ. Его мать – Мария – сквозь слёзы смотрела на своё уже седьмое чадо и зачарованно шептала, словно заклинание-оберег: «Седем сын!.. Седем сын...» Пятеро предыдущих не прожили и пары лет...

Вокруг суетились служанки, меняя простыни, унося кувшины, украшая комнату благовониями. Вскоре должен был прийти муж, за которым уже послали верного раба Агапия.

Отец Философа, Лев, – был военным чиновником – друнгарием, отвечающим за городскую стражу и сбор налогов, а также судившим гражданские дела жителей Салоник.

– Господи милостивый! – сказал он, ворвавшись в комнату, – ты подарил мне сына! – однако не решился подойти к жене и новорожденно-

му: они были грязны и греховны, пусть и любимы; нужно было выждать.

Он позвал друзей и несколько дней пировал с ними, наслаждаясь общением, яствами и напитками, пока Философ питался молоком матери и внимал её колыбельным. Дело в том, что младенец отказался от груди кормилицы, нарочно приглашённой для родовитого отпрыска. Мать потом удивлялась: то был единственный сын, коего она кормила весь положенный срок.

По истечении греховного времени, когда мать отошла от родов, а младенец очистился от крови матери, они смогли показаться на люди. Изрядно пьяные гости приветствовали их, особо назойливые заглядывали в лицо ребёнку и отмечали ясный умный взгляд тёмно-карих глаз. Все родственники и друзья семьи спешили полюбоваться на Философа, потому что им нравилось смотреть в эти чистые ангельские глаза, и родители решили, что ребёнка пора бы окрестить, дабы уберечь от сглаза.

Мать его родом была из славян, которых множество жило в Салониках, да и вообще в имперской части Македонии, куда они переселялись, теснимые болгарами. Заключённый брак носил скорее политический характер, нёс выгоду её родителям, но и она сама вскоре обрела счастье, полюбив – и поняв, что любима. Её новообращённые родители дали дочери вполне христианское имя – Мария. Она была чернобровой красавицей, любительницей нарядов и вместе с тем верующей добродетельной христианкой, правда, не способной избавиться от языческих суеверий своих предков. Забавляло её ловить лягушек в пруду и, крепко держа в руках очередную квакушку, приговаривать ей в самую морду:

– Мати Мокоши, помози в трудах моих домовиты!

Она любила поговорить, но плохо знала греческий. Впрочем, знания языка ей хватало на беседы с мужем, который редко заговаривал на славянском, потому что был чистым греком и не стремился к изучению варварских диалектов, хоть по долгу службы и приходилось их разуметь.

Именно потому все служанки в доме были славянской крови, говорившими на общем языке, понятном всем окрестным славянам. Племян же их проживало вокруг немало: смоляне, ваюниты, хорваты, драговиты, сагудиты, мелких и не перечислишь. С ними-то, прислужницами, и болтала Мария дни напролёт, узнавая новости и сплетни. Она всегда была в курсе событий, произошедших не только в их городе, но и по всей империи. Мирный договор с Болгарским ханством, помазание на царство Феофила, яркого иконоборца, или приготовления к казни Никодима-мясника, обвинённого в ночных разбоях и убийствах приезжих купцов – всё она узнавала одной из первых, иногда раньше мужа, ожидающего послов.

Каждый день она отправляла служанок на рынок за новыми сплетнями. Разгорячённые приказом и собственным любопытством они буквально летели, подгоняемые стремлением к познанию мира, но совершенно о нём не помышлявшие.

Может быть, потому Философа буквально с младенчества окружали далеко не всегда полезные знания о бренном мире. Он слышал, ещё не понимая, многое, что не стоит слышать младенцу. Но главное заключалось в другом: он слышал язык матери и служанок и понимал его, и язык отца и друзей отца он тоже слышал и понимал.

К пяти годам он уже знал, что есть два языка, на которых он может говорить, и он говорил: с матерью – по-своему, с отцом – по-своему.

Во всём он видел звуки, совершенные и прекрасные, складывающиеся в осмысленную речь. Он понимал всех домочадцев, и его очень забавляло, что стражник порой не мог толком объясниться со служанкой, и тому приходилось жестиковать и корчить рожи. Заметив ребёнка, парочка смеялась и краснела...

Вот только певчих птиц, собак, лошадей и кошек не понимал маленький Константин, но думал, что однажды поймёт и животных. Мать иногда рассказывала сказки про птичий язык да звериный свист, и он желал научиться им. Подслушивал утренний щебет в саду, недовольное ворчание в конуре в полдень, усталое всхрапывание под вечер в конюшне и всегдашнее мяуканье в кухне у кладовой.

До школы со сверстниками он почти не общался: дети слуг его сторонились, а единственный брат был старше на тринадцать лет. Дома Михаил, брат, появлялся редко, неся службу в друнге, оберегающей северные рубежи фемы. Там же он сделал блестящую военную карьеру, усмиряя бунты оседающих в Македонии славян и давая ярый отпор теснившим Балканы болгарам.

Едва научившись ходить и понимать, из младенца, впитывающего всё услышанное без разбору, Философ превратился в требовательного слушателя. Михаил в редкие домашние дни, всегда со светлой улыбкой разжигая интерес, делился историями, которые читал, заговорщически подмигивая, сообщал о фактах, которые знал, например, что у слона нос вместо руки, или что дельфины – не рыбы.

В основном же Философа поручили старику Агапию. Тот ежедневно по утрам гулял с ребёнком по городу, по шумным мостовым и по тихим улочкам, устраивал привалы в тени базилик или кипарисовых насаждений, непременно доставая снедь: ячневый хлеб, мёд и молоко. Подкрепившись, они продолжали путь: в гору – к северной городской сте-

не или, что больше любил Константин – к морю, к торговым причалам. Там Агапий иногда покупал кожу и ткани, которые заказывала Мария, а Философ, наострив уши, ловил удивительные звуки: горловые щелчки арабского языка, шипение арамейского, звонкие раскаты грузинского и много чего ещё... И каждый язык звучал таинственно, пленяя Константина своей неповторимой мелодией. Не меньше языков удивляли и люди: различались лица и пестрели одежды, за каждым лотком – свои жесты, но... одинаковые улыбки и сияние глаз. Только они не требовали перевода. В толчее Агапий крепко держал мальчика за руку, так как знал: пойдёт за первым попавшимся толмачом наблюдать, как тот переводит, помогая торговаться. Да и небезопасное место этот базар: тут воры срезают кошельки, иногда укорачивают жизни, работорговцы заманивают простаков в трюмы своих быстроходных дхау, а неповоротливых зевак кусают блохастые собаки. Но родители были уверены: Константину ничего не угрожает. Седая борода Агапия наполовину скрывала шрам на щеке от кнута; статная, несмотря на возраст, фигура и беззаветная преданность семье, выкупившей его от жестокого хозяина, делали его лучшим педагогом – спутником ребёнка. Философ же считал его единственным другом.

Вот только тяжкая прежняя жизнь наложила печать заикания на Агапия. А маленький Константин искал чистой речи, журчащей как родник за водяной мельницей возле их загородной виллы, звучащей как вечерние колыбельные на родном языке матери или как дельные и точные (даже отточенные) наставления на языке отца.

Его отец был человеком сведущим и образованным, достигшим успехов на военной службе, что позволяло ему занимать важный пост в государстве, где доблесть в битве определяла честность человека и его преданность короне. Только военный человек мог занять должность по управлению городом или целой провинцией, так как понимал, чего стоит сохранение порядка и достатка местных жителей, а тем более безопасности и процветания. Взвешенность решений помогала в управлении территорией; войны необходимы, иначе государство утратит свой статус, а вместе с ним и земли. Но всегда необходимо знать при каких обстоятельствах, ради чего ты начинаешь бой, что можешь пообещать своим воинам и чужим предателям, и, в конце концов, какую надежду даёшь подчинившимся тебе, какое благо, а не выгоду!

Такое совмещение гражданского поста и военного представляла собой должность друнгария, которую и занимал Лев, помощник стратега армии – фемы – охраняющей Салоники и прилегающие к городу земли. Город сей когда-то был сердцем эллинизма, греческой столицей, но с

перенесением имперской столицы в Византий, переименованный в Константинополь, блеск Салоник затмился, слава померкла. Но жители всё ещё сохраняли столичную гордость и ревностно недолюбливали константинопольцев.

Земной суд друнгария Льва, его немилосердие не являлись жестокостью, но лишь приемлемой необходимостью.

Он ратовал за общее спокойствие и потому не стал стратигом, имея близкое знакомство с логофетом дромы Феоктистом, другом детства. Они не только дрались на тупых заготовках мечей, выкраденных из кузнечной мастерской, оттачивая своё искусство владения оружием, но и ловили оранжевых бабочек необыкновенно большим сачком, найденным у лачуги рыбака. Однажды сходили в торговый квартал до купеческих дочек.

Эта выходка обошлась им особенно дорого: Льва выпороли аки молокососа, а на будущего логофета обратили внимание и отправили в Константинополь, где вскорости оскопили и определили в хор мальчиков при соборе Святой Софии. Он был наследником громадного состояния, но его попечитель – копт, бывший правой рукой его покойного отца, – всю власть попытался захватить сам (воистину его зарезали неизвестные грабители), – сумел представить наследника слабоумным, а случай в купеческом районе лишь сыграл на руку супостату. Однако Феоктист сумел восстановить своё доброе имя, когда окреп и повзрослел. Он не вернул себе прежнего состояния, но, обладая талантом заводить необходимые знакомства, пробил себе путь к вершине власти. Сначала – мальчик в певчем хоре, потом солист там же, потом надзиратель. Учитывая, что в это время он посещал среднюю школу, и не просто посещал, а делал явные успехи в науке, его вскорости сделали помощником главного библиотекаря. Сия должность не была смешна, а наоборот, открывала перед амбициозным молодым человеком двери в мир больших мечтаний и большой политики. И он взялся за свою военную карьеру, столь необходимую для дальнейшего продвижения, однако она не имела успехов: ни из одной битвы он не вышел победителем. Но, тем не менее, и однозначно проигравшим его тоже нельзя было назвать, потому что он, как никто другой, умел преподнести себя при дворе. Феоктист сошёлся с императрицей, став при василевсе Феофиле главным министром – логофетом дромы – ответственным за казну и дороги, а в действительности – за почту, шпионов, налоги и содержание всех институтов империи. Он был умён, и понимал, как мало надо ума, чтобы управлять миром, а потому удалял всех конкурентов, оказывающих влияние на императора. Правда, не всегда удачно и надолго: на открытые убийства у него не хватало духу, ибо был он труслив и богобоязнен.

Он не забыл своей дружбы со Львом и всячески принимал участие в его судьбе и судьбе его детей, которых любил всем сердцем, не имея собственных.

Семи лет от роду Константина отдали в учение.

В младшей школе он быстро овладел греческой грамотой. Ему нравилось, что звуки, до того такие неуловимые и невидимые, обретают плоть и кровь на куске пергамента и начинают самостоятельную жизнь, неся знания людям, сообщая что-нибудь важное каждому читающему. Эта передача мыслей сквозь время и пространство казалась ему поистине Божьим даром. Тогда он ещё не задумывался, что образцовое начертание греческих букв – дело рук язычников древности, учёных мужей, что поклонялись солнцу, луне, деревьям, животным, называя их богами и нарекая: Зевс, Гелиос, Арес, Деметра... Ему нравилось писать, выполнять упражнения по каллиграфии, осваивая нормы унциального письма. Каждое движение должно было быть отточенным, выверенным, решительным, только тогда дельта и ипсилон, альфа и омега дополняли друг друга, сливаясь в поток речи, доставляющий зрительное наслаждение. Философ любовался каждой линией и каждым изгибом, когда они достигали совершенства.

Ему показывали образчики письма. Он их разглядывал, заучивая облик, влюблялся в них до сердцебиения, бредил ночами, а потом... и только потом Философ пристрастился к чтению.

Будучи отроком, он читал всё, что попадалось в библиотеке под руку: «Войну мышей и лягушек», басни Эзопа, «Илиаду», трагедии Эсхила и Софокла. Однажды он взялся и за Библию, которую, впрочем, и так неплохо знал, ведь именно по ней учили грамоте.

Поскольку в ту эпоху всё было пропитано верой, то неудивительно, что Философ зачитывался Евангелиями и Посланиями. Он внимал Откровению, принимал его, а вместе с ним и мир, в котором жил. Окружающее обретало смысл и понятие: ведь оно грешно, а значит просто, а вверху, на небе – там благодать, непостижимая и таинственная. Там ангельские голоса и ангельская речь.

Философ просиживал в библиотеке долгие часы, удивляя родных и близких; он обрёл одухотворённость и возвышенность – свойства редкие для людей, но тем не менее иногда встречающиеся. В равной мере он постиг и честь, и благородство духа, и чистоту намерений, и покорность.

В десять лет Константину стало скучно в младшей школе, и родители, желая дать ему лучшее возможное образование в Салониках, чтоб с ним не разлучаться, отдали его в грамматическую, среднюю школу.

Однако и там он впитывал знания словно губка. Всё, о чём рассказывал старший учитель, он уже прочитал, а помощники учителя – смышлённые ребята на год или два старше самого Философа – знали куда меньше, чем Константин, и оттого требовали только тупой зубрёжки. Философ же любил понимать, осознавать, докапываться до сути. К тринадцати годам он увлёкся теологией со всей бескорыстной заинтересованностью на грани фанатизма, которой порой так отличаются подростки. Но в его случае это не было обычной увлечённостью, ибо наука давалась ему с лёгкостью, неведомой прочим ученикам, и вскоре он мог поспорить с местными священнослужителями. И не просто мог, а Философ и поспорил, выбрав тему иконопочитания, что вызвало определённый к нему интерес, и не миновать бы беды, если б не логофет.

А начиналось всё с вполне безобидных вещей: в одиннадцать лет Философ проявил интерес к поэзии...

2. (Лето – осень 838 г.)

An nescis, mi fili, quantilla prudentia mundus regatur?

Разве ты не знаешь, сын мой, как мало надо ума, чтоб управлять миром?

Папа Юлий 2 или Аксель Оксентиерна

Послеобеденное солнце уже не могло светить ярче и жарче: землю испещряли трещины, пожухлые травы опустили измятые листья, а с выложенной каменными плитами императорской дороги местные дворники за целый день не убрали ни одного конского яблока, и никто их в том не собирался винить и попрекать – ведь стояла самая жаркая пора года – каникулары, или «собачьи дни», когда солнце проходило созвездье Большого Пса, и на рассветах ярче всего светил Сириус – собачья звезда.

По такому-то зною кисловспотевшие кони везли серую, запыленную от дальнего пути карету-каррус на скрежещущих колёсах и с вензелеобразным крестом на дверцах. С виду в ней не было ничего выдающегося: обычный возничий в побитой молью одежде и широкой дырчатой соломенной шляпе, скрывающей лицо от нещадного солнца; обычные взмыленные кони – обладатели не угадывающейся из-за комьев грязи масти: то ли каурые, то ли чалые – и не разберёшь, пока не искупаешь в чистых водах. В общем, это была самая обычная (непрочная, на плохих рессорах из тугих кожаных полос) крытая повозка из тонкой древесины. Назойливо поскрипывая, она ехала по Виа Игнации – древней Огненной дороге, построенной язычниками от Диррахия на берегу Адриатики до Византия и заново выложенной христианами от Константинополя до Салоник.

Необычным было другое – такое-то страшилище беспрекословно впустили в личные городские владения друнгария. Лишь увидев каррус издали, стражники засуетились, послали в дом гонца и скинули под стол игральные кости. Они могли бы расстроиться по поводу появления этой треклятой кареты, но, наоборот, их лица за долгие месяцы скучного ничегонеделания впервые озарили искренние улыбки, а в головах промелькнула мысль: «Мы не зря служим своему господину». Это было бы правдой, не знай они всех подробностей давней дружбы их господина с приезжим...

Карета остановилась, вздрогнув, посреди ухоженного двора, окружённого садом. Кони всхрапнули одними губами, обрамлёнными белой пеной, и, опустив головы, задремали, не ожидая, когда их распрягут и поведут в прохладные стойла.

С крыльца сошёл Лев и, подперев руками бока, проговорил медленно, растягивая слова:

– И кто к нам пожаловал? Неужто Сам?!

– Да, я! – раздалось из-за зашторенного каретного окна. – Не поверишь, уж и пожалел, что поехал! Думал, в дороге отойду в царство небесное, с тобой не повидавшись, – дверь отворилась, и показалась толстая нога в бордовой сандалии, а затем и полная фигура в богатой, сшитой из синского шёлка тоге. – Лев! – крикнул логофет. – Ты полгода не был в столице! Что-то не так? Обидел кто? Почему я сам должен к тебе ехать?

– Тебе здесь нравится, я знаю, – и друнгарий, взяв за руку тяжело дышащего логофета, повёл его в дом. – Молодец, что приехал: Михаил как раз в гостях. На пару дней вырвался к нам – родителям. Всё по службе хлопочет.

– Это правильно. О родине надо заботиться, и она ответит тем же, – примирительным тоном заметил Феоктист и дал себя увести со двора в приятную прохладу здания.

Они прошли в общую залу, где легли на обитые охлаждающим бархатом софы, и продолжили беседу.

– На последних играх, говорят, победил Сармат? – спросил Лев.

– Да, видел бы ты это!.. Красиво всех обошёл, не поспоришь, – подтвердил Феоктист. – Только он никакой не сармат... и не грек, а обычный армянин, каких пропасть по империи разгуливает... А слухи допускает вокруг себя Бог знает какие, и спрашивается, зачем они? Ну, выиграл три забега на ипподроме, так теперь что? В политику лезть? Нет, я тебе так скажу: нож под ребро его вскорости ожидает в какой-нибудь вшивой подворотне, а он обожает по ним гулять... Забудь и не переживай. Феофил, наш помазанник Божий, найдобрейшей души человек, не любит слишком

популярных среди плебеев персон. Хм, думаешь, могут возникнуть серьёзные проблемы с ним? Вряд ли.

– Я думал, ты из-за него приехал. Слухи ходят...

– Слухи слухам – рознь... Не всему стоит верить. Делать мне больше нечего, как из-за простонародных выскочек к тебе приезжать! Я просто соскучился, друг мой, – и логофет расплылся в улыбке. Про него много плохого можно было сказать, но Лев чувствовал его интуитивно и понимал: друг не предаст. Для Феоктиста, пережившего и муки, и стыд, и унижения, и предательство, и, главное, добившегося собственного признания при дворе несмотря ни на что, старая дружба – надёжный маяк и привет из прошлого, которое могло стать настоящим и будущим – та же служба, те же проблемы, то же счастье отцовства.

– Ты без сопровождения!

– Зачем мне охрана на землях, кои ты охраняешь? Я тебе доверяю!

– Феоктист, не льсти, ты не предупредил даже!

– Разбойников последних у вас ещё лет шесть назад повесили, с тех пор тишина. Как его звали? Никодим, кажется? Так кого мне бояться? Мне? Логофету... Все дороги империи мне подотчётны.

– Даже имя помнишь, да, Никодим, мясом торговал, было дело.

– Мне-то как забыть? Он же одного араба зарезал и двух итальяшек. Скверный случай. Да вот на нём я и вылез... Император оценил моё скорое искусство в поиске убийц.

В залу вошла Мария, окружённая славянскими служанками, на хитрых лицах коих читалось любопытство, хоть глаза и смотрели больше в пол, чем по сторонам. Логофет, зачастую не замечаемый женщинами, смутился и, привыкший отдавать распоряжения, оробел, но, впрочем, как человек деловой, быстро взял себя в руки. Мария была выше его мечтаний: она была прекрасна как никогда. Она желала произвести хорошее впечатление, и ей это удалось. Лишь служанки сообщили, что прибыл важный гость, как она отправилась прихорашиваться, и совершенно незря и не бесполезно: даже будучи семижды роженицей, она смогла сохранить фигуру, притягивающую взгляды мужчин. Логофет радушеествовал:

– Здравствуй, краса души моей. Да, виноват, давно не был в гостях... А вы сами? Всё по домам сидите, нет чтоб к нам в столицу на Пасху съездить... беспечальный народ! Ради такой красоты император приёму устроит в неположенный день! Мария приняла лесть как должное и жестом отпустила прислугу. Те, смущённо скособочившись, выскочили из комнаты и, громогласно захихикав в гулком коридоре, разбежались по дому.

– Ты им многое позволяешь! – сказал Лев.

– Они – женщины, – парировала по-гречески Мария, щёлкнув бронзовой застёжкой на платье, – будешь переучивать – станет хуже... Логофет, я вас давно не видела. Какой путь привёл вас в наши края?

– А путь один, – вздохнул логофет, – судьба Михаила.

Его хотят отправить на восток.

– Только не к этим язычникам! – скороговоркой выпалила Мария и присела на софу к мужу.

– Что ж поделатъ! – слишком весело произнёс логофет. – Феофил недавно вернулся из покорённой... скорее, разорённой Запеты. Это родина калифа Мутасима. Наш Феофил жестоко обошёлся с местным населением... устроил резню. Калиф во гневе. Что-то наверняка замышляет, так что без столь верных и талантливых командиров на востоке не обойтись...

Лев, хорошо знавший своеобразное чувство юмора Феокиста, потупил глаза:

– Он как раз дома. Отдыхает. Позвать?

– Ну, – лёжа на софе, деланно взмахнул левою рукою логофет, – если вас так заботит судьба сына... можно и без него.

– Ей, Белыни! – крикнула Мария живо. – Михаила зови к нам!

Михаил был высок ростом, широк в плечах. Его гордая стать совсем не соответствовала лицу, по-детски открытому, доброму, даже мягкому, и только наметившаяся морщинка над переносицей меж густых бровей выдавала его сильную волю и умение командовать.

Феокист для вида поспрашивал, как обстоят дела в Македонии, как служба, есть ли пожелания и жалобы.

Михаил постарался рассказать всё как можно обстоятельнее, думая, что логофету и правда интересно, пока тот не поднял десницу, требуя тишины.

– Михаил, – проникновенно и торжественно, как умел только он один, проговорил Феокист, – твои заслуги в усмирении славян не остались незамеченными при дворе. Я прибыл сообщить... грамота со мной... император Феофил своим высочайшим соизволением производит тебя в друнгарии с переводом во Фракию. Хотели на восток куда-нибудь, но я отговорил, – и со значением посмотрел на Льва.

Тот вскочил, радостно обнял сына, затем подмигнул жене и самолично разлил всем вина по обсидиановым кубкам. Подав кубок логофету, преклонил голову.

– Перестань, – сказал Феокист. – Мы не чужие люди.

Михаил стоял как оглушённый громом: друнгарий, а ведь ему недавно минуло двадцать три года... он слишком молод для этой чести.

– Ты это заслужил, – сказал логофет и, так и не отхлебнув, убрал кубок в сторону. – Завтра со мной поедешь в Константинополь, император лично произведёт тебя в друнгарии. А теперь ступай – обрадуй друзей.

Всё ещё не веря своему счастью, Михаил удалился.

Невыносимая жара спала, когда солнце уже висело над самым горизонтом. Его ослабевшие лучи окрашивали мир в нежные оттенки красного, порождая таинственные причуды сначала едва заметных полутеней, а потом и тяжёлых тёмных провалов.

Лев и Феоктист прогуливались по саду, чья влажность усиливала благоухание цветов.

Там же резвились Константин и дети слуг, громко смеясь и прячась по кустам, то и дело нападая друг на друга с деревянными мечами.

Философ, как обычно, вскоре отбил от остальных и присел под кустом, что-то разглядывая в кошеной траве.

– Константин! – позвал Лев и добавил, обращаясь к Феоктисту. – Он постоянно один. Постоянно за книгами. Постоянно бормочет под нос что-то невнятное... Я ему сокола дарил три года назад. К охоте приучить хотел. Думал, пусть к делу приучается с малолетства, а подрастёт, друзьями обзаведётся, так вместе охотиться будут. Оно ж не просто развлечение, сам понимаешь. Друзьями в азарте становятся... Так он сокола упустил. В первый же день. Так расстроился... Сказал, что пытался поговорить с ним, представляешь? Птицу несчастную замучил. Эх!.. Вот и сел за книги потом. Я в его года и десятой части не прочёл...

Константин послушно подошёл к ним и поздоровался с логофетом. Тот с любопытством разглядывал мальчика и находил его необычным. Вкрадчивый умный взгляд, словно смотрел сквозь. Грязные, испачканные землёй пальцы сообщали о спокойствии их владельца: они не теребили тунику. Высокий лоб выдавал самостоятельность и самобытность мыслей. Логофет впервые увидел ребёнка, который уже был вполне взрослым.

Какие игры со сверстниками?!

– Что ты там разглядывал? – спросил Лев.

– Жука, – просто ответил Константин, – он такой крупный!.. и забавный.

– Ты разговаривал с ним? – спросил Феоктист.

– Нет, – глянув мельком на отца, ответил мальчик, – я его слушал. А он только крыльями жужжит... бессмысленно. Зато красиво.

– Хм, знаешь что? – свёл брови логофет и продолжил. – А вышлюка я тебе подарок из столицы. Тебе должно понравиться: и красиво, и со

смыслом. Ступай.

Когда мальчик отошёл от них, Лев поинтересовался:

– Что ты ему хочешь подарить? – немного настороженно.

– Книгу, – ответил Феоктист отрывисто. – Просто книгу, – и, задумавшись, замолк.

Уже через неделю Константин под грузом восторженных взглядов домочадцев стоял на коленях перед обитым красным бархатом ларцом с золотыми ободками. Щёлкнул замок, и Философ осторожно приподнял крышку. Внутри лежала книга. Не тот свиток, что запросто можно взять в городской библиотеке или попросить у отца, а настоящая книга, подлинное сокровище. Произведение искусства писца, выдельщика кожи, ювелира, художника. Фолиант, стоящий целое состояние. Такие держат в домах под замком и показывают разве что дорогим гостям. Читают ли? Разве что с благоговейным трепетом и крайней осторожностью, дабы ничем не испортить книжную красоту.

Михаил, только что вернувшийся из столицы и доставивший ларец с дорогим подарком, засмеялся:

– Даже я не знал, что тебе везу от логофета! Он сказал, что в ларце нечто значимее, чем моё назначение в друнгарии! – он был под впечатлением от аудиенции у императора и от своей новой должности, что, впрочем, не мешало ему разделять чужие радости.

Константин же вынул книгу и с трудом положил её на стол: так она была тяжела! Переплёт из телячьей кожи, серебряная пряжка и серебряные же двойные лямки крест-накрест, инкрустированные драгоценными камнями. Открыв книгу, он провёл ладонью по гладкой странице свежего пергамента, украшенной около рисунками, вплетёнными в орнамент из красных, синих и жёлтых полос. Страница оказалась прохладной. Философ стал читать. В книге были написаны стихи, стихи Григория Богослова.

* * *

Двери константинопольской школы ритора были всегда открыты перед логофетом. Феоктист не мог этим не пользоваться и частенько приходил к родным пенатам, давшим ему путёвку в жизнь. Здесь он не просто беседовал с преподавателями, а заручался поддержкой, плёл интриги, сводил нужные знакомства, как свои, так и своих сторонников. Став логофетом, он пристально следил за учебным заведением: за преподавательским составом (кто благонадёжен, кто нет), за своевременным финансированием (чтоб было достаточно щедрым, но соразмерным с реальными

потребностями). За казнокрадство и инакомыслие сурово карал, умело балансируя между наглостью и осторожностью: вероломностью властвовавших иконоборцев во главе с императором и хитростью иконопочитателей под тайной эгидой императрицы. Религиозные взгляды имели прямое отношение к личностям учёных: ни один из них не мог преподавать, пока досконально не выучит богословские теории и не докажет своё к ним отношение (за ярую приверженность к иконам логофет вынужден был наказывать, а за иконоборство – наоборот). Но на деле всё оказывалось несколько иначе: главное, чтоб почитатель икон не заявлял о своих воззрениях во всеуслышание, а иконоборец не увлекался своими мыслями по поводу и без и не впадал в ересь, не отрицал современного порядка вещей и, конечно же, выступал за политику, проводимую императором, а подчас и логофетом. Феоктист старался учитывать всё, что мог, всегда извлекая выгоду из разногласий между соперниками по византийской вере.

Любил Феоктист и поприступствовать при учёных публичных спорах – диспутах. На них оттачивались как мастерство риторики, так и гибкость ума. Победители споров обзаводились авторитетом, а заодно и своим мнением, и потому их нужно было загодя привлечь на свою сторону, если таковое представлялось возможным, в противном случае логофет считал своим долгом перед империей устранить плевелы.

После очередного диспута, под шум слушателей и участников одного, логофет поманил за собой Льва Математика, одного из своих верных сторонников, и удалился с ним в пустующую комнату, плотно прикрыв тяжёлую дверь. Здесь когда-то располагался его личный кабинет, но прошли годы, Феоктист пошёл на повышение, а комнату так никто и не занял.

– Лев, – сказал Феоктист, отходя к окну, – чует моё сердце недоброе... Император неистовствует, Варда молчит, войска в замешательстве.

– Что ты имеешь в виду? – не понял учёный, по привычке сощурился глазами. – Захват Амория?

– Тихо, – сказал логофет и тяжело оперся о стену. – Говорил я Феофилу, предостерегал... Нет, напал на Запетру, родину калифа... арабы никак не ожидали. Там и войск-то не было, только гарнизон небольшой. А у нас в кои-то веки стотысячное войско. Лёгкая добыча! Просто избиение младенцев... А теперь что?.. Калиф поклялся отомстить и захватил Аморий... По иронии судьбы – родной город нашего императора... Ха- ха... Феофил едва спасся. Такого поражения мы не знали с их вторжения на Крит.

– Война идёт с переменным успехом далеко не первый год, – возразил Лев Математик, не слишком искушённый в политике и не понима-

ющий, что так встревожило Феоктиста.

– Война, может быть, и да – с переменным, – сказал тот, – а вот здоровье императора не должно быть переменным. Он и так постоянно рискует головой в сражениях.

Лев Математик присел на стул, провёл пальцем по пыльной столешнице:

– Что с Феофилом? – и уставился на серую от пыли подушечку указательного пальца, дунул. Пылинки не разлетелись.

– Утром его свалил недуг. Думаю, из-за сильных переживаний. Император хоть и молод, а вдруг милостью Божью помрёт? Что дальше? Варда что-то замышляет...

– Да сколько можно! – почти перейдя на крик, вскочил Лев Математик. – Варда умён и достаточно благоразумен. Вполне приличный человек, а ты весь в подозрениях! Подумай лучше о персе...

– Перс-перебежчик Феофоб популярен в народе как никогда. К нему сейчас не подступиться. Он же главнокомандующий. Но это его и погубит. Потеря Амория... Империя такого не прощает. Пусти слух в народ. Пусть плебс сам отыщет виноватого. Будем надеяться на выздоровление императора. Но пока он болен, Варда силён...

За дверью раздался протяжный тихий хруст. Феоктист вздрогнул и выжидающе воззрился на неё, а Лев Математик ослабилась.

– Фотий! – крикнул учёный, обернувшись на звук, – я знаю, ты подслушиваешь!

Дверь с раздражающим скрипом отворилась, и в комнату вошёл молодой человек, победивший в сегодняшнем диспуте.

Логофет ухмыльнулся:

– Лев, ты меня боишься? К чему шпионы?

– Я всех боюсь. А тебя в особенности, – спокойно ответил Лев Математик. – Верные люди всегда рядом. А этого и просить не надо: сам пролезет, куда угодно, ради родины. Ну да любопытство – не порок, ведь так?

Логофет с интересом разглядывал вошедшего. Среднего роста, болезненная худоба, синева под глазами. Чёрная лоснящаяся накидка поверх бежевой недорогой тоги. Мягко-карие глаза смотрят и хитро, и смущённо, словно выискивают нить Ариадны в темноте.

– Давайте вас познакомлю! – сказал Лев Математик. – Это – Фотий. Мой ученик. Моя школа. Очень одарённый. Бог милостив к его разуму. Уверен, его ждёт... блестящая карьера... А это – наш логофет дромы Феоктист. Ну да ты про него знаешь и так достаточно. Как ты слышал, ему нужна наша помощь.

– Сколько тебе лет? – надменно выпалил Феоктист, как привык общаться с подчинёнными, но поджав губы, словно от обиды. Логофет пребывал в замешательстве, не зная, чего ожидать, а таких ситуаций он не любил. Не клеился разговор с учёным.

– Восемнадцать, куратор, – ответил Фотий и уставился в пол.

– Я подумаю над твоим предложением, – сказал логофет Льву Математику. – А ты помни про императора... и Варду, – и быстро удалился, хлопнув дверью. В считанные мгновения он для себя многое понял и на многое решился.

Повисла тишина. Фотий поднял взгляд и тихо спросил:

– Что произошло?

– Я продал тебя подороже. Феоктист хитёр. Он всё смекнул. Мы ему окажем поддержку, когда понадобится... Если понадобится... А ты, думаю, вскорости получишь назначение. Как-то так... Не будь я – Математик.

Но он ошибся, совсем немного. Феоктист действительно был хитёр.

Буква вторая БОУКЫ

1. (Весна – лето 839 г.)

*Полагая, что в этой находке есть нечто божественное,
наученный овцою состраданию, Дриас взял девочку на руки,
положил памятные приметы в кожаный мешок,
и, обращаясь к Нимфам с молитвой, просил,
чтобы они послали ему счастья за его заботы о маленькой их дочке.
«Дафнис и Хлоя», Лонг (перевод Д. С. Мережковского)*

Одним весенним ранним утром, лишь только первые лучи пробрили фиолетовую мглу над холмами полуострова Халкидики, Никита-скудоумец выбрался из-под рыбацкой лодки и направился к торговым докам. По пути он то и дело заходил приступами кашля, отхаркивая рыжую мокроту на прибрежную солёную гальку, или же чихал, содрогаясь всем своим тщедушным тельцем. Прожил он уже полвека, но мутное сознание не позволяло ему припомнить что-нибудь важное из своего прошлого. А то, что он помнил, не вызывало отклика в его душе. Зато он наслаждался каждым мгновением настоящего и любил свою жизнь, как ни один вельможа. Кормился он обычно на базаре или у монастырей. Священнослужители всегда его привечали, а простолюдины почитали его за блаженно-го, ценили за доброту и побаивались.

Ступая босыми ногами по неструганым доскам причала, Никита-скудоумец непрестанно поглядывал в сторону пустующих торговых лотков. Скоро уже проснутся люди, и жизнь закипит. Местные торговцы откроют свои лавки, а заморские и иноземные перекинут мостки на причал, отопрут трюмы и понесут товары на прибрежную базарную площадь, занимая лотки согласно договорам.

В желудке заурчало, и дурачок спустился на площадь. Может, что-нибудь осталось со вчера? Рыбий хвост или краюха хлеба? Может, завалилось что-нибудь в пыли, немного подгнило, а те и побрезговали? Примерно так он думал, бродя среди утреннего запустенья. Тишина, слышны были птичьи переключки да шум прибоя, настолько привычные, что Никита-скудоумец и не замечал их.

Вдруг раздались истошный детский крик и невнятное разногोलосое ворчанье. Никита обернулся на переполох и увидел, как свора собак терзает девочку. Собак восемь, у них ещё не кончились свадьбы, и в брачном экстазе они потеряли рассудок. У двух морды в свежей крови. Кровь соперника или, не дай Бог, этой самой девочки?

Никита бросился к ним, оторвав от лотка палку, не ведая, откуда взялись силы.

– Черти! Но!.. Собака, во грязи адамовой виноватая! Пошли, черти! Волосатые шкуры! – с такими криками он разогнал стаю. Получив палкой, те быстро ретировались, забыв про девочку – такую лёгкую добычу. Они боялись взрослых, пусть и скудоумных, признавая их превосходство. Никита оглядел девочку. Та плакала. Туника, и без того годившаяся разве что на тряпку, была окончательно разорвана, на руках и ногах алым расцветали укусы, по лодыжке струилась кровь.

– Ангел! – сказал Никита-скудоумец, – претерпи, пойдём со мной. Глаза ангела. О, я вижу!

Девочку бил озноб. Никита с трудом поднял её на руки и, громко сопя и шатаясь, понёс её в город.

Никита-скудоумец постучал в двери монастыря. Здесь его частенько привечали. Сердобольная сестра Анастасия ему особо покровительствовала, бывало, что даже в пост выносила куски мяса, полагая, что чистой его душе от того хуже никак не будет, а плоть его поддержит.

При виде испуганной, окровавленной девочки монашки переполошились. Охая, всплескивая руками, увели её в тёплую комнату и обмыли раны.

Сестра Анастасия расспросила дурачка и поблагодарила. Он говорил сбивчиво, но про собак она сразу поняла. Она накормила его и, дав с

собой хлеба, отпустила, истово перекрестив. Девочке остановили кровь и смазали раны. У неё начался жар и бред. Почти весь день она металась по кровати. Сестра Анастасия не отходила от неё несколько суток. Когда девочка пошла на поправку, монахиня расспросила её, кто она и откуда. Оказалось, что местная, а зовут её София. Мать Софии умерла два месяца назад от зимней хвори, приходящей каждый год, а отца уже давно не было, так что жили они впроголодь, а по смерти матери так девочка и вовсе оказалась на улице: родственники не взяли к себе, а хижина отошла соседу.

Сестре Анастасии понравилась эта худенькая, миниатюрная девочка. Софии было десять лет, но выглядела она сушим ребёнком. Добрая, доверчивая и боязливая, она, сама того не подозревая, разбудила в монахине материнские чувства, и та взяла её под своё крыло.

Решено было оставить Софию в монастыре в качестве одной из воспитанниц.

Приближалось лето. Константину на занятиях становилось всё скучнее: он заранее прочёл большую часть изучаемых курсов, и ничего нового для себя не открывал в ставших тесными стенах. Интересовало его в это время другое – поэзия...

Стихи Григория Богослова произвели на Философа, ещё ребёнка, неизгладимое впечатление. Написанные гекзаметрами, подобно великим творениям древности, они несли христианские наставления и поучения, одаривая мудростью – житейской и церковной. Вечерами он их заучивал наизусть, читал и думал, что божественное когда-нибудь возьмёт верх над мирским. Вселенная представлялась ему прекрасным зданием, храмом, непостижимо величественным, отражающим всё величие его архитектора. Под куполом этого храма звучала речь, и пусть разноголосица была наказанием за гордыню, за попытку строительства чего-то столь же величественного – Вавилонскую башню, всё же и эта разноголосица была Его творением, а значит такой же прекрасной, как и всё здание, такой же значимой, как часть Его Замысла. Всё в мире имеет красоту и значение. Всё подчинено единой воле, и нет ничего лучше, чем служение ей. Но слепо служить – не для мудрых людей, нужно постигать, не оскорбляя праздным любопытством, но благоговей перед грандиозностью храма, который и есть – весь мир.

– Воля Его превыше всего. И мы не можем знать до самого конца, чего Он хочет. Но мы знаем, что Его воля – благая воля. А посему выполняем её и следуем Завету. Мы служим ему ревностно и искренне. Мы открыты сердцем и чисты помыслами нашими. И мы несём разум, но

отвергаем его, ибо знание несёт искушение. Нам подобает быть вдвойне осторожнее, – так сказал ему после очередной воскресной исповеди святой отец.

– То есть, знание – зло?

– Нет, но так повелось от Евы, что знание и искушение ходят рука об руку. Чем больше знаешь, тем больше встречаешь искушений, так что нужно остерегаться разума своего и уповать на ниспосланные озарения. Почитай книги, написанные под озарением людьми святыми и праведными.

Философ последовал совету и взял в библиотеке теологические труды Григория Богослова, чтоб лучше понять его стихи.

При виде такого вечернего чтения Лев только почтительно крякнул.

– Не рановато ли, Константин? – спросил он сына.

– Всё лучше, чем школьные свитки, – деловито ответил тот, конечно, многого он не понимал, но не мог признаться в этом. И была ещё одна трудность: некоторые вещи Григория Богослова, как оказалось, написаны на латыни, которой Философ не знал, о чём и сообщил отцу.

Лев улыбнулся, его развеселила показная взрослость ребёнка. Он не захотел ей подыгрывать, но проникся ею и ответил на полном серьёзе:

– А знаешь, к нам в город человек приехал. Известный учёный муж, к тому же латинянин. Я устрою тебе с ним беседы, может быть, даже уроки, – и стал задумывать окружавшие кровать свечи.

Но затея с приезжим учёным, к огорчению маленького Философа, провалилась.

Филипп Андрианопольский, знаток латыни и римского права, наотрез отказался от образовательных бесед: плата совсем его не заинтересовала, а строгий взгляд друнгария не возымел действия.

– Я удалился из столицы, чтоб побыть в уединении, а не учительствовать, – мягко, но настойчиво ответил он Льву. На то имелись веские причины, о коих Филипп стеснялся распространяться: на последнем диспуте его наголову разбил Фотий, молодой, но довольно известный учёный, виртуозно жонглирующий фактами и логическими выводами. А проиграв и уйдя с позором, он, как человек редкого благородства, решил, что просто не имеет права кого-либо учить после подобного.

Но Философ уже загорелся: ведь в школе не преподавали латинский язык, а в библиотеке он видел так много римских свитков. Конечно, алфавит он изучил и мог уже читать, но большая часть текстов оставалась для него просто набором букв. И Константин подговорил Агапия узнать,

где живёт Филипп Андрианопольский, и проводить его туда.

И вот, подкараулив учёного у дверей, когда тот уже собирался войти в дом, Константин подскочил к нему и схватил за рукав туники.

– Вы же можете! Научите меня! Хотите? Хотите, я отдам вам свою часть отцова наследства? Мне не жалко!

Филипп от неожиданности отшатнулся, но, увидев, что перед ним просто отрок, улыбнулся и потрепал его по волосам.

– Так это ты сын друнгария, значит? Учёным быть хочешь?

– Мне интересно учиться, – не то подтвердил, не то опроверг Философ.

Мужчина увидел Агапия, безмятежно попинывающего камешки, и сразу смекнул, что это сопровождающий, кивнул, мол, подходи.

– Тогда тебе надо в Константинополь. В школу ритора.

Она лучшая во всём божьем мире.

– Нет, – вдруг ответил за мальчика Агапий. – Б-большой город д-далеко. И люди там з-злые. Хозяин его н-не отпустит.

Филипп пристально посмотрел на раба, потом перевёл взгляд на мальчика. Константин утвердительно шмыгнул носом. Был такой разговор со Львом.

– Что ж, твой отец прав, – помрачнев, ответил учёный и жестом пригласил их войти в дом.

Оказавшись внутри небольшой полутёмной комнаты, пропахшей кислым козьим молоком и горелым маслом из лампадок, они сели на циновку у окна.

– Итак, что же ты хочешь изучить?

– Латынь... и иврит... и много чего...

– А что ты читаешь сейчас, для себя?

Философ признался, что пришлось ему по нраву стихи Григория Богослова, и что он знает их уже наизусть.

– А сам?

– Что сам?

– Пишешь?

– Да, – Константин смутился. – Как вы догадались?

– Читай.

И Константин прочитал своё лучшее стихотворение, созданное в стилистике поэзии Богослова:

– Ты человек, о, Григорий, телом своим, но душою – ангел!

Быв в человеческом теле, явил себя ангелом с неба!

Что серафимы, уста твои славят Бога

И просвещают учением правой веры.

Так же прими и меня с любовью и верою,
Стань мне учителем и просветителем также!

...Ушёл Философ от Филиппа окрылённый, хоть и отказал учёный в уроках. Но впервые Константин почувствовал поддержку и одобрение со стороны и впервые поставил перед собой цель: поступить в школу риторика. Но для этого надо было ещё учиться, ведь это учебное заведение как выпускало, так и выпускало только самый цвет нации.

Больше они не виделись.

Наступило лето. Именитое семейство Льва переехало на загородную виллу, окружённую виноградниками, перелесками и оливковыми рощами.

На природе Константин и дети прислуги резвились, как только могли, фантазируя и выдумывая шалости. А сельская жизнь сама к ним подстёгивала: столько места, где можно укрыться от взрослого надзора, придумать свой мирок, создать свои правила игры, в которой примут участие многие: и рабы, и крестьяне, и просто случайные путешественники – торговцы или артисты. Если последние – то праздник особый.

То затеют шуточный поход в неведомые дали – за край владений, заплутают там среди деревьев, влекомые нимфами, разведут костёр, познакомятся с местными, что придут на огонь, и станут слушать, а подчас и рассказывать какие-нибудь жуткие истории про духов, мертвецов и привидений.

То задумают шалость в оливковой роще, дразня работников и с громким улюлюканьем ломая деревья.

Но самое интересное происходило на виноградниках: отвлекая внимание рабов и вольнонаёмников, набирали неспелых плодов и скармливали их в тайном месте, а потом всей гурьбой босыми пятками топтали полупропавшие виноградины в деревянном корыте и, смакуя, пили, не столько пьянея, сколько больше представляясь между собою.

Константин так же проказничал, бегал и смеялся, предавшись детским забавам и позабыв об учёности. Его уже не волновали латынь и хитросплетения богословских премудростей, мысли о божественном храме и его красоте. Он окунулся в эту самую красоту с головой, ни о чём не задумываясь. Но иногда между затеями он заводил разговоры о чём-нибудь интересном и необычном, подталкивая старших приятелей уподобиться Михаилу, который так владел искусством разговора и был великолепным рассказчиком. Далеко не всегда Константин находил отклик, заводя сии разговоры и рассказывая истории. Сам ещё не осознавая, он подражал Михаилу – и в открытости, и в манере повествования. Он говорил про Божественный промысел, про грех слепого знания, про многое, касающееся

своих наблюдений за людьми.

Только одного он не говорил никому: того, что ему нравится смотреть в сторону колодца, к которому ходят с кувшинами девушки. Философ с младенчества знал о любовных делах: служанки, говоря с матерью, ни капли его не смущались, да в их среде это было и не принято.

Философ не мог противиться природе и часто ходил к колодцу. Затаив дыхание, смотрел и думал о себе с некоторой долей отвращения. Он знал многое, но не понимал, что превращается в юношу, и не представлял, какие бури приносит сей возраст.

2. (Весна – лето 839 г.)

ДИОНИС

*Не надо лучше! Всякий раз, как вижу я
В театре эти штучки знаменитые,
Иду домой, на целый год состарившись.*

КСАНФИЙ

*Чтоб ты свернулась, шея злополучная!
Вся в синяках, а пошутить не велено.*

«Лягушки», Аристофан (пер. А. Пиотровского)

Вечерело. Сырой воздух пробивался в походную палату друнгария и стелился исчезающим туманом. Михаил повёл плечами и оторвался от карты.

На местный тракт повадились разбойники. Они приходили с болгарской стороны и грабили всех без разбору: и торговцев, и крестьян. Нескольким человек были убиты, а кто-то, проехав по дороге, не оставлял о себе даже памяти: ни трупа, ни повозки, словно все проваливались сквозь землю.

Надо было навести порядок, но что делать, Михаил просто не знал. Разбойники что ветер в поле – не отыщешь. И приходилось ждать и выезжать конным дозором в надежде на них наткнуться.

Михаил свернул карту и хотел было пойти к костру погреться, как огонь в светильнике взметнулся, едва не погаснув, открылся полог, и показалась голова стражника:

– Там гости.

– Задержать, – с готовностью сказал друнгарий и вздохнул. Может, это они.

Он вышел на свежий воздух и спустился к дороге.

Его люди остановили две повозки и переговаривались с приехавшими.

– Что там? – спросил громко Михаил и приблизился к ним.

– Говорят, из Константинополя. От императора. А сами оборванцы. Смех! – весело доложил Алексей, правая рука Михаила.

– Вот, – сказал возница, подойдя к ним, и протянул кожаный чехол, снявши с веревочки на шее.

Михаил взял его, раскрыл и выудил двумя пальцами свиток пергамента, пробежал тот глазами.

– Значит, музыканты странствующие?

Возница кивнул.

– Осмотреть повозки, – скомандовал друнгарий, возвращая документ и чехол.

– Они по-гречески не разумеют, – сказал возница. – Совсем ни слова. Дикари какие-то. Но императору уж больно понравились. Они во дворце у него выступали. Вот, мне поручили их доставить в Венецию и сбыть на руки послу Феодосию.

– А где охрана?

– Музыканты же, а не вельможи. Меня одного отрядили, да вот грамотку дали.

К костру вышли с десяток человек, в штанах, рубахах, меховых накидках. Две девушки, три парня, остальные старики почти. Все статные, старики длиннобородые.

– Всё чисто. В телегах нет ничего подозрительного, – доложил Алексей. – Разве что арфы странной конструкции...

– Хорошо, – сказал Михаил, – переночуют с нами. Так им же безопаснее будет. Эй, переводчик!

– Я перевозчик, – парировал возница смущённо. – Я не понимаю их языка.

Друнгарий подошёл к музыкантам и указал на костёр. Те благодарственно кивнули и заговорили меж собою. Михаил удивлённо приподнял густую бровь: говорили они на славянском, немного непривычном для его уха, но вполне понятном.

– Вы есте родомь из коих земель? – спросил он на языке, на котором привык общаться с матерью.

Теперь музыканты удивлённо посмотрели на Михаила. Они проехали пол-империи, но впервые встретили военного, который бы заговорил на их языке.

– Мы из северных земель есм, – сказал старший. – Зовем ся русь. Зело далече отсюда мы живем. У студеного моря в дрягве и в лесах. Играем гусли да поем. Велес в помочь.

– Поите нам, – попросил Михаил и обратился по-гречески к Алек-

сию. – Пусть подадут ужин. Всем пора поесть. И музыкантов накормите. После послушаем северных песен. Славяне они, только не местные.

Учтиво кивнув, Алексей пошёл отдавать распоряжения насчёт ужина.

– Мене нарекли суть Неждан, – сказал славянин. – И те – Белян, Лют, Бос... Снежена.

Уже ночью, когда природа смолкла, и разве что ветер шелестел по листве, над лагерем раздались первые пробные звуки гуслей. Потом они стали уверенней, упорней, и старик запел. Только Михаил и знал, о чём песня. Словно для него одного она разливалась по холмистому лесу. О славном походе до Иньского края и об охоте в родных лесах.

Потом пели и девушки, и юноши, а Михаил удивлялся: живут так далеко, а говорят понятно. Чуден мир Твой, Господи, подумал друнгарий и поймал взгляд Снежены. Девушка потупила взор. «Я ей понравился, – подумал Михаил, – надо будет с ней поговорить... наедине, если позволят».

В конце месяца Иуния, сразу по дне святых апостолов Петра и Павла, завершив неотложные дела в монастыре, сестра Анастасия объявила о своём намерении поехать в монастырские уголья, чтоб лично проверить, как идут дела на полях и в плодовых рощах. Истинным её намерением было поправить здоровье подопечной Софии, которую она брала с собой. Никогда прежде сестра Анастасия не изъявляла желания посещать монастырские земли и вдруг загорелась, стала только и говорить о необходимости личного присмотра. Впрочем, сёстры не удивились, да и не стали осуждать: всем нравилась тихая прихрамывающая девчушка со спокойным и добрым взором, болезненно-слабая и худая. Её выхаживали всем монастырём, но пища была скудная, стены изъедала пахучая плесень, а из подвалов несло сыростью. В таких условиях сложно было поправиться, и монахини сочувствовали новенькой воспитаннице. Сестра Анастасия отдала последние распоряжения по хозяйству, переложив обязанности на сестру Евсигнию, свою близкую подругу и поверенную, собрала в келье необходимую одежду и утварь и отправилась на кухню за продуктами в дорогу.

Софии собирать было нечего: одно шерстяное рубище да тонкая льняная рубаха до пола, которые ей выдали, – вот и все пожитки. Ходила она вообще босиком – сандалии должен был сделать мастер, живущий неподалёку, но он не торопился. Ножки ж Софии были настолько крохотны, что обычная обувь сверстниц была ей велика.

Каждую неделю воскресеньем София видела у задней калитки мо-

настырской ограды Никиту-скудоумца. Сестра Анастасия выносила ему пищу, а блаженный садился на землю под забор и ел, старательно подбирая сыплющиеся крошки и облизывая грязные пальцы. Первые разы София только наблюдала за ним издалека, а однажды осмелилась и подошла. В тот раз он схватил её за руку и поцеловал в щёку, оцарапав бородой. Она, испугавшись, отпрянула и заплакала, спрятавшись за покровительницу. А блаженный сказал:

– Я вкусил от рук ваших, а не от дерева, но не мяса мясникова, а плодов кузнецовых.

Софию словно ожгло, она покраснела, резко дёрнулась и заковыляла в сад. Потом вечером долго не могла уснуть, всё ворочалась на жёстком ложе и вспоминала прошлую жизнь: почти забытый образ отца, хворую мать, тихое шествие на кладбище. Когда ж уснула, ей привиделась толпа людей – родственников, соседей, – злобно кричавших: «Ты не наша! Иди прочь!». Они кричали, носы их постепенно вытягивались, лица покрывались шерстью, слова становились всё неразборчивее, превращаясь в лай, и вот – перед ней стая голодных, обезумевших собак, готовых разорвать её на кусочки. Собаки приближаются, но тут появляется Никита-скудоумец, такой же голодный, обезумевший, но способный защитить... София проснулась, осмотрелась в темноте по сторонам и ощутила, как благодарность теплотою стала расплываться в её груди.

С тех пор она перестала бояться Никиту и даже с нетерпением ждала, когда он придёт. Несколько раз она сама выносила ему похлёбку и сухари и давала из рук в руки, а тот ел, причмокивал и искоса на неё поглядывал. Помнил ли он, что спас её, для Софии было неважно, главное – она помнила, а он... как всякий блаженный помнил лишь то, что Бог велел. София прониклась к нему и полюбила. Покровительница девочки обрадовалась перемене, про себя отметив, что той стало лучше, и что природная доброта берёт верх над страхом и брезгливостью: не для них она готовила свою подопечную. В день отъезда София выглядывала в окно: вдруг подойдёт, она просила об этом, чтоб попрощаться, едут-то, возможно, надолго. Но Никита-скудоумец не пришёл. Ни в обычное время с утра, ни к полудню, как появлялся изредка. Что-то с ним случилось или просто забыл? Она уже поняла, что его мутное сознание плохо удерживало в памяти последние события. Девочка грустнела.

– Пора ехать, – позвала сестра Анастасия, заглянув в общую спальню послушниц, куда не так давно перевели Софию, как только та немного окрепла, – всё готово.

София вздрогнула и обернулась от окна. Сердце заколотилось. Ещё никогда она не покидала Салоники дальше, чем на пару римских

миль вдоль побережья.

Дорога оказалась скучной. Муторное сидение на смоляных досках, покрытых колючей соломой, скрип наспех смазанных колёс, непрямой и раздражающий, постоянная трясучка на мало-мальских кочках и на камушках, то и дело попадающих под колёса. Поначалу София вглядывалась вдаль, любовалась морем и зелёными холмами, поросшими лесом, но гнетущая духота с тяжёлыми запахами дорожной пыли, лошадиного пота и разнотравной пыльцы сделали своё дело, и её сморил нездоровый, обморочный сон. Попечительница намочила ей лоб ободряющей уксусной водой и легла рядом, обняв девочку. Вскоре София очнулась.

Заночевать пришлось единожды. Возница свернул с дороги и остановил телегу на лугу у жалобно журчащей речушки. Стрекотали цикады. На ярко-фиолетовом небе загорелись созвездия. София за день утомилась. Тело болело. Вены на ногах пульсировали, мышцы ныли, занозам на ладонях не было числа, подстеленная солома исколола всё тело.

Наскоро перекусив и попив прохладной свежей речной воды, решили укладываться спать: сестра Анастасия с Софией в той же телеге, а возница – мужчина молчаливый и тощий – на траве подле пасущихся на колышке коней, коих распрягли и отправили кормиться.

Ближе к полуночи Софию и сестру Анастасию разбудил шум с дороги: то ехали бродячие артисты. Их повозки двигались в ту же сторону, что и монастырская телега. Три повозки людей и ещё три – скарба и барахла, необходимого для представлений: коробки, сундуки, ткани, разобранные декорации и помост, лебёдочные механизмы и многое другое. Вся процессия была ярко освещена факелами, шумела, гудела. Девушки с задорным хохотом выскакивали на ходу из телеги, чтоб заскочить в другую. Вооружённые мужчины ехали верхом: одни сзади, другие спереди. Все переговаривались между собою, смеялись. Радость окутывала их недлинный поезд.

Маленькая София проснулась, с испугом выглянула из-под навеса и, поняв, кто перед ней, невольно заулыбалась весёлости и безмятежности актёров.

Караван остановился на привал поодаль от монастырского лагеря. Бродячая труппа занялась хозяйством: разожгли костры, стали готовить ужин.

– Лежи смирно! – сказала громким шёпотом сестра Анастасия, когда София, внимательно разглядывающая артистов, заёрзала. От реки раздался храп возницы. – И ты тоже!

Одна из актрис, взяв с собой корзинку с зелёными, совсем кислыми, но ароматными яблоками, пошла к одиноко стоящей телеге, в которой

лежали послушницы.

София, сама себе не отдавая отчёта, выскочила из телеги и, припадая на правую ногу, побежала навстречу женщине.

– София! – крикнула сестра Анастасия, и девочка замерла, словно наткнувшись на невидимую преграду.

Услышав голос, актриса остановилась. А потом медленно подошла к телеге, взяв за руку девочку.

– Давайте познакомимся, – сказала актриса спокойно. – Вот яблоки. Я угощу ребёнка?

– Уйди, – сказала монахиня, чувствуя охватывающую злость, – лицедейка!

София поняла, что сестра Анастасия чего-то испугалась, но чего именно?

Актриса медленно отпустила девчушкину руку и резко бросилась бежать к своим, нарочито громко и неестественно засмеявшись. Космы её волос и широкую юбку стал метать ветер.

Сестра Анастасия, нервно дрожа, перекрестилась и смачно сплюнула.

– Иди сюда, – монашка заключила девочку в объятия, – не смотри на них. Дьявольщина это всё. Не подходи к дурным людям. Забудь, – и принялась гладить её по голове.

Наутро же никаких актёров с повозками они не увидели: те уехали чуть свет, оставив после себя лишь чёрные пятна кострищ.

Софии казалось ночное происшествие сном, пока монахиня не сказала:

– Это были плохие люди. Ночью. Они лицедействуют. А лицедейство противно воле Божией. Нельзя изображать, понимаешь?

– Понимаю, – простодушно ответила София, согласно кивнув головой. Она даже не подумала над словами покровительницы, однако запомнила впечатление от вчерашних проезжающих мимо жизнерадостных телег. Радости до того она почти не знала, а потому ночью поддалась неизвестному чувству. Теперь же сердце её защемило. Тёмная фигура актрисы в неверном свете факелов и ночных светил, яблочный запах из корзины преследовали девочку ещё пару часов, стоило закрыть глаза – и картинка перед тобой. Благо, монахиня о том не подозревала.

К полудню, даже немного раньше, их телега въехала в деревушку.

Сестра Анастасия там устроила переполох: никто не ожидал проверки. Местный священник забежал, сначала недовольный и растерянный, но потом великоважный, организовывая их житьё-бытьё и отдавая распоряжения сельским надзорным.

Монахине и её подопечной выделили уютный домик чуть в стороне от остальных, но в наиболее живописном и удобном месте: среди кустов, растущих на берегу ручья.

Пока сестра Анастасия наводила порядки, София, позабытая всеми, решила осмотреть окрестности. Она спустилась от посёлка до речушки и бережком по кустам вышла на поляну. Здесь расположились бродячие артисты, вместе со всеми своими шестью повозками. По берегу паслись лошади, без привязей и колышков, отпущенные на волю, а кругом резвились дети и подростки. Одни местные, крестьянские, судя по бедной одежде, и несколько явно – городские, в плащах поверх туник. Взрослые в стороне сооружали помост. Один из них, страшный старик со шрамом на щеке, пристально воззрился на девочку. Софии стало не по себе, когда он пошёл к ней.

Губ Софии коснулась испуганная улыбка, а сама она словно вросла в землю.

Старик присел на корточки и взгляделся ей в лицо.

– Т-ты откуда? – спросил, прищутив глаз над шрамом.

Софии вдруг захотелось расплакаться, то ли от страха, то ли ещё от чего. Сердце трепетало, а дыхание перехватывало.

– Агапий! – звонко раздалось. – Это кто?

– Не знаю, – поднявшись, ответил старик. – Может, бродяжка? Всех местных я много лет знаю.

К ним подошёл темноволосый мальчик с блестящими карими глазами. Их лучащаяся доброта успокоила Софию.

– Константин, – представился мальчик. Повисло молчание. – Агапий, наверное, ты её пугаешь...

Старик проворно отскочил и присел на край ближайшей телеги.

София смутилась и выдавила шёпотом:

– София.

К ним подошла актриса, та самая, ночная гостья.

– Елена, она лицо где-то умудрилась запачкать. Умой её да угости чем-нибудь, – сказал Константин. – Потом расспросим, кто да откуда...

Философ вернулся в компанию и, как ни в чём не бывало, засмеялся:

– А кто на запруду купаться? Представление только вечером!

И ребягня с гамом скрылась в зарослях. Страшный старик Агапий, кряхтя, но не смея ворчать, побежал за ними.

Вдоволь наплававшись в озере у мельницы, озорно поругавшись с её работниками, ребята отправились обратно. Скоро начнёт вечереть, а значит, надо успеть на выступление и, желательно засветло, домой.

Бродячие артисты установили помост, многие ходили ряжеными.

Сия труппа приезжала каждый год, а за это лето и вовсе аж второй раз: наткнулись в пути на беспокойный район и повернули обратно. Константин хорошо знал артистов и любил их представления. Так и сейчас, снедаемый любопытством, предвкушая зрелище, полное уморительных шуток и жутких трюков, он, смешавшись с сельской ребятнёй, стоял перед сценой и восторженно озирался вокруг.

Константин поискал глазами новую знакомую и не нашёл. Забеспокоившись, он вырвался из толпы и стал бродить по лагерю. Наконец Философ увидел Елену и подошёл:

– А где она?

– Девочка? – спросила актриса. – Она ушла. С ней всё хорошо. Я умыла её и накормила... Ей нужно было уйти. Она боялась, что её потянут. Но обещала прийти завтра вечером. Мы на время задержимся здесь. На севере опять беспокойно.

– Там Михаил, – гордо сказал Константин, – он друнгарий, так что скоро там будет безопасно. Вы не знаете, как он хорошо владеет мечом! Его отец всему научил!

– А ты? Ты умеешь обращаться с оружием? – мягко спросила актриса.

– Я? Немного... Но я тоже научусь. Отец нас всех учит. Просто я... немного... – и замолчал, смущённый. Зазвучала свирель, раздались созывающие крики. Елена потрепала его по голове:

– Начинается, идём.

* * *

Логофет Феоктист прогуливался по террасе в тени правительственного Дворца Дафна. Давно уже пребывая в дурном расположении духа, погружённый в сумрачные мысли после очередного заседания Сената, он не заметил приближающегося Льва Математика.

– Феоктист! – громким шёпотом окликнул учёный. Логофет вздрогнул и обернулся.

– А, это ты, – сказал он. – Приветствую тебя.

– Ты меня избегаешь, что ли? Я тебя давно нигде не видел.

– Империя огромна. У меня много дел.

– Ну, конечно. За полгода ни разу не зашёл в школу.

Логофет промолчал и, уперев руки в бока, от чего сделался ещё полнее, выжидающе воззрился на учёного.

Лев Математик не смутился и не стал ходить вокруг да около:

– Столица процветает. Жизнь спокойна. Пора дать продвижение

молодым.

– Я тут поинтересовался... твоим учеником. Боюсь, ничего не могу сделать. Я не помогаю лобызателям икон.

– Что за глупости, Феоктист!

Логофет осмотрелся по сторонам, поблизости никого не было, и быстро зашептал:

– Его родителей сослали семь лет назад. В ссылке скончался отец. Мать пока жива. Она же приходится сестрой твоему отцу, не так ли?

Лев Математик промолчал, а Феоктист продолжил с нарастающей злостью:

– Сам понимаешь, что другой твой дядя – Иоанн Грамматик – уже два года как Патриарх. Если он прощает свою родню, то пусть сам даёт назначение. Я же умываю руки, мне до икон дела нет... И ещё: Феофоб до сих пор популярен. Когда он с четырнадцатитысячным персидским войском перешёл на нашу сторону, это здорово помогло империи на границе с халифатом. Плебс такое любит. Он принял христианство в знак верности и получил одобрение Церкви. В благодарность Феофил отдал ему в жёны сестру, что подкупило Сенат. Сейчас он главнокомандующий, и армия в его руках... А император всё не выздоравливает. Феодора понесла, но если Феофил умрёт до рождения наследника, то не миновать смуты. У перса слишком много сторонников, а его женитьба делает его претендентом. Если Феодора проиграет, то никому из нас ничего хорошего ждать не придётся. И тебя, и «твоего ученика», как дальних родственников Феодоры... Перс уберёт всех армян, близких к трону, вплоть до Патриарха. Зачем ему другие иноземцы? А ты говоришь, жизнь спокойна.

– Я тебя сам о нём предупредил, если помнишь... А ты «Варда»! Он хоть брат Феодоре!

– Варда с сегодняшнего дня отправляется на границу. Уж не знаю, хорошо ли это... – раздосадованный логофет пошёл прочь.

– На восток? – вдогонку спросил Лев Математик и развёл руками. – Если так, то это для него удача. Вот увидишь, он вернётся с очередным триумфом, – и мысленно добавил:

«И да поможет Бог ему сместить перса».

Поэзия

АНДРЕЙ АНТИПИН, 1984 г.р., п. Казарки Усть-Кутского района

Родился в селе Подымахино Усть-Кутского района Иркутской области. Окончил факультет филологии и журналистики Иркутского государственного университета. Прозаик, член Союза писателей России с 2013 года. Публиковался в районной газете с рассказом «Разгулявшийся ветер» (творческий дебют), «Литературной России», «Литературной газете», альманахах «Первоцвет» и «Бийский вестник», журналах «Сибирь», «Наш современник», «Юность», «Полдень», «Молоко», «Москва», коллективных сборниках «Шанхайская литература» (2015) и «Мировая литература (Шанхай)» (2018). Автор книг «Капли марта» и «Житейная история». Дипломант III степени в секции прозы на Областной конференции «Молодость. Творчество. Современность. – 2004», лауреат Областной конференции «Молодость. Творчество. Современность. – 2008», делегат I Съезда писателей Иркутской области (2008), участник Всероссийского литературного фестиваля «Белое пятно» (Новосибирск, 2015), Первой двусторонней встречи молодых писателей Китая и России (Шанхай, 2015), VIII Международного форума деятелей культуры (Палестина, 2016), праздников русской духовности и культуры «Сияние России» (Иркутск, 2011, 2017, 2019), фестиваля «Белые журавли» имени Расула Гамзатова (Дагестан, 2018). Лауреат литературных премий: премии имени Алексея Зверева журнала «Сибирь» (2006), имени Леонида Леонова в номинации «Молодые прозаики» журнала «Наш современник» (2010),

ежегодной премии журнала «Наш современник» за лучшую публикацию (2013), Международной литературной премии им. И.А. Гончарова в номинации «Ученики И.А. Гончарова» (2015) и Всероссийской литературной премии имени Антона Дельвига «За верность Слову и Отечеству» в номинации «Молодой Дельвиг» (2016), Всероссийской премии Виктора Астафьева (2020).

Из книги «Прощание с прозой»

* * *

Я не был там. Но в том селеньи
Направо – церковь, налево – клуб,
Где жизнь – «ништя-як!», а вкус осенний –
У этих рюмок, ягод, губ.

Индийский чай наливают в блюдца.
Стихи читают за просто так.
Но если любят – на кольях бьются,
С цепей спуская добрейших собак.

Река, конечно. И лес дремучий.
И нет замков у входных дверей.
И пешеходы – из самых лучших –
Кормят семечками голубей.

Все дни одни и ночи схожи.
И в заповедном том уголке
Не разобрать, кто бомж, кто Боже:
У того и этого хлеб в руке.

Там ни-че-го! И в стиле ретро,
Затмив кочегарку, страну, грозу,
Большой и сильный, летит по ветру
Газетный змей с человеком внизу.

* * *

Перекроют каналы и реки,
Но поэтам не страшен зажим.
Мы, как дикие гордые зеки,
От стихии в стихах убежим.

Этим – рельсу лужёному вторя
Под стальной колотушкой стенать.
Мы – чужие в налаженном хоре,
Легче души и рты разорвать.

Нам – под русским ощеренным небом,
Где цветы и жужжит мошкара,
И кемаришь в телаге нелепой
С огнестрельной дырой от костра.

* * *

Жутко в поле, в лесу ещё жутче,
Жёлты листья на чёрной воде.
Осыпаются с треснувшей кручи
Камни сами собою – к беде.

Старый бор кособок и нестроен.
Где дубы, что пойдут на гробы?
То глухарь, то обугленный корень
Промелькнёт на изгибе тропы.

Улететь бы отсюда немедля –
Тесно в небе от пущенных пуль.
И на шею кидаются петли –
На изюбров, лосей и косуль.

Всё ольшаники, гари, болота –
Этот Богом затерянный край.
Хоть бы песенный встретился кто-то,
А не то пропаду невзначай.

* * *

Мы с братом по рыжики не ходили
В осенний, как вымпел пылающий лес,
Где полон ларец паутины журчащей,
Рябиновых ягод и волчьих с отливом,
И заяц бежит, а на ветке еловой
Стишком остропёрым волнуется клёст.

Мы брата нечаянно схоронили –
Купавы упали, березник облез,
И ветер подул над деревнею спящей,
А утром ненастным, а утром дождливым,
Как память о брате, на шпаге ольховой
Я рыжиков маме не спавшей принёс.

Чтоб мама подумала, будто мы с братом,
Проснувшись пораньше, ходили за ними
В безлистый, как углем начертанный лес,
Где также висят на ветвях паутины,
Да только паук позабыл свои сети,
А дни холодней и короче под зиму...

Мы входим в него, как в резные палаты
С высоким крыльцом и коврами цветными,
И своды из стёкол – до самых небес,
И птицы поют, и пылают каминны,
И белки грибы собирают, как дети,
И эллинов нет, и хранят – херувимы.

* * *

Любимые, в детстве мы злобно шутили
Над тихую жизнью седых стариков:
То в речке у бабки очки утопили,
То деду гурьбой надавали пинков.

И бабка – беснуясь, и дедушка – строже:
«Ну, где тут крапива? Держите его!»
Воскликнут: «Андрюша!», вверх палец: «Серёжа!»,
«Эх, Мишка-паршивец!» – и только всего.

Дед умер, а бабушка зла не попомнит:
Как Господа, встретит впотьмах у ворот,
Как Бога обнимет, как Бога накормит,
Из ковшика Богу на шею польёт.

СТИХИ О ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

Как на яблоне зимней ранетка,
Та, что сахаром сделал мороз!
Вон шагает, рукою, как веткой,
То и дело касаясь волос.

И стою я, как будто калека,
Выдыхая не полную грудь,
Чтобы только пушистого снега
С ненаглядной моей не стряхнуть.

* * *

Идти, рассеивая тьму
И отключая телефоны,
По-детски радуясь тому,
Что наконец-то мы вне зоны.

А впрочем, это только звук,
Ведь этот рот и это тело
Уже в пределах этих рук,
А значит – моего предела.

Глаза читаем, словно текст.
Метель – как тысячи инъекций
Для задыхающихся тех,
Кто драпанул с вечерних лекций.

Перебегаем переезд.
В потоке воздуха – составы,
А семафор наперерез –
Как пограничник у заставы.

Как два кормящихся птенца,
Стоим, целуясь на тропинке.
И пахнет дыней у лица
Пузырь жевательной резинки.

* * *

Деревушка. Вид с луной,
С красным факелом осины.
Поутру – грибов корзины,
Ну а лучше – дождь грибной.

На закате – тихий плёс,
Чтоб, не считывая числа,
Надо мною ты нависла
Грудью, запахом волос.

Пусть бы эдак лет до ста
На воде играли блики
И качались возле рта
Две тугие земляники.

ОСЕННИЕ СТИХИ

Никакой побеждающей прозы.
Словно женщина, осень близка.
И, как трассеры, листья берёзы
Пролетают весь день у виска.
Это всё не судьба, а привычка:
Просыпаться, курить поутру
И смотреть, как потухшая спичка
Несказанно дымит на ветру.

* * *

Земные дни не на святой Голгофе
Ты завершишь. И вылетишь в дыру
Не пулей сбит, а свежей чашкой кофе,
Затяжкой Winston Classic поутру.

Ну а пока на жизнь немало шансов,
Ведь в череде возможных катастроф –
Косячный файл, отсутствие финансов
И убыванье веры или дров.

* * *

Один начитанный костыль
Вещал, как мухомор скукожась,
Что это всё – знакомый стиль,
И хоть сейчас его – в утиль,
А ты, мол, выдай непохожесть.
Но стиль, друзья, не пластилин,
Чтобы себя лепить инако!
И есть в моём роду, однако,
Отец и мать. И я им – сын,
А не приبلудная собака.

* * *

И всё-таки счастье возможно, притом
Что солнце – восходит, роса – высыхает
И мир за окошком огромный, как дом,
Где мама косичку свою заплетает.

Там ведом далёкой тропинки изгиб.
И шпаришь стихи без единой запинки.
А в речке навалом не пойманных рыб,
Каких не бывает на уличном рынке.

И в этой мозаике давних примет
Навроде фрагментов заветного пазла –
Стакан голубики, вечерний омлет
И булочка с лунной дорожкой масла.

* * *

Как он, Тарас, пришпоривал коня!
Как вслед за ним моя душонка мчала!
Как он рубил, как если бы меня!
Как голова ссечённая кричала!

Как он вставал задолго до зари!
Как, покрестясь, прикладывался к фляге!
Как он, старик, доканывал: «Андрей!
Ну что же, сынку, не помогут ляхи?!»

Так я бы сам садился на коня!
Так я бы сходу зарезался в рубку!
Так с казаками на закате дня
Сидел в степи да набивал бы трубку!

Но видел я, как дед мой бабку бил,
Как за волосы поднимал с матраса,
А после пел и залихватски пил...
И с той поры я разлюбил Тараса!

* * *

Между тем как весна заливаётся трелью синицы,
Лёд ещё не пошёл, но обсох во дворе тротуар,
И так соком берёз набираются за ночь криницы,
Как стихами – страницы, которые пьёшь, как отвар

Этих сказочных трав, а тем паче – сибирских, таёжных,
Тех, что в детстве твоём наготовила бабушка впрок...
Вот и бабушки нет! Но цветёт, как при ней, подорожник,
Чтоб, к душе приложив, ты утишить волнение мог.

А как боль отойдёт, как увянет и жечь перестанет,
То воспрянешь и ты, рукава засучив наяву,
И посмотришь вперёд основательно, будто крестьянин,
Что пришёл на покос и с восторгом глядит на траву.

По веленью строки, по весеннему крику глухарки
Зашатается лёд, разольётся река по края
И слетятся опять, словно голуби к рваной буханке,
Уходящая жизнь и последняя радость твоя.

* * *

Не из книжных червей. И, придя в этот мир,
Не со слов полюбил его – древний, целинный.
Там дорожную даль отворяет шарнир
И скрипит, имитируя крик журавлиный.

Догорает огонь в огородах и днесь
Белый дым по глазам ударяет жестоко.

Так смыкается высь, но рассветную весть
На хвосте неизменно приносит сорока.

А зима на носу. Но тебе не впервой
Равнодушие и снег, словно пули в затылок.
И стоишь на ветру, извлекающем вой
Из ружейных стволов, проводов и бутылок.

Попрощаться потом, подвязаться узлом,
Разрыдаться, щекою коснувшись заплота,
Уходя, подпереть по-старинке колом,
Чтобы бурей ночной не разбило ворота.

ЕВГЕНИЯ СКАРЕДНЕВА, 1989 г.р., Иркутск

Окончила Иркутский государственный университет (журналист, переводчик с английского языка). С 2003 года работает в различных средствах массовой информации Иркутской области. Член Союза журналистов России, член Ассоциации коммуникаторов в сфере образования и науки. С 2012 года преподает новостную журналистику на кафедре журналистики и медиаменеджмента ИФИЯМ ИГУ. С 2016 года – пресс-секретарь Иркутского планетария.

* * *

Суета – не беда: приноси, разделю,
эта ноша не в тягость.

Прибывает вода, убывает июль,
приближается август.

Не хватает полян – лепестки обрывать,
о любви отвечая.

Отцвели тополя, выцветает трава,
отступают печали.

Каждый здесь – эмигрант, в небе и на земле
бесприютен и светел.

Разбери чемодан, забери меня в плен,
расскажи мне о лете.

* * *

Скоро тут будут строить высотный дом,
вырубят всю сирень и разберут заборы,
кто-то крадёт у нас – тихо, но с каждым днём –
наш деревянный, смешной и неуклюжий город.

Здесь мы ключи теряли, искали клад,
дрались до слёз, дурачились, целовались,
в зарослях цвета бутылочного стекла
прятали тайны, радости и печали.

Свежий сорви подорожник, кефир возьми,
и приходи опять – мало да помаленьку
будем лечить обгоревшие плечи мои
и твои вечно ободранные коленки.

* * *

Из режиссёров
сослали
в зрители,
короче – заняли,
как могли:
ключи
от новой
квартиры
выдали,
вот только счастья
не завезли.

Зима ввалилась,
как гость
непрошенный,
и не выводится,
хоть убей.
кто мог подумать,
что станет
роскошью
принадлежать
самому себе?

САГААЛГАН

Месяц новорождённый тоньше моих ресниц.
Если прийти не можешь, очень прошу – приснись,
будет дорогой млечной весь горизонт объят,
выкормят наши овцы белых как снег ягнят,
ты нам расстелешь ложе, я разожгу очаг,
искры навстречу звёздам, волосы по плечам.
Будут и степь, и горы радоваться, что мы
снова живыми вышли из ледяной зимы.

* * *

В город пришла вода – точит усталый снег,
взламывает асфальт, лёд разгрызает грязный.
Выйти вдвоём навстречу такой весне –
подвиг-не подвиг, но всё же, пожалуй, праздник.

И пусть недолог путь, и до смешного прост –
прямо, направо, вбок – логику отвергая,
где переулок встал, словно хрустальный мост,
между домов высокими берегами.

Там в золотом луче пыли – не сосчитать,
в окна глядят облака цвета твоей рубашки,
и никого пока не приглашает в штат
главный редактор небесной многотиражки.

* * *

Заснеженный город, четверг,
тридцать минус четыре,
холодный туман над рекой, отрицающей лёд.
налево, направо, наверх –
то штрихом, то пунктиром
по контурной карте бесцельный маршрут мой идёт.

Нахмурился юго-восток,
сбились в стаи собаки,
и азбукой Морзе сидят на снегу воробьи,
и флаг обнимает флагшток –
обречённо,
как всякий,
кому отказали в надежде, весне и любви.

* * *

Мастер жив – у него жена и, кажется, дети,
с девяти до пяти в музее – в своём кабинете:
кандидат, замдиректора, видишь ты.
Выходя, он кивает своей секретарше
и уходит прочь – от греха подальше –
от той улицы, где продают цветы.

Нет Пилата, Иешуа, тьмы над Ершалаимом,
только дни, недели и годы проносятся мимо,
дом-работа-дом, не жалея ног.
Да вот тут забегала одна сегодня,
говорят, была невидима и свободна:
сумасшедшая, словом – бог уберёт.

«... и она много плакала, а потом стала злая».
Да, рыдала, не скрою – до злости лишь не дошла я,
ни к чему, темперамент, увы, не тот.
На восьмом этаже, в переулке узком
спит в кровати спокойно критик Латунский,
цел рояль и в порядке евроремонт.

* * *

Наступает день, когда видишь: вот,
где текла вода – молчаливый лёд,
это повторяется каждый год,
только я никак не могу привыкнуть.

А пора бы знать к сорока годам:
как слетит листва с тополей, тогда
забереги встанут и прирастать
будут еженощно с зимой в обнимку.

Лишь посередине ещё жива
серебристо-студёная синева,
да и той хватает едва-едва
ровно до черты городских окраин.

Ждёт весны, с ондатрами говорит,
от зари окутывает до зари
куржаком деревья и фонари,
и туманом – мост, где звенят трамваи.

* * *

А когда золотое слетает на серое и голубое,
понимаешь, что время настало сдаваться без боя,
и вообще прекратить воевать, для начала – с собою,
бросить город, семью, недоклеенные обои,
и поехать на север

наблюдать по пути, как решается этот ребус,
перед драмой и лирикой нервно бледнеет эпос,
и мелькают берёзы в тайге, будто частый гребень,
дорожает бензин, и становится ближе небо,
когда едешь на север,

подсознательно ждёшь, что тебя вот-вот снегом накроет,
греешь руки в карманах пальто старомодного кроя,
только сердце, увы, не теплеет, такое-сякое.
Тебе нужен покой? Тут, пожалуй, избыток покоя,
и поэтому – север.

* * *

Погляди на него, пожалуйста –
с высоты, но не свысока.
Вот фольга золотая, ржавая –
ну конечно же, это река.
Вот мосты её делят поровну –
их четыре, а может, три.
Вот кусочек гирлянды порванной –
а по-нашему, фонари.

Тут лежит гармошка из фантиков –
это новых домов череда,
вот такая теперь романтика.
Рельсы, шпалы и поезда –
это пара ниток стекляруса,
три струны и погнутый гвоздь.
Телебашня на правом траверзе –
невесомая рыба кость.

Не пытайся играть в небрежность – ты
точно знаешь, что ты любим.
Не от жалости, но от нежности
затаи дыханье над ним –

беззащитным, родным, беспомощным
в ожидании вечном тепла,
в детстве спрятанным мной сокровищем
под «секретиком» из стекла.

* * *

Казнить-нельзя-помиловать,
любить-нельзя-забыть,
зачем прощаться было нам
под небом голубым?

Сквозь будущее прошлое,
десятки февралей,
смотри – весна взъерошила
затылки тополей,
и за углом, на улице,
взяв пять минут взаймы,
закрыв глаза, целуются
не мы, не мы, не мы.

* * *

Фальшивая весна, мой друг февраль,
не стоит ни надежд, ни слёз, ни песен,
её итог заранее известен:
за оттепелью – ледяной хрусталь.

И чем нежней закатов акварель,
тем холода сильнее сжимают пальцы.
Что впереди – нетрудно догадаться:
усталый март, неласковый апрель.

Осталось выпить пару полных лун
и несколько десятков чашек чая,
дожить до понедельника, до мая
и до тебя, мой золотой июнь.

* * *

Солнце на лето, зима на мороз,
в трубке гудки, абонент вечно занят –
вновь без ответа остался вопрос,
от декабря до июня экзамен.

Вычерпав небо звёздным ковшом,
перебираю в ночи самой длинной,
где нам не встретиться. Выбор большой –
от Лиссабона и до Сахалина.

Вечер окончен, туман у воды,
но уходить не спешу отчего-то:
вдруг ты захочешь меня проводить
от поворота до солнцеворота?

* * *

Привет, привет, мой дорогой,
Дождь нависает над тайгой,
Так вышло – нет тропы другой,
Чем эта – вдоль по краю.

Смотри, смотри – закат продрог,
Сменяет бронзу серебро,
В полях полынь – как дым костров,
В которых прах сгорает.

Целуй, целуй меня смелей
Среди забытых кораблей.
У лиственниц и тополей
Одна и та же осень.

Она выходит танцевать –
Жива, мертва и вновь жива.
И по скале пять тысяч лет
Идут к востоку лоси.

Белоусово – Верхолениск – Качуг

МИХАИЛ КРИВЕНОК, 1990 г.р., Иркутск

Родился в поселке Могзон Читинской области. Окончил Байкальский государственный университет экономики и права по специальности «Информатик-экономист». Вошел в лонг-лист литературного конкурса «ЛиФФт-2020».

ВБРОД

Рассказ

1

Маленький квадратный будильник показывал четыре утра. Он стоял на светло-коричневом стуле возле старой панцирной кровати, устланной разноцветными матрасами, на них мирно посапывал пухлый десятилетний мальчуган. Из-за стены напротив доносилось слабое жужжание, оно было то прерывистым, то протяжным: так звучала привычка бриться по утрам. За окном прокричал соседский петух. Жужжание стихло. Шторки, которые служили дверью, раздвинулись, и в комнате возник большой

силуэт.

– Минь-ка, вставай! Чего спишь-то? – прогремел голос.

– М-м-м, – промычал мальчуган. – Почему так рано?

– А ты думал! Рыба ждать не будет. На рассвете же самый клёв. Поедешь? – спросил Михаил Алексеевич и аккуратно потряс его за плечо, Минька зарылся ещё глубже в одеяло. – Ну, как знаешь! – произнёс он и вышел из комнаты. Довольный собой пухляш от мысли, что никуда ехать не придётся, перевернулся на другой бок, и стал снова засыпать.

– А-а-а-ах, – на резком вдохе разнеслось по всему дому, одновременно с заливистым хохотом. Минька сидел на кровати, с его волос струилась ледяная вода, стекая по лицу, она собиралась в капли: под носом, на щеках и подбородке. Рядом стоял Михаил Алексеевич с пустым эмалированным ковшом.

– ДЕ-ДА! – обиженно закричал мальчик.

– Что Деда, что Деда? На мокрой кровати теперь не поспишь! – с ликованием сказал Михаил Алексеевич. – Полотенце я повесил на спинку стула. Давай, вытирайся да иди завтракать!

– Не хочу! – начал капризничать Минька.

– Давай, давай! Скоренько, скоренько.

С Дедом спорить было бесполезно. Минька сполз с кровати и принялся тереть волосы. Через пару минут они уже сидели за столом.

– Баушка, собирай на стол! – скомандовал Михаил Алексеевич. Сколько себя помнил Минька, Дед всегда звал Бабушку «Баушка». По одному этому слову было понятно насколько сильно он её любит. Дед приносил его по-особенному с придыханием и нежностью в голосе.

– Сейчас мои родные, сейчас! – засуетилась бабушка. – У меня уже всё готово! – На столе появились две тарелки пшённой каши, бутерброды с маслом и горячие пирожки с картошкой. – Кушайте, кушайте. Что не доедите, я вам в пакетик сложу, с собой возьмёте.

– Мы что кишку набивать едем или рыбу ловить?! – гаркнул Михаил Алексеевич.

– Будет тебе, Мишенька!.. Вы же на целый день, как голодными-то? Внучика пожалей, – запричитала бабушка. – Я немного: пирожков и термосочек с чаем сладеньким, а каша для прикормки сгодится.

– Ладно! – согласился дед, вставая из-за стола. – Минька, доедай быстрее, бери пакет с харчами, да иди воротá в гараже отвори, засиделись уже! – сказал он, надевая ботинки. И уже на выходе добавил: – Котелки и сачок не забудь!

Минька набил полный рот и с раздутыми щеками, жуя на ходу, стал собираться. Бабушка покачала головой. «Совсем замордовал маль-

чонку! Не торопись: подавишься!» – заботливо произнесла бабушка, пытаясь надеть старую кепку на голову внука. Минька стал отмахиваться: он совсем не любил носить головные уборы.

– Чтобы голову не напекло! – попыталась вразумить его Бабушка. Внук продолжил вредничать. – Ну, хорошо. Тогда в пакет положу: если что, наденешь.

Минька, не переставая жевать, издал в ответ возмущённо-невнятные звуки, схватил пакет с едой, два котелка, сачок и выбежал из дома. Бабушка перекрестила закрывшуюся за Минькой дверь и наконец-то присела.

2

Ворота распахнулись, и из глубины тёмного гаража на свет выкатилась старенькая «Нива» цвета крем-брюле. Машина была настолько допотопной, что на ней то тут, то там виднелись рыжики, да и краска местами потрескалась, казалось, ещё чуть-чуть, и она начнёт облазить лафтакми. Минька запер гараж, забросил вещи в багажник и устроился поудобнее на переднем пассажирском сиденье. «Нива», заскрипев, плавно тронулась с места.

– Ну, что? Вперёд к приключениям? – хитро улыбнулся Михаил Алексеевич.

– Ага! – обрадовался мальчуган.

– Только сначала на заправку заедем, чтобы обратно толкать не пришлось! – предложил Дед.

Спустя несколько минут они подъехали к местной заправке. Она сильно отличалась от тех, что привык видеть Минька в городе: две серых обшарпанных колонки; никакого табло с ценами; и небольшой деревянный домик с обветшалой дверью и окном «Касса».

Машина остановилась напротив металлического ящика с красными пятнами. «Должно быть, – остатки номера», – подумал Минька. Михаил Алексеевич вышел, вставил пистолет в бак и направился к домику. Внук остался внутри, наблюдая за происходящим через лобовое стекло. Дед постучал в окно, потом в дверь – никто не отвечал. Михаил Алексеевич попробовал ещё раз – ничего не изменилось! Он огорчённо покачал головой и направился обратно к машине. Вдруг из дверей показался заспанный мужичок: видимо, тот не привык так рано обслуживать клиентов. Они немного поговорили, Михаил Алексеевич махнул в сторону засони рукой – и уехал.

– Деда, а почему мы не заправились?

– Да совсем совесть потеряли! Литр – сорок пять рублей! Как буд-

то у меня пенсия резиновая! Сейчас на трассу выйдем, там за тридцать купим. Жаль, столько времени потеряли, потом ещё возвращаться придётся. Река-то в другой стороне осталась!

Дед продолжал ворчать: «Вот раньше было лучше! Ишь, капиталисты! Половину сверху накрутил. Да, раньше бы... его за такое... тьфу!» Минька не знал, как и что было раньше, и кто такие капиталисты, поэтому перешёл на более понятные ему темы.

– Деда, а почему ты себе новую машину не купишь?

– Какую, например? – с интересом спросил Михаил Алексеевич.

– Иномарку, – ответил Минька.

– Да на кой она мне? Ни по грибы, ни по ягоды, ни на рыбалку.

Вот то ли дело у меня – вездеход: включил пониженную и в любую горку заедешь!

– Тут даже магнитофона нет! – продолжал настаивать мальчик.

– А мне зачем? – не унимался Дед. И в подтверждение своих слов затыкнул:

*Чёрный ворон,
Что ж ты вьёшься
Над моею головой.
Ты добычи не дождёшься,
Чёрный ворон, я не твой.*

После чего добавил: «Нет, мне ваши иномарки и даром не надь! Давай, подпевай!».

*Чёрный ворон,
Что ж ты вьёшься...*

Так до трассы и добрались.

3

Заправив полный бак, заметно повеселевший Михаил Алексеевич сообщил: «Ну вот другое дело. Кстати, батьке скажи, пусть двигатель новый в городе посмотрит, зиму этот ещё сдюжит, а вот летом его, по-хорошему, менять надо. Ладно, сейчас на протоку поедем, амóлек ловить!»

«Амóлками» он называл мальков. Дело в том, что Дед любил рыбачить исключительно на живца. Червяков, опарышей, хлеб и всё остальное Дед не признавал совсем.

Минька чётко запомнил все его уроки: «Видишь, течение сильное, и тут же заводь – тихое место, здесь рыба и отдыхает. Берёшь амóльку,

крючок в рот, через жабры и в воду, потихоньку, чтобы не распугать. Потом сиди тихо и жди, а увидел поплавок на дно пошёл – тащи!»

Оказавшись на протоке, Михаил Алексеевич надел болотники и позвал внука:

– Минька-а-а!

– Что? – отозвался мальчик

– Вылазь! Помогать будешь!

– Как? – удивился Минька. – У меня же нет таких сапог как у тебя!

– Так у тебя же свои пыле-влагонепроницаемые! – засмеялся Дед.

Минька не понял, что имел в виду Дедушка, и переспросил:

– Пыле-влаго что?

– Что-что! Ноги! – пуще прежнего рассмеялся Михаил Алексеевич.

– ДЕ-ДА! Вода ведь холодная! – насупился Минька.

– Как купаться так не холодная! Ботинки сымай! Штаны закатай. Снизу пойдёшь, будешь амóлек на меня гнать. А я их сверху встречу. Котелки сразу возьми, – наказал Михаил Алексеевич и стал удаляться к месту засады.

Делать было нечего. Минька разулся, зашёл в воду и стал дожидаться команды от Деда.

– Готов? – донеслось из засады.

– Да! – прозвучало в ответ.

– Ну, тогда гони!

Минька побежал вперёд со всех ног, вздымая волны, пену, брызги, брэнча котелками, оставляя позади только муть. Как тут не испугаться?

Рукоятка изогнулась в дугу, сачок завис в воздухе, внутри живой массой бились мальки. Михаил Алексеевич одним движением вывернул их в котелок.

– Ещё разок, и хватит, – сказал он Миньке.

Когда и второй котелок оказался полным, Дед нарвал пырей, свернул в кольца и накрыл ими оба котелка, чтобы вода не расплёскивалась. Только это не очень-то и помогало.

– Ну, что? Теперь-то проснулся? – ехидно спросил Дедушка, а потом добавил: – Где Баушка пакет давала? Найди-ка мне там пирожок побольше! Давай почаюем, и дальше двинемся...

4

– Приехали! – сказал Михаил Алексеевич, остановившись возле крутого обрыва. Минька вышел из машины и, хлюпя ботиками, так как вода из котелков, несмотря на траву, что лежала сверху, всё равно распле-

скалась, подошёл к самому краю.

– Что, прям здесь рыбачить будем? – спросил он у Деда.

– Вон туда нам надо, – сказал Михаил Алексеевич, указывая на повалившиеся деревья на другом берегу. – Дальше не проехать, поднимемся вверх по течению, а там вброд перейдём. Давай, бери удочку, котелок, пакет под рыбу и сачок.

– А сачок зачем? – спросил Минька.

– На всякий случай! Там ещё в бардачке леска и запасные крючки с грузилами в коробочке, их тоже возьми. Чтобы не как прошлый раз, а то ты же обязательно где-нибудь за корягу зацепишься. – Минька виновато опустил взгляд, и сделал, как сказал Дед. – Ну что, готов?

– Мыхгы, – ответил Минька.

Дедушка взял похожий набор, только без запасных крючков и сачка, запер машину, и они вместе с внуком стали пробираться сквозь бурелом вдоль берега. Михаил Алексеевич шёл впереди, прокладывая дорогу своим могучим телом: большие старые сучья громко трещали под его натиском, а молодые веточки изгибались и, словно в отместку, хлестали еле плетущегося сзади Миньку по лицу. Шли долго, пока наконец-то не набрали на покатый каменистый берег, спустились к воде.

– Бросай всё! Привал! – скомандовал Михаил Алексеевич. Минька с удовольствием уселся на гальку, вытянул ноги и положил вещи перед собой. Дед примостился рядом. Посидев минут пять, Михаил Алексеевич встал, сделал пару шагов вперёд и подбоченился. Лицо его стало хмурым и озадаченным.

– Никак не пойму, вроде, вода прибыла, да и течение сильное. Давеча здесь реку переходил. – Дед оглянулся, Минька пожал плечами в ответ. – Пойду, проверю. А ты здесь сиди... в воду не суйся... что бы ни случилось. Понял? – голос Деда стал тяжёлым и убедительным.

– Ага! – ответил Минька.

Михаил Алексеевич начал медленно переходить реку: на середине пути воды было по пояс, но буквально через пару метров её уровень спустился по колено. Дед благополучно добрался до противоположного берега. После чего вернулся и сказал: «Значит так, ты здесь не перейдёшь!» Минька надулся, как мышь на крупу. На глазах проступили слёзы.

– Чего раскис-то? Бери котелки с амольками и всё остальное, да на шею мне садись, я тебя перетащу. Обрадованный внук быстро вскочил на ноги и схватил вещи. – Ишь, какой приткий. Давай, залазь уже, – сказал Михаил Алексеевич и присел на корточки. Минька еле-еле взгромоздился на шею Деда.

– Ну ты и кабан! – встав и чуть пошатнувшись, произнёс Михаил

Алексеевич, одновременно с этим схватив внука за ноги, покрепче.

– ДЕ-ДА, ну какой я тебе кабан! – обиженно выдавил Минька.

– Здоровый! – рассмеялся Михаил Алексеевич и, тяжело ступая, зашёл в воду. Миньку охватило странное чувство: ему было радостно и страшно одновременно. Радовался он тому, что Дедушка нёс его на шее, последний раз ему так везло лет в пять, но и страх у Миньки усиливался. От реки веяло жутким холодом, казалось, что она во что бы то ни стало пытается помешать перейти вброд, жадно цепляясь течением за ноги Деда. Ближе к середине Михаил Алексеевич остановился, его дыхание было тяжёлым и прерывистым. Минька почувствовал, как их сносит.

– Деда, у тебя всё в порядке? – спросил испуганно Минька.

– Да, запыхался немного. Сейчас отдышусь... чуть-чуть осталось... Ты лучше... котелки подними.

Минька согнул руки в локтях так, что все вещи оказались выше головы Деда. Михаил Алексеевич сделал ещё несколько шагов вперёд.

Мальчуган вздрогнул... Река добралась и до него, маленькое тельце задрожало. До этого он смотрел только вперёд, но сейчас... Опустив взгляд, он увидел, что Дед стоит по грудь в воде... Минька начал елозить на шее, пытаясь забраться повыше, и не заметил, как опустил вещи в воду. Река сразу почувствовала его слабость и в тот же миг заполнила до верхов полупустые котелки, разметав весь пырей по поверхности, и все мальки, что находились внутри, разбежались в разные стороны.

«Дело плохо!» – подумал Михаил Алексеевич. Он быстро перехватился одной рукой выше, намотав одежду внука на свой огромный кулак, развернулся навстречу течению и изо всех сил пошёл вперёд, пытаясь вернуться на мелководье. Река продолжала давить. Минька зажмурился от страха и боли в груди...

...

– Ну, ты Минька даёшь! Чуть нас не утопил, – с одышкой произнёс Михаил Алексеевич. – Слазь, приехали! – добавил он, опускаясь на корточки. Напуганный Минька начал реветь.

– Чего нюни развесил-то? Одежду скидавай, отжать надо! Да пойдём рыбу ловить.

– У нас, х-х, амóлек, х-х, нет, – всхлипывая, сказал внук. Дед неодобрительно покачал головой.

– Эх, Минька, Минька. А сачок нам на что? Трудности в жизни для того и даны, чтобы их преодолевать. Давай успокаивайся, некогда нам, и так долго провошкались. И ещё: вернёмся домой, Бабушке ни слова. Не хочу, чтобы она лишний раз волновалась...

ЖИРАФИК

Рассказ

Суббота. Декабрь. За окном рано стемнело. Таймер на духовке показал «двадцать два сорок пять». Измождённый Роман сидел за кухонным столом, его лицо освещал голубоватый свет от монитора ноутбука. Он резво переключался между окнами с игрой и разнообразными таблицами, создавая видимость сильной занятости. Небрежно разбросанные бумаги и прозрачная кружка, заполненная наполовину чаем с молоком, почти всегда находилась под рукой, чтобы в случае чего превратиться в удобный предлог не купать детей перед сном. «Пусть лучше жена занимается!» – думал он про себя.

Из детской раздался визг. Видимо, дети опять что-то не поделили. «Сколько раз я тебе говорил укладывать детей в десять?» – раздражённо рявкнул он жене, не соизволив даже встать со стула и посмотреть, в чём же всё-таки дело. Жена была из того же теста, не отрываясь от пролистывания ленты в инстаграме, практически сразу парировала.

– Разве ты не видишь, что я занята! – донеслось из спальни.

– Чем?! – ещё с большим раздражением переспросил муж.

– Встань и посмотри! – ответила Наталья. Она прекрасно знала, что муж ни в жизнь этого не сделает, поэтому ощущала себя хозяйкой ситуации.

Тем временем, пока они перепирались, даже не смотря друг на друга, визг сменился на истошный плач. Роман и Наталья прекратили ругаться и заняли выжидательную позицию: у кого первого сдадут нервы. Да, мужчины менее терпеливы! Но материнский инстинкт творит чудеса. Роман увидел, как жена стремительно вбежала в детскую и так же быстро, под мышкой, вынесла из гущи событий краснючего младшего. «Это предел», – промелькнуло в голове Романа. Будучи человеком далеко не глупым он понял, чем всё может закончиться, и быстро переключился на дочь.

– Татьяна! Зубы чистить, умываться и спать! – скомандовал Роман. Из комнаты вышла растерянная девочка. И принялась шнырять туда-сюда. Заглянула в ванную, в туалет, в зал, наконец, зашла на кухню, заглянула за приоткрытую дверь.

– Так! Чем ты занимаешься?! Я что сказал тебе делать?! – раздражение в голосе Романа переходило в злость.

– Я ищу жирафика! Ты не видел его?

– Ничего я не видел! Иди, ложись спать! – продолжал гнуть свою линию горе-отец.

– Пап, я думаю, ты мне врѣшь! – ответила дочка. Внезапное обвинение во лжи заставило Романа задуматься. Почему она так сказала? В голове заметались воспоминания событий сегодняшнего дня в надежде наткнуться на что-нибудь, что позволило бы оправдаться в глазах дочери.

В обед. Да, это было в обед. Роман держал маленькую, резиновую фигурку жирафика. Гнул его ноги... шею... игрался, как мог, а когда надоело, швырнул его, не запомнив куда. Признать, что дочка права, ему не хотелось, да и искать желаний особо не было. Поэтому он предпочёл стоять на своём.

– Иди спать! Я кому сказал!

На глазах у Тани проступили слѣзы. Голос задрожал. С боязнью, что отец рассердится ещё больше, она еле слышно произнесла:

– Просто я не могу уснуть без него.

Деваться было некуда: грузное тело, наконец, покинуло насиженное место и направилось в зал. Роман заглянул под диван, за шторку, посмотрел под гладильной доской, скорее напоминавшей огромную гору, так как белья на ней было больше, чем в шкафу. Ничего... Быстро устав от физической нагрузки, со словами «всѣ, перекур!» Роман бухнулся в кресло, но почти сразу вскочил. Пропажа была найдена! Наощупь! Впи-лась в самое мягкое место...

– Вот! Держи! – произнёс Роман и довольный собой протянул пятнистую фигурку.

– Пап, но это не тот жирафик!

Отец не выдержал и взорвался.

– ЧТО ЗНАЧИТ НЕ ТОТ? ГОВОРИЛА, ТЕБЕ НУЖЕН ЖИРАФИК! ВОТ ОН! В ЧѢМ ДЕЛО? ХВАТИТ ТРЕПАТЬ МНЕ НЕРВЫ! А НУ БЫСТРО МАРШ СПАТЬ! И ЧТОБЫ Я ТЕБЯ НЕ ВИДЕЛ! ТЫ ВСѢ ПОНЯЛА?! – Таня заплакала.

– Я же боюсь... темноты.

Наконец всё встало на свои места. Роман вспомнил: днём он забрал жёлтый светильник в виде жирафа у детей и убрал его в шкаф, на самый верх. А всё потому, что ему было лень прикрутить один малюсенький шуруп в крышку отсека под батарейки. Злость как рукой сняло. Он молча прошёл в детскую и достал с верхней полки ночник. Таня схватила его и, крепко прижав к себе, буквально через несколько секунд оказалась в кровати.

– Спасибо, Пап. Я тебя люблю! – неожиданно сказала дочка. Роман погасил свет, пряча свои стыдливые глаза... и виновато произнёс:

– Спокойной ночи. Я тоже тебя люблю...

АНАТОЛИЙ БИЧЕВИН, 1984 г.р., Иркутск

Выпускник филологического факультета Иркутского государственного университета. Автор научных работ по творчеству Николая Гумилёва. Публиковался в альманахе «Первоцвет» и журнале «Юность». Автор поэтического сборника «Воспоминание о Пьерфоне» (2019).

ДАЙ

Рассказ

Аню разбудили в шесть утра – на час раньше обычного.

– Засоня моя, вставай, – шепнула бабушка ей на ушко.

– Не буду.

Она перевернулась на другой бок и ушла с головой в одеяло.

– Анечка, зверушки тебя ждут.

– Не хочу зверушек.

– А чего хочешь?

– Спать!

Когда в комнате появилась мама – с феном в одной руке и Анечкиным платицем в другой, – Аня ещё не проснулась.

– С кровати!

Дело пошло живее. Аню подняли, умыли, причесали. На кухне её усадили за стол и поставили тарелку манной каши.

– Анюта, поешь.

– Нет, – сказала Аня.

– Быстро съела! – отрезала мама и хлопнула по столу.

Аня задрала локти, взяла ложку и плюхнула её в тарелку. Кусок масла поплыл в жёлтой лужице. Обычно кашу едят с краю, однако Аня задумалась, зачерпнула с середины – и обожгла язык.

– Чё, собрались? – спросил папа.

Аня молчала.

– Так держать! – сказал он, дёрнув её за косичку. От папы пахло одеколоном и куревом.

Родители бегали вокруг неё, суетились. Примеряли туфельки, завязывали ленточки. Всё это время она стояла заспанная, недовольная. Её наряжали до половины восьмого.

– Теперь стихи, – потребовала мама.

Аня запнулась два раза. Бабушка поцеловала её в макушку, сказала «умница», дала украдкой батончик. В прихожей к ней подошёл Геркулес и лизнул по лицу.

– Уйди, – сказала Аня и отвернулась.

Вскоре они с мамой шли по морозной улице на остановку. Тёмные громады домов глядели квадратными глазами. Равнодушные фонари светили куда-то внутрь себя, а вовсе не на дорогу. Дворники шумно раскидывали упавший накануне снег.

– Мама, хочу домой.

– Рот закрой, – ответила мама.

Они ускорили шаг. Остановка. С грохотом подъехал трамвай. Аня долго смотрела на его странные, плоские, пупырчатые колёса, – пока мама не уволокла её в салон. Люди внутри говорили и говорили. Двери открывались и закрывались.

– Мама, дай мультик, – сказала Аня чуть слышно.

– Какой ещё мультик! – воскликнула мама. – Мы едем на ёлку.

Дети и взрослые собрались у ёлки пёстрой праздничной толпой. Людей в фойе становилось всё больше, а свободного места вокруг зелёной красавицы всё меньше. Заботило это, впрочем, одну лишь Валерию Николаевну – директора городского ТЮЗа, которая в жизни своей не видала такого чудесного утренника. Чайковский и «Простоквашино» летели из массивных колонок, пробуждая сказку, и даже Семён Семёныч – гармонист на пенсии – не переживал в ожидании номера, чувствуя себя бодрым как никогда.

Красные, зелёные, синие и белые шары искрились на пушистых

ветвях. Яркая мишура и дождик свешивались до пола, накрывая больше картонные коробки, облепленные широкими лентами. Ребята подходили к ним, старались поднять или сдвинуть, но ничего не получалось. Некоторые дети задумчиво ходили вокруг ёлки, стараясь не упустить ничего из виду – до тех пор, пока родители не отыскивали их и не возвращали на место.

– Это – конь, – говорила девочка Маша, разглядывая странного зверя, посаженного на нижнюю ветку.

– Если конь – то морской, – возражал мальчик Петя.

– А ты как думаешь? – спрашивали оба у красивой девочки в розовом платье. Та не отвечала.

Аня стояла молча, обводя тусклым взглядом смеющихся людей. Мальчишки-зайчики, девочки-белочки, блёстки, игрушки, Бэтмены, феи, мамы, папы, Валерия Николаевна, огромная красная звезда на верхушке, – ничто не привлекало её внимания.

От улыбки хмурый день светлей,

От улыбки в небе радуга проснётся...–

звенело в воздухе.

– Уважаемые друзья! – говорила Валерия Николаевна в микрофон. – Просим вас отойти от ёлки. Дед Мороз на подходе.

Новость быстро облетела зал. Наступила тишина.

Послышались долгие, унылые звуки – выла метель.

– Я Серый волк – зубами щёлк! – доложил дядя в костюме с хвостом.

– Волк! Волк! – закричали дети.

– Да, да, – отозвался Волк. – У-у, в лесу холодно-голодно! Хочу я Зайчишку-плутишку поймать. Он беленький, на снегу-то не видно... Ну ничего – по следам отыщу!

Хищник озлобленно рыскал под ёлкой, ерошил ветки, обнюхивал коробки – тщетно. Дети чутко следили за ним; какой-то мальчик даже заплакал.

– Зайка! Зайка! – обрадовались ребята, увидев тётю в белом. Тётя прыгала взад-вперёд, длинные заячьи уши прыгали вместе с ней.

– Я Зайка-заянка, – говорила тётя, голос её прерывался. – Заблудился в лесу. Друзей потерял...

– Ага! – крикнул Волк. – Попался! Ну, погоди...

Заиграла музыка. Дядя и тётя бегали друг за другом, пока тётя наконец не убежала. Дядя выскочил, вытаращив глаза, и спросил у ребят,

куда она делась.

– Туда! – ответили ребята дружно, показав налево.

– Правда?

– Да!

– У-у, держись!

Только девочка в розовом платье показывала направо.

– Нет, не туда! – кричала она убежавшему Волку. – Вернись!

– Аня, – одёрнула её мама. – Угомонись.

Вскоре Заяц увидел Снегурочку.

– Ой-ой-ой, помогите! – кричал он звонко и жалобно.

– Что такое? – спросила красивая, стройная девушка в серебряном костюме.

– За мной Волк гонится, – плакал Заяц. – Хочет меня съесть!

– Ай-ай-ай, – пожалела его Снегурочка. – Ну-ка, дети, давайте поможем Заячке – позовём Дедушку Мороза. Раз-два-три! ДЕДУШКА МО-РОЗ! Ещё раз!..

– ДЕДУШКА МО-РОЗ! ДЕДУШКА МО-РОЗ! – повторяли дети снова и снова.

– Ох, молодцы! – повсюду разнёсся добрый могучий голос. – Здравствуйте, здравствуйте! Ну, что случилось?

– Здравствуй, Дедушка, – сказала Снегурочка. – Заячку нашего Волк обижает!

– Как-так? – нахмурился Дед Мороз. – Нехорошо, внучка. А!.. Вот он – злодей!

Волк выбежал навстречу компании и остановился, как вкопанный.

– Ну что, ребята, – сказал Дед Мороз. – Как нам быть?

– Прогнать! – крикнул Петя.

– Наказать! – крикнула Маша.

– Мяса дать!

Дед Мороз вскинул бровь. Снегурочка сверкнула жемчужной улыбкой.

– Аня, ты чё творишь? – зашипела мама.

Аня умолкла, однако глаза её заблестели от волнения – появление Деда Мороза разбудило в ней живой интерес.

– Ребята, – сказала Снегурочка. – Давайте простим Волка. Он злой, потому что замерз.

– У-у, замёрз, – подтвердил Волк.

– Хорошо, – согласился Дедушка Мороз. – Ступай ко мне в терем, Волк – зубами щёлк! Помощники мои – медведи белые – тебя конфетами

накормят. Дадут валенки, чтоб ноги не мёрзли.

– Спасибо тебе, Дед Мороз! – сказал Волк. – Не стану я больше зайчиков обижать.

– Молодец.

Ребята дружно проводили Волка и приготовились водить хоровод. Свет погас, огни на ёлке зажглись, как по волшебству. Посох Деда Мороза таинственно замерцал, Снегурочкин наряд вспыхнул миллионами звёзд.

– Ну что, внучка, – сказал Дед Мороз, – смотри, сколько ребят-звезрят собралось у нашей ёлочки. Давайте-ка споём ей песенку, чтобы она не грустила!

*В лесу родилась ёлочка,
В лесу она росла,
Зимой и летом...–*

затянули хором все, кто мог, под аккомпанемент Семёна Семёныча. Дед Мороз со Снегурочкой тоже встали в хоровод с мамами, папами, бабушками, дедушками, Валерией Николаевной и представителями местной администрации. Взрослые, видя детей, замороженных сказкой, сами возвращались в далёкое детство.

Наступило время раздачи подарков. Дед Мороз, по обыкновению, начал издалека:

– Ну что, детки, замёрзли?

– Нет, не замёрзли!

– Правда? Что-то не верится... Ну-ка, покажите мне свои ручки!

Ребята послушно вытянули ладошки; лесной волшебник убыстрил шаг и вскоре едва ли не побежал по кругу, стараясь задеть посохом тех, кто не успевал их убрать. Набралось человек семь.

– Вот это да! – удивился Дед Мороз. – Сколько детишек замёрзло...

– Дедушка, давай их согреем.

– Давай, внучка.

– Повторяйте за мной!

После танца маленьких утят детям предложили почитать стихи. Начала Маша:

*Наша Таня громко плачет:
Уронила в речку мячик...*

Дед Мороз, весьма довольный, подарил Маше плюшевого медведя, ёлочную игрушку и пакет с конфетами, перевязанный золотой ниточкой. Следующей по очереди была Аня, однако стихи свои она не помнила,

поэтому ей досталась простая кукла в прозрачной коробке, вынутая из большого мешка. Аня никому не сказала «спасибо», но этого не заметили, поскольку Петя – громко и отчётливо, без единой запинки – читал «Бородино».

– Какой молодец! – похвалили Петю, наградив его детским планшетом.

Аня поглядела налево, поглядела направо, кинула гневный взгляд на Деда Мороза, затем на маму – и залилась горячими, отчаянными слезами.

– Что такое, Анечка? – улыбнулась Снегурочка, подбежав к ней. Её синие, искрящиеся глаза были такими большими и добрыми.

– Я хочу... я х-хочу... – с трудом говорила Аня, – ме-медвежонка... Медвежонка!

– Медвежонок – мой! – заявила Маша, почуввав неладное.

– Дай! – крикнула Аня. – Дай мне!

– Анюта, лапочка моя, – сказала Снегурочка. – Маша заслужила. Она – хорошая девочка. Ты тоже умница. Такая у тебя кукла – смотри, какая красивая!

– Не хочу куклу, – ревела Аня. – Хочу медвежонка!

Она заливалась вовсю. К делу привлекли уже Валерию Николаевну, имевшую опыт в подобных вопросах. Чужие мамы подходили тоже. Все они спрашивали Аню, почему она плачет, но Аня не могла говорить.

– Нет у нас медвежат, – говорила спокойно Валерия Николаевна. – Хочешь, найдём тебе зайца?

– Нет!

– Так, это что такое! – возмутилась мама, потрянув её за руку. – Ну-ка, пошли!

– Отстань!

Мама со Снегурочкой и Валерией Николаевной отпрянули, как ошпаренные. Музыка стала тише.

– Это кто у нас тут? – спросил, подойдя, Дед Мороз. – Чем это мы недовольны?

Аня подняла красное, мокрое, несчастное лицо и тихо сказала:

– Дай медвежонка.

– Будет тебе медвежонок, Анюта. Только потом.

Аня опустила глаза.

– Ты – не Дед Мороз!

– ЧТО?!

Дед Мороз приблизился к ней – и Аня тут же почувствовала страшный холод. Ветер дул отовсюду – сильнее и сильнее. Бородатое, суровое

лицо Дедушки медленно исчезало в снеговом вихре. Аня видела зимний лес: сосны, шумящие под порывистым ветром, ели в сугробах. Воздух темнел, синел. Всё пропадало из виду.

– Аня!.. Аня!.. – несло то с одной стороны, то с другой, то из глубины леса. – Аня-я!..

Аня увидела свои глаза и своё лицо. Она видела их поверх метели, проносившейся через лес. Желтоватое, мутное отражение на толстом заиндевелем стекле.

– Аня, там в третье кипяток просят. Ты с ними это – не церемонься. В купе бардак... Ань, ты чё?

– Да ничё. Мрак какой-то.

Аня докурила, закрыла окно и пошла допивать чай.

Окурок покружил, помелькал красной точкой – и скрылся в белёсой мгле.

БЛЕСТЯШКА

Рассказ

Кто я? Я – сорока обыкновенная. Тр-рики-тик! Вот я хожу по земле, собираю веточки. Тр-рака-так! Вон я – сижу на дереве. Ветер качает меня. Трак-трак! Дерево – большое качало. Шумное, беспокойное. Тирри-так! Чаше – тихое, дрёмное. Хорошо быть качалом. Высоким, старым. Тр-рики-так! А ещё лучше вить на нём гнезда. Тр-рик!

Я красавица неопикуемая. Спинка чёрная, крылья синие, хвост – зелёный. Тар-рак! Летаю я быстро, смотрю далеко. Тарри-так! Когти хваткие, клюв острый, изящный. Когда падает снег (это – мертвые перья), и становится холодно, я ловлю побегушек-мышей, ковыряюсь в их норках. А когда потеплеет – залезу в траву и кустарник за кислой ползушкой. Тиррик!

Мои сёстры и братья не любят меня. Почему? Тар-ра-рак! Бестолковая страшно. Тра-ак! Вот я в поле. Жёлтая, лохматая стерня прячет меня. За пригорком – клювастые, злые. Карр-карр! Улетят – мне кусочек достанется. Тр-рик. А по сытным местам мои родичи. Гонят взащей: мол, блестяшку найди да Царю отнеси. Позовём тебя в племя сорочье. Тир-рак! А мне где её взять? Тут сноровка нужна. Тар-ри-рак!

А за полем – Большое Огнище. Вот я думаю: мне, тар-ра-рик! поглядеть, нет ли там, где никто не бывал, заваливающей блестяшки – или в сторону лучше податься, где двуножки в молчальнях из камня и глины? Так-тарри-тарра-рак! Посмотреть на меня: что за странная птица?

Люди видят меня на окраинах городов. В деревнях я дразню собак и пугаю коров, ворую объедки. На кладбищах я – частая гостья. Тирри-тики-таррак! Я лечу – как плову – до молчальни, сажусь на ветку уснувшего тополя. За окном меня видит рисующий мальчик. Вот он водит своей пяти-палкой по белой шуршалке. Та-ак-тар-рак! Видала такое. Шуршалка – из древесного праха, а стол – из древесных костей. Мальчик смотрит и улыбается. Я скачу по ветке туда-сюда, вся такая нарядная. Р-раки-таки-тир-р-рик! Открой мне окошко. Вон я вижу блестяшку. Открой – я влечу-улечу. Тар-ри-рак! Мальчик уже поднялся. Panie, panie, nie idź. Przeziębisz się. Ah!.. Widzę!.. Sroka to czarownica, panie. Nie idź. Помолчала б! Сама ты колдунья. Тир-ри-тик-тарри-рак!

Лечу я над городом. Серость и скука. Тиррак! Ни птиц, ни зверей. Качала стоят и молчат, а меж ними двуножки рядами передвигаются. Ещё с тарактелками: туда-сюда, туда-сюда. Тра-акак-атак! Никакой тут блестяшки не сыщешь: одни банки-склянки, да железяки, да битый кирпич. Лечу обратно – над полем, лесом, болотами и рекой. Подо мной то и дело грохочут стучалки: тар-рак-та-так! тар-рак-та-так! тар-рак-та-так! Из города в город и дальше – к Большому Огнищу. Одна девушка, другая. Двуножки живут на земле. Там их гнёзда – такие нескладные. Сажусь на забор. Три-и-ки-так! Вокруг никого. Овца звенит колокольчиком. Двуножки зарылись в траву. Остальные в домах – слушают ветер. Летят по ветру крики – то сильней, то слабей. Сполохи в чёрном столбе.

Гляжу: Чумазый. Три-ки-так! Рядом сел. На перьях солома, хвост обтёрхан. Неряха. Ти-ррак! Как делишки, сестрица? Никак, пропитание ищешь? Трик-трик! Отощала. Тирр-и-таки-так! Собралась до Огнища. Трак-тик-тирра-рак! Не летай, худо будет. Тир-рик! Вон пошёл. Нам, со-рокам, сам чёт не указ.

Лавирую дальше. Стучалки стучат, тарактелки пыхтят. В глазах – серая муть. Где-чего? Облетаю Огнище. Пламя столбом. Не понять ничего. Сажусь на забор. Тир-ри-рик! Не забор, а кусты. Вон – стучалка. Стоит неподвижно. Повсюду двуножки. Одни ходят быстро, покрикивают. Schneller! Schneller! Другие – медленные. Жмутся друг к дружке. Глаза большие, как у коров.

Тр-рак-итак! Двуножки странные. То стоят, то бегут. Скалятся, как собаки. Вода из глаз – ручьями течёт. Меняют кожи из мёртвой травы. Три-ик! Одни – чёрные, громкие. Таррак! Другие тихие, всякие разные. Маленькие, большие. Чёрный орёт: Sachen auf den Boden! Los! Los! Эти бегут, все за ними. Тар-р-тирра-рак! Что за дела?

Сижу гляжу. Трик-тр-рик! Стучалки стоят. Возле них – никого. Тра-ка-так! Вон двуножки какие-то. Чахлые. Трак! Закопались в чу-

жом барахле. Так и зыркают: взад-вперёд. Трик! Не найду ничего. Лечу дальше. Села на провод. Качалка-жужжалка. Трик-тр-рик! Тихих гонят в кусты-железяки. Выбегают. Там чёрный кричит: Achtung! Kleidung ausziehen! Wäsche – getrennt! Schuhe – getrennt! Seife – nehmen! Juwelen – übergeben! Schneller! Schneller! Вижу дупло. Три-кр-рик-атак! Внутри – серый скалился. Блестяшки берёт – повсюду сует. Жмот.

Вон двуножка. Белая, как снег. Сверкнуло в руке. Была ни была. Пикирую. Тррр-ак! Хватаю-лечу. Из дупла зырит. Fang! Fang! Серые ошалели. За мной бегут. Стрекоталки трещат без умолку: трра-ки-таки-таки-таки-так! трра-ки-таки-таки-таки-так! Лечу над стучалками. Фу, еле ноги унесла. Назад не гляжу. Страшно.

Дальше-дальше. Тирри-рак! Чуть не задохнулась. Дыму-то, ужас! Таррак! Вонь человечья – самая-самая. Трак! Полетела до лесу, через поле и реку. Красный шар медленно ползёт по мутному небу, уходит в землю. Вижу Старую рощу, где Сорочьего Царя дом. Дуб с ветвями громадными, трик! Повсюду мои собратья. Мол, объявилась. То да сё. Чё забыла? Тиррак! Иди отсюда. Трракатак! Я им в ответ: а вот ЭТО видали? Тра-ак-така-так! И показываю блестяшку. Меня сразу в хоромы. Большие такие, круглые, на самой верхушке. Внутри – не видать ничего. Пригляделась: на камне Сорочий Царь сидит, венец плетёный на голове. Глаза у него сверкнули. Перья – узористые, длинные – зашевелились. Ты, говорит, что наделала? Тирри-рик!

Тарри-рак! Я говорю: вот. Вам от меня лично. Старалась. Тра-ак! Ты, говорит, страх потеряла, что ли? Отвечаю: да нет, вашество. В чём виновата? Он мне: летала ты в место проклятое. Вещь твоя нехорошая, хотя красивая страшно. Тир-рик! Камни светятся разноцветные, переливаются. Шуршат на змеистой ниточке – так чудесно. Три-ки-так! Это, говорит, зло беспредельное. Стон по земле идёт, небо трещит. Верни, где взяла. Тра-а-как-а-так! Я говорю: как так? Тир-ра-рак! Думаю: не возьмут меня в племя сорочье. Видно, умом не вышла.

Смотрит на меня Царь в темноте пристально и словно мысли мои читает. Дура ты, говорит. Тир-ра-рак! До Большого Огнища летала – тир-рак! – да главного и не разглядела. – Чего не разглядела? – Изошёл, говорит, воздух тоскою смертной. Звёзды кривятся. Далеко нас отсюда видно. – Тир-ра-ра-рак! – Чего, говорю? – Тиррак! – Кому видно? – Дали небесной. – Поняла. – Ничего ты не поняла. Трака-так! Снился мне нынче сон: земля говорит со мной. Худо мне. Помираю. Дети мои детьми же моими накормили меня. Тра-ки-так! Осквернили меня, облезнили – всё живущее-цветущее-плодоносящее, таррак! – до скончания времён.

Сказал мне Сорочий Царь, чтоб летела обратно – воротила бле-

стяжку хозяевам. Мол, жизнь в ней бьётся чужая. Леденит ему душу ветрами нездешними. Тра-ка-так! Не возьму я такую. Говорит, кто Огнище развёл – будет племя пропащее, будет жить оно смертью, покуда не сгинет. Изгадило племя людей себе прошлое-будущее... Ты ещё тут, негодная? Тра-ак!

Вот попала. Лечу я обратно. Тир-рак! Залетаю в гнездо. Положила блестяшку. Таррак! Не могу наглядеться. Такая отрада. Слева – ручка железная ржавая. Справа – гвоздики, вилка погнутая. Ещё пуговицы медные, фантик и грошик... Никакого сравнения. Тррак! Чтобы МНЕ – да такое отдать? Никогда. Лучше с голода пухнуть!

Чую, всё содрогнулось. Тир-ри-ри-таки-так! Зашумело качало. Гнездо моё ходуном заходило. Вот-вот упадёт. Веточки захрустели, блестяшки мои забренчали. Трак-трак! Обнаглела ты, птица – слышу голос густой, нутряной. Без того племя ваше меня обсидело. А теперь уж мне вовсе невмочь. – Чего? говорю (испугалась совсем). – Напоила меня мать-земля человеческой кровью – отравой лютой, напитал меня страх человеческий – всему миру чужой. Тир-ри-рак! Корни мои день и ночь гной сосут. Напиталось досыта тьмой. Не греми побрякушками, мол. Дай поспать. А особенно той, что всё время звенит и блестит аки смерть. Тир-ри-рик! Во дела.

Много вас тут – живья бегучего-ползучего-летучего. Тирри-рик! Земли-черногнойки дети – тирри-таки-так! – проклятые. – Ой-ой-ой, говорю. Тарррарак! Не хватало ещё мне без крова остаться. Тиррак! Отчего же проклятые? Трак? Вот я разве проклятая? Отвечает: ты тоже. – Почему? – Потому, говорит, что тупая ты птица. Зла в гнездо натаскала. Так-ак-тарра-тика-так!

Да идите вы все! Тирра-рик-тарри-так! Полетела к Огнищу. Вижу: всё полыхает. Всюду пепел, да крики, да лай собачий. Стрекоталки трещат. Чёрные ходят у молчальни огромной. Белых рядами поставили, гонят туда. Дітки, дітки, буде вам банька! Села тихонько на ёлку. Белые внизу. Серые с чёрными сзади и спереди: Schneller! Schneller! Белые трясутся. Одна грязь вокруг. Тирри-ри-таррак! Маленькая меня заметила, тычет пальцем: Мама, сорока! Тра-ак! Всё, пропала. Тиррик! Пронесло – не увидели.

Клюв открыла. Блестяшка упала. Трик-трик! Подбирает, маме несёт. Мама берёт, на ногах не стоит. Молчальни двери открылись. Всех туда гонят. Тррак-таррак, тррак-таррак, тррак-таррак! – гуделка гудит, как припадочная. Тирра-рик! Светилки повсюду – зажглись и тарашатся.

Двери захлопываются. Чёрные смеются.

Тр-рак!

АНТОН ЗОРКАЛЬЦЕВ, 2003 г.р., Иркутск

Окончил лингво-математический класс Лицея ИГУ. Студент гуманитарного факультета НГУ по направлению «Фундаментально-прикладная лингвистика». Занял II место в литературном конкурсе «Лето поэта», по результатам которого опубликован в альманахе для юношества «Первоцвет». Победитель финала областного поэтического слэма 2019 года.

РАДОСТЬ

Отвыкать, что кто-то вечно рядом,
как болячку, морщась, отдирать.
Тихая отчаянная радость,
отделённой цельности ура.

Ничего нет проще и труднее:
распасться в первозданный свет.
Скорбь бездонна – удержусь над нею,
задержусь в невыросшей листве,

неоттаявших могучих реках
и не прилетевших стаях птиц.
Всё в прорехах. Но в иных прорехах
что-то ведь должно произрасти.

Где бы ни творился беспорядок –
в мире или в сердца глубине –
тихая отчаянная радость
остаётся пусть всегда при мне.

ОБМАНЧИВО

Обманчиво ты крылья подняла,
прилипнув к лампе давнего тепла.
Я знаю, память сердца,
ты не странница.
Болезненно, как острый снег в руке,
как горизонт, приникнувший к реке,
всё тает, тает, тает.
Растворяется!

Мучительно, как дрожь в коленях за
секунду, прежде чем закрыть глаза
и не открыть их по вине случайности.
Маняще, словно пропасть под ногой:
где ты – натянутый, тугой, нагой,
и, как нигде, впадать стремишься в крайности.

И – отрешённо:
всё предрешено.
Рассыпанное звёздное пшено
исчезнет в клюве миллиардолетия.
И будет там и твой заветный свет,
и боль, и грусть, и нежность юных лет –
единственное важное наследие
исчезнет тоже.

ТА, ДРУГАЯ РЯБЬ

Нахожу, ощущая хрупкость минут,
что искристо-нежная рябь реки
так похожа на ту, другую рябь
с тем же цветом и той же нежностью.

Я гляжу в такую же глубину
и движения волн всё так же легки,
и ресницы леса собрались в ряд,
и вот – вот уже лето прорежется.

Но гремит гроза – это знак дурной.
Все разряды, разрывы, надрывы в ней.
Небеса – что ни молния, то строка.
И откладываются рейсы.

Отгремит гроза – воцарится вновь
и тепло, и ласковость летних дней.
Но другою станет уже река,
а глаза с глазами –
не встретятся.

СЕРОСТЬ. ВЕТЕР. МОЛОДОСТЬ. ХВОЙНЫЙ ЛЕС

Серость. Ветер. Больше не холодает.
Лезет птенчик весны из скорлупок-льдин.
Волны сосен, высаженных рядами,
и – по центру – грот. У меня в груди.

Лес согнулся хребтом в холмы и ухабы.
Тучам спины сгибает осадков вес.

Всё теряю. Мне сохранить хотя бы
серость. Ветер. Молодость. Хвойный лес.

ИЗ ДОМА – ДОМОЙ

Из дома – домой. Из привычного города – в город,
который привычней стократ, если брать по годам.
Весь день будто вечер: дождит. Прибываем нескоро.
Дороги двойная печаль: и не здесь, и не там.

Дрожа то и дело от радости или испуга, –
родимый мой дом, ну какой ты теперь примешь вид? –
прижмусь я ушами к железнодорожному стуку,
как будто бы к сердцу, трепещущему от любви.

Неровные стыки. Неравные планки и шансы.
Судьба затаилась, как хищница перед броском.

И кажется, жизнь – это только искусство прощаться
и таять в тумане, надеясь на новый восход.

ИЩУ ГОРУ

Мной навсегда покинут
томно гудящий город.

Я иду по равнине.
Я ищу на ней гору.

Небо и почва чёрствы.
Прям горизонт, как поребрик.

Но моего упорства
это не поколеблет.

Я хочу найти гору,
чтобы обнять руками

в трещинах, как в узорах,
её измождённый камень.

Чтобы весь мир остался
в этой сети из трещин.

В этом недвижимом танце.
В этой беззвучной речи.

Чтобы стоять с ней рядом –
глыба бок о бок с глыбой.

Чтобы буравить взглядом
будущего изгибы.

КОГДА

Когда моя нога утратит корни
настолько, что ударится в бега,

когда растает всё, что свято помню,
как в дымке исчезают берега,

когда протянутся бессильно руки
вдоль тела, неспособные творить,

когда глаза, ослепнув от разрухи,
окаменеют, словно янтари,

когда совсем уже не будет петься,
поскольку станут все слова пусты,

останется одно сплошное сердце,
и сила, что не даст ему остыть.

ЛОСКУТЫ

...Лоскуты, и расходится ткань, только некому штопать.
Под таким одеялом не спишь – задувают ветра,
и глаза – что родные, что новые – входят, как штопор,
через купол спины в переполненный строками храм.

Не найти нам защиты в пестрящих кусках одеяла,
что разорвано нами же с целью потом перешить,
и пока мироточат иконы болезненно-алым,
мы решились, отчаясь, нырнуть в заключительный шик.

Всё когда-нибудь будет. Отплачут слепые портреты,
лоскутки в одеяле портниха цвет к цвету пришьёт,
и латынь нам подарит какое-то новое кредо:
«feci, quod potui»¹ – это нынче, конечно, старьё.

И пробудится личность, флажки за спиною оставив,
и укроет её в своих ломких руках белизна.
Но пока что она свой протест демонстрировать вправе
только тем, что к стене отвернётся в объятиях сна.

НАКАНУНЕ ОТЪЕЗДА

Накануне отъезда
беспочвенно злят разговоры,
но молчать научиться пока что, увы, нелегко.
Накануне отъезда
ты всем говоришь «буду скоро»,
впрочем, всем не секрет, что нескоро. И что далеко.

1 Я сделал, что мог (лат.)

Накануне отъезда
отсчитаны дни, как минуты,
как когда ты в гостях и пора уходить по делам,
не сейчас – через час – но уже никакого уюта
и приличней уйти, чем вертеться всё время к часам.

Накануне отъезда
глядишь на деревья вдоль тракта –
золотые печати заката с одной стороны,
а с другой – темнота, и становится холодно как-то,
потому что видна однобокость душевной весны.

На прощание коротко звякает связка с ключами,
упрекая, что сердце ты отдал за холод высот.
Накануне отъезда
уже понемногу скучаешь
по тому, что ещё не покинул, ведь смотришь вперёд.

А ВОЛНЫ

А волны – замираю, не дышу –
сгибают спины закругленной гжелью.
Так хочется, услышав этот шум,
терять лицо в стремительном движении.

Как будто искривился горизонт,
становится на время зримым ветер.
Лишь здесь на время отступает сон,
господствующий надо всем на свете.

Простёрший руку властно на слова,
на смех и слёзы, на палитру неба.
Рокочущий простор – за валом вал –
конечно, ускользает от нелепых

попыток усмирить и приручить
его решительность и отрешённость.
В полмира грусть без следствий и причин,
наполненность и с ней опустошённость.

ОБМАН

Долой обман. Ведь всё, что стоит слов,
не символ, а свобода ощущений,
летающих во все стороны, как щебень
из-под колёс больших грузовиков.

На окнах шторы робко теребя,
вливаются в маршрутку свет и воздух.
И лишнего лишённый странный остов,
вдыхая даль, найду внутри себя.

Он будто камень в русле горных вод,
ведь всё течёт, как краска по рифлёной
бумаге. Влажно-серый и зелёный –
так лаконично. Больше ничего
не требуется.

Дождь достиг реки –
остались сосны. Сосны, сосны, сосны.
Им в подражанье внутренний мой остов
как будто зелен свежестью тайги.

СИРОТЛИВАЯ СИБИРЬ

Ветром дышащая глушь
и лесной окраски глухость.
Предвкушенья близких стуж,
новых испытаний духа.

До деревьев эту степь
хочется – как недра комнат,
если проводил гостей –
одинокчеством заполнить.

Но – увы – дыра на шве
между чувством и простором,
и фрагменты деревень
рвутся полем,
рвутся бором.

Сиротливая Сибирь.
Поперёк багряной раны

скоро свой наложат бинт
исцелители – бураны.

ПЕРВЫЕ ДНИ ЗИМЫ

Окна на ночь приходится закрывать,
А с утра – поздней покидать кровать:
так приятно спать, когда простыня
сочетается с новой одеждой дня.
А потом – тяготеть на кухню и там
расставлять все тщательно по местам,
и мучное печь, и посуду мыть.
Это значит – первые дни зимы.

А потом – в ослепшие небеса
просмотреть без малого полчаса
и от них узнать, что твой идеал
так преступно нечист и ничтожно мал –
дѣготь осени в белой любви снегов,
зависть осени, тяжесть её долгов,
боль её дождей и деревьев хромых.
Но приходят первые дни зимы.

Замечаешь их, если ты один,
если хоть немного за всем следил,
если кажется, что вот-вот взлетишь.
В эти дни остаётся, не руша тишь,
греться, глядя на холод из-за стекла,
видя, как конденсата капля стекла
по кривому пути, избегая прямых.
Так проходят первые дни зимы.

КОНСТАНТИН МАКСИМОВ, 1984 г.р., Зима

Член Союза российских писателей с 2016 года. Автор двух книг – «Ассоциации» (сборник стихов) и «Пустыня» (сборник рассказов). Повесть «Газ» напечатана в сборнике «Антология прозы двадцатилетних. Второй выпуск» (издательство «Лимбус», Санкт-Петербург). Печатался в журналах: «Юность», «Новая юность», «Сибирь», «Зеленая лампа», «Иркутское время», в газете «МК-Байкал», в интернет-журнале «Дискурс». Участник конференции в Липках фонда ФСЭИП (опубликован в итоговом сборнике «Новые писатели»). Лауреат областной конференции «Молодость. Творчество. Современность». Работает репортером в районных газетах. Соруководитель зиминских литературных объединений «Свиток» и «1 Том» (молодежное объединение).

РУССКАЯ ПЕСНЯ

Под покровом листвы
Похоронены мои сны.
Обнажает меня мороз –
Избавляет от грез, от слез.

Я вырос на холме –
Готовлюсь к новой зиме,
А с другого берега реки,
Показывая кулаки,
Песню поют бурлаки:
«Эх, широка русская тоска –
Вскормленная клюквой дикой,
Вспоенная водой великой».

Сгнивал, исчезал частокол имен
На сжимающемся, исчезающем поле.
Когда на ветру развеялся тлен,
Осталась пресловутая воля –
Пустая постылая воля,
Слепая, глухая воля,
Немая, тупая воля.
Некуда преклонить колен,
Некому рассказать о боли –
Кромешная тьма как плен,
И поле – русское поле...

Над снежной равниной протяжный стон –
«Эх, хорошо, если мы заживем,
Эх, хорошо, если мы проживем,
Эх, хорошо, если мы доживем».
Бурлаки тянут вагон.

СТУДЕНЧЕСКОЕ

Уродский Бродский!.. Эта тишина
Еще вчера казалась многоточьем...
Листва опала, дни еще короче,
И тишина уже почти страшна.

Квартира – склад уюта и тепла.
Дверь не скрипит. Не гнутся половицы.
И занавеска бьется, словно птица,
За темные квадратики стекла.

Сплин вышибают клином. Иногда
Уродский-Бродский-я хожу на пристань.
К осеннему прислушиваюсь свисту –
Под волосами бред, белиберда.

Уродский Бродский кружит над водой,
И в серой сени мой курок на взводе –
И в тишину том Бродского уходит,
И многоточье – в точку с запятой...

И томики летят над мостовой!

* * *

Падая в жизнь, где люди
Учатся тосковать и ждать,
Переживать и плакать, буду
Молчать, ромашки рвать,

Любить до головокружения,
Но так, как птицы в небе парят,
Как дельфины молчат при пении –
Забыв про взгляд-

Ы. Разговоры, прикосновения –
Обязательные под листопадом
В парке жизни – гуляя рядом
За рядом, уходя в снижение

Чистого одиночества при любви,
При общении с человеками –
Каждый внутри любви, зари,
Под глубоко закрытыми веками,

Широко открытыми глазами
Прячет внутренний взгляд
В глубину, что всегда с нами –
Никогда не отпустит назад...

...И снова я
Говорю сам с собой междометьями.
Люди мало говорят,
Но в часы последние, предпоследние –
За рядом ряд пропадая в заре,
Из которой не возвратиться
В жизнь, где по небу летают птицы,
Осыпаясь в сентябре
Худошавыми лицами –
Вынуждены стареть,
Петь, веселиться,
Танцевать,
Летать, как птицы.

* * *

Город еще говорит –
Слишком усердно, но он
Больше скрипит, хрипит.
Город речи лишен.

В ней чувствуется самоцель,
Расчетливость тишины,
Право молчать как зверь,
Не испытав вины,

Не испытав позор
За пьяного дурака,
Несущего сорный вздор,
Нелепые облака.

Да, лучше молчать,
Никого не вина.
Вы отняли не часть,
А целиком меня.

* * *

Мосты и парки в городе должны
Напоминать о Петербурге. Летом
Расклеивать афиши про дожди,
Срывать со всех окошек шпингалеты!
Не надо праздников на площади. Они
Лишь обижают дни другие, словно
Те второсортны – значит, не нужны,
Серы и незначительны, условны,
Скучны и апатичны, словно звук
Жужжания мух, закрытых крышкой в банке
Из-под варенья. Запретить «досуг»
И уйму прочих слов, потворных пьянке,
Поскольку пьянка убивает дождь,
Мосты и парки, и луну, и звезды
Над крышей дома, где сидишь и пьешь,
И что-то говоришь, пока не поздно.

ЧАЙКА

я – поэзия –
вдохновение – оформленный порыв –
желание – потребность –
страх...
«Страх – всегда страх потери»
Ричард Бах «Иллюзии»,
Бах написал и «Чайку»
про чайку, которая хочет научиться летать,
среди непонимания
не рожденных летать гусей, но
в редкие минуты головокружения
напоминающих голубей,
летающих недалеко от земли и недолго!
вот бы и нам, небожителям,
порой присаживаться –
вить гнездо,
строить башенку,
говорить о простых вещах –
математика – оформленный порыв –
вдохновение – жизнь –
(поэзия)
– я

ЮЛИЯ ШУБЕНКО, 1995 г.р., Иркутск

Родилась в Усолье-Сибирском. Бакалавр филологии ТГУ. Магистрант ИФИЯМ ИГУ, учитель литературы школы № 3 г. Иркутска

* * *

В детстве, когда мой двоюродный брат
Любил строить карточные домики
И выдувать на них воздух из щек,
Я тихими руками вытягивала города
Из пыльных бабушкиных книг,
До которых всем давно уже не было дела.
Возводила целые улицы Ахматовой и Блока,
Кварталы Пушкина и Дюма,
Циферблатом укладывала сады Цветаевой,
Как клубнику на языке катая эти названия.
Площади мостила пухлой «Юностью» и «Новым миром»
И видела в них взлетную полосу песенного «далеко».
Потом тощими ножками я гуляла там Гулливером,
Но, в отличие от него, на тех улицах я была больше дома,
Чем в своей заправдашной квартире из бетона
И взрослых кризисов, щей и трехлитровых солений.
Я делала из книг кирпичики и клала стены,
Не читая,

Но потом я перестала играть в книжные города,
Потому что освоила беглое чтение.
А когда дед умер,
И из дома все повиытаскали, поделили,
Книги сгорели безмолвной грудой среди огорода.

*Мои первые
погребальные
курганы.*

* * *

Когда я встретила свою первую
любовь,
Планета остановилась, чтобы я смогла выжить
после восторга.
Он был голубоглаз и не по годам остроумен,
Как в романах.
(Я до сих пор говорю его шутками)
И предоставлен мне на долгие годы, по сорок минут с утра
С перерывами.
(Я едва радовалась каникулам)
Тогда я научилась говорить заново. За бесконечность
Нутряного молчания
Я монологами разливалась над клетками и чернилами,
Лишь бы он не останавливался,
Лишь бы был добр ко мне и весел, лишь бы был.
Я тогда очень глупо и неосторожно развела в стороны
Свои ребра.
И показала ему все органы, где, говорят,
душа.
(Не вру, что вернись назад, не стала бы)
И он не выкрикнул,
не отшатнулся,
не высмеял.
Я поверить не могла в его присутствие после,
И времени не хватало его украдкой
Любить.
(Потому что я знала: даже долгие годы заканчиваются)

Мне было одиннадцать,
но планета порой до сих пор
останавливается.

* * *

В детстве,
Когда только учишься восхищению,
Я смастерила себе сачок из проволоки
И рыжей сетки из-под картофеля,
Чтобы размахивать им как волшебным посохом,
И как в древних сказках вылавливала
красоту.
Красота барахталась, трепыхалась, падала,
Задыхалась в моих вспотевших ладонях,
Оставляла на пальцах цвет и сияние,
Вздрагивала.
А потом сутки билась на тонких иглах...
Я ее нанизывала, такую разную, такую живую,
Глагольную,
И раз в полчаса поглядывала, чтобы она утихала
В раскрытом виде.
Если приходилось, насильно разводила в стороны
Ее крылья. И придавливала.
Иначе взмахи сачком того не стоили.
Когда она замирала, как картина, как статуя,
Когда становилась совершенной, не распадающейся,
Я укладывала ее в желтую коробку из-под картошки фри.
К прочим остановившимся.
Каждые выходные я проверяла коллекцию,
Свой зимний сад, выдох на полуслове,
Тоску под ребрами.
Но в какую-то из суббот или воскресений
Моя кладовая красоты сгорела с мусором в свежепобеленной
Бабушкиной печи...
Я ее оплакала и больше никогда
Не приносила жертв
красоте.
Потому что взмахи сачком того не стоили.

* * *

Дом бабушки и дедушки
я называла «Моя Тара».
Он был стар, покрыт известкой
и шумел трубами,
Но его подоконники были так широки,
что любая история
Могла на них поместиться вместе
с моими коленками.
У них был бесконечный огород,
наполовину засаженный
Картошкой, которую я гордо называла «плантацией»;
и клубника, которую мама
щедро сыпала в манную кашу,
когда напевала.
И все мои детские страхи и желания
вращались в его фундамент.
У бабушки с дедушкой были десятки коров,
и кур, и свиней,
Которых я оплакивала, каждой осенью,
которых любила летом.
За моей плантацией цвел сиренью
и пионами бабушкин сад,
Я играла в нем в дочки-матери и на качели
взлетала выше криков, которые
иногда пропускали шелушавые голубые ставни.
А дальше –
острые иглы сосен нанизывали облака над лесом,
Который дедушка огородил и присвоил,
за который его и нас проклинали
недовольные, подслушанные голоса соседей.
Моя Тара была прекрасна,
Точно южные вечера в кинофильмах.
Она шуршала длинными
старыми платьями из комода,
Раздувалась куполами их подолов, когда я
до одышки
Танцевала в них перед старым холодным трельяжем.
Там,
с вершин шкафов и гвоздей, в стене следили хмурые,

Истощавшие от войн и голода
портреты прабабушек и прадедушек.
Они смотрели на мои танцы, мои песни,
книги на подоконнике,
Даже когда я просила,
пожалуйста, не смотреть, –
смотрели.
Моя Тара пахла как рассол и варенье,
как ветка сирени и черемухи,
Как порезанный палец и долгий дождь,
пахла конфетами, которые
мне дарил соседский мальчик,
как цепь велосипеда, на котором он меня катал,
а вслед нам кричали про «тили-тесто».
Моя Тара была теплой, как затопленная
трескучая печь,
Как шерсть с прялки, как длинные
белые свечи в рюмках,
Как мамины плечи и сухие
бабушкины ладони.
Я так хотела остаться, но
оказалось,
что Тара тоже
кончается.

ЕКАТЕРИНА СЕРЕБРОВА
1991 г.р., Усолье-Сибирское – Иркутск

Родилась в 1991 году в г. Усолье-Сибирское, живет в г. Иркутск. Окончила ИГУ по специальности психолога (2013 г.) и магистратуру филологии (2016 г.). Прозаик, пробует себя в написании сценариев и пьес. Публикации: в сборнике ИГУ «Продвижение» (2010 г.), в альманахе «Первоцвет» – с 2015г.; в журнале «Сибирь» (№1, 2019 г.), в журнале «Азь-арт» (№1, 2020г., №3, 2021г.); в сборнике прозы «Пускай услышат наши голоса» (Иркутск, 2018 г.).

Дипломант 3 степени Областной литературной конференции «Молодость. Творчество. Современность – 2018». Участник Школ писательского мастерства СФО (2019 г., 2020 г., 2021г.) от Фонда СЭИП. Шорт-листы конкурсов: фантастики «Лето любви... по Фаренгейту» (2020г., г. Москва), прозы «Жемчужное ожерелье» (2021г., Орловское отделение СРП), прозы «Капля в море» (2021г., г. Севастополь). Лонг-лист конкурса пьес (2019 г., г. Казань). 2 и 3 место конкурса «Зима фантаста» (2020, г. Иркутск); 1 и 3 место конкурса сценариев (2017, 2018 гг., г. Иркутск, ВГИК).

В ЧЕРНО-БЕЛЫХ ТОНАХ

Рассказ

2004 г.

Саша, девочка тринадцати лет, и ее мама Вера сидели у кабинета психолога, дожидаясь своего часа приема. Коридор офисного здания в вечернее время опустел, и происходящее напоминало Саше черно-белый фильм нуар: давящие стены, холодная атмосфера разочарования и недоверия. К себе, к окружению, ко всему... Вместе с тем, это было словно не наяву. «До чего же я докатилась?», – мрачно думала она, тоскливо глядя на дверь кабинета перед собой.

Саша всегда отличалась от других детей закрытостью и сообразительностью. Поздно заговорив, она начала сразу выдавать мудрые не по годам предложения и легко запоминала стихи. Девочка занялась творчеством, выдумывая новые миры и представляя в них себя смелой и независимой героиней. Сочинять истории Саша начала еще до того, как научилась писать. Играла куклами, как актерами в театре, продумывая для них реплики и сюжет.

Всё это не мешало ей в жизни до поры до времени и не бросалось другим в глаза. У Саши были подруги, она была примерной и послушной ученицей, держалась в твердых «хорошистках». Реальный мир раньше казался ей волшебным и добрым, как в ее сказках. Молчаливой она была в папу, но вскоре сверстники и некоторые взрослые начали говорить Саше, что она «странная», и этого объяснения стало недостаточно. Девочка не могла унять воображение и между уроками нередко «выпадала» из реальности, сама того не замечая. Всё чаще слышала от детей в свой адрес «чудна́я», наблюдала в глазах родных вопросы и подозрения, и быть не такой, как все, перестало нравиться Саше. Из-за страха превратиться в изгоя, из-за переживаний, нормальная ли она, девочка сильно нервничала и училась прятать свои эмоции под маской безразличия и презрения. Но страх никуда не ушел.

Больше всего она боялась, что и вправду ненормальная.

– Может, тебе не писать пока рассказы? – предложила мама в коридоре.

Она пожала плечами: творчество было частью ее жизни. Саша не представляла, как можно «отключить» творчество. А что останется? Пустая реальность?..

– Они мешают учебе.

Саша промолчала: ей ничто не мешало в учебе. Она уставилась на

свои ботинки, покрытые серой застывшей грязью.

– Влияют на психику... Ты как будто не здесь. Всегда.

Саша бессильно злилась – она знала это и ничего не могла поделать. И никто не сможет, никакой психолог...

Ее мама Вера была человеком, который не даст себя и близких в обиду, а если нужно, то и сквозь стены пройдет, но своего добьется. Практичная, инициативная, общительная женщина удивлялась, почему обе ее дочери характером пошли не в нее. Умницы, красавицы, но молчаливы, особенно младшая Саша. Старшая девочка уже покинула родительское гнездо, с успехом поступила в вуз и все-таки не замыкалась от людей, как сестра или папа. Пышущая энергией Вера устала от пассивного мужа, который ворчал по поводу и без, запрещал приводить гостей и ревновал, если она куда-то ходила без него. С отъездом старшей дочери мама и папа развелись. Дети не были против, он давно не проводил с ними много времени. Когда-то они ходили в лесные походы, ночевали в палатках, но в последние годы папа либо лежал у телевизора, либо торчал у себя в гараже.

Саша много думала о сходстве их с папой характеров. И ей не нравились эти черты – застенчивости, малоэмоциональности, тревожности. Ей хотелось быть легкой на подъем, как мама, которая советовала «бороться с собой». Но этот совет не давал ничего, кроме ненависти к себе. Саша надеялась, что однажды страхи сами пройдут, и она станет, как все.

В семье почти не обсуждали ее странности, трудности в общении, благодаря чему поддерживалась иллюзия благополучия. Но, когда они остались с мамой вдвоем, иллюзия рассыпалась. Стоило Вере предложить Саше сходить к психологу, как дочь согласилась, не уточняя, зачем – им обеим это было ясно без слов.

Иногда Саше нравилось быть другой, она ощущала себя особенной и умнее ровесников. Пока мальчишки бегали во дворах и играли в «войнушку», девочки наряжали кукол и мечтали о принцах, она рассуждала о жизни и смерти, о Боге, о том, почему распалась Римская империя, сочувствовала крепостным на Руси. Зачитывалась Чеховым и Есениным и считала, что большая часть ее одноклассников (гимназистов, кстати) – сплошные недоросли. Мечтала открыть приют для животных и занималась музыкой. И уж совершенно точно никто не писал сочинений лучше нее. Но все это не прибавляло ей друзей, а вопросы «почему ты так странно смотришь?» не делали Сашу увереннее. Школьные успехи и чувство превосходства не позволяли ей быть счастливой.

Перед встречей с психологом Саша храбрилась и думала, что будет интересно, разгадает ли её специалист. Но весь азарт исчез, когда худая

женщина, наконец, пригласила её войти. Саша привычно оглянулась на маму: но нет, здесь придётся отвечать самой.

Отвечать у доски она могла уверенно, так как знала, что говорить, чего от нее ждут. В незнакомом кабинете девочка закусила губу и теребила пальцы с черным лаком на ногтях, уставившись в пол. Некрасивый красный ковер казался более занимательным, чем смотреть в глаза психологу.

– Расскажешь о семье?

Саша не отвечала. Порой она применяла такую тактику: если промолчит – забудут о своем вопросе и уйдут. Но здесь это не пройдет.

– О маме.

От волнения у Саши взмокли ладони.

Психолог протянула ей заполнить бумажные тесты. Саша догадывалась, какие ответы – «норма», но все же постаралась отвечать честно. Но не настолько, чтобы загреметь в «психушку».

Что же дальше? Она боялась новых вопросов, но их не последовало. Психолог пригласила на её место маму, а Саше пришлось дожидаться в коридоре, холодном и мрачном.

У неё замерзли ладони, стало зябко. В любую погоду девочка куталась, несмотря на то, что у нее часто потели руки. Она накинула на плечи куртку и засмотрелась на трещины в шпаклевке унылых голубых стен.

Саша услышала стук, затем увидела в конце коридора девочку в инвалидной коляске. Она самостоятельно управлялась креслом. Саша отвернулась – она жалела инвалидов, в самом деле особенных людей, но не знала, как себя с ними вести. Надеялась, что девочка не к этому кабинету и не обратит на нее внимания. Но она подкатилась и остановилась возле Саши.

– Привет, ты туда?

Саша посмотрела на нее оценивающе. На вид ей было лет десять, и не ответить ребенку с добрыми глазами было бы неправильно.

– Нет, жду.

– А-а. Я уже в третий раз иду. Лиза, – представилась она и протянула руку.

Как магически на нас действуют рукопожатие и имена – Саша отмерла и назвала свое имя, неловко пожимая худую ладошку.

– Они думают, я в унынии, – она произнесла последнее слово по слогам. – А чего мне унывать?

Саша повела плечом: а что на это возразить?

– Ты... давно такая? Что... случилось?

– Авария год назад. Я знаю, что больше не встану, – Лиза говорила

легко и непринужденно. – А если встану, то чудом. Ну и что? Я же могу учиться, рисовать, дышать.

Саша подивилась оптимизму Лизы, и собственные проблемы чуть отошли в сторону.

– Тебе не страшно?

– Мне уже нечего бояться, – просто улыбнулась Лиза.

Из кабинета доносились голоса. Саша нервно вскинула голову.

– Подслушай, – подсказала ей Лиза.

Саша не нарушала правил, но идея была своевременной – неизвестность ее добивала. И Саша припала к двери.

– Да, это определенно не шизофрения, как я сначала подумала, – вещала психолог, – и не аутизм. Во всяком случае, для постановки точного диагноза требуется другая диагностика, но я не думаю, что это нужно. Тестовые показатели в норме.

– Так что с ней?

– Повышенная тревожность, ярко выраженная интроверсия – это есть. Больше внимания, меньше давления.

Саша отпрянула от двери. Выдохнула: неужто она не ненормальная? Обернулась на Лизу, та помахала ей шарфиком насыщенного зеленого цвета. Саша облегченно улыбнулась.

Вышла мама, встревоженная больше, чем обычно. При виде дочери она выпрямилась и вернула себе былую уверенность. Они взялись под руки и ушли, оставив грязно-белое здание позади. Саша решила, что когда-нибудь напишет о своем походе к психологу, а ещё лучше – историю о девочке Лизе, которая победила страх.

ВАТРУШКИ

Рассказ

2019 г.

I want to break free¹, – раздавалось в динамиках Васиных наушников. Настроение было ни к черту. Раньше этой песни хватало, чтобы взбодриться и вдохновиться. Но то, что он узнал, не укладывалось в голове и не было простой мелочью. Вася отказывался об этом думать и надеялся, что любимая музыка заглушит тревогу (хотя бы на время) и станет подспорьем в работе – он вымешивал тесто для будущего хлеба.

Вот уже год двадцатисемилетний Вася трудился помощником пекаря, и это занятие очень ему нравилось. Они с дядей Пашей работали на

1 Песня гр. Queen – «Я хочу освободиться/ быть свободен» (пер. с англ.)

кухне маленькой пекарни вдвоем.

Сегодня ни любимое дело, ни вдохновляющая музыка не спасали Васю – всё шло наперекосяк. Он забыл смазать яичным кляром и добавить начинку в ватрушку – свою любимую выпечку, положил ее к другим на противень и поднес к печи.

– Васька! – дядя Паша вовремя остановил его. Забрал изделие, чтобы доделать самому.

Упитанный, уса́тый дядя Паша был добрейшим человеком и превосходным кондитером. Он бы мог и самые сложные многоярусные торты создавать, но приходилось ограничиваться хлебом, да небольшим разнообразием выпечки вроде ватрушек – спрос рождал предложение.

– Что-то ты рассеянный сегодня, – заметил пекарь, доделывая изделие и убирая противень в печь.

Вася выключил музыку, убрав наушники в карман формы. Сам он был средней комплекции, но рядом с дядей Пашей выглядел тощим. Тощим и будто унылым, потому как улыбался нечасто, однако пессимистом себя не считал.

– Я покурю, дядь Паш.

– Курение убивает.

От этой фразы Вася вздрогнул, хотя раньше воспринимал ее равнодушно. Он стянул перчатки и фартук, в которых готовил, и пошел через подсобку во двор.

На улице стояла летняя жара, и даже в кителе с коротким рукавом было душно. Вася встал в тень, закурил, мрачно поглядывая на свежую единственную татуировку на своем предплечье. Змейка уже не так его радовала и не казалась блестящей идеей. Зачем она теперь? Кому и для чего ею хвастаться?

Вася прокручивал в голове утренний визит к врачу и ожидание в очереди с чувством, как перед расстрелом. Сигарета подрагивала в пальцах. Неужели правда?.. Неужели он болен этим?.. Разве так бывает с молодыми и, в целом, здоровыми людьми? Максимум, чем болеет физически крепкий юноша, – это насморк, разве нет? И как это произошло, если он соблюдал все меры предосторожности? Неужели больше ничего не будет, как раньше? Неужели это всё?..

Куча вопросов вертелась в голове у Васи. Они терзали его и мешали работе. Несмотря на это, он не спешил искать ответы и, напротив, предпочел их не замечать. Помощник вернулся на кухню, дядя Паша внимательно смотрел на него. Вася надел фартук, взялся за перчатки, угрюмо пялясь в мозаичный пол.

– Вась, что случилось?

- Дай тесто, дядь Паш. Я доделаю правильно.
- Ты не заболел? – участливо продолжил пекарь.
- Со мной всё отлично, – он и хотел ответить вежливо, но голос сорвался.
- Может, тебе после вчерашних анализов плохо?
- Я не болен!
- Ступай, отдохни, Вася, – миролюбиво сказал дядя Паша. – Погуляй где-нибудь у воды, если и не болен – свежий воздух тебе не помешает.
- Извини, – пробубнил Вася, снимая фартук обратно. – Справишься один?
- Куда ж я денусь, – по-доброму усмехнулся пекарь. – У нас тут круговорот из хлеба и теста, ничего непредсказуемого не произойдет.
- Я, наверное, просто устал.
- Конечно, не каждый же день донором становишься. Это ответственное и взрослое решение. Молодец, что пошел.
- Я пока только анализы сдал, – вяло напомнил Вася.
- Это уже полдела! – дядя Паша хлопнул его плечу и вернулся к работе. Вася переоделся в подсобке и ушел.

Оля

В любой другой день Вася бы обрадовался дополнительному выходному, пошел бы с друзьями на набережную под крики чаек и шумы волн попить пивка, но сейчас не хотелось ни алкоголя, ни встречи с кем-либо. Он решил последовать совету дяди Паши и отправился в парк. Попутно до него дозвонилась Оля – его девушка, и Вася, все еще пребывавшая в прострации, не нашелся, как ей отказать в прогулке.

Он выбрал парк развлечений, небольшой, но шумный. Вася не любил таких мест, а сейчас выбирал осознанно: среди галдящей ребятни, счастливых взрослых и звенящих аттракционов проще забыться.

Вася прошел в глубину парка, где был установлен памятник-скамейка безвременно ушедшим рок-музыкантам. Это бронзовая гитара с нотным станом и розами при ней – дань уважения любимцам публики. В раннем детстве Васька был очарован рок-звездами. Глядя на их выступления по телевидению, он тоже представлял себя задающим барабанный ритм под беснующийся рёв толпы. Потом кулинария затмила грёзы, но любовь к музыке по-прежнему помогала ему творить. Он немного завидовал кумирам – эти парни были молоды и свободны, возможно, счастливы. «Живи ярко и умри молодым²», – в чем-то неплохой призыв... И запомнят

2 «Живи быстро, умри молодым» – неофициальный призыв представителей рок-культуры 80-90х, в том числе «Клуба 27»; т.е. музыкантов, умерших в 27 лет.

тебя молодым и красивым, и вреда много не успеешь причинить, и боль навсегда уйдет. Но если его известные ровесники перед смертью успели распробовать жизнь на вкус – и сладкий, и горький, – то о себе Вася такого не сказал бы. Первые шаги на работе мечты, посиделки с друзьями раз в месяц, туманное для него будущее с Олей... Чего он добился? Чем мог бы гордиться?.. Или даже стыдиться?

Он обернулся и посмотрел на колесо обозрения вдаль, думая, что и его жизнь скоро совершит последний оборот.

Побродив среди аттракционов и ребятни, Вася совсем выдохся. Запестрело в глазах, и разболелась голова, поэтому он выбрал скамейку в тени поодаль от аттракционов.

Миловидная блондинка Оля была безупречна: коротенькое летнее платье в цветочек ей очень шло. Она припозднилась, но Вася ничего не заметил. Оля сама отыскала его, села рядом и начала болтать. Ее щебетание окутывало его разум, убаюкивая.

Стук барабанов и монотонное пение пробудили его. Звук нарастал, погружая Васю в самые страшные мысли. Ему живо представилась похоронная процессия где-нибудь в Индии, во время которой тело, завернутое в белое, с цветами, несли под пение и стенания к реке для сожжения.

И вот, они с Олей заметили приближающихся кришнаитов – славян, ряженных в пестрые индуистские костюмы, распевających хвалебные мантры Кришне. Они возносили руки ввысь, улыбались и кружились в своем вечном танце Сансары.

– Как красиво, – заметила Оля, провожая их восторженным взглядом.

– Моя мать помешалась на их этой... йоге, – хмуро сказал Вася в ответ.

– Йога – это полезно.

– А чем плоха гимнастика?

– Говоришь, как старый дед, – пошутила Оля, но Вася взвился.

– Взяли моду – воровать чужие традиции, не вникая в их суть и смысл.

– Мы все живем на одной планете, – возразила Оля, – поэтому и традиции могут смешиваться. Современный мир таков.

– Ага, и все люди братья. Очнись, сегодня они поют, а завтра выйдут с ружьями против твоей семьи.

– Это неправда.

– Ладно, не кришнаиты. А, допустим, кавказцы. Или таджики. Китайцы. Да кто угодно, хоть наши же соседи славяне. Человеку нельзя доверять.

– Ты ведь не расист, Вась. Чего завелся-то?

Вася и правда одинаково нейтрально относился ко всем нациям. Глядя вслед беззаботно танцующим людям, он и не знал, почему сейчас взелся на них. Возможно, из зависти: люди радовались солнцу, беззаботно танцевали. У него было жгучее ощущение, что весь мир обернулся против него.

– Человек человеку волк – вот, я к чему. Душно что-то... – Вася ощутил подкатывающуюся тошноту, оттягивая ворот футболки, – поехали домой.

Они снимали «однушку», платил за нее только Вася. Старая мебель конца прошлого века, старый же ремонт, и лишь одна стенка с новыми обоями – напротив компьютерного стола, где Оля записывала свои ролики для блога. Она и хотела бы все поменять в интерьере, но Вася зарабатывал недостаточно и распределял их «общий» доход более рационально – на самое необходимое.

По приходе Вася привычно отправился на кухню. Там ему было комфортно. Готовить под такт любимых ритмов сейчас, однако, не очень хотелось.

– Вась, посмотрим киношку? – крикнула ему из комнаты Оля. – Старое, трогательное «Достучаться до небес». Помнишь, нам понравилось?

– А повеселее ничего нет?

Меньше всего ему хотелось сейчас смотреть кино о надвигающейся на героев смерти.

Обычно в готовке у Васи было немало идей, но сейчас ничего на ум не шло. Дурацкая татуировка мозолила глаза. Это мешало сосредоточиться, и он силой воли заставил себя заняться делом. Взял овощи и хлеб для бутербродов. Привычные действия давались с трудом – руки дрожали, и Вася не мог ровно и быстро нарезать помидоры, весь испачкался в томатном соке. «Мне ж теперь и кулинарить запретят», – мрачно подумал он.

– Может, «Далласский клуб покупателей» пересмотрим? – раздалось из комнаты за стенкой. – Там мой любимый Джаред играет и твой гений Мэттью.

Услышав это, Вася случайно резанул по пальцу и выронил нож. Проступила кровь, смешавшись с помидорным соком. На шум пришла Оля, потянулась к порезу. Вася одернул руку.

– Дура, кровь!

– Но я...

– Подай бинт.

Девушка суетливо достала из шкафчика рядом аптечку и протянула бинт. Вася выхватил его, сам перевязал палец. Рана не была хоть сколь-нибудь серьезной, и он бы позволил Оле позаботиться о нем, но не сейчас.

– Только и делаешь, что глаза в экран пялишь, да ролики тупые снимаешь. Пользы от тебя ноль, – пробубнил Вася.

– Неправда! Я убираюсь. А в блоге помогаю сотням девочкам поверить в себя, – у Оли проступили слезы. – Ты же не был против!

Вася вдруг впервые задумался, что такая красавица из обеспеченной семьи делает рядом с ним, никчемным обывателем. Ни лицом, ни фигурой он не выделялся, связей не имел, денег – тем более, страсть между ними тоже прошла. Так почему? Этот вопрос, раньше никогда не возникавший, завис и жужжал, как надоедливая муха.

– Поди папика себе ищешь, чтобы оплачивал тебе твои хотелки, ничего не требовал, не спрашивал. А я так, лишь бы был.

– Ну, Вася!

– Или уже нашла... Откуда айфон? – припомнилась ему недавняя обновка. И в его воспаленном мозгу всё сошлось. – Ты мне изменяла? – он вцепился в ее плечи, забыв о порезе.

– Папа подарил, ты же знаешь! Почему ты кричишь? – у Оли проступили слезы.

– Изменяла мне? – повторил он, встряхнув ее.

– Нет! – она заплакала. – Отпусти!

Он отступил, почувствовав, как она трясется.

– Ты мне надоела. Уходи.

Оля была в шоке.

– Проваливай, ну, – у него уже не было сил на крик.

Она развернулась и ушла. Через несколько минут хлопнула входная дверь.

Вася думал, ему станет легче, и Оля действительно была ему обузой, но нет. От ее ухода, возможно, окончательного, Васе было плохо. Он не мог сказать, что любит ее, но привязанность и симпатия были. Приятно было видеть Олю рядом, и ничто не раздражало в ней. До сегодняшнего дня, когда она внезапно опротивела. Всё рушилось в его жизни. И он не мог это остановить.

Вася запустил неудавшимся бутербродом в стену, ударил вслед кулаком и обессиленно опустился на пол. Вспомнил, что Оля хотела выложить мозаику у раковины и даже набросок сделала, как бы это выглядело. Милый дельфинчик был не совсем к месту на кухне, но он был не против ее идеи – креативно, уютно... И чего он наорал, да взъелся из-за айфона?

Может, Оля и ни при чём в его бедах. Не факт, но... Человек не виновен, пока не доказано обратное. А он так с ней. С другой стороны, Оле лучше уйти сейчас. Ей же во благо. Чтобы не оказаться с ним рядом, когда «добрые» соседи решат распнуть его; когда градом польются оскорбления и полетят в него камни; когда друзья откажутся пожать руку.

У Васи ком застыл в горле: он не мог ни мыслить, ни чувствовать, тупо уставился перед собой. Как проста была его жизнь, и как плохо, что он этого не ценил. Думал, скучно как-то, однообразно: и карьера медленно продвигалась, и девушка будто бы не та. И как всё сложно стало теперь. Или, наоборот, проще некуда – заделаться затворником и тихо уйти.

По столу пошла вибрация. Вася поднял руку и нашарил свой простенький смартфон. Ответил, не глядя, – папа. Звал в гости, помочь собрать мебель.

Они с папой были не в ладах после их с мамой развода три года назад. Несмотря на то, что Вася уже был взрослым, он не хотел терять цельности родительской семьи. Он вырос в любви, и для него стало ударом предательство мамы, которая вышла замуж за другого. Сначала Вася не общался именно с ней, но это оказалось тяжело. В разводе виноваты оба, решил он, и переложил вину на папу. До сих пор Васины отношения с родителями были напряжены, а отчима он считал врагом.

В гости к папе Вася не ходил.

«Ты сегодня какой-то грустный. Что-то случилось?»

«Брось это, я не у тебя на приеме», – по иронии судьбы, Васин папа работал школьным психологом.

«Я волнуюсь за тебя. Да и нам пора бы наладить отношения... Помнишь, как мы любили рыбачить вместе? Может, сгоняем на речку, а? Покупаешься, развеешься».

«Ты выпил, что ли?» – Вася не мог понять папиного настроения.

«Нет, просто... Три года прошло, мы уже и с твоей мамой общаемся, а с тобой всё не клеится. Пришел бы сегодня, я ватрушки испек. Помнишь, как вы с мамой любили их печь?»

Васька помнил. С ватрушек и началась его любовь к кулинарии.

Мама стала проводником в мир кулинарии, а папа... папа был примером по жизни. Тот, с кем вместе рыбачили, неумело чинили Васькин первый велосипед, криво забили первый гвоздь, решали по ночам примеры по математике, в которой оба не разбирались. Папка мало чего умел делать по дому, он был тихим интеллигентом, но старался изо всех сил вырастить сына настоящим мужчиной. Худо-бедно ему удалось: Вася чуть не подался в механики, самостоятельно освоив необходимые навыки, но любовь к кулинарии победила. И любовь к маме – тоже.

«Вы общаетесь с мамой?» – для Васи это было сюрпризом.

«Ну, злиться на нее три года – перебор. Мы общаемся с мамой и... с ее новым мужем».

«Хм, мило. А что, вам с Семеном есть, что обсудить. Ты ему про способы манипуляции, он тебе – про золотых львов, – Васин отчим занимался сетевым маркетингом. – Впрочем, у вас одна женщина – а это точно сблизит».

«Не говори так о матери. Мы оба виноваты, Вась, и не надо злиться на меня».

Вася, все еще сидя на полу, понял, что больше и не злится на папу. Он оставался к нему холоден, но обида прошла. Сильные эмоции сейчас были ему недоступны. Хотелось лишь одного – прижаться к маминому плечу.

«Вась, ты там?»

«Да».

«Жизнь так устроена, сынок. Подумай насчет рыбалки, хорошо?»

«Хорошо».

Вася оставил этот вопрос до следующего раза, если тот наступит. Ему было необходимо рассказать, наконец, то важное, что с ним происходило, а папа пока не подходил для этой роли. И Васька направился к маме.

Мама

Мама энергично бегала по своей большой роскошной квартире, накрывая в гостиной на стол. Она обрадовалась приходу сына, но не давала ему и слова вставить, а лишь ловко подсовывала ему всё новые тарелки, стоило только пойти за ней на кухню. Вася проходил так из комнаты в комнату раза три, расставляя блюда на столе, и выдохся. Не физически, конечно.

– Мам, – позвал он ее, присев на диван. Мама, взмыленная, но бодрая, пронеслась мимо с шикарным блюдом из рыбы.

– Ох, как бы пригодился сейчас твой отменный пирог с черемухой, – проговорила она, – и почему я не попросила тебя о нем раньше? Скоро придут Семьи партнеры, всё должно быть идеально.

– Мам.

– Ему дают бронзового льва, представляешь? – продолжила она, оставшись в комнате, чтобы сервировать стол. – Он так много работает.

– Мам.

– Да-да, ты не любишь Сёму, называешь его аферистом. Я и сама так думала. Но сегодня особый день, не до споров. Неважно, чем он занимается, главное, что он меня любит, человек хороший. И тебя любит,

Вася, учебу твою оплачивал.

– Мам, я должен тебе сказать.

– Гости, сынок. Поговорим после. Можешь остаться, постелем в твоей бывшей спальне.

– Я умру молодым, мам, может даже скоро, – признался Вася и пустил слезу. Горькую и обидную, как в детстве, когда его ватрушки для мамы сгорели.

Мама оставила все приготовления, села к нему и прижала к себе. Нежно-нежно.

– Что ты такое говоришь, милый? Ты проживешь долго, хороший мой, и станешь великим пекарем. Или кондитером.

– Нет, мам. С моим диагнозом долго не живут. И пекарем не становятся.

– Ты болен?

Весь день он не то, что вслух сказать, и в мыслях не допускал этого страшного слова.

– Я ходил сдавать донорскую кровь, у меня взяли предварительный анализ и выяснили... В общем, я ВИЧ-инфицирован.

Только произнеся это вслух, он ощутил, что не так оно и страшно, это слово. Страшнее – последствия. Но и это уже не особо волновало. У него был план: умереть молодым – это неплохо.

– О, Боже... – она побледнела. – Они не ошиблись?

– Нет, мам.

– Как же так вышло?

– Не знаю. Грешил на Олю, но она вряд ли виновата. Я мог заразиться, где угодно.

– Предупреди девочку, милый. Она не бросит тебя.

– Предупрежу. Но я ее сам бросил.

– Почему?

– Это не связано. Сейчас неважно, мам.

– С таким диагнозом тоже живут, милый, проходят терапию, заводят семья. Ты будешь счастливым, сколько бы тебе не было отмерено, слышишь? И не сдашься.

– Не знаю, мам, зачем.

– Как зачем? У тебя есть близкие, которые тебя любят. Руки-ноги целы, осталось голову вправить, – она серьезно посмотрела ему в глаза. Против ее энергии они с папой всегда сдавались.

– Не каждый примет меня таким. Меня заключают.

– Не каждый. Но те, кто примут, и будут твоей поддержкой и опорой. А ты – им. Мы с твоим папой точно от тебя не откажемся. Ты не бу-

дешь одинок, если сам не надуришь. Ну, обещаешь мне бороться?

В дверь позвонили. Мама поднялась, не спуская глаз с сына. А он не знал, что ответить. Видя, что она разрывается между ним и гостями, Вася кивнул. Женщина поспешила открыть дверь. Вася переждал их появление на кухне, а потом покинул квартиру, оставшись незамеченным.

Здесь и сейчас он был не нужен.

Пекарь

Домой ехать Вася не хотел. Он не мог выносить всё это в одиночестве.

Мелькнула мысль о примирении с Олей, но, подумав еще, все же решил не мучать и оставить ее. Он разлюбил и бесчестно было эксплуатировать девушку, какой бы милой она ни была. Ноги привели Васю в пекарню.

Уже стемнело, и пекарь ушел домой. Васька порылся в шкафах и нашел заначку – коньяк. Выпил, попытался слепить ватрушку, потом бросил эту затею, пошел в подсобку за фруктами, которые хранились там для торта на заказ. Запнулся на пороге, решив не зажигать свет, упал и не стал вставать. Устроившись на полу, среди коробок, с бутылочкой коньяка Вася приготовился к ночлегу.

Васю разбудил резкий поток солнечного света, направленный ему в глаза. Он сощурился, с трудом разлепляя глаза и фокусируясь. Перед ним стоял дядя Паша.

– Упс, извините, – стыдливо пробормотал Вася, заметив пустую бутылку и валяющиеся рядом помятые фрукты. Он хотел прибраться, но случайно надавил на порезанный палец.

– Всё в порядке, сынок, не суетись, – дядя Паша присел рядом на корточки и остановил Васины попытки что-либо исправить. Вася лишь сел поудобнее, мечтая попить и поесть. Пекарь, будто прочтя его мысли, протянул ему яблоко. Васька жадно набросился на него, хотя лежал на таких же, но сам не додумался перекусить.

– Дядь Паш, мне придется уйти из пекарни.

– Чего так?

– У меня... у меня ВИЧ, – ни к чему было юлить. – Прости, вчера узнал. Надо было сразу сознаться.

– Это ничего... – пекарь положил руку ему на плечо. – Это мы преодолеем. Из-за этого ты хочешь уйти?

– Я подумал, мне теперь нельзя... да и ты не захочешь быть рядом.

– Дело не в моем желании. Ты прав, есть свои нюансы, – дядя Паша сделал паузу. – Чего хочешь ты? Ты любишь свое дело?

– Не дави на больное, – помотал головой Вася. – Кому я такой нужен? Кто купит мой хлеб? – повысил он голос.

– Мой сын учил меня не сдаваться без борьбы, – голос пекаря дрогнул. – Ему было тридцать два, когда болезнь забрала его у меня.

– Блин, дядь Паш... – Вася знал эту историю, ему было жаль пекаря, но сейчас собственная боль возобладала, и слышать о чужой было трудно.

– Я говорил, что от онкологии, но он ушел от СПИДа. Узнав диагноз, кто-то сгорает сразу. По разным причинам: кто-то не хочет бороться, кому-то нет ради кого и чего, кто-то устал, кто-то стар и так далее. Но это не зависит от возраста и не всегда зависит от врачей. В твоем случае многое зависит от того, что у тебя тут, – дядя Паша постучал Васе по голове, – макароны или мозги, – юный помощник чуть улыбнулся. – Найди в себе силы и цель и борись. Мой сын не ушел без борьбы, но у него было слишком мало шансов на безоговорочную победу – мы поздно узнали о диагнозе. Неужели твоя жизнь такая бесценная?

Перед Васиными глазами пронеслось, как они с папой в детстве катали колобки из теста и лепили ватрушки, чтобы порадовать маму. И как маленький Васька сжег свои ватрушки. Пахло горелым, малыш рыдал, будто это самое большое горе в его жизни, а папа, разгоняя дым, приговаривал «ничего, сынок, ничего».

Вася и не ожидал, но слезы наворачивались на глаза. Спрятал голову в коленях.

– Сейчас тебе кажется, что жизнь померкла, но потом, спустя время, твоя проблема станет каплей в море. В кипучем море радостей и горечей. Васька, – дядя Паша сгреб его в охапку своими большими руками, – ты же мой лучший помощник. Мы с тобой примем все меры, ты мне очень нужен.

– Я слышал, невозможно остаться в пекарне.

– Мы соблюдаем все санитарные требования. Ты будешь регулярно проходить осмотр, а при любом порезе сообщать мне без промедлений. Я буду подсказывать тебе, как соблюдать осторожность – постепенно привыкнешь. Всякое будет, Вася, но ты научишься.

– Не хочу вас подвести, – Вася обнял наставника в ответ.

– Вот и не подводи, Васька. Нам с тобой еще столько лет тесто вдвоем месить.

Дядя Паша потрепал его по голове, и Васю отпустило. Вот, чьей поддержки ему не хватало.

Пекарь помог своему подмастерью подняться. Вася переодевался в маленькой комнатухе и засмотрелся на татуировку, сделанную пару

дней назад. Вася думал, с ней он будет казаться круче, весь из себя опасный, brutальный. Зашипит, если нужно, и проглотит. Но он не был таким никогда. А змея на его руке не обязана быть ядовитой, способна обернуться из коварной искустельницы в мудрую, вечно юную советчицу. Всё может измениться. Но только ли к худшему?

– У тебя татуировка? Не замечал, – обратил внимание и пекарь, как Вася вошел на кухню.

– Да, недавно сделал. По дешевке в подвальчике одном сделал... – в Васиной голове пронеслись строки о путях передачи ВИЧ из брошюрки, которой его наградили в больнице. – О, черт.

Вася завязал фартук и замер.

– Ладно, Васька, не грузись. Обработай руки, надевай перчатки и помогай.

Вася сделал, как он сказал, и встал к рабочему месту. Вот оно, его место. Включил на смартфоне радио. Снова пел бессмертный Фредди Меркьюри, на этот раз песню The Show Must Go On, и работа потихоньку пошла.

Пошел запах из печи, запах свежего хлеба – и на душе Васи потеплело.

АНТОН МАКАРОВ, 1985 г.р., Иркутск

Родился в г. Усть-Илимск. Работал спортивным корреспондентом местного Илимского ТВ. Окончил Байкальский государственный университет экономики и права по специальности «экономист менеджер». Старший менеджер по продажам. Играет в баскетбол на чемпионате Иркутской области. Публиковался в альманахе «Первоцвет». В региональном литературном конкурсе «Лето поэта» занял II место в номинации «Проза». Участник областной литературной конференции «Молодость. Творчество. Современность» (2018), Школы молодых писателей Сибирского федерального округа в Кемерово (2019), Ежегодного Всероссийского Соповещения молодых литераторов в Московском государственном институте культуры в Химках (2020), Межрегионального совещания авторов Сибири и Дальнего Востока (2020). Участник XX Форума молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья, на котором номинирован к изданию книги.

ВОЛЬНЫЙ ПЛЕН

Рассказ

Я оставляю за спиной столицу, двигаясь по телетрапу, словно гладиатор-смертник на арену, где меня ждут ликующие римляне и голодный до человеческой крови лев. С каждым шагом образы становятся ярче, а движение вперёд – невыносимым. Неужели войны, вступающие в последний бой, испытывали схожие чувства? Возможно, их поход стимулировала стража?

Втыкая взгляд в грязный иллюминатор, я думаю о том, что толь-

ко в городе с населением более двенадцати миллионов понимаешь, как ты по-настоящему одинок. В деревне, где-нибудь на стыке цивилизаций, едва ли ты сможешь ощутить подобный приступ меланхолии.

Когда думаешь о *ней*, тебе почему-то становится стыдно... вспоминаешь, как читал её личные записи и ещё раз признаёшь, что в них, как ни странно... ты!

Книги, которые читаешь, список любимых песен. Ты хотел понять её душу, а вместо этого уколол свою.

Но в этих мыслях нет тебя, никого нет. Есть только тот мир, что показала тебе картонная бумажка, на которой написан рисунок ее жизни... твоей жизни... Ты украл фото, где она мирно спит на фоне большого панорамного окна, всегда показывающего одно и то же – московскую окраину. *Она* тебе понравилась, *она*, не окраина!

На фоне шуршащих ручной кладью и куртками людей я не могу оторвать взгляд от фотографии. Все события и все мои мысли получили пожизненный срок на этом кадре.

Я вдруг вскакиваю, как конченный псих (возможно, так и есть), отталкиваю какого-то хипстера и бегу по направлению к выходу. Пробираясь сквозь «римлян» с пакетами из «ИКЕИ», бросаю в сторону стюардессы полную чашку про невыключенный уют и не замечаю, как наступает следующий акт, в котором меня сопровождают в сторону выхода негативно настроенные сотрудники аэропорта.

А что дальше?

Да-да, ты не ослышался, это говорит тебе совесть! Та самая, что пыталась запретить тебе читать в школе «Героя нашего времени» в кратком изложении, пить в студенческие годы на морозе водку, опаздывать на работу, ссылаясь на пробки и проспавший будильник. История твоей жизни в кратком изложении – как, собственно, и заказывали.

Извиняясь перед своим главным моральным судьей, еду на другой конец города – в Нахабино, а в это время мой зелёный боинг чертит в небе петлю. Гаснут табло «пристегните ремни»; водитель такси слушает «Басту». Все эти картинки проносятся мимо какими-то дырявыми и ненастоящими фрагментами, аллюзией. И та история, что начинается сейчас с конца, может быть рассказана исключительно таким образом.

И вот уже «Яндекс. Такси» скрывается за поворотом, а я втискиваю свою нахлынувшую после пятилетней спячки нежность в подъезд. Минуя лифт, вбегаю по лестнице на пятый этаж, и безо всякого сомнения (совесть молчит, она в шоке, как и сам автор) нажимаю на кнопку звонка. За дверью слышатся неспешные тихие шаги, и через несколько секунд щёлкает дверной засов...

* * *

Ты начинаешь свой рассказ, и он похож на сотни других рассказов. Ты показываешь фотографию голубых гор на закате, и она похожа на сотни фотографий гор на закате.

Наташа уснула. Недавно я ей сказала, что в этом путешествии нам будут встречаться только хорошие люди. И если что-то пойдёт не так, они помогут.

Путь нам давался слишком легко, а вокруг все почему-то восхищались, «как две девочки решили пойти одни». По дороге попали на развилку и на «су-е-фа» (я так всегда говорю, но у «Википедии» другое мнение) свернули к пастушьим домикам, возле которых паслись кони.

Вечером пришли на место первой стоянки – в Инструкторскую щель. Наташа поставила палатку, я в сумерках сходила в гору за водой, мы поели и легли спать.

Бабахнуло. Пронеслось по горам и задрезжалось, закапало, зашелестело травой. Всю ночь в полузабытьи. Проснулась в темноте. Чёрный жук цепкими лапками царапал по спальнику.

А-а-а! – ору.

Наташа, а ты слышишь звук колокольчика?

Может, это Жеребчик пришёл?

Наташа, а звук волн слышишь?

Нас затопило?

Может, ливнем снесло прямо в Чёрное море?

* * *

На стеклянном столике лежат силуэты красивых дам, аккуратно вырезанных из каких-то журналов. Их имена неизвестны, их личности не установлены.

Силою своего воображения вижу, как хрупкая девушка отделяет эти фигурки от глянцевых страниц. Они покидают свой дом навсегда, их об этом никто не спрашивает, они просто остаются жить закладками в книгах, а московское серое небо кидает на них свои тени через единственное панорамное окно двадцать первой квартиры.

Риелтор, знающая меня по прошлым контактам как человека разумного и до мозга костей порядочного (ха-ха, это мои голубые глаза!), за неимением других свободных квартир предложила бюджетный вариант. В суть ситуации я не вник, главное, чтобы чек для бухгалтерии был, а остальное – ненужная лирика. Усиленно кивая и думая о тёплой ванне, я запомнил только то, что хозяйка уехала на пару дней в Иркутск, словно нет больше городов, куда можно отправиться – только мой. В подсозна-

нии слышалось – «землячка».

Мне до всего этого панибратства решительно нет никакого дела. За такую цену в Москве можно снять только капсулу в прокуренном наркоманами хостеле. А тут милая уютная квартира, пусть и не в центре, зато тихо, можно сосредоточиться на подготовке к переговорам. Скучная работа платит приличное жалование, командировки служат отдушиной. Радость от одиночества иногда хочется разбавить сменой обстановки и стаканчиком виски. Но эту аксиому я понял не сразу...

Первый год после развода ты пытаешься вернуться в семейную жизнь, цепляешься за первую попавшуюся неисправимую истеричку и спустя несколько месяцев от всей души шлёшь её подальше. Второй год спишь со всеми подряд, изображая тщательный кастинг. Третий – самый сложный, невозвратный. Ты не нуждаешься больше ни в ком. Одиночество, наконец-то, становится счастьем...

Старина Бегбедер прав на все сто – любовь действительно жива три года.

Тёплый весенний вечер обещает быть недолгим: сказывается усталость после перелёта. Контрастный душ придаёт сил, и я утопаю в дневнике.

* * *

Как много времени уже прошло. Перечитываю свои старые тексты. Очень они чудные, горячие, наивные. Я ли такое написала? Да ну что вы! Точно не я. Слишком хорошо подмечено – я бы до такого не додумалась.

В какой момент всё пошло наперекосяк? Где произошёл слом? Когда я перестала чувствовать, что моя работа важна? Почему на смену играм и приключениям пришла ежедневная торговля информацией? Когда текст превратился в продукт? А я что – торговка информационным фастфудом?

Это мои сложные профессиональные вопросы.

Я уговариваю себя, что вообще-то за эти годы научилась приемлемо складывать слова в предложения, чувствовать темы, понимать, анализировать. Я вроде бы не вру, не торгую своими ценностями, не манипулирую.

Просто кризис затянулся. Я нагрузила им друзей и немножко коллег. Рассказала всем, что ничего не умею, кроме слов и смыслов (хотя и тут сомневаюсь). Что не могу это использовать в рекламе – получается вонючая жижа. Что мне всё-таки нужно зарабатывать. Что я придумала, а потом не сделала. Что хочу написать о том, как живёт мой

дядя. *Что хочется, чтобы не зря.*

С этими ощущениями начинаю каждый свой рабочий день. И поэтому меня тошнит.

* * *

Меня разбудил яркий солнечный свет, приглушённый бледно-розовыми шторами. Бессознательно оглядываюсь по комнате: всё тот же журнальный столик, белые шкафы с книгами, кисточками, ароматическими свечками, небольшими подарочными коробочками. Нахожу серо-чёрный фотоаппарат, в памяти которого нет ни одного кадра. Пустота.

Маленький мишка, словно из советского детства, смотрит на меня со шкафчика пуговичными глазами. Ностальгические чувства переплетаются во мне каскадом эмоций и не дают сосредоточиться на предстоящем через несколько часов деле. Ощущение, что я проснулся в другом мире, и какой-то спокойный голос прошептал мне: «доброе утро».

Засушенные ромашки (нахожу это... очень милым), фонарик, чтобы не заблудиться в темноте, рисунок рыжего кота, словно из моего прошлого. Хаотично разбросанные вещи смотрятся как элемент искусства. Тут нет беспорядка – всё на своих местах. Даже мои синие кеды!

Видя, с каким трепетом и любовью расставлена мебель, думаю – хозяйка не знает, что я вторгся на сутки в её внутренний маленький мир. Уверен, она бы этого не позволила, по крайней мере, спрятала личные вещи.

Если она сейчас войдёт? Она появится и выставит меня вон. Она будет права. Лишь бы не напугать её...

Склонность просчитывать заранее все события иногда делает только хуже. Конечно же, этого не случится, и я её никогда не увижу.

А должен? Или хочу?

Почему в этой квартире такой же светло-серый пол, как и в моей? Почему белый подоконник и маленький балкончик, куда едва ли влезут четыре автомобильных шины, круглые сутки залиты воображаемым светом?

Почему я спал как младенец, хотя на новом месте всегда мучаюсь от бессонницы?

Сам не понимая, что творю, звоню риелтору:

– Мне нужно у вас спросить – хозяйка знает, что вы пустили к ней гостя?

– Что за чушь? Конечно, она в курсе!

– Тогда ответьте. Вы бы оставили личный дневник на самом видном месте, если бы знали, что в квартиру придёт незнакомец?

– Слушай, от меня что надо? У тебя ипотека есть?

– Да!

– Вот и у неё есть, всего хорошего...

* * *

Холодно, липко и темно, если смотреть в окно поезда. В нём отражение меня, отражение мужчины напротив, отражение отражения мужчины напротив. Ветер и капли о платформу. Белые кроссовки. Синие кеды. Искажённые черты меня, тебя. И нас там. Голубые глаза.

Мне кажется, что я уже давно еду холодная в этой вечерней электричке.

Каланчевская, Рижская, Дмитровская.

Вытягиваю образы из темноты, но они не складываются.

Гражданская, Красный Балтиец, Стрешнево.

Не складываются, понимаете?

Покровское-Стрешнево, Тушинская...Тушинская!

Тушеная картошка со сладким чаем.

Трикотажная, Волоколамская, Пенягино.

Какая картошка, Катя?

Павшино, Красногорская, Опалиха.

Смысла нет, машинист! Притормози!

Потом Аникеевка и Нахабино. Конечная.

Покусываю губы. Их тут же обдувает ветер. Вдруг понимаю, что плачу и улыбаюсь.

* * *

Словосочетание «бессонный сон» спустя столько лет, наконец-то, становится понятным. Образ Кати сформирован, и я отчётливо вижу её карие глаза, вижу, как она мило улыбается, глядя из окна на детскую площадку, сосредоточенно ловит объективом камеры понравившийся кадр, с грустью смотрит в телефон, что-то пьёт из большого прозрачного стакана, спит, накрывшись клетчатый пледом.

Мне пора, но меня не отпускает дневник...

Светло-голубые стены перестали казаться чужими за эти несколько странных часов. Коричневый мишка сверлит меня взглядом, словно просит остаться ещё ненадолго с ним, рядом с маленькой гитарой (я «загуглил», это укулеле), с дневником и светом...

Наливаю себе кофе и читаю про то, как Катю бросил какой-то таксист на шоссе. Представляя, как я бью ему прямой в нос, надеваю пиджак и смотрюсь в зеркало, вмонтированное во входную дверь. Отступаю не-

много в сторону и задеваю ногой не прикрученный напольный порожек. Беру его в руки, прислоняюсь спиной к стене и сползаю на пол, не даю выход нахлынувшему эмоциям. Почти сдержался. Просто смотрю на то место, где он должен быть, и понимаю, что Катя купила совсем не тот. Ноги подкашиваются вновь и вновь, и я уже не соображаю, что реально тут, а что нет.

В телефоне пиликнуло приложение «Яндекса». Такси подъехало... Ещё несколько минут.

Ментальная связь иногда сильнее отношений и бытовых смыслов. Границы между любыми чувствами условны. Я собираюсь выйти, но в последний момент замираю.

Воистину, мы потерялись во времени...

Я не могу прийти в себя, вспомнить который сейчас час, какой год. Зато чётко представляю, как Катя сидит на белом овальном стуле и что-то пишет в дневник. Потом берёт укулеле и играет. Музыка раздаётся пронзительным и звонким эхом по всей квартире, она достаёт до моего сердца, и нет в этой мелодии изъяна. Она совершенна! Я умираю и снова возрождаюсь, я беру в руки фотоаппарат и делаю селфи для неё. Хочу посмотреть фото и не нахожу его в памяти. Ещё один кадр – нет результата, она меня не увидит. И вдруг, всё повторяется: колыбель времени взвинчивается, и я вновь знакомлюсь с Катей. Беру в руки дневник и читаю: Нахабино...дождь...горы на закате.... В окне вагона поезда вижу отражение хрупкой, но стойкой и смелой девушки. В её карих глазах всё тот же яркий свет, и я уже не в силах ни оторваться, ни пошевелиться...

* * *

Я иду в метель к станции Тушинской.

Вокруг чёрные силуэты.

И я для них чёрный силуэт.

Три года в Москве, а всё чужая.

Еду до Третьяковской и оттуда плетусь, куда глаза глядят.

Когда выхожу на Большой Москворецкий мост, смотрю на Москву-реку.

Летом в её inferнальных, не пропускающих свет водах хочется утонуться. А зимой?

Зимой эта река так похожа на многих, кто сюда приехал.

Напролом. На излом.

Фотографирую окрестности Кремля и, кажется, будто пишу по исписанному.

Каждый последний хочет быть оригинальнее предыдущего. Но я

не хочу. Не хочу.

Я хочу, как один мальчик в метро, закрыть уши. Чтобы не слышать этот грохот.

А потом убрать ладони от ушей. И опять услышать.

Но это будет уже не грохот, а голос города. Чистая, свободная речь.

Когда я гуляю по центру Москвы, то чувствую себя или туристом, или актёром массовки среди декораций. При этом верю, что возможен иной диалог. Но для него нужно время.

Мои мысли... мои сны... моё богатое воображение – мой главный враг.

Я только что сыграла роль, и, кажется, почти не сфальшивила. Меня никто не ждёт.

Был страх, стало тепло.

Мне хорошо в этом дождливом мире пробок и метро.

Я свободна и независима.

Но я верю, что где-то там, в другом измерении, ты сейчас читаешь мой дневник...

Моззизя

НАТАША МАЯКОВА (ХАДКЕВИЧ), 1988 г.р., Иркутск

Окончила ВСГАО по специальности «Специальный педагог-психолог» и Педагогический институт ИГУ по специальности «Педагогика и методика дошкольного образования». Инструктор-проводник пешеходного туризма. Имеет второй разряд по спортивному туризму. Публиковалась в сборнике «Иркутск. Хроника молодости», альманахе «Каждый стих – дитя любви», в газете «Новые горизонты». Автор книг «Утопая в безмолвной вечности» и «#живидышилюби».

* * *

Ты видишь снежные пики только в своём смартфоне
И ставишь привычным движением пальца под ними лайки,
А я собираю рюкзак, надеваю ботинки и майку
И ставлю режим полёта на телефоне.

Я покидаю город без груза ненужных шмоток,
Все мои вещи вмещаются в семьдесят литров...
И вот он – Огромный экран мироздания без слов и титров,
Без суеты, без пробок и без высоток.

Мне важно вдыхать тот воздух, что ты не чуешь,
И впитывать жизнь всем своим телом предельно важно.
А ты в магазине берёшь себе новый гаджет

И продолжаешь думать, что ты живешь.

А ты – существуешь.

И снова от скуки ты включишь онлайн игрушку,

Но время не ждёт, и когда-нибудь станет поздно.

И поэтому я внезапно срываюсь и еду к звёздам

И жизнь проживаю в моменте на всю катушку.

* * *

Море повсюду – смотри, смотри,

Море уже у тебя внутри,

Море проходит тебя насквозь,

Смывает обиду твою и злость,

Море подхватит тебя волной,

Потянет от берега за собой;

Доверься течению и плыви,

Купайся в солёной его любви,

Отдай ему всё своё существо

И наблюдай его волшебство:

Весь флот твоих горестей и обид

О дерзкие скалы волной разбит

И что было до – это было зря,

На дно уходят твои якоря,

Раздроблены шлюпки и корабли.

Гляди – душа уже не болит.

Гляди: все боли твои, вся грусть

Морем измельчены – ну и пусть.

Всё стало пылью, белым песком,

И ты идёшь по нему босиком

И волны стирают твой робкий след,

И ничего,

кроме моря,

нет.

ВАСИЛИЙ ПОПОВ, 1983 г.р., Ангарск – Москва

Родился в городе Ангарске. Окончил Сибирский институт права, экономики и управления (Ангарск, 2005) и Литературный институт им. А.М. Горького (Москва, 2010). Публиковался в журналах: «Наш Современник», «Сибирь», «Русское эхо», «Новый Енисейский литератор», «Дон», еженедельнике «Литературная газета» и других изданиях. Автор пяти поэтических книг. Лауреат литературных премий: «Соколики русской земли», «Золотой витязь», Лермонтова и Бунина. Дипломант Международной премии им. Сергея Есенина «О Русь, взмахни крылами...». Член Союза писателей России. Секретарь Союза писателей России.

* * *

А снегу, снегу намело
До самых окон.
В избе просторно и тепло,
И кот под боком.

На печке варежка лежит,
Унты и шапка.
По потолку, огнём дрожа,
Бежит лошадка.

А где-то в небе далеко
Луна, как перстень.
А в доме пахнет молоком
И мокрой шерстью.

Мороз направил на стекло
Свои узоры.

И всё беседы за столом
Да разговоры.

Зима лютует, точит меч,
Куёт доспехи.
И щёлкает старуха-печь
Во рту орехи.

* * *

Слышу гул, как будто ветер сильный,
За окном пустая болтовня...
Всё шумит, шумит моя Россия,
Серебром и золотом звеня.

По земле поплыли пароходы,
Берегов не чувствует река.
Для хорошей, праздничной погоды
Расстреляли в небе облака.

Блики, стёкла, звёздная реклама,
Витражи, витрины, зеркала.
Всё блестит кругом, а света мало,
Всё горит огнём, но нет тепла.

Эй, ребята, запевайте песню!
Надоело слушать дураков.
Каблуком четыре раза тресну
И пойду плясать без каблуков.

Помоги мне, русская гармошка,
Что нам их заморский дивиденд!
С нашею смекалкой даже ложка –
Тоже музыкальный инструмент.

Многое от нас уже уплыло,
Многое земля себе взяла.
Пой, душа, ведь ты не позабыла
Родину, которая была.

* * *

Запели птицы на деревьях,
Проснулся двор и огород.
Ударил колокол в деревне,
И медный день пошёл в народ.

Звезду, что в поле просияла,
Туман повесил на сосну.
Старик несёт из сеновала
На вилах бледную луну.

В коробке бабушка из дома
На воздух вынесла цыплят.
Как пятна солнышка лесного,
Они под лавочкой сидят.

А на кровати возле печки
Во сне купается внучок:
Он ловит окуня на речке,
Червя сажает на крючок.

Как вдруг волна его кидает –
Корабль тонет, он плывёт.
На самолёте улетает,
В окопе бой за жизнь ведёт...

По ставням вязь бежит резная,
Сирень глядит ему в окно.
Он сладко спит, ещё не зная,
Что это Родина его.

* * *

Когда-то я – ещё не зная,
Что буду сочинять стихи –
На крыше нашего сарая
Сушил на солнце лопухи.

И думал, что листочки эти
Я закурю, как курит дед.
И накрутил я из газеты,
Как мне казалось, сигарет...

Прошли года, прошло и детство,
Теперь я в комнате один.
Я не курю, но хочет сердце
Почуять этот горький дым.

Стихов не надо, нет, не надо,
От них кружится голова.
Но всё равно летят куда-то,
Как дым, летят мои слова.

...И вот он, мальчик соловьиный,
На сеновале спички жжёт,
И с длинным прутиком малины
Из-за угла отец идёт.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

1

Снег пошёл и ветер тихий...
Ветка щёлкнула в горах –
Лось несёт своей лосихе
Жёлтый листик на рогах.

2

По реке вода искрится,
Солнце яблоком висит.
Как серебряные птицы
Вылетают караси.

3

Глубоко в норе так сладко
На сухой траве вокруг,
Чуть подёргивая лапкой,
Спит калачиком барсук.

4

И бежит, бежит вприпрыжку
Муравей бежит лихой.
Мимо веточек и шишек –
Он торопится домой.

* * *

По коре сосны шершавой
Муравей ползёт на небо.
У сторожки обветшалою
На крылечке крошки хлеба.

Далеко ушёл хозяин.
Перевёрнуто корыто.
А когда придёт, не знаем,
Постучались – дверь открыта.

На столе холодный чайник,
У печи дрова сухие.
И, наверно, неслучайно –
Что у нас леса глухие.

Вот и свет уже в окошке,
Мы на лавках, как на конях,
И горячие картошки
Заскакали на ладонях.

Наливаем для согрева,
Завтра снова в путь далече.
Не забудьте белкам хлеба
Приготовить на крылечке.

АНДРЕЙ АНДРЕЕВ, 1982 г.р., Иркутск

Выпускник гуманитарного факультета Иркутского государственного педагогического университета (специальность «Русский язык и литература»). С 2002 по 2009 год возглавлял неформальное объединение «Литературный цех «Глагол»». С 2009 года председатель Правления вновь созданной Иркутской городской молодёжной общественной организации «Глагол». Публиковался в альманахе «Первоцвет», журнале «Сибирь», сборнике научных статей «Три века русской литературы: актуальные аспекты изучения» (статьи «Мотив прапамяти в лирике М. Цветаевой», «Непогрешимый почерк Марины Цветаевой», «Женские образы в цветаевской «библии»»). 16 сентября 2011 года решением Думы города Иркутска его имя было внесено в Книгу-летопись города Иркутска «350 добрых дел», выпуск которой был приурочен к 350-летию со дня основания города Иркутска. 2 марта 2017 года газета «Областная» назвала его одним из известных и авторитетных общественных деятелей Иркутской области. В настоящее время готовит к изданию сборник стихов, приуроченный к 20-летию ИГМОО «Глагол».

МАЙСКИЕ ЗОРИ

Пуще радости майские зори!
Раствориться бы в зелени рощ
В этот солнечный день. Только вскоре...
Впрочем, что же, пускай будет дождь.

Потонуть бы в ласкающих струях,
Смыть с себя злободневную пыль,
От которой и ныне бегу я,
Хоронясь в тонконогий ковыль,

Норовя в бело-синем просторе
Стаять облаком – в дымку иль дождь.

Пуще радости майские зори!
Воплотиться бы в зелени роц!

* * *

Ни шага нет на этих старых плитах:
Путь долгий к алтарю!
Я прежних слов, пропетых и пропитых,
Не повторю.

И так привычно истекают визы:
Как за столетье – год.
И всё так далеко, и всё так близко,
И всё – уйдёт!

И всех страстей моих исчезнет просто
Былой накал.
Пусть на земле, что сжалась в остров,
Никто не ждал...

И что таить: всё ясно, может стать.
И неуместна грусть.
И я, так не привыкший покоряться,
Вдруг покорюсь...

И нет следов от тех теней проклятых:
Тернист путь к алтарю.
Я старых слов, до междометий сжатых,
Не повторю.

Я ОТДАМ ВСЕ СТИХИ

Я так жить не могу.
Я, наверно, сбегу,
Потому как врагу
Не желаю такого...

Мне мешает идти
Тяжесть сердца в груди.
И молю: «Отпусти!» –
Но напрасное слово...

Спотыкаясь о мхи,
Как чужие грехи,

Я отдам все стихи,
Все последние строфы,

Лишь бы только двух крыл,
Лишь бы только двух жил,
Лишь бы только всех сил
Мне хватило, как мест,
Мне хватило, как бездн,
Чтоб любовь, словно крест,
Донести до Голгофы...

НОЧНАЯ ПЕРЕПИСКА

Забыл. И снова среди ночи
Ты пишешь мне издалека.
Скучаешь разве? Иль не очень?
Стучит по клавишам рука...

Меж нами снег, леса, просторы,
Вокзалы, рельсы и мосты,
Границы областей и горы...
Забыл почти. И снова – ты...

До утра зимнего хватило
Мне лишь бессонницы одной,
Чтобы понять – уже немило,
Чтобы смириться с тишиной.

... Не ждал я от тебя привета.
Забыл, да так, что и не жаль.
Но на просторах Интернета
Ты сокращаешь эту даль –
Для чего?

ЗДРАВСТВУЙ, ОДИНОЧЕСТВО

Тихо камень точится
Каплею минут.
Здравствуй, одиночество!
Вот ты снова тут.

Мне уже не кажется,
Знаю всё давно.

Нити вновь не свяжутся:
Лжёт веретено.

Тихо, пусто в комнате.
Даже пульс утих.
Снова сказки? Полноте!
Вырос я из них.

Лоб-предатель – морщится...
Тишь и сон вокруг.
Здравствуй, одиночество –
Самый верный друг...

В ГОРОДЕ СОННОМ

Как нам дышится в городе сонном,
Скрытым саваном января,
Где тоскою полна уж бездонной
За холмами немая заря?

Здесь опять разлетаются в клочья
Письма, полные старых обид,
Где кругом сплошь одни многоточья,
И слова льются плачем навзрыд...

Как нам плачется в городе сонном,
Потонувшем в январских снегах?
Ни о чём не поведает он нам
И в своих не согреет руках,

Не для наших свиданий, знать, соткан
Неприятный, колючий январь.
Мы не встретимся в городе сонном,
Как тогда, как когда-то, как встарь...

О НАСТОЯЩЕМ ПРОШЛОМ

Всё тогда настоящее было:
Даже ссоры и даже снега.
А потом... Не хватило нам пыла,
И размыло все те берега...
В пору ту не страшили метели,
Не был страшен житейский поток.

Все те дни – по-последнему – грели,
Как последний осенний цветок.

А теперь лишь на небе светила
Помнят юных, непознанных нас.
...Всё тогда настоящее было
По сравнению с тем, что сейчас.

РАЗЛУКА

*Всё круче, всё круче
Заламывать руки!
Меж нами не вёрсты
Земные, – разлуки
Небесные реки, лазурные земли,
Где друг мой навеки уже –
Неотъемлем.*

Марина Цветаева

Всё дальше и дальше
Прокладывать – будни.
И даль застывает:
В ней вздохи и судьбы.
Горели – остыли. Уста лишь сказали:
От жизни – гудка! – на промёрзлом
Вокзале.

Не спать и не сеять –
В промозглости буден.
Тоску лишь лелею.
Забыть бы, уснуть бы.
Как вам в ваших далях? Забылись, уснули?
Стремительна память! Стремительность –
Пули!

Всё жёстче и жёстче
Вымаливать будни.
В застывшие дали –
Лишь крик безрассудный!
И просят, и просят распятия руки!
Я их окунаю в *бесслёзье*
Разлуки.

Миниатюры

СЕРГЕЙ БАЯНОВ, 1984 г.р., Саянск

Образование высшее техническое. Работает на АО «СаянскХимпласт». Рассказы и миниатюры печатались в саянской газете «Новые Горизонты» и литературно-художественном альманахе «Литературные Россыпи» (Саянск, 2015).

ЛЮБОВЬ

В начале было Слово, и Слово было у Бога, и слово было Бог.

Евангелие от Иоанна

И сотворил Бог огонь, воду, твердь и небо.

Земля была прекрасна и юна. Многочисленные реки и озера, безбрежные моря и океаны синевой своей услаждали взор, наполняя животельной влагой плодородную почву, и кипела жизнь буйством всевозможной растительности, невообразимых форм и размеров.

Воздух же чистотой своей, свежестью и ароматом был сродни глотку родниковой воды. И дышалось, и жилось всему животному миру тогда необычайно легко.

Жестокостью, вспыльчивостью и слепым гневом отличался огонь. Бывало, в пламени пожара гибли необычайные цветы, могучие деревья и даже хозяин тех земель человек.

Искра, дочь огня, напротив была кроткого и доброго нрава. Горечь обид и жестокое обращение переполнили чашу терпения искорки, и она решила убежать от тирана-отца.

Но куда было ей бежать?

Простор и гладь водной стихии манили своей красотой и силой. Но смерть, а не свобода ждала в губительных волнах.

Упади она на землю – погибнут сотни жизней от горячего дыхания дочери огня.

Приют, покой и защиту нашла капелька огня в сердце человека. Как известно, первого человека звали Адам, и искра (та, что укрылась в его сердце) зажгла большой огонь.

Благодарные потомки назвали омут пламенных чувств любовью.

С тех пор живет искра в подлунном мире, разжигает костры в сердцах людей.

Да будет так до скончания веков!

ПАУК

Капельки росы поутру блестели изумрудом на тонком полотне паутины. Большой черный паук, со зловещим крестом на брюшке, терпеливо ждал своей жертвы.

Беспечные, надоедливые мухи частенько попадали к нему в сети. Правда, на сей раз в его хитроумную ловушку угодила настоящая диковинка.

Она неистово билась, словно в припадке, и резкими толчками сотрясала паутину.

Огромные крылья в устрашающей окраске хищных глаз, да аккуратные усики. То, несомненно, была бабочка.

То ли нити ослабли от напора ветра, то ли сила жизни была в ней велика...

Однако она сумела порвать ненавистные силки и улететь. Паук проводил ее тоскливым взглядом.

Почему пауки не летают?

На следующий день погода испортилась. Подул теплый ветер с юга. И с очередным сильным порывом паутина оторвалась от родного куста и поднялась в небо. Паук крепко вцепился в кусок бывшего величия и, подобно птицам, парил в облаках.

Если тебе даны судьбой крылья, не попадайся в хитросплетенье паутины серых дней.

ПЧЕЛА

Не каждый путь усеян цветами. Лишь пчелы не ведают ни о чем, кроме дороги цветов. Их восприятие лежит в иной области, отличной от зрения и чувств людей.

Как невероятно прекрасен мир, мир пчел. Ведь для пчелы не существует войн и людей, она живет на другой планете. Планете ярких красок и удивительных созданий.

Люди в тщеславии своем также близоруки, как пчелы. Существует множество миров, недоступных нашему глазу.

Не дайте погибнуть цветам на лугах и полянах, храните красоту чужих миров.

ЗЕЛЁНЫЕ ВАЛЕНКИ

*Отчего порой несчастны люди?
Оттого что разучились радоваться –
так, как радуются дети.*

* * *

– Мама, мама! А мы елочку поставим?.. Нарядим?..

Я от нетерпения пританцовывал на месте – размахивал руками и ногами, пока мама искала ключи от квартиры в хозяйской сумке.

– Конечно, поставим и нарядим, папа обещал пораньше с работы приехать и в лес за елочкой сходить...

– А папа меня с собой возьмет?.. Возьмет, мама?!

– Возьмет, когда подрастешь, малёха...

– А когда я подрасту, мама?..

– Скоро сынок... скоро...

Мама стряхнула с моей одежды снег, открыла дверь.

В коридоре спал отец.

– Папа! Папа! Вставай! Ты чего лежишь!..

Я подбежал к отцу и толкнул его легонько в бок. Отец не просыпался.

– Мама, мама! А почему папа лежит?..

Мама помогла мне снять пальтишко и теплые штаны.

– Папа устал на работе – отдыхает... Сережа, поиграй пока, а я

покушать сварю...

Я послушно пошел в детскую.

Мама сварила кашу, растормошила отца.

Отец завалился на диван, мама прикрыла дверь в зал.

– Серёжа, иди кушать! Каша вкусная...

– Вкусная и полезная, мама, – согласился я, дуя на ложку.

После ужина мама поставила табуретку в комнате, достала со шкафа помятую коробку.

– Елочка! Елочка! Мама! Мамочка!

Мама украсила елочку мишурой. Елочка была как настоящая, только гораздо меньше.

– А Дед Мороз подарочки принесет?.. Принесет, мама?..

– Обязательно принесет, – сказала мама и погладила меня по голове.

* * *

Утром я увидел, что рядом с табуреткой стоят валенки.

Валенки были большие, колючие и пахли чем-то незнакомым, волнующим...

Я засунул руку в валенок и нащупал что-то округлое и твердое.

Сердце застучало сильнее.

– Мама! Мамочка! Зеленый валенок! – закричал я и выбежал из комнаты, но тут же запнулся, упал и громко заплакал.

Яблоко выпало у меня из рук и покатилося по полу.

Поэзия в прозе

ЛЮБОВЬ ГОЛОВИНА, 1984 г.р., Иркутск

Родилась в городе Нижнеудинске. Окончила Филологический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Работает журналистом. Публиковалась в сборнике «Проза взрослых авторов» (МТО ДА, 2017), альманахе «Первоцвет» и журнале «Сибирь». III место международного Гайдаровского конкурса в номинации «Рассказ или отрывок более крупного произведения» (2016), III место конкурса «Короткое детское произведение» от издательства «Настя и Никита» в номинации «Познавательные заметки» (2017), I место конкурса «Лето поэта», организованном Иркутским региональным отделением СМЛ Союза писателей России, в номинации «Проза» (2019). Вошла в шорт-лист Национальной литературной премии молодых авторов 2020 года в номинации «Детская книга».

* * *

Пролетая над моей макушкой,
Голубь не сдержался.
Манна небесная порой принимает
Странные формы.

* * *

На ветку клёна сели мотыльки.
Притворились самолётиками.

* * *

Листья ивы попадали в реку.
Желтеют золотыми карпами.
Осень.

* * *

Круглые фонари зимой,
Словно леденцы на палочке,
Рассыпались из дырявого мешка неба.

* * *

Маленький ребёнок лет полутора-двух
подбегает ко мне на улице.
Ко мне, к совершенно постороннему человеку,
так уверенно, будто мы знакомы с ним сотню лет:
были знакомы где-то в другом мире, до того,
как оба пришли в этот.
Он хватает меня за руки и улыбается
во всю ширь своего маленького,
местами ещё беззубого рта.
Смотрит ввысь, а всё его лицо
светится от счастья:
«Ну наконец-то мы встретились».

* * *

Каждую ночь с хмеля осыпаются звёздочки –
Настоящий хмельной звездопад.
В этом дурмане проносятся мириады желаний.
Вот лежу я на пляже,
наматываю выгоревший локон на палец
и ни о чём не думаю.
Работа моя на сегодня закончена.
Я кормлю себя тем, что рисую картинки
на прибрежных камнях,
а потом продаю их туристам
по цене мировых шедевров.
Если хочется развлечений, то хожу под парусом.

Если хочется хулиганить, то, взгромоздясь на сап¹,
подплываю тихой сапой к настоящим кораблям
и беру их на бордаж...
А потом я беру веник,
ведь утром мне только и остаётся
что выметать звёзды хмеля с крыльца.

* * *

Веточка сакуры из моей головы тянется в небо,
как ребёнок, увидевший птичку или самолёт.
Она тянется туда, где ты никогда не был,
где вообще мало кто был,
учитывая масштабы человечества.
Туда, где летает по орбите душа Гагарина и думает:
«Как же всё-таки прекрасна Земля,
как и в далёком шестьдесят первом».

Веточка сакуры – моя связь с космосом, антенна,
которая ловит сигналы с творческого спутника,
летающего по орбите Земли вместе с душой Гагарина.
И нужно всего лишь настроиться на волну этого спутника,
чтобы творить, созидать, создавать нечто великое.
Сколько идей, открытий, эвристических решений,
доступных каждому гораздо больше,
чем квартира по программе «Доступное жильё».
Столько всего! Нужно только приобрести антенну.
Только приобрести антенну. Любым способом.
Я, например, взрастила веточку сакуры.

* * *

Маленькая мандаринка солнца
выкатилась из-за хвойного леса,
но пока взбиралась к зениту,
превратилась в крутобокую дыню-колхозницу.
Она подставляла новому дню
своё дебелие тело,
сочилась светом на тусклый мир,
заряжала людей витамином Д:

1 сап – SUPboard – доска для сёрфинга с веслом

«Держите, дети. Это бесплатно!»
Но многие всё равно шли в аптеку.
Опечалилось дынное солнце,
растрескалась морщинками гладкая кожа,
появились на солнце пятна.
Это чёрные круги под глазами матери.

* * *

Я достаю из кармана фасолину,
гладкую, как отполированная волною галька;
молочно-белую, как грудка чайки;
с красными пятнышками бабочек-парусников.
Она сплющена с боков и напоминает
ступню новорождённого ребёнка:
на ней ещё нет свода, не сформированы косточки,
подстелила природа под них мягкой соломки,
чтобы не было больно дитятке
топать-топотать по этой земле.
До поры до времени, до двух лет.
Сформируются потом косточки:
всё готово для переломов – тела, души, судьбы.
А пока я мусолю пальцами белую фасолину,
глажу нежную ножку младенца,
пытаясь смахнуть с неё красных бабочек:
«Улетайте, не мешайте дитяте спать».
Пусть хотя бы сейчас его покою
ничто и никто не помешает.
Пусть он будет счастлив.

ЕКАТЕРИНА СЕРОВА, 2001 г.р., Иркутск

Родилась в Аларском районе Иркутской области. Потом семья переехала в Ангарск, после 7 класса – в деревню Бабагай. За время учебы была призером олимпиад по русскому и литературе. Студентка 3 курса БГУ по специальности «Искусствовед». Пишет с 16 лет. Публикуется на портале Стихи.ру (Катя Невесома) и в группе «ВКонтакте» «невесома стих».

БУДЬТЕ

будьте с теми кого ночью в кошмарном приступе одиночества не страшно будить
кричать даже плакать
будьте с теми с кем в январе не знойно нисколько если даже у вас на двоих один шарф серый колючий и старый достался от твоей бабушки

будьте с теми кто в тёмную ночь будет небо руками держать твоё и своё – ваше
будьте как можно дольше с теми и так как завещают любить твои умные горящеглазые старшие

будьте с теми с кем счастливо даже в самый несчастный день, месяц, год
знаете просто будьте любимы с любимыми счастливо или вовсе тогда не будьте
главное – оставайтесь собой

СМОТРИ. ЧУВСТВУЙ. СЛУШАЙ.

Смотри,
Мы не построили дом
И собаку большую не завели
Мы разбились о скалы, каждый раз набирая все
большую скорость волны.
Чувствуй,
Прошло время, когда можно было все поменять,
изменить, но мы продолжали любить, как умели
любить.
Слушай,
Ты знаешь, я не хочу, но, кажется, пришло время
сжигать мосты.

СТРАНЕ

С дорогой – пыльною
С дождями – ливнями
Сквозь сон я слышу гласа долины.
Глухой и тихой, убогой, длинной,
Тоскливой, сильной и столь родной.

Пейзажи серые, дома бумажные,
А люди чистые – с нутром распашистым.

Что обо мне сказать?
Я странник здесь – мне неба с звёздами вполне достаточно.

Визитница

МАРИЯ КИРИЛЛОВА, 1992 г.р., Ангарск

Родилась в республике Бурятии, с 10 лет живет в г. Ангарске Иркутской области. Публиковалась в альманахах и журналах: «Белая радуга» (2012), «С любимыми не расставайтесь» (2014), «Признание» (2016, 2017). Участник литературного проекта «Встречи» (2014) и проекта «Гордость Бурятии – гордость России» (2017). Лауреат городского литературного конкурса «Золотое перо» (2013), литературного конкурса «Звучащее слово» (2016), «Поэты 21 века» (2015). Пишет не только стихи, но и прозу под псевдонимом Мария Зоря – «Стихи Маша ЗОРЯ». Член ЛИТО «АЛО – Пишите правильно!» (руководитель Игорь Корниенко). <https://m.vk.com/public105463423?from=profile>

* * *

А дождь идёт по улицам,
Стучит, стучит...
И свет от фонарей дрожит в окне,
Во мне...
Я так хочу бродить по лужицам.
Молчи... Молчи...
Пусть тайна затаится в тишине...

БРОДЯГА ЛИСТ

бродяга жёлтый лист
кружил, кружил у дома...
и, словно в забытьи,
искал, искал он крова...

откуда прилетел,
и где ж его спасенье?..
он затерялся в суете
осеннего веселья...

сбежал или ушёл,
он всё же заблудился...
сегодня дождь прошёл,
а лист в ночи кружился...

оставил милый дом,
забыл ли про берёзу?..
он помнил о родном,
летел назло морозу!

* * *

Я жить хочу, любить деревья, лица,
Не оставляй меня, моя любимая жар-птица...
Не покидай меня, когда дожди колючие,
И приходи ко мне хотя б по воле случая...
Тогда б я написала о тебе
И о судьбе, и о нелегкой стороне...

* * *

Мне грустно сегодня,
Ведь нет тебя рядом...
Одна я гуляю
с мечтательным взглядом...

Сижу я одна в суете и в делах,
И нет, не бегу я домой впопыхах...
Но в лунных мечтаниях, терзаниях
своих....
Я помню, мой милый, о клятвах
твоих...

АНДРЕЙ ШПАКОВ, 1996 г.р., Иркутск

Выпускник ИРНТУ. Работает заместителем руководителя испытательной лаборатории, занимающейся оценкой условий труда и производственным контролем. Пишет стихи и песни с 15 лет, отсчёт более или менее зрелого творчества ведёт с 20 лет. Член РедСовета ИГМОО «Глагол». Публикуется на страницах альманаха «Каждый стих – дитя любви», на своих страницах в социальных сетях в текстовом, аудио- и видеоформате. Периодически выступает на мероприятиях ИГМОО «Глагол» и иных площадках. Основные темы творчества – взаимоотношения между понятиями «Я», «Женщина» и «Бог».

* * *

Мой ангел сел на подоконник,
И щебетанием его
Пятиэтажный дом наполнен,
И всем светло, и всем легко.

Танцуют лампы и посуда,
Цветут ромашки на стене,
И песни слышатся повсюду
На языках, которых нет.

Был взгляд его острее молний,
Одежда, белая как снег;

Он для чего-то мне напомнил
Всё то, что прятал я во сне,

Он укорял меня жестоко,
Он грозно пальцами хрустел;
Весна неслась по водостокам,
Смеялся дом весь от восторга,
А я вдруг
как-то
опустел.

ЕВГЕНИЯ ГАРИНА, 1989 г.р., Иркутск

Стихи пишет с 10 лет. Выступает со своими произведениями на городских площадках. Участник 2020 года итогового концерта «Поэтфест» в Санкт-Петербурге. Вошла в шорт-лист международного конкурса «Пиши» и сборник по его итогам, в лонг-лист конкурса «Яблочный Спас» (2021). Не представляет свою жизнь без стихов: возможность писать выручает её в самых трудных жизненных ситуациях.

* * *

Утро начинается с тебя,
С мыслей, робко по плечам скользящих,
С поцелуев, жаль, ненастоящих,

Утро начинается, едва
Я глаза влюбленные открою,
Сон смахну и выпущу на волю
Стаю чувств из летнего окна...

Утро начинается с тебя.

Но – невыносимо – не с тобою.

АЛЕКСАНДРА ЛОМУХИНА, 1986 г.р., Иркутск

Родилась и выросла в городе Иркутске. Со школьных времен писала стихи для стенгазет, а в спелеотуристических экспедициях пела свои песни у костра. Время диктует свои актуальные темы: для Александры же они остались прежними – созерцание мира и поиск прекрасного в обыденном, оформленные в классических традициях стихосложения. В свободное время занимается музыкой и с музыкой идет по жизни. Член Правления ИГМОО «Глагол».

* * *

Заблудившись в паутине снов,
Заплетаешь детские мечты
В феньку из маршрутов, городов,
Что пусты.

Разрушая замки из песка,
Не построив каменных взамен,
Понимаешь: знание – навсегда.
Вещи – тлен.

Так зачем же деловой туризм,
Лестницы, дипломы и семья?
Пройден путь. Оглянешься – а жизнь
Не твоя...

ГЛЕБ ТУГАРЁВ, 2001 г.р., п. Тубинский

Родился в посёлке Тубинский Усть-Илимского района Иркутской области. В 2020 стал студентом отделения гуманитарно-эстетического образования Педагогического института ИГУ по направлению музыкального образования. В 2021 году вышел первый инструментальный альбом The Pilgrim.

МЕЖЗВЁЗДНЫЙ РЕЙС

Мы отправляемся на другую планету –
«Шумный свет,
Пылающий на Ангаре».
Поезд гудит –
Имитирует пенье,

А я всё еду и еду...

А я всё жду

Чего-то

Жду...

Смотрю –

Кожаные мешки, окутанные в синтепон.

Вокруг суета – я в её эпицентре.

Каждый здесь слеп,

Но я слепым был иначе –

Смотря в их серость и мрак,

Находил им созвучья.

Так и беженцем стал –

Мне реальность

Голосами тиранов взорвала:

«Уходи».

Но хоть плывут корабли,

Океан не стал домом.

Как берег –

Не стал чем-то большим,

Чем гавань.

Вот и я,

В поисках дома,

Не могу ощутить хоть к чему-то

Причастие.

Мой камень не раз

Соскользнул на вершине.

И опять я на грани,

Опять...

Но вдруг вспомнил тот взгляд,

Ярче звёзд окружных...

Межгалактический Шаттл

Живей не встречал.

Бокал полон –

Мир чувств заработал как призма.

Но я всё ехал и ехал,

Но я всё ждал

Чего-то,

И жду....

КРИСТИНА СЕРЕБРЕННИКОВА, 2004 г.р., Иркутск

Кристина Серебренникова, 2004 г.р., Иркутск. Родилась в городе Иркутске. Детство прошло в деревне Малая Елань. В начальных классах училась художественному слову, в средней школе занималась тайским боксом (достигла 4 кхана и имела зеленый пратьят). С 2018 г. увлекается живописью и рукоделием, создаёт проекты по защите окружающей среды и выступает с ними на городских конференциях. С 2016 года пишет рассказы и стихи. Автор сборников стихов «Летние Мотивы», «Рукою поэта», «Чувство», «Горькие цветы». Участник и победитель ряда областных и городских конкурсов живописи и авторской поэзии. Работает над новым сборником «Новое поколение», целью которого является раскрыть положительные и отрицательные стороны разных поколений, дать им понять друг друга.

* * *

Бабье лето проступит светом
Через ветки усталых слив...
Этой осенью, даже летом,
Сад особенно статно красив.

После тихого стука яблок
О желтеющий ворс земли
Мы почувствуем этот запах
Угасающей спелой зари
.
И девичьим лозой-виноградом
Расцветёт, разомлеет душа –

Так цветастым, но тихим парадом
Осень ходит, печально шурша...

И пусть лучики тёплой погоды,
Сквозь листья белоствольных берёз,
Нам прощают невольную слабость
И незнание летних грёз.

И капризом редющей моды
Восхищаешься ты чуть дыша,
Как прощается с летом природа,
Так прощается с ним и душа

...

ТАТЬЯНА ГУРАЛЁВА, 1991 г.р., п. Хужир

Родилась в городе Свирске Иркутской области. С 2012 года живет в поселке Хужир Ольхонского района. По образованию инженер-эколог. Работает гидом, проводит авторские экскурсионные туры по Байкалу. Солистка народного хора «Раздолье». Неоднократная участница и победительница районных, межрегиональных, областных и всероссийских литературных конкурсов.

ТРИ СЛОВА ИЗ МОЕЙ ДУШИ – БАЙКАЛ, ОЛЬХОН, ХУЖИР

Поселок Хужир – столица Ольхона.
Какие же тайны в себе ты хранишь?!

Шаманка-скала всему миру знакома.
Легендами, тайнами в душах «кипишь».

Ласкаешь наш взор первозданной природой.
Здесь сердце поёт от твоей красоты.
Пьяняще кристальные, чистые воды
Играют на солнце алмазом, смотри.

Историей древней земля здесь богата.
Раскопки, находки, стоянки людей.
Древнейший народ проживал здесь когда-то.
Все тайны раскопок хранит наш музей.

Всего рассказать я тебе не посмею.
Сам сердце Ольхону своё ты открой.
Он примет тебя и лучами согреет.
В свой мир он погрузит тебя с головой.

И кто лицезрел, тот вовек не забудет
Великий, могучий, священный Байкал.
И сердце энергией того наполнится будет,
Кто в жизни своей здесь хоть раз побывал.

ЛЕГЕНДА О НЕПОКОРНОЙ ДОЧЕРИ БАЙКАЛА, АНГАРЕ

Убежала от батюшки милого
Непокорная дочь Ангара.
Побежала вдоль леса к любимому.
Не сдержала её и скала.

Утекла зовом сердца гонимая,
Хоть и гнался за нею Иркут.
А Байкал и грозил, и молил её,
Но за тучами спрятан был путь.

И от гнева, что дочь непокорная
Не исполнит отцовский завет,
Что бежать будет речкой просторною
С Енисеем в лиловый рассвет,

Закипел отец.

Озеро вспенилось,
И в порыве сильнейшей волны,

Когда небо чуть-чуть да рассеялось,
Засиял отраженьем луны,

Загрустил наш Байкал, запечалился:
«Своей дочкой оставлен я был.
С Енисеем они обвенчались.
Не вернётся ко мне, зря молил».

С той поры утекло много времени.
Сколько точно – я вам не скажу.
Нет страшней для отца того бремени,
Как веками ждать дочку свою.

Нет прекрасней рассвета над озером:
Ангара вдруг вернулась к отцу.
Чтоб не чувствовал впредь себя брошенным:
«Проводи ты меня ко дворцу.

С Енисеем достали то чудо мы,
С океана к тебе принесли.
То тюленем зовётся, возьми его,
В своих водах его приюти».

И оттаяло сердце холодное,
Отступила с души пустота.
Он волною своею просторною
Принял в дар малыша-беляша.

В бирюзовых просторах заплещется
Нерпа – маленький юркий дружок.
С ним и сердце Байкала оттеплется.
Нерпа – милый Байкала внучок.

Убегает река, машет папеньке,
А на сердце его благодать.
Не горюет он больше ни капельки.
С нерпой-внуком бежит он играть.

* * *

Байкала царство средь степей
Раскинулось широко.
Там жил Байкал с большой семьёй
Счастливо и глубоко!

И было триста тридцать шесть парней
У бабушки Байкала.
Неслись они к отцу быстрей,
С истока взяв начало!

Но всё же к дочке Ангаре
Сильнее были чувства...

Её питал, боготворил,
Ценил её искусство:

Она любила танцевать
Широкой лентой синей
И, чтоб в мороз не замерзнуть,
Ткала на ветках иней.

Однажды ей приснился сон,
Что там, за горным склоном,
Живёт – и ждёт её любовь,
И манит водным звоном...

И поселилась грусть-тоска
На сердце Ангари...
Не в радость ей теперь мороз
И танцы детворы.

И вот однажды поутру,
Пока вокруг все спали,
Скалу пробила Ангара,
Волной умчалась в дали.

Когда отец про то узнал,
Он очень был взбешён,
Свою он дочку долго звал,
Забыл, что был влюблён.

Со злостью камень кинул вслед,
Желая наказать...
Шаманом камень тот зовут,
Могу вам показать.

ДАНИИЛ ЦИВЕНОВ, 4 «Б» класс, МОУ ИРМО Смоленская СОШ

* * *

Снег падает, падает с неба.
Весной он растает,
Словно его и не было.
Превратится в ручей,
Что стекает в реку.
Вода из реки попадет в моря,
В морях останется,
Потом испарится,
И снег возвратится к нам дождем.

РУСЛАН БЕЛЕНКО, 8 «А» класс, МОУ ИРМО Смоленская СОШ

НОСТАЛЬГИЯ

Листая прошлого страницы,
Я снова загляну в альбом...
И, словно пропоет синицей,
Воспоминанья звонкий тон.

И ностальгия, как цунами,
Накатит с ног до головы
Водой, счастливыми годами,
Исполненными суеты.

Да хоть по щучьему веленью
Вернуться в свой родимый дом...
Но послевкусье огорченья
Заполнит разум, словно сон.

ПОЧЕМУ МЫ НЕ БОИМСЯ ГРОМА

Папа, мама, брат и я
Не боимся Грома,
Потому что он живет
Прямо у нас дома.

Он веселый, озорной,
Он боится папу.
Он гоняется за мной,
Подает нам лапу.

Раз вернулись мы домой,
Не узнали дома:
Все валяется кругом,
Нет там только Грома.

Где наш Гром?
Куда пропал?
Может, кто его украл?

Под крылечком спит наш Гром,
Ждет, когда мы все придем.

Это просто наш щенок.
Его никто не уволок.

Скоро папа наш придет,
Наверно, Грому попадет.

Будем Грома мы спасать,
Будем дом наш прибирать.

У МЕНЯ НЕ БУДЕТ ПАПЫ

У тебя не будет папы,
Мне сказали при рождении.
Так, наверное, на свете,
Началось моё взросление...

У меня не будет папы.
Я за это не в ответе.
Как же много одиноких
Мам на проклятой планете...

У меня не будет папы...
«Папа» – мишка, он игрушка,
Только этот папа видит
Все слезинки на подушке.

У меня не будет папы.
Только зависть и надежда,
Что когда-то он вернется,
И всё будет не как прежде.

У меня не будет папы.
Книжки будут и тетрадки.
Правда, школьные успехи
Не приносят в жизнь порядка.

У меня не будет папы.
Все победы и работы
Стоят многого, конечно,
Но не папиной заботы.

У меня не будет папы.
Как жестоки эти строки.
Ведь без папы в мире семьи
Бесконечно одиноки.

НОВОСТИ ЛЕСНОЙ ШКОЛЫ

Лесной директор школы
Издав такой указ:
«Все звери только в масках
Должны являться в класс!
Менять почаще маски
И лапы с мылом мыть!
На переменах группами
Нельзя теперь ходить!»

«Им надоели маски,
Они хотят резвиться...
Когда же всё закончится? –
Спросила мама-львица –
И как же нашим детям
Учиться и дружить?
Им хочется скорее
Без масок этих жить».

Тут слон, как самый мудрый,
Сказал такую речь:
«Здоровье наших деток
Мы все должны беречь».

«Пусть ходят в школу в масках
И моют чаще лапы.
Бросать нельзя учёбу! –
Сказали тигры-папы –
Ведь на дистанте плохо
Им знания получать.
Поэтому порядок
Давайте соблюдать!»

Все звери, взявши маски
И взяв портфели в лапы,
Бегут скорей учиться,
Им машут мамы, папы.

Все верят – очень скоро
Все это закончится.
И будет всё по-старому –
Ведь этого так хочется!

ЮЛИЯ ШУБЕНКО, 1995 г.р., Иркутск

Родилась в Усолье-Сибирском. Бакалавр филологии ТГУ. Магистрант ИФИЯМ ИГУ, учитель литературы школы № 3 г. Иркутска

#LAKEБАЙКАЛ

Я стою на дне.

В том самом месте со старой прабабушкиной фотографии. Геолокация совпадает в диапазоне 50 сантиметров. С объектами меньше – до миллиметра.

Приложение показывает абсолютно идентичный узор меридианов и параллелей, что сохранила в ее альбомах «мертвая» соцсеть «ВКонтакте». Как и многие древние старики, моя прабабушка ей когда-то пользовалась, даже была одной из первых тысяч зарегистрированных, если не привирает. А она может, я даже не верил, что она из этих мест до того, как каким-то невероятным образом наткнулся на ее старый аккаунт в теневых сетях.

Я все еще замираю точкой на пересечении двух воображаемых географических линий. Вообще-то их не должно быть в приложении, не тот масштаб, но разработчики настояли, и вышло хорошо. Наглядно.

Мои ноги вязнут в песке. Щиколотки штурмует поднятый низким вихрастым ветром песок. Он остро впивается в мои голые ноги – почти пыль, но заточенная до комариных укусов. Хотя я и комаров давно не видел, так – воспоминания из детства. Даже не уверен, что моего.

Когда я вошел по взломанному паролю – череда ничего незначащих для меня имен и цифр чужого прошлого – заметил, что в бабушкином аккаунте стоят настоящие имя и фамилия, у большинства ее контактов – тоже. Для моего поколения привычнее буквенно-цифровые или буквенно-эмотивные неймы, но это упрощало поиск. Вся таинственная легендарность этого места легко возрождалась по страницам попавших в экологические учебники людей и старым способам навигации – хэштегам.

Я смотрю на фотографию, листаю, загружаю в приложение следующую и двигаюсь дальше. К новому нитяному натяжению. Бурые стволы заводских труб следуют за мной и обрываются, зачерпывая глоткой пыльную землю и ростки серых растений. Если верить другому приложению, то, иди я дальше, не сворачивая несколько километров, и покажется самая глубокая, до конца неизученная расщелина озера. Но я не пойду. Мой квадроцикл справится с этим лучше.

У прабабушки было много фотографий, где она молодая и еще очень красивая улыбается на фоне какой-то синей бесконечности и прорастающих к солнцу гор. Небо за ее спиной не падало, как это бывает сейчас, смешивая облака и туманы, а стояло высоко, баюкая нежно-тягучее солнце. Хотя падение облаков относительно недавнее явление.

Я приближаюсь к следующей точке, порывы ветра приподнимают мою одежду, обсыпают новой порцией мертвой пыли. Я снова на месте. На этом фото бабушка сидит на бортике прогулочного катера вместе со своей ореольно-кудрявой подругой. Брызги воды подпрыгивают под их ногами, а дальше, за белым металлом катера, виднеются лежащие на дне стволы деревьев. Сейчас нет ни намек на них, лишь труха хрустит под подошвой. Пытаюсь прикинуть, сколько могло быть надо мной метров воды, окажись я рядом с этими стволами в то время, и не могу. Говорят, что дно озера просматривалось даже на глубине в 40 метров. Чудеса. Сейчас такого не бывает. Сейчас и доступной природной воды не бывает: всё огорожено, всё поступает партиями из-за бесконечных, теряющихся в ворахах облаков стен.

На следующем фото бабушка стоит спиной к ворсистым лесным

горам. Солнце бьет ей прямо в глаза, ветер путает высоко над головой волосы. Она смеется, зажмурившись – абсолютно счастливая. Под фото написано: #LakeБайкал#едемнабайкал#этонашелето#girlstrip#аэроволосы.

Я смотрю на нынешние высокие подъемы к долгим выжженным долинам. В отличие от неровного, покрытого морщинами разломов дна, на местах лесов все еще видны следы ушедшей жизни: желтая непримечательная растительность, непроходимые, похожие на проволочные шары кустарники, гниющие пни, редкий пропущенный зачисткой мусор...

Следующее фото бабушки соотносится с координатами впадины. Я завожу квадроцикл и еду. Приложение с картами пищит и вибрирует. Спокойный женский голос озвучивает мне правила пребывания в зоне мертвого озера, читает технику безопасности. Я добираюсь быстро. Пыль и песок забиваются в складки моей одежды, защитная маска мокнет от выступившего на лице пота.

Никто из моих друзей, даже моя девушка, не поняли, почему в каникулы я решил ехать именно сюда. Не то чтобы я был скрытным. Я рассказал им все о бабушкином аккаунте и тысячах историй, которые сохранились на соцстраницах давно умерших людей; о том, как по-гоголевски теневые программисты называли их «мертвыми душами» и распродала; о функционировании старых неодобряемых сетей, которые называют «призраками»... Им просто не было интересно. Они, как и я, родились уже после большинства экологических катастроф. После того синхронного уничтожения мира нашими предками, благодаря которым мы теперь пьем нормированные литры воды, моемся по времени и больше не видим морей.

Вода, конечно, не исчезла совсем, но к ней имеют доступ только государства-победители Третьей мировой. И государства совершенно не значит их граждане – всё огорожено и превращено в огромные насосы и очистительные заводы.

Я вижу ее сразу и подъезжаю. Большая черная дыра посреди пустыни – единственное место, из которого не ушла вода, но ее нельзя пить, в ней нельзя освежиться – она отравлена. Вокруг стоят хлипкие ограждения из плохого синтезированного дерева, под ногами лежат такие же дорожки для редких посетителей. Я подхожу, игнорируя ограждения, и наклоняюсь к краю, а там – на меня смотрит бездна. Мертвая и безучастная. Глядя на нее, не испугаешься подводных монстров: в ней нет жизни, но может показаться, что чем больше заглядываешь через край, тем больше проваливаешься куда-то внутрь грудной клетки.

Я чуть было не падаю, но хватаюсь за ограждение – не такое уж оно и хлипкое. Разверзшееся жерло впадины тянет меня обратно, но я с

усилием отвожу глаза и делаю несколько шагов назад. Неподалеку лежит выгоревшая груда камней. Приближаюсь и различаю на них надписи: «Ольхон 2021», «Байкал 2018», «Здесь был 5Г», «Свадьба на Байкале 2022», «Бакал 2029», «Волонтеры группы 3031 – 2034 год». У подножья каменной горы лежат цветы из экопластика, заплесневевшие мягкие игрушки. Чуть выше прикручена металлическая табличка «Прости, Байкал».

Я не то чтобы сентиментален, но приложение говорит мне, что фото бабушки сделано практически над этим курганом, и я чувствую свою причастность. К прошлому и будущему, ко всему. Я оглядываю бескрайнюю пустыню: вижу вдалеке отлогие подъемы к тому, что было берегом, щетину далеких гор, не унимающийся много лет ветер, рубцы неровных разломов, покрывающих дно «мертвого озера». Вижу цифровую табличку, предупреждающую о ядовитых водах впадины, смертельно опасных землетрясениях этой зоны, их примерных расписаниях. Мне не хочется, но я заставляю себя смотреть, и жгучий стыд за себя и других накрывает меня сильнее любого ветра. Возможно, поэтому друзья выбрали полностью технологизированную Европу? Смотреть на это, значит, смотреть на свой стыд и горевать о том, чего не видел. Бояться того, что давно свершилось. Больно и иррационально. Не так уж и плохо мы живем сейчас, но... я постоянно чувствую в воздухе что-то давно упущенное, непоправимое. И ищу места разломов, хоть и понимаю, что эти поиски только и похожи что на попытку склеить скотчем разбитую тарелку.

Внезапно для себя я открываю прабабушкину стену и делаю фото с курганом и впадиной. Не уверен, что нынешние форматы фото прикрепятся, но мне везет, или проблему уже кто-то решил до меня. На мне очки и маска, что немного снижает рискованность затеи. Никакого текста. Только хэштеги: #простиБайкал#курган#мертвоеморемертво. Отправляю на стену и чувствую, как стучит по ребрам сердце. Я выложил на запрещенном сайте-призраке новый пост, хотя мне строго-настрого наказали не менять содержимое купленной страницы.

От невыстраданного и непонятого горя мне хочется плакать. Я стою на развалинах чего-то великого, что, наверное, могло стать мне домом, и ничего не могу сделать. Все сделали за меня, задолго до меня. Не спросив меня. Я задыхаюсь от подступающих слез и гнева, и тут в мертвой соцсети под первым постом в этом веке появляется первый комментарий: #простиБайкал.

И я плачу.

ГЛЕБ БУЛАТОВ, 2005 г.р., Иркутск

Родился в городе Иркутске. Учится в 10 классе Лицея ИГУ. Любит читать с самых ранних лет, несколько лет назад к этому добавилось и желание писать. Всегда завораживал процесс создания персонажа, мира, сюжета. Публиковался в альманахе «Первоцвет». В дальнейшем хочет связать свою карьеру с ремеслом писателя или сценариста. Уверен: «Пусть произведения далеки от идеала – это значит лишь то, что работы предстоит много. Работать я тоже очень люблю!»

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ВЕНДЕТТЫ

Входная дверь приятно скрипнула, и мягко зазвенели китайские колокольчики. Пальцы, клацавшие по клавиатуре, замерли на секунду.

– Здравствуйте.

Клацание продолжилось. Скучающие лица моих работников отвернулись от входа. Я открыл ящик стола, достал очередную папку с приложенной к ней иглой.

– Стул напротив, – Чарли не отрывался от монитора, только слегка скосил глаза, для приличия.

Приняв рабочую позу, я предельно дружелюбно указал посетителю на стул. Утруждать себя улыбкой не стал, все равно только испугает.

– Я точно туда попал? Просто мне говорили...

Мне нестерпимо захотелось ударить ладонью по столу, а потом перевернуть его к чертовой матери (очень милая женщина, так что не хо-

телось бы ее обидеть этими строками). Но я сдержал порыв и, протяжно выдохнув, утвердительно кивнул. Почему их всех так удивляет интерьер в стиле хай-тек? Неужели падший ангел должен обложить себя козлиными головами, перекрасить стены в черный и облить девственной кровью? Ну, бред же. Клиент помялся ещё немного и всё-таки решился присесть.

– Вы знаете, – «конечно, я не знаю, я ведь не оракул», – у меня проблема, которую не под силу решить никому, кроме вас.

– Вот ваш типовой договор и иголочка – расписываемся мы кровью, – я всё-таки улыбнулся, оголив заострённые клыки и черные десны. Роспись кровью – чистойшей воды фарс, но на людей действует безотказно.

– Игла стерильна?

– У меня нет желания искалечить вас, пока вы нам платите, – абсолютная правда, моей целью была только экономия времени. Меня сослали на землю в середине девятнадцатого века, и вы даже представить себе не можете, как полегчало, когда даже заклад души стал возможен при помощи одной папочки. (Но это был уже не типовой договор).

Клиент ломался: его руки мелко подрагивали, значит, извилины активно шевелились.

– Когда вы въехали в этот офис?

– Когда аренда в «Палацца Веккью» стала слишком дорогой.

Я не уточнил, в каком году плата подскочила, так что его лицо не вытянулось. Но, кроме удивления, у мужичка хватало эмоций – их был целый ураган. Кровь давала нужный эффект, доставляя невероятное удовольствие не только мне, но и всем в офисе.

– Я бы справился и сам, – абсолютная ложь.

– Что же, – изобразив расстройство и добавив капельку разочарования, я потянулся, чтобы убрать папочку.

– Нет!

На листик с подписью тут же упала пара красных капель. Я щелкнул пальцами, и папка исчезла со стола. Фокус всего лишь, потому что реальной магии и прочих способностей меня лишили, пинком выгоняя из рая.

– Теперь поговорим о вашей проблеме в деталях.

Клиент вытер вспотевшие ладони о брюки и, дернув носом, словно суслик, начал.

– Меня обманули, – помолчав, глядя мне прямо в глаза, потом сорвался на фальцет, – хоть формально все было соблюдено, но на деле это грязная афера!

Типичная ситуация. К нам обычно такие и приходят: богатые сус-

лики, которые сами сделать ничего не могут. Они бы и не пошли, если бы сверху не садились мама, теща, жена, брат или кто-либо другой, имеющие более прочный хребет. Не самые приятные клиенты. Есть, конечно, и те, кто по комнате с шашкой наголо прыгают и требуют проклясть всю семью обидчика за косой взгляд. На этот счет у нас в договоре прописана статья «Око за око». Большинство не смотрят.

– А можете уточнить, кто именно вас обманул? – я сделал участливое лицо, всем видом показывая, что размышляю над проблемой.

– Я не знаю.

– Вас не учили не разговаривать с незнакомцами?

– Я имел в виду, что не знаю этого человека лично, я вышел на него через посредников.

– За поиск человека следует доплата, но счет после, сейчас переходим к сути.

– Да-да, – лицо его вдруг посерьезнело – Он убил моих жену и детей.

– Так-так, – я взял со стола ручку и принялся крутить ее в руке. Дело намечалось интересное. Влетит коммерсу в копеечку? Безусловно. Но не это главное. С подобного рода ситуацией к нам обращались очень давно. Нет ничего веселее, чем отомстить за подобного рода проделку. Вы слишком молоды, чтобы меня осуждать, – продолжайте.

– Он сказал, что всего лишь выполнил часть договора и больше не выходил на связь.

– Что за договор? – ручка замелькала в пальцах, а зрачки превратились в две маленькие щелки – верный признак моей заинтересованности.

– Я попросил, чтобы ничто не мешало моему бизнесу, а вскоре вся семья погибла в аварии, моя любовница сбежала с моим партнером по бизнесу, и телевизор сгорел.

Я барабанил ручкой по стулу и гладил языком зубы. Почувствовал на себе скользкий взгляд.

– Чарли, мелкий бесенок, кончай на меня пялиться! – я швырнул ручку в чертика за компьютером, тот успел закрыть красный глаз на затылке. Тоже предвкушает.

– Вы решите эту проблему?

– Безусловно, – я не смог сдержать себя от улыбки, – за две с половиной тысячи евро, пятьсот из них сейчас.

Суслик неожиданно быстро достал из кармана кошелек и выудил купюры. Он шлепнул ими об стол вместе с фотографией какого-то человека и направился к выходу.

– Кто это?

– Посредник, с которым я разговаривал.

Дверь нежно закрыли. И весь офис слышал, как зашлепали от бега по мостовой его туфли. Над такими мы уже давно не смеемся. Надоели.

Фотография перекочевала из моих рук на стол к Федерико. Чарли получил от меня лишь средний палец, пусть дальше ищет обиженных богачей в интернете.

– Пробей этого мальчика и позвони мне, я сразу заеду к нему.

– Одни?

– Нет, видишь, я беру манускрипты.

Я схватил с вешалки свое пальто, положил пару свитков во внутренний карман, посмотрелся напоследок в зеркало. Я уже говорил, что сослани меня в девятнадцатом веке, в 1870 году, если быть точным. Внешность мне разрешили выбрать самому. Я открыл макеты и выбрал ту, на основе которой потом сделают Феликсу Дзержинскому. С революционером мы не пересекались, поэтому по сей день считаю, что это не самый худший вариант. Загуглите, убедитесь сами. Только учитывайте, что были мы не точь в точь: лицо мое было чуть шире, а сейчас, может, и похудело. Усталые глаза запали, под ними появились едва заметные синяки. Нос у Дзержинского явно проработали лучше, но я не жалуюсь. Бороду я сбрил, усы оставил. Я не старел, поэтому остался в теле двадцатипятилетнего парня, но, в любом случае, я нечасто смотрелся в зеркало, а люди, которые мельком видели меня, тут же забывали. Так сделали, чтобы ссыльным проще жилось. Но клиенты запоминали отлично, иногда даже испуганно пялились на меня где-нибудь на улице, привлекая внимание. А я все равно люблю, когда к нам приходит клиент из Италии. Эпоха цифровых технологий подарила нам возможность раскинуть сети по всему миру. От Нью-Йорка и до Владивостока находились люди, отчаянно желавшие отомстить, готовые ради этого даже оплатить билет на самолет. Но с чудесным итальянским воздухом ничто не могло сравниться.

Прямо возле нашего офиса стояла кофейня. Небольшое заведение на пару столиков, источающее дивные ароматы молотого здесь же кофе. Я думаю, что мы заслужили такое соседство. Возле нас много всякого за прошедшие годы случалось. Забавно, что целое столетие никто не замечал нашей непоколебимой конторки, а она все стояла и стояла, исправно выполняя заказы. За вечер мы ломали колени водителям, сбившим начинающего волейболиста, вызывали порочных демонов, чтобы наставить рога барону, наставившему их своему другу. А вот за семьи мы не брались давно. «Все равно эти деньги кто-то запятнал в крови до нас». Это была наша присказка в расчетный день.

Я пересек по диагонали площадь с Санто-Мариа-Дель-Фьоре.

Проталкиваясь между туристов с проворностью нашкодившего подростка, я хотел уйти как можно быстрее. Собор смотрел за мной. Я это точно знал: из всей толпы он заинтересован только мной, предупреждая правонарушения законов божьих. По спине скакал холодок, конечно, я боялся, но моя любимая кафешка находилась на той стороне. Что же поделаешь? Телефон до сих пор не вибрировал, а значит, у меня есть время посидеть, наслаждаясь очередным неповторимым днем моей счастливой ссылки. Я скрылся за углом, собор отпустил меня: чувствовалось, что с большой неохотой. Продолжая скользить по улочкам с брусчаткой, я все же бросал робкие взгляды на гигантский купол, возвышающиеся над домами, источая великолепие. Я влюбился в него сразу, как приехал в этот чудный город. Глядя на него, я скучал по тому, что было со мной там...

Официантка на роликах улыбнулась мне и протянула меню. Она выглядела мило, так что я решил не отвечать ей. В прошлый раз ко мне подходила страшненькая, заставив изображать из себя Чеширского кота. Нельзя же лишать себя маленьких радостей. Я бывал здесь невероятно часто, но они не запомнили меня – специфика. Это была бургерная, оформленная в стиле Америки шестидесятых. Этот период я застал, поэтому был чуть ли не монополистом на ностальгию по тому времени. Сидя в похожем заведении в Далласе, я гадал, что буду делать один на ядерном пепелище. Теперь я думал о том, что бургеры стали чуть менее вкусными, но все равно достойными. Я обсасывал пальцы и скрипел трубочкой по доньшку стаканчика, когда экран телефона наконец-то загорелся новым сообщением.

– Я же просил звонить! – я кинул на стол пять евро и, на ходу надевая пальто, читал, где работает этот связист.

«Теперь пора и за дело». Костяшки пальцев захрустели в такт моим шагам. Убивать его нельзя – бить можно. По-любому грешник. Свитки во внутреннем кармане приятно грели, развеивая осеннюю промозглость. Они всегда так реагировали, когда у кого-то намечались неприятности.

Посредника этот неизвестный колдун подобрал хорошо. Мальчишка в черном худи, джинсах и разбитых кроссовках, за спиной рюкзак; вот он похохотал с друзьями, чмокнул на прощание какую-то девчонку и, вкрутившись в толпу, сразу в ней потерялся. Такой внимание привлекать не будет – слишком уж он жизнерадостный для шпионажа на чернокнижника. Ловко кружась между чужих плеч и портфелей, я хищно выискивал нужную фигурку в толпе. Он был буквально частью потока, потому двигался невероятно быстро и в то же время размеренно. Если я потеряю его сейчас, то придется ждать до понедельника, потому что ребятам удалось вычислить только его школу. Кто-то планомерно чистил данные о маль-

чишке. Невероятно исполнительный магик. Пришлось доставать пергамент и разворачивать под пальто, как пакетик с травкой. По брюкам вниз сползло тонкое черное тельце. Я наклонился, делая вид, что хочу завязать шнурок, и шепнул утолщению, напоминающему голову: «Мальчишка в черном худи». Черная молния бросилась между ботинок и туфель на поиски своей жертвы. Свиток в моем кармане рассыпался в прах, очень жаль, что они одноразовые.

Мальчонка дернулся. Он, конечно же, не может видеть, как узкая черная полоска впиалась ему в пятку, чтобы оттуда забраться выше. Ему просто кажется, что пятка заболела ни с того, ни с сего. Поползуха (это Чарли придумал) добралась уже до колена, потому что мальчик скрючился и тяжело привалился к стене. Его глаза, как прожекторы, завертелись в орбитах в разные стороны. Я, поправив воротник пальто, неумолимо приближался к нему. Туфли звонко стучали, на лице заиграла улыбка, пока паренек не достал из кармана очки. На мгновение взгляд его стал осмысленным, а потом на лице заплясали ужас и паника. Теперь он видел, от чего вдруг прихватило ногу, поэтому вскинул голову и впился в толпу, как его научил маг, в поисках хозяина демоненка.

Скрываться не было смысла (в этих очках он увидит, что над моей головой красуется тлеющий нимб), расталкивая прохожих, я побежал за ним. Выпятив нижнюю челюсть и прикрыв глаза от боли, он быстро, насколько мог, дал деру. К его несчастью, про очки он вспомнил поздно, видать невнимательно слушал учителя, Поползуха уже кусала его за бдро, и через несколько минут я догнал его. Схватив его за ухо, я виновато улыбнулся прохожим, лепеча про непослушных детей, подгоняя хромого к ближайшей подворотне. Темных закоулков во Флоренции много, за это и люблю ее – работать удобно.

Я вжал его в стену, он умудрился выудить из кармана склянку со святой водой и попытался огреть меня по лицу. Я перехватил руку и яростно разбил бутылек об его же голову. Мальчишка с плаксивым «ой» осел на землю, пока я размахивал рукой в воздухе, стряхивая капли, которые жгли и кололи кожу. Потом я снова поднял его так, чтобы ноги не касались земли.

– Как зовут, парень?

– Джованни.

– Что еще в карманах?

– Ничего, – он пролепетал это слишком быстро и испуганно.

Я обхлопал его. Телефон был брошен на землю и раздавлен каблучком под сдавленный вздох Джованни. Последняя сигарета из пачки отправилась мне в рот, я элегантно поджег ее пальцем. Небольшой водяной

пистолет и игральную кость я просто выбросил за спину.

– В футбол играешь?

– Нет.

– Это хорошо, – я запустил руку в карман и вытащил кастет с наконечниками из перевернутых крестов. Прицелился в коленку, где сидел демон. Прохрустели кости, в жгучей судороге дернулась нога, Джованни взвыл от боли, закусывая губу до крови и проливая каскад слез. Я перебрал пальцами на кастете; из кровоточащих ран вылилась разжиревшая Поползуха и беспомощно забила на тротуаре.

– У тебя два варианта. Первый – ты из благодарности за освобождение от этого отвечаешь на все мои вопросы. Второй – я вытащу из тебя по старинке.

Мальчик обвис на руке.

– Второй выбираешь?

Он кивнул, продолжая пускать слезы по щеке и шмыгать носом. Моя рука чуть ослабила хват. Я склонил голову. Зрачки, сузившиеся в неконтролируемой ярости, приняли естественное положение. «Сам виноват». Перевернутые кресты разрезали сначала воздух, а потом худи. Я наподдал еще раз за попытку покушения.

– Кто твой наниматель?!

Молчание. Я ударил по бедру. «Чем ему пригрозили?»

– Мне не нужны ни адрес, ни место работы. Только имя.

Отрицательное качание головой. Я ударил в грудь, так что он выплюнул на мое пальто кровавые сгустки, но потом сразу стиснул зубы.

– Говори имя, ублюдок, – я взревел и провел целую серию ударов в его живот, завершив ударом боковой стороны ладони в висок. Густая шелвелюра моментально слиплась от крови. Я тяжело дышал, пальцы ужасно затекли.

– Филипп, – мальчик хрипел, булькая внутренностями, и улыбался.

Я опустил его на землю и услышал за спиной выстрел.

Пуля отскочила от невидимого барьера вокруг моей головы, рассыпался в кармане еще один свиток. В проеме подворотни стоял щуплый парень чуть старше моего Джованни. На нем были белая рубашка, черные брюки с подтяжками, натянутыми как струны, и высокие солдатские сапоги. В руке без пистолета он зажал между указательным и средним пальцем пульсирующую игральную кость.

– Филипп, он...

– Разберемся, – парень выгнул бровь над солнцезащитными очками и, самодовольно надув пузырь из жвачки, опять прицелился мне в голову.

Я вспомнил старый мультик, где джентльмен в цилиндре говорил своему помощнику: «Живи под девизом: «Готовься к сюрпризам». Последний свиток в моем кармане не был рассчитан на перестрелку, но надо было что-то придумать. Быстро. Я плавно повел руку с кастетом во внутренний карман, другую поднимал вверх, показывая, что готов сдаться. Подтяжечник не обращал внимания на предупреждающее мычание Джованни и только улыбался все шире: пленных они не брали.

Я развернул пергамент и мгновенно присел. Пуля ушла в черную пустоту, где и содержится демон любого ранга. Вторую он выпустил в жука-носорога, вылетевшего из свитка. Обычное устройство для прослушки из мира демонов, но он-то об этом не знал. Я зловеще захохотал, нагоняя страху, и, двинув ногой по зубам лежачему, бросился к другому концу подворотни. Что-то больно прожгло кожу под моим воротником и потекло вниз, обдирая ее. Я выхватил из-под пальто отскочившую пулю, из которой вытекала ртуть. Освященная ртуть. Я вылетел на широкую улицу и замахал руками, подзывая такси. Через заднее стекло было видно, как из подворотни выскочил Филипп, потерявший очки и самодовольную ухмылку. Теперь улыбнулся я. В руках, проплавляя кожу до мяса, у меня лежал патрон с начинкой, а это всё-таки улика. А я отчаялся выбить хоть что-то из парнишки. Хорошо, что не вышиб дух.

Я не стал тратить время для визита в офис. Слезающая кожа сильно зудела, но я совершенно точно знал, что земные болезни мне нипочём, а значит, никакого заражения. К тому же рабочий день еще не был окончен, в конторе разберутся и без меня. Я ехал к Костику. Этот русский перебрался сюда в девяносто первом году. Молодой дерзкий поп, прихвативший из своей церкви все, что плохо лежало, и открыл небольшую частную лавочку прямо у себя на дому. Устроившись в церковную библиотеку, Костик тырил и оттуда. И вот однажды в руки ему попала занятная книженция. Сгребая в охапку оставшиеся ценности, он принялся маниакально производить талисманы, обереги, а потом и оружие против нежити. Дело пошло в гору, пошли и деньги. Хитрец открыл ломбард в другом конце города, где принимал религиозные безделушки. Товар на любителя, но таких любителей везде предостаточно. Например, чернокнижник, снабжающий своих подопечных освещенными пулями и бомбами с церковной водой. Наши с Костиком отношения всегда болтались между деловыми и натянутыми: я всё-таки нечисть, которая творит непотребства, а из его оружия на меня пару раз покушались. Однако он неохотно делился информацией, а мы в качестве исключения предоставляли наши услуги без заключения типового договора.

Я попросил остановить возле неприметной серой двери, зажа-

той меж двумя пиццериями. Такая же серая вывеска гордо гласила «dio gioielli»¹. Конспирация высший класс, кому такое вообще понадобится? Хотя мне рассказали, что пару раз через черный ход оттуда выносили упавших в обморок верующих дев.

Я открыл дверь. Колокольчиков не было. Я прекрасно понимал бедных девушек. С подобной надписью совершенно не ожидаешь увидеть двух монахов в респираторах, которые, сгорбившись над перегоночным аппаратом, фанатично шепчут молитвы над капающей в револьверные пули ртутью. На стенах были развешанные заточенные распятия, знакомые мне бомбочки, полусгнившие конечности на цепочках. На «стене славы» возле входа висели гаранты качества – фотографии, изображавшие убитых демонов и пару одержимых. На толстых носах у служителей церкви сидели очки, которыми Костик снабжал всех желающих. Они перегородили мне дорогу и что-то пробурчали через респираторы.

– Костик здесь?

Один из монахов сбросил капюшон и респиратор.

– Я же говорю, что занят!

– Есть дело на пятьсот евро.

Костик переглянулся с подельником, тот одобрительно кивнул и меня повели в «комнату за шторами». Здесь Костик хранил настоящие сокровища: вывезенные контрабандой иконы, которые превратятся в святые дротики, на станке лежал кусок золотого купола, (такие купола не достать в Европе, так как там не практикуют подобного рода архитектуру) готовящегося стать партией кастетов. Если б он захотел, он бы убил меня прямо здесь. Мы уселись за грузный дубовый стол, под стать хозяину. На нем не лежало ничего, кроме кассы и Библии. Две вещи в двух разных концах стола.

– Я просил назвать меня Константин, – он чинно поправил рясу и связал пальцы узлом.

– Ох уж мне этот две тысячи пятый, – я не стал нервировать его «ангельской улыбкой» и, наклонившись чуть вперед, щелкнул об стол сплюсненной пулей, – только ты делаешь такие.

– Да.

– Кому ты их поставляешь?

Он шмыгнул носом и укоризненно покачал головой.

– Ты кина американского насмотрелся что ли? Половине города хоть раз, да продал.

Я тяжело вздохнул и помял пальцами переносицу.

1 Божья бижутерия (ит.)

– Он магик, чернокнижник, исполняет желания.

Скрипнул ящик. На столе оказалась потрепанная записная книжка. Костик сменил очки.

– Заплатишь шестьсот, – толстый палец с золотым перстнем принялся бродить по строчкам.

Мой взгляд уперся в потолок, затылок мерно постукивал по спинке стула.

– На него работает парень лет семнадцати. Бойкий такой, совсем неприметный.

Костик крикнул и, наслюнявив палец, перелистнул страницу.

– И еще самодовольный парень в подтяжках. Сапоги еще такие...

– Солдатские, – он глянул на меня из-под густых бровей, – бывал такой.

Я вновь смотрел прямо на него, стараясь удерживать зрачки в нормальном состоянии. Ребячество сейчас очень сильно мешало.

– Ты знаешь его нанимателя?

Костик поморщился – у меня получилось не очень.

– Зенки прибереги, – если бы он знал, что эта способность есть и у других ангелов, чтобы не ослепнуть в раю после работы на земле. Мне она теперь ни к чему, но все равно приносит удовольствие от полузабытых ощущений.

– Кто наниматель?

– Я не знаю. Есть только адрес доставки, куда мы привозим, – он замаялся, обдумывая, входит ли эта информация в шестьсот обещанных, – некоторый товар каждую неделю.

Он развернул тетрадку и ткнул пальцем в третью строчку. Я достал телефон и забил в заметки. Потом в моих руках появился бумажник, и глаза Костика заблестели, как бродвейские огни. Я отправил купюры на стол и махнул головой в сторону Библии.

– Это вроде алчность называется, а, святой отец?

Костик на секунду убрал руку от денег под стол, но вспомнив, что за существо сидит перед ним, стукнул стопкой по столу и отправил в каску.

– В церковь приду, по благу все оптом и простят. Сам-то непотребствами занимаешься.

– Это чем же?

Костик принялся чмокать языком и растирать щетину.

– Как это, по-вашему, Венедекативностью?

– На русский манер, но смысл верный. Меня тоже рассчитают по благу, – я улыбнулся губами и задвинул стул, – большое спасибо, заходите

и вы к нам.

«Лучше, конечно, не заходите». За раздвинутыми шторками моим глазам предстал неприятный сюрприз – монах, помогавший Костику, снял со стены два ножа, пяток амулетов, на поясе висели бомбочки. Он поджидал кого-то, видимо, меня.

– Брат Константин терпим к таким, как ты, подчас, но я терпеть не могу.

Радует, что Костик вмешиваться не будет, но это же и огорчает. Посидит спокойно в своей комнатке, а когда ревнитель веры убьет бедного падшего, то выйдет, похлопает товарища по плечу и повесит фото на доску. Кто ему, подпольному святоше, дал право определять, что я жизни не достоин? Сам Господь? Уж в это я никогда не поверю – у него своих дел хватает, он таким давно не занимается. Придумал этот фанатик себе чепухи в голове и гордо окрестил волей высшей. Свобода действий полная – ответственности никакой. Человек, что тут скажешь. Придется покалечить его, другого выхода нет. Тогда Костик тоже выйдет и похлопает его по плечу, мол: «Чего взелся, шел бы он своей дорогой». А убивать мне его нельзя, это точно.

Первый нож пролетел косо. Убедившись, что Провидение не даровало ему божественной меткости, монах принялся размахивать ножом в правой руке. На его шее были амулет от сглаза и четыре от демонов – по штуке на ранг от первого по четвертый, значит, мне не оплавит руку, как только я прикоснусь к нему. Пока я разглядывал освященные висюльки, монах сдернул с пояса бомбочку и кинул мне в ноги. Радужные брызги полетели в разные стороны, точно обжигая мне руки; не прекращая размахивать, он потянулся за второй; надо перехватывать инициативу. Клинок в очередной раз ушел вправо; я бросился прямо на него, монах широко выпучил глаза и попытался остановиться, но лезвие круто ушло в сторону. Я уже стоял сбоку и ударом ладони вышиб у него оружие, а коленкой разбил оставшиеся стекляшки на поясе. Монах извернулся и встал перед дверью, закрывая мне выход. Я резко сократил расстояние, но он поднырнул под мой хук и ударил в солнечное сплетение; удар был вялый, но меня пошатнуло. Обрадованный монах решил добавить в висок, но я успел перехватить руку и вывернул ее. Монах схватился за вывихнутое предплечье. Я ударил в живот и сделал подсечку. Он повалился на пол, не расцепляясь со мной. Что-то хрустнуло, в глазах сверкнуло, но ноги держали. Монах отпустил меня и попытался встать; я присел и быстрым движением дважды ударил ребром ладони в кадык. Попыток встать больше не предпринималось. Переступив через него, я открыл дверь – из-за шторы, покачивая пузом, показался Константин, на его лице читалось

разочарование. Впрочем, это уже не мое дело.

По стандартам компании я должен был выехать на адрес уже сегодня, но я сам себе стандарт. Тело ломило, облезшая кожа зудела и кровоточила, так что я просто вызвал такси и поехал в офис. Когда я приехал, свет в окнах уже не горел, часы показывали 19:15. «Неудивительно, что все ушли». Я взялся за ручку двери, она подалась на меня, моя рука замерла. «Чернокнижник подослал убийц ко мне в офис?» Мышцы нестерпимо заныли, но я принял стойку и по-змеиному скользнул в узкую щель. Нырнув в тень, зрачки мои рефлекторно расширились, давая прекрасную возможность увидеть все. Свет нигде не горел, за единственным включенным компьютером вольготно сидел Чарли, раскачиваясь под музыку в наушниках. Раскачивался он буйно и вовлечено так, что закрыл глаза и постукивал изредка по столу. Выпрямившись во весь рост, я прошествовал к своему столу, постучав по пути Чарли по голове. Черт открыл глаза и снял наушники.

– Вечер добрый, босс.

Я открыл ящик стола и грохнул об деревянную крышку испачканным и помятым кастетом. На его место в карман отправился другой такой же.

– Почему торчишь здесь так поздно?

– Вы же сказали искать обиженных богачей, – он лукаво заулыбался.

– Нашел кого-нибудь? – я проверил печати на шкафу со свитками и, удостоверившись, что они сдерживают, плюхнулся в свое кресло.

– Нет, нынче все довольные.

«Это хорошо – люди умнеют».

– Это, Чарли, очень плохо, что же мы будем есть?

Он пожал плечами. Я знал, чего он хотел, но субординация не позволяла предложить первым.

– Босс?

– Да.

– Пойдемте пить кофе.

Я встал и показал ему пальцем на дверь, мол, что с тобой сделаешь.

Чарли, в отличие от меня, был коренным уроженцем ада. На землю его не ссылали, просто у чертей свободная политика передвижения, которая не идет в разрез с правилами моего агентства. У ангелов все чуть сложнее, хотя один у меня тоже работает, но он скорее резидент с неба – следит, чтобы мы полномочий не превышали. Но возвращаясь к Чарли, стоит отметить, что он один из лучших моих работников, несмотря на то, что присоединился ко мне всего шестьдесят лет назад. Чертом он оказал-

ся очень приятным, с врождённым и хорошо очерченным чувством юмора, исполнительный и падкий на всякого рода полевую работу. Обычно я не брал никого на заказы, но он стал исключением, уж слишком просил. Он, в отличие от своих братьев, видел в этом только работу, и если бы я перестал платить ему, то он бы отказался ее выполнять. Естественно, святым он не был, но это лежало за пределами наших с ним отношений.

– Мне Капучино, две чашки, – я смотрел на проезжающие мимо машины.

Чарли, заметив у девушки кольцо, широко заулыбался, как богатые мальчишки улыбаются на шутки красивых девочек, сказав, что готов довериться ее вкусу. Как я уже говорил – святым он не был.

– Вас знатно потрепали, босс.

– Да, на мне испытали все виды святого оружия.

Он присвистнул. Нам принесли кофе: мне – отменный капучино, а ему – латте. Он ненавидел латте, но чмокнув губами, подмигнул девушке и сказал, что лучше карамельного сиропа только её улыбка. Она зарделась и отошла. Не успев спрятать сальный взгляд, он посмотрел на меня.

– Могу я взять завтра выходной?

– Пока я пойду разбираться с чернокнижником, это где-то, – я завел часы, подаренные мне после Вьетнамской войны, – где-то до часа. Хватит тебе?

– Хватит, – он отпил, поморщился незаметно, – а вы бы тоже не хотели завтра никуда идти?

– Конечно, не хочу. Мне не каждый день такое делать.

– Так не ходите, – Чарли втянул ноздрями вечернюю прохладу, намеренно не обращая внимания на то, как я выгибаю бровь. Когда мое терпение истончилось, он поднял указательный палец левой руки вверх, а правой вниз.

– Определитесь со стороной и все.

Я допил первую кружку.

– Не хочу, я свободный че..., свободный.

– В аду у вас прекрасная девушка.

Это было правдой, но переезжать туда и завязывать с делом, на которое ушло чуть больше века, из-за нее я не хотел.

– Верно.

Он понял и продолжил:

– Но Родина ваша наверху, там друзья и семья.

У меня осталось пара друзей в раю, и папа все еще обещал завещать мне какую-то недвижимость, но слишком у нас разное мировоззрение с тамошним хозяином.

– Верно, – мы помолчали, – глупо решать все таким образом.

Его глаза удивленно посмотрели на меня, выглядывая из-за кружки (или он просто пытался не выплеснуть содержимое кружки на глазах у официантки). Я продолжил.

– Срок, когда я могу перебраться в ад на полную ставку, прошел полсотни лет назад. С тех пор мне нещадно намекают на то, что пора бы уже, – я допил вторую чашку, – но ад просто до великолепия отвратителен, дружище. – Чарли уважительно кивнул, оценив оксюморон. – А там, где выше, в меня уже давно не верят.

Черт осилил последние капли, и специально не стирая молочные усы, улыбнулся официантке. Она кокетливо захихикала. Чарли оттер усы салфеткой и повернулся ко мне с серьезным лицом.

– В конце концов, эта ваша жизнь, босс.

Я протяжно выдохнул, и без малейшего желания конкурировать с Чарли, просто щелкнул пальцами и показал на наш стол. Обескураженная официантка от такого перепада отношений принялась рассеянно собирать счет.

– Я чувствую, Чарли, что нет, не совсем моя. Я родился пернатым, но вот кто я теперь? И даже, получив возможность переопределить себя, я чувствую, что выбор будет чужим. Все, что мне остается, это заниматься тем малым, где я принадлежу себе.

Девушка принесла счет, я кинул туда купюры, Чарли вытащил салфетку с номером телефона и что-то чирканул. Мы встали, пожав друг другу руки. Он взглянул мне прямо в глаза, но я знал, что Чарли смотрит намного глубже.

– Чего вы хотите? – он на секунду стал растерянным, потому что, заглядывая в пустоту, никогда не ожидаешь, что там действительно пусто.

– Я не хочу того, что происходит со мной сейчас.

– В ваших глазах... – он попробовал закончить, но я разжал руку и, хлопнув его по плечу, направился обратно в офис, на втором этаже которого я и жил. Чарли постоял немного, а потом, поправив непослушный локон, направился со счетом к барной стойке. Он не оставил ей и шанса.

Я завалился на кровать и понял, что тошнит абсолютно от всего. Вслепую нашарив на столике одинокую сигарету, я опять закурил от пальца, и, сделав затяжку, смотрел, как дымок уходит в темноту. «В моих глазах потерянный рай». Я испепелил сигарету в стакан на тумбочке и погрузился в сон.

Проснулся рано. Захотев попить, я опрокинул все содержимое стакана в себя. Стакан улетел в стену, ноги сами понеслись отплевываться в ванную, помогло это мало. Скверное начало дня, но дальше будет еще

хуже. Я лениво натянул свой «парадный костюм», представлявший из себя длинный пиджак без пуговиц, белую рубашку, полосатый галстук, лакированные туфли, зауженные брюки, и спустился вниз.

Никто еще не пришел. Сев в кресло, я решил перебрать документки и почту, дожидаясь своих работников. Первое, что попало мне на глаза – видео непристойного характера от Чарли, в котором официантка клялась обольстительному черту, что тот самый-самый лучший. Пока я тихо восхищался наглости моего приятеля, в офис зашел бородач с завитыми усами. На нем была узорчатая приталенная жилетка, клетчатые темные брюки, черно-белые кеды. Звуков я не стеснялся, так что ангел, прокашлявшись, снял темные очки, показывая голубые бездонные глаза, полные укоризны. Я кивнул ему головой и выключил телефон. Николас занял свое отдаленное ото всех место и принялся строчить отчеты. Пока рабочий день еще только закипал, я пролистал все недавние типовушки. Увидев договор «суслика», я чертовски захотел изменить сумму под графой «итого». Я так и сделал: под моим пальцем чернила расплылись, а потом сложились в другие числа. Побарабанив немного по столу, я не выдержал и, отклеив стикер, написал «перечислить в благотворительный фонд N-ую сумму» и приклеил на пробковую доску, разделенную на квадраты времени (очень полезная вещь, если вы хотите все успевать). Листок оказался в разделе «важно и срочно». Николас поднял голову и, отложив отчет, начал оформлять перевод. Я открыл шкаф со свитками. В этот раз в мой карман отправилось восемь штук и маузер с патронами, содержащими прах предателей. Рабочий день начинался только через час, больше не было смысла ждать. Я вынул из кармана ключи.

– Николас, ключи у тебя, – по правде говоря, никому другому я бы их и не доверил. Невероятно ответственный. Даже для ангела.

– Так точно, босс, – он «козырнул» мне.

Вновь звякнули колокольчики. Флоренция еще спала, а вот мне совсем не хотелось.

Я решил пройтись пешком – других дел на день не было, и необходимо занимать себя чем-то. Я ни секунды не сомневался, что день обещается быть веселым, однако это не приносило мне удовольствия. Возможно, это трудно понять, но у меня есть доходчивый пример. Приходилось ли вам целовать любимую девушку? Думаю, ваши эмоции были сугубо положительными. Но представьте теперь, что девушка сидит на ваших коленях вечно, и никакая сила не оторвет ее губ от ваших. Последние лет семьдесят я начал понимать, что моя ссылка напоминает именно это.

На Соборной площади пересчитал все свитки в моем кармане и крепко задумался. Пользуясь замешательством, я исчез очень быстро,

чтобы они не прознали, чего я хочу. Выйдя из зоны поражения, я позволил мыслям разлететься. Их накопилось невероятно много: каждая просила внимания, разрывая мою голову на части. Я остановился, хрустнул шеей и, массируя виски, зашел в ближайший универмаг. Стряхнув с прилавка на кассу пачку сигарет, я зазвенел мелочью в руку продавцу. Рак был против меня бессилён, поэтому я без зазрения совести поджёг третью порцию отравы. Я наконец-то сосредоточился на предстоящем, отбросив все ненужные догадки и мысли, даже ту, которая говорила мне, что все это похоже на дешёвое детективное клише.

Офис магика был «жирнее», чем наш. Двое охранников стояло на входе, по моим предположениям, ещё около десятка патрулировали внутри. Эти люди были не осведомителями, как Филипп – они умеют обращаться с оружием и без особых проблем попадут в меня. Но заказ есть заказ. Я поправил пальто, скинул шарф на мостовую и двинул прямо к парадному входу. Время обдумывать что-то подошло к концу – пришло время действия. Я потянулся к внешнему карману, куда был предусмотрительно припрятан нужный свиток, попутно заставляя в голове заиграть приятную мелодию. У меня получилось. Рука уже вынимала из кармана пергамент, когда один из охранников скинул очки с макушки на переносицу и, толкнув товарища, потянулся за пистолетом. Он не успел. Расправленный лист полетел прямо в них, выпуская облачко дыма. Глаза охранников расширились, один из охранников выронил пистолет, а потом и вовсе упал вслед за напарником. Оба забились в мелких судорогах. Я аккуратно обогнул припадочных и выронил небольшой крестик, чтобы демон, накачивающий привратников боевым инсулином, не убил их окончательно. Зашипев, он засосался в щели между мостовой.

Достав из кармана ещё один свиток, я встал сбоку от двери и выкинул его прямо перед собой. Из него показался сгусток мигающей жижи, который стремительно вырос и принял человеческий вид. Ещё через секунду он покрылся одеждой, а потом воссоздал мое лицо. Я ткнул туповатому дублю на дверь, тот пожал плечами и открыл ее. На него высыпалась автоматная очередь, расплескивая ртутную начинку. Демон был ликвидирован за секунду, дверь тоже.

В моей руке появился ещё один пергамент. Из него показалась ящерица в монокле. Монокль я вежливо снял, а ящерицу посадил на пистолет – теперь я видел то же, что и она. Дуло скользнуло к дверному косяку и по-сомалийски высунулось в холл. Прежде, чем кто-то сообразил, я успел выстрелить в чью-то ногу. Потом еле успел убрать ствол. Я слышал свое дыхание и дыхание ещё троих охранников. Ящерка недовольно глянула на меня, монокль обжег глаз. Если тот, в кого я попал, не корчится

в агонии, то чернокнижник нанимает некрещенных, что, вообще-то, логично. Чья-то холодная лапка скользнула по щеке, я шлепнул ящерицу по липким пальцам. Она спрыгнула с лица; монокль пошел трещинами, но я все еще видел глазами демоненка. Она высунулась из какой-то щели, открывая мне всех трех охранников. Они заметили обиженного демона раньше, чем она успела поспешить дальше. Пока они стреляли в щель, я успел вытряхнуть ладонь морского ежа из свитка; надо было попасть только в одного. Я наклонил голову вниз и кинул ежа в раненого. Монокль лопнул, рассыпая стеклышки на пол. Еж достиг цели – он знал, что делать: иглы воткнулись в акупунктурные точки, заставив автоматчика свалиться парализованным. То же повторилось и с остальными. Потом демон напряжился и прицелился в меня. Я осенил его крестным знаменем, ногти обуглились по краям, но еж зашипел и провалился обратно в ад. Мои перворанговые демонята закончились, а я еще не покинул фойе. Придется откупоривать крупных.

Элитная гвардия чернокнижника затаилась за дверью, изредка оттуда доносились щелчки и шарканье сапог. Сев подальше от дверного проема, я вынул тубус и вытряхнул из него свиток, скрепленный сургучной печатью. Я быстро начал нейтрализовать магическую защиту, когда какой-то смельчак все же решился дать пробный залп. Они стреляли из пейнтбольного ружья, только вместо краски были заряжены шарики со святой водой. Для меня это было что-то наподобие гранатомета. Заклинание сбилось, печать восстановилась. Вода брызгала на пальто и брюки, стрелок осмелел. Молодой парень просунул голову в дверь и получил кастетом по очкам. Разразилась буря. Через минуту вся комната была залита водой, а я, прикрываясь пальто и хлюпя сапогами по полу, пытался разбить печать. Наконец, у них кончились снаряды.

Послышался звук, открывающийся крышки маркера, и загремели стекляшки. Я выпрямился в полный рост, вытянул руку со свитком перед собой и отчеканил заклинание (это не совсем заклинание, скорее пароль, как от телефона, но не забивайте голову). По мокрому полу от меня пошли круги, знаки на печати смазались, а сама она со свистом отлетела в стену. Из размотанного пергамента вырвалось облачко пепла, и, расправив крылья, вылетел ястреб. Оставляя за собой огненный шлейф, птица ввинтилась в дыру от стеклянного шарика, чтобы устроить погром по ту сторону двери. Послышались крики, разбились стекляшки, заклекотал ястреб, потом загромыхали выстрелы. Все стихло. Я положил пальцы на спусковой крючок и, скрипнув дверью, вошел. Эта комната была похожа на мой офис: на стенах висели картины, призванные наполнять посетителей позитивной энергией, возле стены стояло несколько кресел, такое

находилось напротив стола, захламленного блокнотами, календарями и визитками. Над всем этим возвышался новомодный MacBook, показывая статус элитного чародея. За столом стояли стеклянные стеллажи с алфавитными указателями; один был отодвинут от стены, открывая проход из комнаты охраны. «Ловко». Дохлая птица валялась в осколках люстры с прожжёнными водой крыльями, клюв и когти были испачканы в крови. Рядом тяжело хрипел охранник. На месте глазницы чернело пятно.

– Жить будешь, – я переступил через него, отмечая это скорее для себя. Потом я увидел другого – молодой парень у противоположной стены напротив птицы. Из его головы еще шел дымок. Стрелок лежал в углу, пачкая кровью кресло из кожи кенгуру. После того как птица чуть не сделала из него Прометея, он, видимо, решил нашпиговать ее чем-то серьезнее шариков с водой. Промазал. Раненый приоткрыл один глаз, стрельнул в меня слабенькой молнией из-под очков.

– Паскуда ты! Я сыну говорил: работа что надо, – он кашлянул кровью, – залез зачем-то, падла! А как мне жить теперь из-за тебя? – мужик задумался на секунду, потом его рука, еле державшая пистолет, резко вскинулась, и раздался еще один выстрел. Голова упала на пол, оставляя за собой след.

– Никак, – на мою щеку прямо рядом с глазом что-то капнуло. Я взглянул вверх: кто-то пустил очередь в потолок, так что с разбитых шариков падала вода. Капелька прокатилась до подбородка, оставляя красный след, обжигая кожу. Николасу не придется корпеть над отчетом, но я прекрасно знал, кто убил и того, и другого. Самое ужасное, что это знал и ОН.

Я встал на первую ступеньку. Кто-то на другом конце гаркнул, и освещение отключили. Если у них есть очки, то им не нужны фонарики – и тлеющего нимба хватит. Расширив зрачки, я полез в безнадежно испорченное пальто за свитком. Пока никто не нападал, нужно было успеть распечатать его. Сев на корточки и прижавшись к стене, я вытащил из сдувшегося кармана новый тубус. На этом стояла печать другого типа – что-то вроде графического ключа. Распавшись на половинки, замочек отвалился, расслабля свиток. Пергамент развернулся. Из центра вырвалось облако едкого дыма, посыпались искры, лизнули воздух язычки пламени. Свиток рассыпался прахом. Мне попался брак! Демон просто рассосался из дырявой тюрьмы. Если я выберусь, то засуну в этот лист поставщика! Наверху тускло сверкнуло, и на голову мне осыпалась штукатурная крошка со стены.

– Идиот, его голова ниже – за новым тубусом уже не успеть.

Фигуру охранника было видно достаточно хорошо, пуля прошла

мимо. Вложив голову в плечи, фигура скрылась за стеной. Словно из танка, из-за угла высунулись жерла автоматов и принялись стрелять вслепую. Пригибаясь ближе к ступеням, я побежал наверх. По колыханиям одежды чувствовалось, что в пальто добавили пару дырок и едва не перебили плечо, но рука задралась выше, чем надо. Подбираясь к верху, я заметил носок сапога; в этот раз попал. Охранник потерял равновесие и подался вперед. Воспользовавшись возможностью, я схватился за расслабившиеся на секунду кисти и дернул их к лицу хозяина, больно приложив прикладом по зубам. Пока ушибленный съезжал вниз по ступеням, я занял его место и ударил соседа кастетом в область ключицы – бронежилет погасил удар, так что он лишь покачнулся. Я мог слышать, как два ствола с противоположной стены поворачивались от лестницы к моей спине. Дернув кастет, зацепившийся за нити из бронежилета, я рывком развернул вояку в их сторону. Хорошо, что им хватило ума не стрелять сквозь него. Я осклабился черными деснами.

– Извини, – двинув ему коленом в промежность, я толкнул скрюченного в двух других, попутно выдёргивая кастет. Повалившись на пол, они тут же начали вскакивать, но, скрипнув зубами, я выстрелил по коленям. Потом каждый получил краем кастета по макушке, чтоб не стреляли вслед. Наклонившись к лестнице и увидев, что внизу никто не шевелится, я оглядел этаж. Здесь магик, по-видимому, жил: на стене висели светильники, создающие уют, двери были совершенно домашними, на одной даже висел детский рисунок. Я потерял виски, заставляя себя подумать об этом потом, хотя бы на пару минут позже. Лишь в конце коридора зияла грузная дверь, дававшая понять, что не каждый может туда войти. Бесшумными шагами я приблизился к ней и, желая, чтобы там не материализовался ангел-хранитель, дернул за ручку.

Ангела там не было, но в маленькой комнатке стоял амбал с дробовиком. Он закрывал резную деревянную, с оттенком оранжевого, дверь в кабинет. Маузером я воспользоваться не мог, потому что патрон предназначался чернокнижнику, так что пришлось просто отпрыгнуть в сторону, уворачиваясь от перемолотых крестиков, украденных предприимчивым русским из церквей. Света по-прежнему не было, так что охранник видел только нимб. Перекатившись от стены, я двинул ему рукой без кастета в солнечное сплетение и с невероятной болью отдернул ее. Здоровяк хохотнул и дернул какой-то рубильник, восстанавливая освещение. Я с ужасом вылутился на его голый торс – вдоль его вен, по всему телу витиевато шла серебряная татуировка. Она давала превосходную защиту от таких, как я. Амбал ухмыльнулся, дробовик выплюнул дымящуюся гильзу ему под ноги, дуло уперлось мне прямо в лоб. Обдало жаром, ухо зазвенело.

В кармане рассыпался предпоследний свиток – как хорошо, что я всегда кладу демона-щита. Теперь уже охранник удивленно уставился на красное пятнышко чуть выше переносицы, которое должно было быть кровавым месивом. Пользуясь замешательством, я вскочил и ударил кастетом по оружию, выбивая его из рук. Ребро свободной ладони, но бычьих мышцы просто отпружинили кисть обратно. Потом я получил пощечину, обжигающую достоинство, а щеку вдвойне. Его рука, словно гигантский маятник, пошла на второй заход, но «подставлять вторую щеку» не входило в мой набор правил, так что я протаранил серебряного гиганта и проломил хрупкую дверь из акации. Она захрустела, и в следующие мгновение здоровяк кряхтел на обломках двери. Я пару раз добавил ему. Мощная голова, словно тряпичная головка куклы, бухнулась на разбросанные щепки.

– Ему тоже челюсть сломаете? – передо мной за столом сидел дедок лет шестидесяти. На нем были классический костюм, круглые очки в тонкой оправе, а длинные седые волосы были заплетены в хвост.

Я не стал ему отвечать. Самому-то не хочется исполнять эту миссию, а уж то, что придется делать потом, поджидая здесь обитателей комнаты с рисунком – представить страшно. Достав маузер, я щелкнул курком и направил на седую голову. Он смотрел без страха. Дышал ровно, но потом сорвался.

– Что не понравилось Люциферу? Какой, черт его дери, контракт я исполнил плохо? Идеальный послужной список, а он присылал даже не тофеля², а какую-то шваль!

Я удивленно выгнул бровь и невольно снял палец со спускового крючка.

– Вы всего лишь посредник?

Дед фыркнул и стукнул пальцами по столу.

– Всего лишь! – он сбавил тон, вспоминая, что у меня в руке. – Я слежу за выполнением договоров со стороны смертных.

– Вы нотариус дьявола?

Дед посмотрел на меня презрительно, потом хмыкнул и театрально заулыбался.

– Я обуваю простачков, идущих на крючок. Люцифер предлагает им услугу, а я создаю в договорах лазейки для него.

– Например, убить жену и детей, чтобы не мешали, – я сказал это тихо, под нос, но он услышал.

– А что вы знаете про этот контракт?

– Только то, что рассказал мне наниматель.

Нотариус поправил очки указательным пальцем, открыл ящик стола и достал оттуда папки с именами, закрученными вокруг пятиконечной звезды. Громко шлепая обложками по столу, он снимал с верхушки папку за папкой. Наконец он нашел нужную.

– Лоренцо, – выкрикнув имя, он принялся водить по строкам, потом бросил на меня насмешливый взгляд и зачитал, – жену, детей и любовницу обязуется принести в жертву взамен на коммерческий успех.

– И что сделал Люцифер?

– Лоренцо, наверное, ожидал, что под его сыроварней найдут залежи нефти, но тут же четко написано «коммерческий успех», – дед улыбнулся, на этот раз злорадно, но искренне, – так что владыка просто щелкнул пальцами, и его компаньон умер от разрыва тромба, передав всю долю ему. Кто же знал, что Лоренцо не справится с бизнесом в одиночку.

Я отошел от стола и запустил правую руку в шевелюру, – указательный и средний по очереди стучали по стволу маузера. Осознание приходило быстро: сейчас бы я убил деда и его семью, через пару дней меня бы забрали на суд по делу о превышении полномочий. Меня бы не оправдал никто, потому что на суд бы доставили этот договор, так что я бы остался гнить в чистилище, а довольный Лоренцо обработал бы договор в свою пользу. Хотелось ругаться, но я почему-то спросил куда-то в стену:

– А телевизор вы ему взрывали?

– Да, но это так, шалость.

Я вытянул руку и пустил пулю в огромную плазму на стене. Старик вздрогнул. Повисла секундная пауза, которую прервал нотариус:

– Послушайте, с таким раскладом мы можем засудить его, естественно, не через обычный суд.

– Каким образом?

– Конечно, Люциферу нет дела до этой мелкой дрязги – я хоть и единственный, но заменяемый. Однако у меня есть полномочия работать с договором, а значит...

Закончить он не успел – лопнуло стекло, и полетели осколки, переливающиеся радугой. Пригибаясь, я успел заметить, как падает на стол голова старика, с расплывающимся на седине красным пятном. Через мгновение другая пуля разбила раму картины. Стрелок пытался задеть хотя бы мою спину, но я уже выкатывался в коридор, где окон не было вовсе.

В комнате для охраны, на первом этаже, был служебный выход дверь на улицу, через которую я и вышел. Через два поворота я уже ока-

зался на Виа ди Рондинелли, где сновали машины. Силясь поймать такси, я на ходу набирал номер Николаса.

– Слушаю, босс.

– Ник, – я губами прокричал водителю, но он проехал мимо, – на сегодня все, работа окончена.

– Сейчас только одиннадцать.

– Неважно, – я едва не упал таксисту на капот, и он, витиевато размахивая руками не менее витиевато ругаясь, открыл дверь. – Ник, слышишь? Я вас отпускаю. Рабочий день на сегодня О-КОН-ЧЕН.

– Куда вы едете? – чуткий, как всегда.

– Мне срочно надо в ад.

Таксист покосился на меня, но я хлопнул его по плечу и сказал ему ехать к Санта-Мария-Новелла. Конечно же, такси в ад не ездят. Туда ходят лифты.

Водитель подвез меня ко входу, думая, что я турист: ещё бы, ведь любой флорентинец знает, что такси на улице не ловят. Если б в меня не стреляли – я бы так делать не стал, как и тогда с Филиппом.

Мне нужна была не сама аптека, а знак-кирпич, находящийся неподалеку. В каждом городе Мира есть подобный лифт, и даже не один. В России для этого закрывают кабинки общественных туалетов, но местные работники ада поступили изящнее. За одну ночь прыткий черт нарисовал дорожные знаки, чтобы знать точное местонахождение лифтов (спуски сделали только под «кирпичом», а остальное – это уже его личное творчество). Фишку просекли и в некоторых других странах, например, Японии, но законодательство там жестче, так что такого размаха не достигло. Но я был в Италии и, судорожно оглядываясь на крыши и окна, пытался просканироваться на вход. Их всегда сбивал с толку мой нимб, но раз на третий все же понимали, что он тлеющий.

Никто не успел на меня напасть – под моими ногами открылся люк, и я поехал вниз. Это на час. За несколько тысячелетий никто не удосужился хоть как-то развлекать народ во время спуска: не было музыки, не крутили фильмы, не было картин на стенах, не было даже журнального столика, потому что не было света. Только табурет (всегда надеюсь, что это просто деревянная тренога) и кромешная тьма. Садись на стул и думай о вечном. Надо бы запрос к Люциферу отправить, но ведь все погрязнет в адской бюрократии. И я через час погрязну. Спуск угнетал все больше: поскрипывали то и дело шестерни, хоть я прекрасно знал, что их нет. Шуткой злорадного инженера то и дело сужались стены, оставляя лишь небольшое пространство для пассажира, а может, и это было иллюзией. Забавно, что это я еду на служебном лифте, а тот лифт, который

«для посетителей», и едет быстрее, и выглядит красочнее: человек сто набивают в душную комнатку, а потом отправляют ее в свободное падение вниз. Естественно, через десять минут они уже готовые, и их встречают гогочущие черти без человеческой личины. «А вот нам зачем такой лифт? Узкая труба мрака, который, наверное, напоминает мою жизнь».

Сделав шаг в пропасть, я уже не одно столетие пытаюсь достигнуть своей цели без права на переВыбор. Только черный тоннель, принятый мной за единственно верный, но если задуматься, я ведь и не вижу других маршрутов. Слеп. Я скорчил ехидную мину и крикнул в пустоту:

– Хотите, чтобы так думал, да? Я же знаю, что здесь мысли считаются. Идите все к чертовой бабушке!

– Пошел ты, пернатый недоделок! – ответили из пустоты, и лифт, недовольно загудев, поехал чуть быстрее. Я победно уселся на табурет и принялся отстукивать по коленям незатейливую мелодию. Соседствуя с Собором, я отлично выучился не думать ни о чём.

Минут через тридцать передо мной возникла тяжелая дубовая дверь. Я не успел даже вздохнуть или сосчитать до десяти, как ручка дернулась, и престарелая тетка с кипой бумаг уставилась на меня.

– Ты чего встал, ну! Проваливай!

Получив затрепину, я вылетел из лифта. В глаза ударил яркий свет, в уши – многоголосые препирания. Туда-сюда сновали взмыленные черти и суккубы, хлопали двери, взмывали вверх листки формуляров. Невероятно воняло конским потом, а наглые работники канцелярии то и дело подрезали тебя, вжимая в стену. Даже я чувствовал себя несколько беззащитным. Нервно сглотнув, я принялся прорываться к нужному кабинету. По пути меня множество раз придавливали к стенам, а пару раз чуть было не впихнули в какие-то двери. Радует, что орел наш, дон Люцифер, догадался добавить канцелярии отдел, где решаются только вопросы местного населения (или потенциально местного). Подо мной находились ещё тысячи этажей, где, помимо клерков, сновали толпы грешников, тщетно пытающихся найти недостающую справку о прощении одного греха. Они, в отличие от чертей, не покидают эту канцелярию никогда. А вы пугаете какими-то котлами кипящими. Но для того, что оформить покушение на меня «подопечной» душой Люцифера, в котел прыгнуть будет недостаточно. Но мне надо было как можно скорее добиться того, чтобы суслика сослали и вывели из договора.

Наконец, я встал перед дверью: узорчатые пентаграммы и бронзовая табличка с гравировкой, отливающая блеском. Я только дернул за ручку, но, не видя еще лица, почувствовал раздражение сидящей за ней. На меня смотрела старушка в смокинге. Она мило улыбнулась, но я знал,

что фалангой греческих гоплитов на меня ощерилась вся бюрократическая система.

– Добрый день, – я поставил стул напротив и ответил на улыбку своим сногсшибающим оскалом. На нее такое не действует, – хочу оформить покушение подопечным.

Старушка, не снимая улыбки с лица, выжидающе протянула руку. Я ответил на это удивленным взглядом. Она не заметила его и лишь потопрапливая пошевелила пальцами.

– И что вы от меня хотите?

Улыбка скомкалась, глаза закатились так далеко, как может закатить их только обиженная школьница.

– Это вы от меня что-то хотите! А мне, чтобы оформить вам документ, необходимы распечатки воспоминаний момента покушения и аудиодорожка происходящего.

– Когда придумали этот бред?

– Распечатки есть у вас?

– Нет.

Она цокнула языком и покачала головой.

– Ну, вот с этого начинать и надо. Этажом выше тридцать четвертая дверь налево, пятая комната. Там вам распечатают. Потом приходите. – Взгляд старушки остекленел, она посмотрела сквозь меня и мелодичным голосом крикнула – «следующий». Улыбка, словно зонт, вновь раскрывалась на морщинистом лице. Взвизг пришлось про себя – здесь эксцентричных скандалистов не любят.

Медленно открыв дверь и бережно сопроводив ее до щелчка, я, раздвигая клерков, как ледокол, продвигался ко второму этажу. Это была самая худшая лестница во всем аду, потому что ее постоянно намывала уборщица, отчего она становилась невероятно скользкой. Я твердо поставил ногу на первую ступень, растопырил руки в предвкушении падения. Вытягивая носок, поставил ногу на следующую ступень, прощупывая ее, словно сапер, проделал точно такую же процедуру с левой, правой, левой, правой... поскользнулся на последней ступени. Подбородок треснулся об кафель, по нему паутинкой расползлась трещина, я почувствовал себя как Сизиф. Со второй попытки лестница была взята, и в награду я позволил себе поставить щелбан уборщице в затылок, скрываясь в бурлящей толпе. Теперь надо было считать. Вокруг кричали – пришлось заткнуть уши, локти напоминали теперь крылья большой птицы. Отмахиваясь ими ото всех, я приговаривал: «первая, вторая, третья... тридцать четвертая». Победоносно открыв дверь, я был встречен двумя мужчинами. Они недоброливо уставились на запыхавшегося гостя.

– Здесь распечатки воспоминаний?

Не отрываясь от экрана, один из них кивнул.

– Давайте флешку.

– С воспоминаниями?

– Ну, да-да, давайте.

– А где?

Стрельнув в меня глазами и приоткрыв было рот, он, однако, решил, что я не достоин хотя бы капли его времени и молча указал на стену. Хоть глаза не закатил. Войдя в соседнюю комнату, я встретился с тщедушным чертом в белом халате. Этот почему-то решил не скрывать своего настоящего облика. Глянув на часы, я решил поубавить вежливости.

– Воспоминания здесь считывают?

Черт кивнул.

– Сюда садиться? – я указал на стул, над которым громоздилось нечто вроде рентгена.

Черт снова кивнул. Я сел.

– В голове импланты имеются?

– Нет.

– Славно, – сказал он монотонно, – думайте об интересующем вас.

Я подумал. «Рентген» над моей головой пришел в движение. Черт развернул ко мне монитор.

– Это те воспоминания?

– Да.

– Вот ваша флешка.

В этот момент в кабинет из подсобки зашел черт постарше (он был уже в человеческой личине, но черта несложно узнать). Увидев меня, он очень удивился.

– На распечатку?

– Уже, – я выдернул из рук у черта флешку.

– Так, а где ваша справка о...

Я дернул за дверь. Вслед мне несся претенциозный тон старшего черта.

– Стажер, справки надо спрашивать, личину надевать и улыбаться, в конце концов!

«Он научится», – мрачно подумал я. Придвинув табурет, я шлепнул флешкой об стол и сложил пальцы замком. Клерк равнодушно отодвинул ее в сторону ручкой, а потом положил передо мной пустую анкету.

– Дата, время, ваше имя, интерьер, экстерьер, кратко: ваши действия за пять минут до и после.

– Это все есть на флешке, только визуализировано, – пальцы, сжа-

лись между собой до белых костяшек, но он больше не обращал на меня внимания и уперся в монитор. Ручка принялась бегать по листку, усердно марая бумагу. Закончив, я демонстративно клацнул ручкой и забарабанил ею по столу. Клерк молча вынул из-под стола идентичную бумажку.

– Я только что это заполнял.

– Это экземпляр для бухгалтерии, – он опять уткнулся в монитор, но, заметив, что я не спешу, добавил, – как будто это я правила придумываю.

– Ты и сюжета для детского утренника не осилишь, – процедил я еле слышно.

Убедившись, что клерк не обращает на меня внимания, я, продолжая двигать ручкой, стал аккуратно водить указательным пальцем по заполненным полям: чуть более бледные копии слов перескакивали на мою подушечку, а затем в пробелы на другом листе. Я управился меньше, чем за минуту. Приняв мои листки, клерк тут же вернул их обратно.

– Вы забыли расписаться.

Я подписал. Он передал анкеты второму, и тот упрятал их в толстенную папку, превосходящую по размерам коровью голову. Затем клерк вставил флешку в компьютер, спустя пару секунд из принтера вылетело восемь картинок, что-то вроде раскадровки. Без благодарностей я выдернул свои воспоминания из рук клерка, увидев блеск любопытства в его глазах.

Чтобы не поскользнуться на коварных ступеньках, я проехался по перилам, как школьник, ловя на себе разгневанные взгляды отформатированных идиотов. Проталкиваясь сквозь них к нужной двери, я мельком глянул на часы. С ужасом обнаружил, что короткая стрелка совершила полный оборот и даже больше – стало понятно, что проще всего будет бабку убить. Добравшись до нужной двери, я дернул ее на себя, а закрывая, хлопнул с такой силой, что привыкшая ко всему старушка всё-таки дернулась.

– Ваши воспоминания!

– Не мои, – мило огрызнулась бабуля.

– Мы оформляем?

Она постучала листками по столу, скрепляя степлером.

– Воспоминания необходимо вложить в вашу папку, есть она у вас?

– Есть.

– Когда получите ее в архиве, сюда не идите, сначала получите свидетельство о подопечности интересующей вас души, потом уже сюда – я поставлю печать для комитета о превышении полномочий. Дело проведут завтра, так что вы успеете собрать пакет документов по своему пре-

быванию вне Рада (так мы называем Рай и Ад). Дела будут идти два дня: сначала ваше, потом его...

Она продолжала стрекотать дальше, но я ее не слушал – прикусил язык. Я размазывал кровь по клыкам, чувствуя, как струйка хочет просочиться на губы и стечь на подбородок. Рука сжала кастет. Пока я проторчу тут целую вечность, Суслик (приклеилось уже) превратит мою задокументированную земную жизнь в ад (забавно), поднимая подробности о сроках моей жизни и прочих неудобных моментах. Мне почти нечего терять, я ее убью сейчас и все. И я убил бы – рука напрягалась для броска из кармана, но тут вошла она. Алиса – мой самый любимый суккуб. Она была молода, ей было не больше ста сорока. Человеческая личина не скрывала, а лишь подчеркивала обворожительные естественные черты. К тому же она любила вытащить из-под нее небольшие завитые рожки, считая, что это заводит мужчин. Меня заводило. При виде меня в ее глазах промелькнул огонек, а пальцы сами собой заплясали на пуговице, служащей последней линией обороны против пышной груди. Алиса улыбнулась. Сравнить эту улыбку с тем, что происходило на лице старушечки, было кощунственно. Я и не стал. Сверкнув заточенными клыками, я жалостливо перевел глаза на бабуся. Слова были не нужны. Алисино лицо налилось офисной монотонностью, но даже так от него сложно было отвести взгляд.

– Кончай бюрократию, старая чертила!

Бабка даже не нахмурилась.

– Инструкция предписывает пренебрегать правилами только в экстренном случае.

Алиса дважды цокнула каблуками, подходя к столу вплотную и, склонившись над старухой, прошипела: «Значит, я забираю это дело». По столу шаркнули бумажки. Алиса направилась к выходу, но остановилась в дверях, вернулась обратно, подцепила меня под локоть и кинула, не оборачиваясь: «Истца тоже забираю». Старушка была обескуражена настолько, что из ее седой головы напрочь вылетели параграфы инструкций, запрещающие подобные действия.

Мы прорывались сквозь тесную толпу к какому-то кабинету, пока резко не изменили курс. Протацив меня об стену, Алиса втокнула меня в небольшую комнатку. Дверь захлопнулась, в темноте мерцали ее глаза, кипа бумаг была отправлена на полку стеллажа. Не надо было обладать сверхъестественным слухом, чтобы чувствовать, как она дышит. Она прекрасно знает, что я не начну первым. Наконец, ей надоедает – она подается чуть вперед, и ее губы касаются моих. Кто я такой, чтобы не отвечать на это? Я жадно впиваюсь в ее губу и чувствую, как ее зубки

прикусывают мою, будто пожирая меня. Ее длинный раздвоенный язык легонько ощупывает клыки, ища мой. Я мысленно ухмыльнулся и решил немного попрыгать его. Ее руки жадно гуляют по всему телу, мне хватает ее волос. Ручьи ее мягких локонов струятся сквозь пальцы, донося приятный и мягкий аромат неизвестного шампуня. С удвоенной жадностью она впивается в меня – я не хочу уступать. Наконец, ее язык находит мой. Она обвивает его, плавно скользит назад и вперед. Алиса закидывает ногу к моим ребрам, моя рука съезжает вниз, чтобы поддержать ее (и подержать тоже). Я чувствую, как она прижимается все ближе, покачивая бедрами. В такие моменты я ощущаю себя нужным, возможно, даже на своем месте. На мгновение забывается то, что я беспомощно качаюсь между двух миров уже много лет. Звякнул ремень, к ширинке скользнула теплая рука. Я потянулся выправлять ее блузку из-под юбки. Не останавливаясь, она отнимается от губ и прислоняется к моему лбу.

– Останься здесь, проверишь, насколько жарко в аду... со мной.

Я, видимо, не так понял.

– А сколько у нас времени до судебных дел? Может, успеем.

Ее рука справилась со штанами.

– Старушка не говорила? Три дня, но ты можешь остаться намного дольше.

Мои руки замерли на молнии, проходящей через юбку. Всё-таки это не то. Я не хочу в ад! Даже если здесь будет она. А может, только ради нее и стоит прыгнуть в пекло? В любом случае, я не буду решать это сейчас.

– А эта кипа документов?

– Расслабься, я сама сделаю все в три раза быстрее, – она улыбнулась и снова потянулась к моим губам.

– Я люблю тебя, – я прильнул к ней, тихо доставая со стеллажа листки, – но мне надо закончить все дела, – листки легли между нами. В ее глазах занялись красные огни, я улыбнулся во весь рот, проводя языком по верхним клыкам, и успел выскочить из комнаты до того, как в меня полетели тяжелые предметы. На ходу застёгивая ремень, я бежал к лифту. Я знал, что она поймет меня, но потом, когда переберется. В конце концов, я не только за тело ее любил. «Ну, суслик, дай только три дня продержаться».

Когда лифт дополз до верха, и надо мной распахнулись створки, глазам уже не пришлось привыкать к свету – улицы утонули в сумерках. В окнах ресторанчиков, раскинувшихся на площади, загорались огоньки. Шум поутих, лишь за столиками лились мелодично разговоры и слонялись по площади тихие компании – город наслаждался тишиной. Я решил

наслаждаться вместе с ним.

Чувствуя, как от меня исходит пар, растворяясь в вечерней прохладе, я скинул с себя дырявое пальто и бросил на землю. Тело приятно закололо, хоть температура и была плюсовая. На ходу расслабив галстук, я расстегнул верхнюю пуговицу на рубашке. Выходить на главную улицу я побоялся, так что направился в боковой проулок. Мне не хотелось торопиться в офис – ближайшие три дня я там не буду светиться, но надо проверить замки. В пачке все еще оставались сигареты, почему бы не закурить? Сигаретный дым значительно отличался от адского, с привкусом серы: он клубился намного мягче, в нем хотелось утонуть. Когда сигарета кончилась, я автоматически вытащил вторую и также поджёг ее пальцами.

«Как же хорошо на брэнной земле, когда ты родился человеком. Словно маленькая гуппи, живешь в аквариуме, не зная ничего об океане. А я тогда кто? Для этого мира я, наверное, удильщик, неспособный закопать уродливую морду в пластиковое дно. Да и мой привлекательный фонарик кто-то оторвал. Хозяин аквариума доволен участью рыбы, оба хозяина. Только вот удильщик бывал в океане».

Из размышлений меня вывел кофейный запах – ни с чем его не перепутаю. Я выплюнул изо рта обугливающийся фильтр, который едва не обжег мне губы, и стал жаться ближе к стене, стараясь найти преграды от противоположной стороны улицы. Добравшись до двери, я облегченно вздохнул – следов взлома не было. Достав из кармана ключи, воткнул их в замочную скважину и понял, что поторопился. Дверь была не заперта, а Николас не мог забыть про такое. Я дернул дверь и закатился внутрь, щелкнул выключатель. В свете ламп все выглядело весьма цивилизно. Все, кроме шкафа со свитками – на нем висели два новых замка, серьезных и непоколебимых, а ещё записка. На всякий случай я достал кастет и медленно пошел к шкафу. Записка была короткой, но очень содержательной: «Твой черт у меня, советую прийти до начала судебного процесса. Адрес...». Я совершенно забыл, что Чарли придет в офис позже других.

– Приспичило тебе наставить кому-то рога именно в эту ночь! – Я со всей силы пнул свой стол. Ящик с кастетами приоткрылся – теперь это был просто ящик. – Обчистил меня, оставив беззащитным.

Я сел на стул, барабанил пальцами по нетронутому покрытию и заставляя себя всей душой возненавидеть Чарли. Мой тридцатиминутный таймер зазвенел в четвертый раз, я поднялся из-за стола, – «ну и урод этот Чарли!» – щелкнул выключателем. Комната стала темной, но я по-прежнему все видел. За три дня я успел соскучиться по моему уютному офису. «Придется его вытаскивать».

На улице было совсем тихо, через несколько минут тишину вскрыл гул мотора, вызванного мной такси. Денег у меня не было, но я хотел закончить все быстро: если идти пешком – могу не успеть. Водитель на несколько минут вынырнул на центральные улицы – по мне ударил шум сотен голосов и мелодий уличных музыкантов, зрачки невероятно сузились от городских огней, а потом все снова потерялось между небольших домишек.

Ладони не потели, но будто бы на всякий случай я обтирал их об брюки. В паре окон, подсвеченных ночниками, мне мерещились снайперские окуляры. И даже, когда я вжался в спинку, то все равно ощущал на себе чей-то взгляд. Молчаливый водила (редкость для Италии) крутил волны по радио, не давая сосредоточиться хоть немного. Хорошо, что снял галстук, иначе непременно бы почувствовал, как он перекрывает кислород. Спустя множество томительных минут мы остановились возле моста ювелиров. Водитель даже не успел повернуться, как на его голову упало железо кастета – обмякшее тело свалилось на ручник: денег у меня не было. Я облокотил его обратно на спинку и вышел из машины.

Теперь мне точно не мерещилось – из темноты на меня действительно смотрело несколько стволов. Стрелки стояли за прилавками так, чтобы обычный человек не заметил. Суслик ждал меня. Учитывая, что мост представлял собой нагромождение торговых домов в три-четыре этажа, даже представить сложно, сколько здесь можно уместить бойцов. Как только войду, меня возьмут в клещи, так что обратного пути уже не будет. Я помялся, подумав в последний раз, и с деланой развязностью пошел вдоль угрюмых домов. Было слышно, как тихо бряцает снаряжение у наемников. Очень хотелось оглянуться, потому что я чувствовал на затылке чей-то прицел, но мне удалось подавить в себе это желание. Как по заказу, на небо из облаков вышла Луна. Мост словно подсветился неоновой лентой с севшими батарейками, но я и так видел скопление фигур в центре возле перил: Суслика я бы узнал и в полной темноте – два его подбородка тряслись, втолковывая что-то двум охранникам. Еще двое стояли чуть поодаль, точнее, стоял такой же охранник, уперев дуло пистолета в сидящего на перилах Чарли. Увидев его, я захотел ускориться, но подавил и это желание, все еще медленно и вроде бы уверенно приближаясь. Суслик тоже решил показать свое превосходство, хотя как раз он и имел полное право. Выпятив брюшко в полосатой рубашке на выпуск, Суслик упер руки в боки, договаривая своим бульдогам что-то в пол-оборота. Потом все же соизволил повернуться ко мне полностью, одаривая насмешливым взглядом.

– Добрый ночи, сеньор Рикардо! – его голос был совсем не тем, что

я слышал у себя в офисе.

– Где имя мое откопал?

– Я много чего про вас откопал.

– А на кой черт тебе мой черт понадобился?

Он хмыкнул, слегка крутанул указательный палец вокруг своей оси, и за моей спиной появилась тройка серьезных ребят. Дважды звякнули об мостовую дымящие гильзы, а я повалился на землю не в силах удержаться – мне пустили две пули в ноги. Я почувствовал, как ртутная начинка выжигает меня изнутри, уничтожая мышцы и сухожилия. Я приподнялся на колени и, упираясь руками в камень, посмотрел на Суслика. Тот мерзко улыбался, почесывая щетину, продолжая игнорировать мой вопрос.

– А ловко я придумал, да? Мне говорили, что Сатану не обманешь, а я взял и перехитрил... – он посмотрел на меня, пытаясь понять, кто я есть, – дурачка, в общем. Жаль, конечно, что ты не убил того дедулю, и мне пришлось все доделывать самому, – Суслик сплюнул. – Но ты ведь поплелся разбираться в ад! – за моей спиной шелкнул взвоящий курок, и холодный металл уткнулся в затылок.

– Отпусти хотя бы Чарли.

Суслик продолжал меня игнорировать, казалось, он даже не смотрел на меня. Возможно, у меня появилась идея.

– Но благо мои консультанты сказали, что нет истца, – значит, нет и дела. Ладно, – он поправил штаны и полез во внутренний карман за телефоном, – мне еще бизнес в руках удержать надо.

Стукнуло сердце. К плечу Чарли потянулась рука. Чуть скрипнул спусковой крючок. Сложили сошки на винтовках снайперы.

– Нырять в реку, Чарли! – Я резко сложил руки, обдирая кожу на локтях. Пуля шевельнула волосы, черт, размахивая руками, плюхнулся в реку. Суслик, раздраженно открыв рот, вновь повернулся ко мне, из последних сил я рванул к нему, раскладывая последний манускрипт. Это был мой план Б, моя спасательная капсула: демон, который должен был перенести меня, куда вздумается, в случае неудачи в доме мага. Я уже придумал, куда нам с Сусликом отправиться. Почувствовав, что меня утягивает вниз, словно в водоворот, я схватил ногу Суслика, забирая его с собой.

Меня хорошо приложило об пол. Голова ужасно гудела, будто сдавливаемая невероятной мощности прессом. Купол, лениво поглядывающий на площадь, теперь ошеломленно уставился на нахала, пробравшегося в самое его сердце. Мягко говоря, я был нежелательным гостем. Чувствовалось, как что-то начало перешептываться в голове, поднимая

целые пласты воспоминаний, которые беззащитно лежали на поверхности. Меня прижало к полу, даже любое движение давалось с большим трудом, ноги отнялись совсем. Тело нещадно разогревалось, оказавшись в святом месте, кожа на носу начала медленно облезать. Я совру, если скажу, что не предполагал о таком конце, идя на встречу на мосту. Глаза перестали различать контуры, цвета поблекли, только огонечки свечек оставались для меня цветными. Никто не пел, но я уже отчетливо слышал музыку. Святой воздух с каждым вдохом давался все тяжелее, на языке почувствовался вкус железа, из носа тоненьким ручейком потекла на пол кровь. Я хотел было закрыть глаза, чтобы стало чуточку легче, но услышал треск. Страхивая с себя щепки, Суслик выбрался из-под церковных лавочек. Его нос был изогнут под неестественным углом, один глаз не открывался, из неглубоких ран и царапин сочилась кровь, пачкая одежду, но он все равно встал и пошел ко мне. Прошла целая вечность, прежде чем он добрался до меня – становилось все труднее сохранять рассудок. Его лицо смазалось для меня в одно бесформенное пятно, когда Суслик навис надо мной. Потом я отчетливо увидел, как он достал из-за пояса пистолет и направил мне в лицо. Ну и ладно, я всего лишь старый, усталый человек. На него я был больше все похож. Пусть я умру человеком.

– Думаешь, что я не возьму грех на душу и не грохну тебя в церквушке? – пятно сотрясало пистолетом. – Я никому не позволю себя обмануть: ни тебе, ни даже Люциферу! – Пятно отдалилось, наверное, Суслик встал в полный рост. – Лучше бы ты перенес нас в зал суда.

Невероятным усилием я заставил себя улыбнуться – уголки губ слегка приподнялись. Окаменевший язык упал с неба: «Здесь тебя найдут быстро, а суд только завтра». Я закрыл глаза. Алиса что-нибудь придумает, и Чарли выступит вместо меня, так что это земное недоразумение не отравит жизнь никому из моего отдела. Да и вообще никому. Я был уже совсем готов, но Суслик почему-то медлил. Разлепив веки, я ясно увидел двух крылатых голубоглазых парней, они усердно «паковали» моего Суслика. Белоснежная полицейская форма выглядела довольно странно, но эффектно: с тех пор как такие же офицеры сопровождали меня на брентную землю, ее сильно поменяли. Заметив, что тело еще в сознании, они приложили руки к фуражке мне, один даже подмигнул, а потом, взмахнув крыльями, они исчезли. Я снова закрыл глаза, проваливаясь все глубже, сам не понимая куда. Всё-таки я люблю этот собор. Он невероятно красивый, большое спасибо Филиппо Брунеллески.

Кто-то провел рукой по моему лицу, – почувствовав прохладу, я открыл глаза. Зрение восстановилось. Передо мной сидел монах, точнее, ангел в монашеской одежде.

– Давно вы здесь?

– Я приехал из Рима, сын мой, где-то в двухтысячном году.

– Не дурачьтесь.

Ангел не прекратил мило улыбаться.

– Я спустился с купола, когда почувствовал, что сюда попало что-то лишнее, – он помолчал, – я действительно монах в этом соборе.

– Вы следили за мной.

– Только когда ты поехал за Чарли.

– Зачем?

– Потому что за тобой интересно наблюдать, – он встал и принялся обходить меня вокруг, – ты думаешь, что рай закрыт для тебя навсегда, и тебе рады только в аду, но это не так.

– Мне даровали амнистию?

– Нет, конечно, нет, – ангел хихикнул в кулак, – ты можешь даровать ее себе сам, а потом пойти, куда захочешь. Только надо выбрать курс, а не топтаться на месте.

– А если...

– Оставаться человеком не значит топтаться на месте. Когда яблоко зреет на дереве, его не сбивают на землю раньше времени. Оно само знает, когда упасть. И ты волен идти, куда хочешь, и я тоже.

– У меня плохо получится идти.

Он склонился над моими ногами и надавил пальцами в пулевые ранения. Резкая боль сменилась ощущением силы и бодрости. Пошатываясь, я встал. Первые шаги я сделал, опираясь на лавочки, а потом медленно поковылял к двери. Собор давал мне уйти, снисходительно осматривая. Монах пошел к алтарю. Я понял, что должен задать один вопрос именно ему:

– А то, чем я занимаюсь?

Ангел опять улыбнулся.

– Скажу тебе по секрету, что я сейчас пойду в бордель, – я пошатнулся так, что едва не упал, он принялся размахивать руками, – обращать проституток на путь истинный, – лукаво улыбнулся. – Хотя я могу лишь в порыве страсти донести до нее некоторые истины. Удивлен? Некоторые мои коллеги тоже – они предпочитают проповедь. Тут уж кто как хочет, ему, – ангел многозначительно закатил глаза, – важен результат. Если закроешь свое дело, то, конечно, окажешься «наверху» намного быстрее.

Ангел начал отдаляться – что-то выталкивало меня из собора. Я не стал сопротивляться.

Я решил сесть прямо на мостовую. Обожжённое тело немного болело, но в целом было хорошо. Кто бы мог подумать, что за десятки лет

что-то еще щелкнет в моей голове? Да и к тому же все остались живы, я даже в соборе побывал, увидел изнутри. Я посмотрел на купол, он на меня. Я больше не прятался от него, хотя дискомфорт определенно ощущал. Закурив, я решил проверить Чарли. Набрал его номер, он ответил быстро.

– Как вы, босс?

– Лучше бы ты не пошел тогда с той официанткой.

На том конце раздался истеричный и наглый смех.

– Значит хорошо, босс!

Я сделал затяжку, проглотил дым.

– Чарли, мы закрываемся.

– Совсем? – он не скрывал разочарования и, скорее всего, даже обиды на меня.

В голове всплыли уютная комната на втором этаже, приятная американская кафешка, пара чертей из отдела и свежий поцелуй с Алисой. «Никто не сбивает яблоко раньше времени».

– До понедельника, Чарли, до понедельника.

Он расслабленно выдохнул.

– Давай махнем в Рим, я знаю хорошую пиццерию.

– Жду на вокзале, босс! – он сбросил.

Не выпуская сигарету изо рта, я встал, засунув руки в карманы дырявых брюк, зашагал к вокзалу. Благо, мне недалеко.

Поэзия

ТАТЬЯНА ЧЕБЫКИНА, 2002 г.р., Иркутск

Сочинять стихи начала ещё в детстве, а всерьёз взялась за их написание в 13 лет. С 2018 по 2020 годы участвовала и занимала призовые места в дистанционном литературном конкурсе стихов «Смелые шаги юного творца» в рамках проекта «В творчество – с головой!». С 2018 г. член ИГМОО «Глагол».

* * *

Ты носишь лавры на голове,
Я лист лавровый кидаю в суп.
Ты рвёшься к солнцу и синеве,
А я скитаюсь в глухом лесу.
Ты вождь и пастырь, почти что Бог,
А я ударился в карго-культ.
Ты ищешь правду, сбиваясь с ног,
А я – застрявший в диване пульт.
Ты лечишь тех, кто почти уж мёртв,
Я убиваю себя всю жизнь.
Ты для предательства слишком горд,

А я с Иудой готов дружить.
Ты знаешь больше, чем Блез Паскаль,
Я ограничен и очень глуп.
Ты взглядом острым пронзаешь сталь,
А я не в силах ударить труп.
Ты веришь смеху, а я – слезам,
Нас разделяет большой пробел.
Но ты, увидев меня, сказал,
Что быть таким же, как я хотел.

* * *

Тащу свою плоть, как обломок гранита,
И еле тащусь сама.
Я компас носила в кармане с магнитом,
Теперь он сошёл с ума.

Уже за спиной миллионная вежа,
И всё ни души окрест.
А горлу щекотно от нервного смеха:
Не выйти из жутких мест!

Зелёные чащи, и жёлтые степи,
И снежные пики гор;
Накал, кульминация, крайняя степень.
Блуждать – до каких же пор?!

Когда же покажется на горизонте
Заветная точка Б?
На дереве, в камне, в кости мастодонтьей
Разметила путь себе.

В грозу и в зените палящего солнца,
От Гоби до Пиреней
Я всё обошла. Так неужто придётся
Бродить до скончанья дней?

* * *

Утро пахло сгоревшей проводкой,
Мятной пастой для чистки зубов,
Скверным кофе. За перегородкой
Безуспешно травили клопов.

В старой кружке с отколотым краем
Наслоился на стенки налёт.
Город звал человеческим граем
Из квартиры шагнуть в гололёд.

Кто-то куртку застёгивал в спешке.
Ключ с трудом провернулся в замке.
Не дорога – пустыяк, перебежка
С парой нужных вещей в рюкзаке.

За автобусом мчался с одышкой,
Запыхался и всё же догнал.
Мир скакнул беспокойной мартышкой,
Посылая неясный сигнал...

Рассветало. Небесные краски
Проявились и стали теплей,
Но в сердитой автобусной тряске
Не сумели коснуться людей.

* * *

Ночь, как и смерть, великий уравнитель.
Окончен день – настал её черёд.
Ни царь мирской, ни лирик, ни воитель
Не сможет задержать её приход.

Объявится и всех застигнет равно:
Того, кто сам к порогу пригласил,
Того, кто, испугавшись, убежал, но,
Гонясь за солнцем, выбился из сил.

И всех накроет чёрными крылами,
И всех обнимет ласковой рукой,
Напомнит, что порою над делами
Поставить важно отдых и покой,

Возьмёт себе тревоги и печали:
«К чему они? Ведь вы утомлены!»
И ты, мой друг, согревшись в одеяле,
Смотри свои таинственные сны.

КУРТКА

Я носил косуху, ходил не стрижен,
Был наивен, вёлся на письма счастья.
Наблюдал за солнцем с бетонной крыши,
Дрался и однажды сломал запястье.
Пропадал ночами по разным барам,
А наутро мучился, пил таблетки.
Повторить хотелось полёт Икара –
А летал с берёзы, сорвавшись с ветки.
Начинал курить – надоело, бросил,
Приходил на реку, кормил там чаек,
Ездил в лес и, кажется, видел лося.
Выжимал над кружкой пакетик чая,
В грязных переходах стоял с гитарой,
Как Шекспир пытался писать сонеты.
В сборный пункт ходил со стеклянной тарой
И любил дожди на исходе лета...

Я был глупым, бедным, худым мальчишкой.
Перерос – теперь мне уже за тридцать.
Больше не лечу, набивая шишки:
То, что было, дважды не повторится.
Я остепенился, нашёл работу,
Приютил кота и женился даже.
Да, не схож с тем парнем на старом фото.
Я другой. Но куртка на мне всё та же.

* * *

Во имя веселья и позитива
Нам машет с экранов не дева, а дива.
В священные тексты, в бульварное чтиво
Поверить могу с трудом.
Всё более тошно любить своих ближних,
Чистейший алмаз превратился в булыжник,
Спалил ночью книги мой друг-чернокнижник,
И с ними сгорел весь дом.

Набиты людьми рестораны и клубы,
У всех на подбор белоснежные зубы,

Рубашки из шёлка, роскошные шубы,
Лишь я здесь позорно наг.
Я голым плыву на плоту после бури,
Один, без команды – они утонули.
Прошу вас, хоть кто-то на фоне лазури
Заметьте мой драный флаг!

На фильм грёз моих отменили сеансы,
По радио больше не крутят романсы,
И больше меня не затащишь на танцы
В конце трудового дня.
Посыпались фразы двоякого толка,
Где каждое слово остро, как иголка.
Под тяжестью мыслей ломается полка,
И скоро сломаюсь я.

* * *

Ночью в городе свет и дым,
Слишком мало небес для нас.
Средь межзвёздной пустой руды
Затерялась планета Марс.

Я желаю найти её,
Дивно круглую, как драже,
Чей порыв притянуть – «Моё!» –
Не соперник земному g.

И не только найти – лететь
Бесконечные месяца,
Чтоб увидеть каньонов сеть
И блестящие полюса.

Встать ногами на красный грунт:
«Вот, планета, мои следы.
Те, что после меня придут,
Для тебя привезут сады».

Иногда, заскучав совсем,
Забираться по склонам дюн,
Выше горестей и проблем,
К ходу двух каменистых лун.

А пока я с родной Земли
Устремляюсь лишь взглядом вдаль,
Представляя, что там, вдали,
Мой далёкий летит корабль.

ОЛЬГА БЕЗРУКОВА, 1986 г.р., Иркутск – Чита

Родилась в городе Краснокаменск Забайкальского края. С 2002 г. по 2014 г. жила в Иркутске. В настоящее время живет в Чите. Окончила Юридический институт Иркутского государственного университета, работает по специальности. В 2017 году в Иркутске впервые публично выступила с авторскими стихами, с тех пор проводит поэтические концерты под аккомпанемент живой музыки, участвует в поэтических онлайн-квартирниках. В 2020 г. присоединилась к команде Совета молодых литераторов Забайкалья, и с 2021 г. является его руководителем.

Участник Межрегионального совещания авторов Сибири и Дальнего Востока (секция поэзии, 2020), Всероссийского Совещания молодых литераторов Союза писателей России в Химках (программа для организаторов литературного процесса, 2021), IX Всероссийского литературного фестиваля им. М. Анищенко (специальная программа для организаторов литературного процесса, 2021). Шорт-лист Всероссийского открытого литературного конкурса-фестиваля «Хрустальный родник-2020» и шорт-лист Всероссийского конкурса видеопэзии «Невидаль-2020». Публиковалась в сборниках лучших стихов II Международной поэтической премии «Фонарь-2020», молодежной поэзии и прозы России «Онон» (2020), стихов начинающих авторов Забайкалья «Я вам скажу» (2021), литературно-художественном журнале «Слово Забайкалья» (2021), газете «Забайкальский рабочий» (2021). Увлекается путешествиями. Побывала в 14 странах Европы, в Монголии и множестве городов России, передвигаясь за рулем своего мотоцикла.

ОТПРАВЛЯЙСЯ В ДОРОГУ

Из седла встаю совершенно новой,
С парой свежих стихотворений.
Шлем снимая, я слышу голос:
«Установлены тысячи обновлений».

И сознание внезапно такое ясное,
Будто чем-то прополоскало.
Я в дороге встречаю разное,
Даже то, чего не искала.

Воздух с запахом местных трав:
То полынь, то цветочный сладкий.
Мой момент откровений. В дороге я
Без прикрас. Вся – в сухом остатке.

Еду дальше. Внезапный дождь.
Стал тяжёл экип, наглотавшись влаги.
До конечного пункта ещё полдня.
Запишу на сердце – не на бумаге.

Разделительной полосы
Нитка белая тянется... безупречна...
Здесь становится очевидным всё:
Что бессмысленно, а что – вечно.

Даже мысли измерены в километрах
Из отрезков гравийки, песка, асфальта.
Мир не ждёт от тебя чудес,
Не пытайся прыгнуть «тройное сальто».

Как почувешь, сорвался вниз
И летишь, и не за что зацепиться,
Отправляйся в дорогу. Любым из способов.
Ей всегда есть, чем с тобой поделиться.

ВКУС СЧАСТЬЯ

Вкус у счастья бывает горяч и терпок.
Будто кофе без сахара. Вот середина лета,
И ты сидишь после тысячи на обочине
И Бога благодаришь, что имеешь это.

Иногда оно на зубях поскрипывает дорожной пылью,
Насекомым бьётся о стёкла визора,
И когда крутишь газ, то всем телом чувствуешь,
Что им, как ветром, насквозь пронизана.

Слышишь его в сигналах приветливых дальнобойщиков,
В запахе, звуке асфальта то мокрого, то раскалённого.
Видишь его в смешении неба с лесом,
В этой палитре из сине-белого и зелёного.

Вот оно холодным дождём стекает тебе за шиворот,
Искрится во взглядах случайных попутчиков двухколёсных,
И когда слепит полуденным ярким солнцем,
Вдруг понимаешь, что счастье – чертовски просто.

* * *

Мы здесь – не по принуждению.
Договоримся на берегу?
Ты без меня справляешься,
Я без тебя – могу.

Сколько вокруг иллюзий!
Нет никаких половин.
Каждый родился целым.
Каждый уйдёт один.

Сколько бы мы ни длились,
Менялись ли год от года,
У нас есть свобода выбора.
Ты слышишь? У нас – свобода.

Давай избежим притворства,
Себя не кроя на части,
Мы можем быть кем угодно.
И, видимо, в этом счастье.

Но чтоб оставаться рядом,
Причины должны быть вески.
Побудем свободны вместе
На этом конкретном отрезке?

БРЕМЕНСКИЕ МУЗЫКАНТЫ

Подарю музыкантам уличным своё сердце,
Звонкой монетой бросив в чехол для струнных,
Буду отращивать новое, больше прежнего
Много ночей: тёплых, звёздных, лунных.

Кроме него поделиться-то, в общем, нечем –
Скромная плата за то, что погрели душу,
Ты всегда говоришь: «Поезжай, всё дорога лечит»,
Я себе обещала. Слов своих не нарушу.

Маленький городок, да вольный.
Ратуша, площадь, собор, витражи, брусчатка.
Время коснулось камня, но пощадило,
Не оставив заметного отпечатка.

Парочки ходят за руки, улыбаясь,
Юных девчонок смешит молодой трепач.
Вечереет, играет длинноволосый
Гордому Роланду пьесы свои скрипач.

Хочется помолчать, послушать
Музыку этих улиц, шёпот старинных стен.
Я музыкантам оставила своё сердце –
Мелочь в сравнении с тем, что возьму взамен.

ОТГОЛОСКИ ЛЕТА

Пара тёплых – последние отголоски лета,
Напитаться бы солнцем на зиму про запас,
Небо чистое, изумительнейшего цвета –
Никакое фото, конечно, не передаст.

Время тонких душевных мелодий и откровений,
Мир становится медленнее, плавнее, тише,
И от легких ветра прикосновений
Развевается волос, и словно струна, звучишь и

Вдруг становишься легче. И облетает
Вместе с листьями вся лишняя мишура и спесь,
Так останься, какой лишь Создатель знает:
Настоящей. Честной. Простой. Как есть.

ЯНА ДИНЬ, 1995 г.р., Иркутск

Родилась в Иркутске. Выпускница исторического факультета Иркутского государственного университета. С детства увлекается историей и историями. Историю, как науку и факты, нравится изучать и пересказывать. То же самое ей нравится делать с историями: «Их еще можно доставать прямо из воздуха просто так. И это потрясающе».

ЧТО Я ЛЮБЛЮ

Когда просыпаешься утром, а оно выходное. Тогда можно одеться и сходить на набережную, где плавают утки. Люблю кормить уток хлебом и самому откусывать от него. Смотреть на облака и прохожих, угадывать их профессию, как Шерлок Холмс. Дождь, ходить под ним в резиновых сапогах и дождевике. Снег и зиму, в целом. Особенно люблю Новый год и Рождество. Подарки, которые просил (если нет, то не надо). Мороженое и есть его и в снег, и в дождь, и в Новый год с Рождеством. Вообще легкий холод – это здорово.

Люблю, когда слушают и слышат, что говорю. Петть с кем-нибудь

(только не хором, где кто-то обязательно сфальшивит и не признается в этом), особенно «Арию» и ранних «Битлз». Когда осенью в переходе на Арбатской играют молодые музыканты, они всегда веселые и на кураже. И когда долго что-то не получается взять на гитаре, а потом как получится и получится очень круто. Когда что-то дается после долгих усилий. Учить что-то новое и необычное. Или над чем-то трудиться. Уроки труда, но не в парах, и математику. Люблю отвечать у доски урок, который выучил назубок. И рассказывать то, в чем очень хорошо разбираюсь.

Люблю картофельное пюре, только на обед. Борщ со сметаной, плескавицы¹ и жирный плов – их в любое время, хоть среди ночи разбуди. Не спать всю ночь и читать Тура Хейердала. И чтобы за это ничего не было, и в школу не надо было потом ходить. Еще люблю макароны с сыром и маслом. Шоколад с орехами, и когда не говорят, что ем его слишком много, а вот печенье с орехами не очень. На самом деле, люблю поесть и ем все, если голодный. Люблю чувство сытости и из-за него лежать на месте и ничего не делать, только переваривать и отдыхать. Кстати, говорят, что так делать полезно.

Люблю кататься летом на велике у порта, и чтобы за мной бегала собака и весело гавкала, чтобы птицы летали высоко кругами. Визиты тети, когда она приезжает из командировки и рассказывает истории о дальних краях. И просит рассказать ей, что выучил интересного взамен на экзотические штуки вроде африканской маски. Страшные рассказы про призраков, монстров и преступников, которых обязательно наказывают (если нет, то не надо). Когда по телевизору показывают любимые фильмы друг за другом. И представлять себя в роли главного героя, который преодолевает все.

Много еще чего люблю. Собак и кошек (собак немного больше). Динозавров, но тех, что зауроподы, потому что они большие и растительноядные. Море и солнце. И чтобы теплый ветер перебирал волосы. Играть в прятки или казаков-разбойников, наверное. Не играл, зато видел, а выглядит весело. Быстро бегать и не падать. Цыплят и поросят – они смешные и ласковые. Деревню в мае, вообще весь май, и рыбалку. Густую уху и селедку с картошкой. Самолеты в синем небе и пилотов в красивой форме. Может быть, тоже им стану и тоже буду так гордо и красиво ходить и водить самолеты, чтобы на меня смотрели с земли. Люблю думать о хорошем.

Июнь, июль и август. Любые каникулы, кроме осенних. Колядки и Пасху. Куличи, но не яйца в любом виде. Блины тоже люблю. Дни рожде-

1 балканские мясные котлеты

ния. Накопленные на важную вещь деньги. Паззлы. Фигурки машин и солдатиков, которые можно раскрашивать. Белые или красные машины на улице, внедорожники. Леса и походы. Сильную грозу. Сидеть у костра. Звезды и знать их названия. Запах рек и озер. Плавать голышом и в компании.

Люблю, когда есть с кем провести время.

И когда папа с мамой не заняты. Люблю их. И мармелад еще.

УКРОТИТЕЛИ ОГНЯ

Я люблю весну. Потому что тепло, погода хорошая – и сразу настроение поднимается. А если еще и весенние каникулы начались, то вообще замечательно. А вот Лешка ее не любит. Говорит, что у мелкой начинается аллергия на всякие цветы, и надо каждый день в аптеку бегать. Но теперь у него есть повод быть к весне немного терпимее.

В конце марта нас отпустили пораньше, потому что англичанка простудилась. Я немного расстроился: мне нравятся разные языки и сама учительница. Лешка же обрадовался, потому что накануне не приготовил урок.

– Пошли на Чистые. Говорят, там сегодня выступать будут, – он быстренько покидал учебники в рюкзак. – У матери завтра смена, так что сегодня я свободен до шести.

И мы пошли. День выдался погожий, поэтому на улице было много людей с детьми. Еще в воздухе пахло так, как пахнет только весной, – свежо и свободно. Настолько здорово было вокруг, что я перестал думать о пропущенном уроке и запел себе под нос Queen. А Лешка засмеялся. Он всегда так делает, когда я фальшивлю. Но не так неприятно, как гогочет Лемешев или хихикают девчонки на уроках музыки. Потом он тоже начал подпевать We are the Champions, получилось очень складно. А когда мы взяли по мороженому с шоколадной крошкой, то стало совсем хорошо.

Пока за поворотом я не почувал в воздухе другое, кроме весны.

– Что это?

Лешка принялся.

– Ого. Траву старую жгут, прям как в Иркутске. Не знал, что тут также. Эй, ты куда?

Я уже бежал на навстречу дыму. Весь небольшой откос к реке тлел сладковатой пожухлой травой, там и сям бегали огоньки под землей. А какая-то мелочь, завидев нас с другой стороны откоса, бросилась врассыпную.

– Эй, ты чего делаешь? – заорал Лешка, а я заорал в ответ со сня-

той курткой наперевес:

– Как что? Тушить надо! Молодая трава гибнет!

Полсекунды он смотрел на меня, будто на психа, потом понял. И тоже скинул с себя куртку.

Вернулись мы почти к семи, только начало темнеть. Тетя Саша, Лешкина мама, сидела на ступеньках лестничной площадки. Катьки на ее руках не было, видимо, ее уложили. Едва нас завидев, тетя Саша налетела на Лешку с тряпкой:

– Ах ты ж, лоботряс! Тебя где носило, а? А? А? Может, тебе дом родной надоел? – Лешка едва успевал уворачиваться.

– Мам, мы гуляли! Гуляли!

Я влез между ними, и мне тоже попало слету мокрым шлепком.

– Теть Саш, мы, правда, гуляли!

Она притормозила. Ее нос задергался, а тонкие брови подскочили до волос.

– Гуляли, говоришь? Гуляли? Прогулял, да? И курили, небось? Я тебя такому учила? Учила разве? Откуда такую моду взял? Мы что, деньги печатаем?– тряпка опять заскакала по плечам Лешки, который решил остановиться и сносить маму со смирением. Я бы посмеялся, но так испугался, что не нашел ничего умнее, как прыгнуть на тетю Сашу с визгом:

– Мы с огнем боролись! Укрощали стихию!

Здесь тетя Саша замерла и, наконец, обратилась ко мне:

– Чего-о-о?

Я покосился на тряпку:

– Значит, идем мы с вашим сыном из школы...

– Ох, дураки, вы дураки, – завздохала после истории тетя Саша и стала похожа на Лешку. – А чего полезли тушить-то?

– Как зачем, мам? – удивился Лешка. – Трава ведь тоже живая. Растет.

Она посмотрела на меня, и я закивал. Помолчала. За окошками подъезда стало вконец темно, и опять хорошо пахло ранней весной.

Тетя Саша опять вздохнула.

– Эх вы, укротители! Ладно, заходите. А твоим родителям я позволю, нечего тебе одному тут шастать. Вы-то, голодные, небось. Я с работы медовик захватила, будете?

Ну, это был совершенно другой разговор.

ЖЕЛТЫЕ ВОРОБУШКИ

Мария Валерьевна подловила меня на переменке, когда я не мог отвертеться. После физкультуры я всегда голодный и сделаю все, лишь бы дали мне попасть в столовую.

– Леня, ты самый ответственный у нас в классе. К тому же, ты знаешь, где работает Нина Сергеевна, ты у нее на хорошем счету. Ей очень нужна помощь в организации зала для 9 мая. Не подведешь? – она всегда так делает, чтобы отказаться было нельзя.

Вот так судьба все-таки привела меня к дверям клуба детского творческого творчества “Алый первоцвет”.

– Лёничка, а я тебя ждала-заждалась. Вот вы с одноклассником тогда дали нам всем нюхнуть пороху, да? – Нина Сергеевна была тут как тут.

Честно говоря, я ее побаивался. Но ее в принципе побаивались. Что там, в классе, во всей школе. Она заведовала творческим клубом, в котором стояли, висели и лежали в неожиданных местах странные поделки. И вовсе они не походили на, например, дары осени. К тому же у Нины Сергеевны была прямо жуткая привычка клещами вцепляться всеми пальцами в собеседника и говорить. Говорила она быстро, стоя так близко, что были видны непрокрашенные корни волос, и ее слюна брызгала на лицо.

Поэтому я не обрадовался, что от меня избавились для помощи в “Алый первоцвет”. Лешка опять прогуливал из-за сестры дома, и я нес книги один на один с Ниной Сергеевной.

Все дорогу она расспрашивала о семье, друзьях и увлечениях, на что я отвечал осторожно и неохотно. В конце концов, Нина Сергеевна поняла, отстала и мы, наконец, молча раскладывали книги по полкам. Я еще раскладывал скоро и старался не смотреть по сторонам. Так управился за час, который длился век, не меньше.

Но стоило мне попрощаться и поспешить к выходу, как Нина Сергеевна резко схватила своими клещами меня за руку. Я даже струхнул, но не дрогнул. Если что, меня знают, где искать. А она сказала:

– Хочешь яблоко? – яблоко она достала из кармана потрепанной куртки. Никогда не видел ее без этой куртки. Яблоко было рыжеватое, маленькое и кособокое. Есть я его не хотел.

– Возьми, миленький. Мой Ванечка тоже его любил, называл воробушками. Даже рисовал их, смотри. Тогда он был во втором классе.

Она показала на самый светлый угол у окна, где был приклеен альбомный лист с чем-то буро-желтым, но точно не похожим ни на яблоки, ни на воробьев. Мне почему-то стало стыдно.

– Пожалуйста, возьми. Больше мне некому дать, – попросила Нина Сергеевна. Я увидел, что под рыжими волосами растет седина. И сама Нина Сергеевна маленькая, но какая-то совсем старая, хотя вряд ли младше моей мамы.

– Спасибо, – тихо сказал я и взял яблоко.

На улице дул влажный осенний ветер, но мне казалось, что ей в своем клубе было холоднее.

МАРИЯ БОРИСОВА, 1998 г.р., Иркутск

Училась в Иркутском колледже педагогического образования по специальности «Педагог дополнительного образования». Публиковалась в альманахе «Первоцвет». Участник Областной литературной конференции «Молодость. Творчество. Современность. – 2018». В Областном литературном конкурсе «Лето поэта» заняла III место в номинации «Проза».

ЛОРЕЛЕЙ

Плохие предчувствия терзали стоящего у руля капитана, когда они вынужденно оказались в тумане. Его команда состояла сплошь из опытных моряков, да и сам он к своим немалым годам побывал не в одном плавании, а потому, казалось бы, опасаться нечего. И всё же интуиция редко подводила старика, а потому он вглядывался в молочно-белый воздух, силясь рассмотреть хоть луч света.

Выплыть из тумана он планировал до захода солнца. Его внимание было сосредоточено на том, что происходит впереди, за носом корабля, что не мешало ему прислушиваться к разговорам притихшей в тревожном ожидании команды. Какому-то умнику пришло в голову, что разбавить скуку будет неплохо старыми морскими байками и легендами. Как будто и без того недостаточно напряжённой атмосфера была. Капитан мог бы похвастаться тем, что знал все легенды, передающиеся между моряками, но понимал, что знать каждую легенду невозможно. Суеверные люди постоянно придумывали что-то новое, и уже нельзя было отличить

правду от вымысла. И всё же старик придерживался позиции доверять, но проверять. Никогда не знаешь, с чем столкнешься в следующем рейсе.

– Я слышал, неподалеку от того места, где мы вошли в туман, есть ущелье, – доносился до капитана голос боцмана. Вот уж кто главный любитель всего, что пострашнее. Запугать очередного юнгу было его любимым делом. Но в этот раз на корабле не было мальчишек, и боцман откровенно скучал. Сейчас же у него появилась возможность развернуться на полную. – Воды в том ущелье темнее ночи, а солнце не проникает внутрь даже в самые ясные дни. И, когда шторм далеко, ветер выносит из этого ущелья звуки пения. Говорят, там живёт русалка. Или не русалка, а какая другая тварь. Сладкоголосая, ясноглазая, прикидывается юной девой, и в её пении многие слышат мольбы остаться с ней, быть её мужем, единственным возлюбленным – как полагается, полный набор. Вот только едва поддашься чарам, утащит на дно, и останешься ты в её владении навечно. И душу она твою не отпустит, станет её владычицей – ты же сам себя ей подарил. Все корабли, что входили в это ущелье, выходили из него опустевшими – никого русалка не оставляет в живых. А ущелье это называется, коли память не обманывает, «Ущельем Лорелей». По имени этой русалки.

– А я слышал, – капитан уже не вдумывался, чей это был голос. Боцман договорить не успел, как в команде начались тихие обсуждения, правда это, или же нет. И не мудрено. Одно дело, когда на берегу в портовом трактире какой-то пьяный чудак рассказывает про далёких морских чудовищ, но совсем иное – когда история о чём-то, что совсем рядом с тобой. О чём-то, что может коснуться лично тебя. Капитан нахмурился. Кажется, вокруг стало темнее. – Русалка эта когда-то была настоящей девушкой, живой. Красивее всех девушек, живших когда-либо. И озлобилась она, потому что возлюбленный предал её, на сторону ходил. Бросилась в воду со скалы от отчаяния. Ну и морской бог, пожалев девушку, сделал её злым духом, топящим корабли. Вроде бы, верных мужей она не трогает.

– А неженатых она тоже убивает? – команда рассмеялась было, но быстро затихла. Никто из них не был женат, и в этот миг стало ещё тревожнее. К тому же, не только капитан заметил, что стало темнеть. Такой сумрак в такой ранний час – не к добру. До захода солнца не меньше шесть часов, да и на приближающийся шторм не слишком похоже. Туман начал расходиться, и сквозь теряющую плотность белизну стали различимы скалистые стены с обеих сторон от корабля. Вода за бортом потемнела.

Кто-то горячо выругался. Кажется, это был боцман. Веселиться

было неуместно, но капитан невольно усмехнулся, подумав о том, что этот любитель напугать других на самом деле оказался первым трусом. Мысль проскользнула и исчезла мгновенно, а туман тем временем рассеялся окончательно. Корабль шёл в узком ущелье. Повернуть назад не было шанса, и, как бы тревожно ни было, приходилось продолжать путь вперёд. На предложение рулевого занять его место, старик ответил коротким отказом. В навыках рулевого он не сомневался, но сейчас чувствовал, что обязан остаться там, где стоит. И тут со всех сторон послышалось пение. Отражаясь эхом от скал, оно постепенно набирало силу, становясь всё громче, почти оглушая. Стоило прозвучать первым звукам ласкающего слух голоса, тревога команды моментально сошла на нет. Несмотря на то, что буквально несколько минут назад матросы слушали легенду о поющем духе, что топит корабли и убивает людей, теперь все они с выражением блаженства на лицах отдались прекрасной мелодии. Не двигаясь с мест, они озирались, высматривая источник звуков, но не видели его. Когда же стало совсем темно от того, что вход и выход в ущелье оказались недостижимо далеко, а скалы плотно сомкнулись над головой, на носу корабля возник испускающий свечение силуэт.

Стоя на мостике, капитан с безмолвным ужасом в глазах наблюдал за тем, как один за другим его команда, очарованная светом и пением, подходит к краю палубы и переступает через неё, падая в тёмную воду. А среди них неторопливо, выводя сладкую мелодию прекрасным голосом, идёт она. Сияние золота глаз видно даже издали, и этим взором она приковывает капитана к месту. Впрочем, он и не собирался бежать. Даже если бы захотел – куда? Вокруг проклятое ущелье, а за ним бескрайний океан, который никому не преодолеть вплавь. Изящные покачивания тёмных, почти чёрных локонов притягивают взгляд не меньше, чем её глаза. Словно цвет её волосам дают сами воды ущелья, скрытые от солнечного цвета. Старик почему-то, слушая легенду о Лорелей, представлял её светловолосой, но сейчас позабыл о былых мыслях, рассматривая девушку.

Вопреки ожиданиям любого, одета она была не в полупрозрачные ткани, но всё же её длинное лёгкое платье подчёркивало детали чарующей фигуры. Каждый её шаг и движение, каждая деталь внешности соответствовали фантазиям капитана об идеальной женщине. Он готов был поклясться – будь Лорелей обычным человеком, а не иллюзорным духом, обманывающим мысли, он не раздумывая взял бы её в жёны. Дева же тем временем подходила всё ближе, словно смакуя каждый миг пребывания на корабле. Она будто знала, что капитан судна – самый лакомый кусочек, потому как сопротивлялся её чарам сильнее остальных. Закалённый океаном, старик повидал много, а слышал и того больше, и потому сейчас от-

чаянно не поддавался, как бы прекрасна и идеальна ни была девушка. Всё так же медленно она поднялась на мостик и протянула руки к капитану. Песня продолжала звучать, хоть рот её был закрыт, а губы ласково улыбались. Так улыбаются близкому человеку – своей матери, возлюбленному, ребёнку. Капитан вынул саблю из ножен, направив её в грудь девы, предупреждая дальнейшее приближение. Но она, чувствуя неуверенность, взяла его за сжимающую оружие руку, дрожащую не то от страха, не то от предвкушения, и мягко забрала клинок. Последняя линия обороны пала, и старик закрыл глаза. Это плавание было его последним.

Закатное солнце опускалось в волны, окрашивая их оттенками красного и оранжевого. Безоблачное небо растянулось бескрайним полотном над водой, и первые звёзды начинали постепенно проявляться, чтобы совсем скоро стать ориентирами, картой на небе. Едва заметный ветер плавно покачивал океан и, пролетая сквозь ущелье, будто доносил звуки пения и криков. Конечно же, услышь их кто сейчас, несомненно бы решил, что это лишь иллюзия. Медленно, ведомый слабым ветром, из ущелья выплыл корабль и, оперевшись в скалы, застыл. Все, кто плыл на нём, навсегда остались в ущелье Лорелей. Их беспокойные души, привязанные к лежащим на дне телам, обречены вечно метаться среди камней и надеяться, что призрачные крики смогут отпугнуть другие корабли от проклятого места.

А пока шторм не разыгрался, и воды спокойны, Лорелей продолжит петь им.

НАТАЛЬЯ ПАПЕНКО, 1993 г.р., Иркутск

Родилась в г. Черемхово Иркутской области. Окончила факультет филологии и журналистики ИГУ. В 2018–2019 гг. училась в Литинституте им. А.М. Горького. Работала журналистом, контент-менеджером. Преподает русский язык и литературу. Публиковалась в альманахе «Первоцвет». Составитель, соавтор и редактор сборника новелл «Кошачий мед», который вышел в электронной версии в 2019 г. (<https://vk.com/koshkamed>). Участница Сопещения молодых литераторов СПР Москвы и Подмосковья (2019), Третьего Ежегодного Всероссийского Сопещения молодых литераторов в Московском государственном институте культуры в Химках (2020).

ЗОЛОТОЙ ЗОВ

Рассказ

Одевается рассеянно, почти не слыша маминих напутствий. В голове – только песня. Выходит из квартиры, бежит вниз и к третьему этажу пробует тихонько напевать:

*Под небом голубым есть город золотой
С прозрачными воротами и ясною звездой...*

На своем, пятом, может услышать мама, она долго закрывает оба замка. Почему-то не хочется, чтобы мама слышала. А на четвертом вечно недовольная Нина Анатольевна часто высовывается из своей пахнущей тушеной капустой квартиры, даже если просто громко топаешь на лест-

нице. Недовольно фыркнет и хлопнет дверь – это еще ладно. Самое неприятное – если начнет крикливо ругать, да еще и с обзывательствами: «обезьяна» там или непонятное «шантрапа». Тогда слова летят и больно впиваются куда-то глубоко внутрь, хочется поскорее убежать, а потом все равно еще несколько минут мучиться дурацким удушливым: ох, ну почему, почему это со мной!

*...А в городе том сад, все травы да цветы,
Гуляют там животные невиданной красоты...*

На этой неделе, пока с ангиной не надо было ходить в школу, мама каждый день ложилась по вечерам рядом. За это болеть нравилось еще больше. В какой-то момент мама предложила спеть про золотой город. А потом вспомнила и другие песни. Но все они были совсем не такие, как по радио или на папиных кассетах с улыбающимися женщинами на вкладыше. Мотив, слова – от них что-то сильно и сладко сжималось и закручивалось в районе солнечного сплетения, пока мама пела, и становилось даже страшновато – может, это какая-нибудь болезнь? Но спрашивать почему-то было очень стыдно.

От маминых песен не только в солнечном сплетении происходило что-то странное. Тело становилось одновременно очень большим, не влезающим в космос – и в то же время крохотным настолько, что до мамы, лежащей рядом, пролегли тысячи и тысячи световых лет. Потом комната начинала светиться – прозрачно и золотисто. Свет сперва просто возникал в голове, как если про него читать, а после разливался прямо перед открытыми глазами, струился и смешивался с температурным жаром (под вечер опять 39, да что такое), растекался горячим медом по комнате. От этого она переставала быть привычной комнатой в четыре стены (раз – темно-красный узорчатый ковер над кроватью, два – глыбы шкафов и стол между ними, три – зашторенное окно и четыре – дверь) и виделась, как в первый раз. Было так же волнительно, как когда приезжали к прабабушке в деревню, и в первые дни долго-долго не получалось уснуть за разглядыванием стен и потолка. Но там комната и правда была незнакомая. А тут...

Стены и потолок становились полупрозрачными, раздвигались сразу и вширь, и вверх, в подсвеченных золотом углах начинали копошиться тени – тихие, совсем нестрашные. Это было приятно и немного мучительно, будто что-то непременно нужно с этим сделать, словно что-то тихонько *звало*, а куда и зачем – не разобрать, но и противиться зову было невозможно.

После золотого города была еще песня про шевалье Д'Артаньяна, который целовал алые губы Констанции – на этом месте, правда, немно-

го хотелось зарыться под подушку от смущения и вылезти, только когда граф Монте-Кристо уже начнет копать подземный ход. Про бухту, где от- важный Грей нашел свою Ассоль, светло-голубая мелодия с белыми про- жилками соли и алым отсветом... Это помнилось точно, а остальные пес- ни растворялись в начинавшем завихряться полусне, и оставался только золотой *зов*, а слова и смыслы стирались.

Был ли *зов* раньше? Не вспомнить, хотя ощущение казалось смут- но знакомым. Оно мучило, потому что непонятно было, что делать. Идея пришла, когда температура, наконец, спала, и горло почти не болело, но участковая пока еще велела посидеть дома пару дней. Идея заключалась в следующем: в школу с этой стороны района все идут по одной дороге, и если идти среди них и петь мамины песни, то вдруг кто-то... Тут мысль слабела, затухала; кто-то – что? Разберемся: легко ускользала, уносила к мирным домашним играм. В школе тоже можно было бы попеть – опять возвращалась к вечеру – но там нервно, душно и влажно, особенно на первом этаже, где все разувается, и растаявший грязный снег капает на скользкие плиты пола, и каждый раз целая толпа в коридоре – бегают туда-сюда, поскользываются, спотыкаются, и ох, скоро же снова туда воз- вращаться...

*...Одно – как желтый огнегривый лев,
Другое – вол, исполненный очей...*

Начинать петь, конечно, лучше в подъезде, чтобы чуть-чуть при- выкнуть и на улице уже не было так страшно. Слова разносятся по пусто- му подъезду звучно, гулко, с эхом отскакивают от стен, крашенных зеле- ной краской до середины – а потом выбегают на улицу и теряют половину своей силы. Голос кажется слабым и куцым, дневного воздуха вокруг так много, и он такой упругий, что осилить его и допеться до чего-то нужного кажется невозможным.

А еще почему-то все, кто тоже идет в школу, начинают оглядывать- ся и хихикать, а кто-то даже передразнивает.

*...С ними золотой орел небесный,
Чей так светел взор незабываемый...*

И становится удушливо, так же, как когда кричит Нина Анатольев- на. Хочется развернуться и забежать обратно в подъезд, перемочься, про- пустить всех и потом уже пойти по дороге одной. Но нельзя, нельзя, иначе можно опоздать – приходится замолкнуть и быстро идти вперед, опустив лицо с горячими щеками. И *зов* отступает, остается в золотистой комнате,

где нечего стесняться, кроме алых губ Констанции, и не о чем беспокоиться. Ох, как сложно снова идти в школу после блаженных домашних деньков, но надо, надо ковылять, неотрывно глядя вниз, на некрасивые валенки с вышитыми снежинками; вот уже спортивное поле, огороженное сеткой и заваленное снегом, а за ним – школа. Пришли.

А в школе – столько дел надо переделать, столько разных непонятных дел до самого вечера. А если не делать, то учительница обязательно бросит замечание, не как Нина Анатольевна, но по-своему обидно, и снова превозмогать вот это вот... Нет уж, лучше сидеть смиренно и делать все, как надо.

Тем более, рядом Тимур, с ним все как-то спокойнее и понятнее.

Глаза видят остро, и поэтому в начале года посадили за последнюю парту. Туда надо идти через весь класс, стараясь особо никого не разглядывать. Соседки сегодня нет, и поэтому Тимур садится рядом. Первый урок – окружающий мир, и пока учительница рассказывает что-то про птиц далеко-далеко, в своем мире у доски, они вместе от скуки тихонечко разглядывают картинки в учебнике и читают все подряд. Это, кажется, мало кто умеет толком. Многие в классе читают по слогам, с трудом. Непонятно: это же очень сложно – склеивать буквы в слоги, а их – в слова. Проще мгновенно пробежаться по строчке – не по буквам даже или слогам, а сразу по тому, что за ними.

Еще несколько уроков, считают они вместе, и можно будет идти домой. А там – ох, там тетради и прописи, от которых совсем отвыкла за неделю, а еще мама опять спросит: познакомилась с кем-нибудь? Подружилась? Между делом так спросит, но почему-то каждый раз становится неприятно. Зачем еще с кем-то знакомиться и дружить, если уже есть Тимур. Или все-таки надо? Тихонько рассказывает ему об этом, не поворачивая головы, чтобы учительница не заметила, и тот пожимает плечами: *смотри сама, как хочешь*. То ли слегка обиделся, то ли не хочет отвлекаться.

Читать и слушать про птиц окончательно становится неинтересно, все это давным-давно рассказал папа, и снова вспоминается песня и зов. Но теперь уже совсем нелепо, как выдумка. Вот класс, даже слишком светлый сегодня (шторы сняли в стирку, и белые проемы окон режут глаз) и полный детей. Вот учительница у доски, вот учебники, тетради и пенал строго «на уголке стола», непривычная еще сегодня, с болезни, но привычная уже за три месяца картина, и кажется глупостью, что недавно еще могло растекаться вокруг что-то томительное и золотистое. Лучше думать о том, как папа скоро приедет из командировки и привезет дневник для анкет, с гладкой цветной обложкой, как у многих девочек в классе. Туда

можно будет вписать свою анкету и Тимура, а потом... Потом придется все-таки с кем-нибудь подружиться, чтобы заполнить остальные листы. Да и вправду уже как-то неловко сидеть вдвоем с Тимуром на переменах – в классе или в закутке под лестницей...

Так проходят дни, долгие-долгие.

* * *

У Гали пиджак и юбка смешного болотного цвета, а у Тани – темно-голубые. У Гали короткие волосы, до шеи, а у Тани – до поясницы. Они сидят впереди и наискосок, на втором ряду, ходят постоянно вместе и, кажется, ни с кем больше особенно не разговаривают. Говорят, они вместе были в садике. Так в классе много кто дружит – «по садику». Или «по двору».

Садик никогда толком не вспоминается. Мама рассказывала, что уходила утром из группы от безутешных слез и вечером возвращалась к ним же. Ангины тоже не дремали. Сколько было садика в жизни? Неделя? Две? А вот дворов – очень много. Мама с папой все переезжали и переезжали, пока, наконец, летом не купили нынешнюю квартиру на пятом этаже: *через два месяца школа, хватит уже мыкаться!* Да только зачем нужен двор, пусть теперь и постоянный, если можно было уйти с папой в сквер – кататься на велосипеде или с мамой в лес за городом – играть в бадминтон. Можно было пойти к бабушке через несколько улиц и смешивать у нее на кухне разные травы из кухонной тумбочки – готовить «зелья», а можно – к дедушке, который поведет в парк... В общем, не до двора, и бог его знает, кто там живет.

...Итак, Галя и Таня не хихикают на переменах с остальными девчонками, они всегда сами по себе. Это значит, к ним проще подойти, чем к тем, кто постоянно собирает вокруг себя большую компанию. Вот уже несколько дней говорит себе: сегодня точно, сегодня точно! – и все никак не может улучшить удобный момент, чтобы попроситься дружить. Но вот он наконец наступает. Во вторник, пока у остальных заканчивается физкультура, приходится поливать цветы в кабинете – плата за освобождение от беганья и прыганья на три недели. После звонка Галя и Таня входят в класс первыми, больше никого нет, и так быстро все случается: отставить пластиковую лейку, подойти, немножко споткнувшись одной серебряистой туфелькой-сменкой о другую, и быстро выпалить:

– Будете со мной дружить?

Слова приходят сразу, вот так: «Будете со мной дружить?» – не «давайте...», не «можно с вами...».

И поднимается по телу от самых пяток горячая волна – страшно

становится от собственной наглости.

А Галя и Таня, кажется, даже не удивляются: не переглядываясь, кивают и вразнойбой говорят:

– Да.

– Будем.

Всю перемену они проводят вместе, делят два стула на троих за таниной-галиной партой. Рассматривают у Тани анкеты девочек с ее двора (анкет мало, потому что почти никто не умеет писать – и это тоже удивительно), потом Таня дает заполнить страничку. А после звонка, когда приходится пойти за свою парту, приходит недоумение.

Подруги. Вот так просто.

На следующей перемене оказывается, что это накладывает некоторые обязательства – впрочем, приятные. Галя и Таня подходят и, взяв под руки, ведут в коридор. У них – резиночка, и третий человек просто необходим. Тимур (незаметно ищет глазами) бегаёт с мальчишками – кажется, решил не мешать новой дружбе, но вроде бы не обижается.

Но и после резиночки ничего не заканчивается – они переглядываются на уроках, вместе выходят из школы и кидаются по дороге снежками, и на следующий день снова оказываются вместе, и потом – тоже. Время становится плотнее, перемены заполняются играми и придумками, а уроки – чувством плеча и новыми размышлениями. Думается: какое странное чувство, Тане и Гале приходится как бы отдать по кусочку от себя, а на освободившееся место вставить их кусочки.

– Пойдемте, зайдем ко мне! – зовет как-то Таня, когда они переобуваются после уроков на низеньких лавках в холле. – У меня есть *покорм*. Быстренько поедем, и потом сразу пойдете домой, ваши мамы даже не заметят.

Ужасно страшно становится, потому что если задержаться из школы... Ох, тогда мама, которая ложится рядом, если ангина, и поет песни, может обернуться во Вторую маму.

Мамы, сколько помнилось, всегда было две. Первая постоянно шутила, говорила всякие смешные глупости и обнимала. Особенно в последние три месяца, как началась школа, – за «солнышки» в тетрадях. По выходным на завтрак готовила вкусную запеканку из творога, и ей можно было рассказывать все, и дурачиться вместе. Но иногда приходила с работы (или выходила из кухни после ссор с папой) Мама Вторая – она говорила, словно прижимала голову к столу и давила, – зло, нудно, придирчиво. И та удушливость, которая мучила, когда кричала Нина Анатольевна или – совсем редко – учительница, выкручивалась на максимум, как ручка-крутилка у магнитофона. Не получалось в такие моменты

помнить себя, а хотелось только получить все-все «солнышки» на свете, вытереть всю-всю пыль в доме, только чтобы эта мама ушла, а вернулась Первая.

И вот поход за *покормом* грозит обернуться целым вечером в квартире со Второй Мамой.

А еще, еще так стыдно: непонятно, что такое *покорм*, но спросить нельзя. Это явно что-то такое, о чем знают все. Какая-то еда? Может, не расслышала? Почему еда называется, как будто это корм для животных? Придется разобраться на месте, хоть и неприятно.

Холодно и неудобно идти к Тане. Школьная вторая смена заканчивается в половину пятого, и в это время на улице уже темно – конец ноября. Вот родной дом, но к Тане нужно пройти еще немного ниже по улице, почти до магазина «ПервакЪ». Рука, на которой коричневые часики с Карлсоном, все время взлетает к глазам, почти не слышатся за паникой разговоров девочек, а потом еще – долгие-долгие минуты в Таниной темной прихожей, пока она ищет *покорм* на кухне. Есть его вышли на улицу, чтобы не мешать Таниному папе работать – он сидит дома за какими-то чертежами. К тому времени состояние уже близко к обмороку от волнения за время, и *покорм* толком не распробуется – чуть соленые шарики, похожие на пенопластовые, и с какими-то коричневыми вкраплениями, которые застревают в зубах. Дожевывает, благодарит и, почти не слушая прощаний, бежит в сторону дома.

...Звонила в дверь, зажмурившись, вжимаясь в синтепон куртки, доставая подбородком почти до желто-синего смешного зайца на груди, а когда мама открыла – распахнула глаза навстречу, ожидая увидеть то самое нелюбимое лицо. Но это все-таки была Первая Мама. Она хоть и не была очень веселой, как в выходные, только мимоходом спросила, где была, и позвала быстренько мыть руки и идти за стол. А там, услышав про Таню и Галю, одобрительно улыбнулась и с интересом стала расспрашивать.

Пенопластовые шарики, оказалось, называются «попкорн». Мама их никогда раньше не покупала, потому что можно засорить желудок. «Надеюсь, ты несильно много съела?.. Ну ладно».

Все оказалось так просто. И от этого – страшно. Как теперь все успеть, когда другие уже почти все умеют и знают?.. Нужно было спешить, наверстывать упущенное. Возможности открывались невероятные.

* * *

А раз так, можно было посмотреть, например... Ну, на Руслана. Руся, может, был не самым красивым мальчиком в классе. Но он

единственный никогда не задевал девочек, не обзывался и не ставил подножки. И уж тем более не трогал косы и хвосты. Это было странно и как-то... взросло? Когда на трудах сказали слепить или нарисовать какие-нибудь подарки друг другу, чтобы лучше познакомиться, Русе выпало делать подарок одной девочке с первой парты. Он, было видно, хорошо постарался и нарисовал ей самую красивую открытку в классе. Ни раньше, ни потом не замечалось, чтобы он проявлял к ней внимание. Просто Руся всегда делал все хорошо и честно.

С ним даже не пришлось применять волшебную формулу («*Будешь со мной дружить?*»). Все произошло само.

Стоило только начать думать о Русе, как их внезапно столкнул кружок по рисованию. Туда не так давно записала мама (приходить в школу по вторникам и четвергам не к часу, а к двенадцати, приносить отдельный альбом и краски с кисточками), а Руся ходил еще с сентября (записали в первый класс и сразу же в кружок). Просто как-то раз вместе с ним – случайно – вместе вышли из кабинета-для-кружков и вместе зашли в свой класс. Перемены прошли как обычно, с Таней и Галей, но когда выходили из школы, Руся пошел рядом и стал болтать, а потом предложил сыграть в фишки с покемонами. И так приятно оказалось видеть, что предложение явно только во вторую очередь относилось к Тане и Гале!

Перемены теперь порой приходилось делить между девочками и Русей. Вчетвером было неплохо, но иногда хотелось разного. С Таней и Галей – поиграть в резиночку, посплетничать о школьной жизни, походить вместе около кабинета, где учился четвертый класс. Там был мальчик, который понравился Гале, и хотя бы раз в день нужно было обязательно пройти мимо. Не в одиночку же Галя будет это делать. А с Русей обычно играли в фишки, а еще много разговаривали, сидя на корточках у круглой и длинной батареи в коридоре. И разговоры были такие... Взрослые. Кем родители работают? Что делать, когда школа закончится? А сложно, как думаешь, перейти в другую школу? Да нет, просто интересно, вот у меня сестра... А у меня никого нет, ни брата, ни сестры... А хочешь кого-нибудь? А если родится, что тогда?..

Двор, наконец, стал освоенным пространством. Оказалось, у Руси там живут знакомые – те самые, «по садику». Сам он жил далековато, даже дальше бабушки и дедушки. К нему во двор ни Первая, ни тем более уж Вторая мама ходить не разрешали. Русе было можно почти везде, и он приходил к своим друзьям, а заодно кричал под балконом, и мама (если это была Первая) отпускала, в зависимости от погоды, на полчаса или час. С компанией Руси не получалось много разговаривать, как с ним самим, но зато все вместе играли в фишки. Правда, недолго: они начинали размя-

кать от снега. Тогда начинали строить снежные дома или придумывали еще что-то, пока часики с Карлсоном не показывали, что время прошло и надо бы возвращаться домой.

В кружок продолжали ходить вместе: даже стали встречаться на полпути, где Руся сворачивал с улицы Лермонтова к школе. Рисование нравилось все больше: приятно, когда все получается, недаром столько фломастеров было изрисовано вместо походов в садик. А еще на кружке не запрещалось разговаривать, в отличие от уроков. Обычно час пролетал в болтовне, пока руки были заняты.

Каждый раз учительница объявляла новую тему занятия. Иногда это было что-то интересное, «на фантазию» – нарисовать выдуманное животное или звездолет. А иногда половину занятия приходилось слушать, например, про гжель, и вторую половину – расписывать синим цветом какую-нибудь тарелку, вырезанную из картона.

Сегодняшняя тема была «на фантазию», и название темы прозвучало, только они совсем не расслышали: зашептались (нужно все-таки говорить шепотом, если одновременно с учительницей), и пришлось извиниться и переспросить (ведущая кружка была совсем не злая и никогда не делала замечаний, от которых перекручивало, и уж тем более не кричала), и она повторила:

– *Золотой город.*

Руся перестал существовать, разговор забылся: все сразу всколыхнулось внутри, голова взлетела вверх, взгляд просительно искал взгляд. Неужели учительница *знала*? Неужели правда знала про *зов*, который совсем уже было забылся, потерялся в дворовых играх, болтовне, домашке с прописями и рабочими тетрадями и разных других делах? Учительница отвернулась, и взгляды так и не встретились. Оглянулась: Тимур сидел поодаль и тоже что-то рисовал. В последнее время и он забылся тоже... Тимур взгляд поймал (еще бы!) и ободряюще улыбнулся. Только он, только он знал про *зов*, а больше – никто.

Болтать с Русей расхотелось. Нужно было придумать, как нарисовать золотой город, *золотой зов* так, чтобы дать понять учительнице... Что?

Но Русе-то болтать не расхотелось. Сначала он легонько подпихивал локтем, пока сидела, расплываясь в обволакивающем золотистом. Потом спросил прямо: «Ты чего?» и как-то так потрогал за руку, что решение пришло.

Но – чуть позже, позже, сейчас главное – взять сперва карандаш и быстро-быстро рисовать по бокам листа огромные, кривые от волнения прямоугольники-двери с разными завитушечными узорами. Оставшийся

лист разделить линией горизонта на две части: и в верхней – начертить пятиконечные звезды в небе (давно научилась рисовать, не отрывая руку). В нижней же – набросать льва с гривой в пол-листа и орла (вышел совсем маленьким и толстым, но ничего), а ближе к горизонту – башни и домики. Что такое «волисполненныйочей» – не очень понятно, поэтому обойдется без него (хоть бы и без него было все ясно!). А между башнями и домиками прочертить две полосы – дорога в сад. Как рисуется сад?! Возле линии горизонта появляются мороженки, но на самом деле это кусты, просто неясно, как изобразить лучше. Между мороженками – деревья, чтобы было понятно (в саду же растут и деревья, и кусты?) Потом взять краски, особенно много желтого, и, выдохнув (все успеет, точно!), начать рассказывать Руся, уже давно требующему внимания, про *зов*.

Руся слушал, теребя ластик. Когда рассказ закончился, оказалось, что занятие уже подходит к концу. Докрашивать льва и кусты пришлось судорожно, злясь на расплывающиеся по листу краски. Руся так толком ничего и не нарисовал («что-то не знаю, чего интересного придумать»). Цвета смешивались и грязнились, но золото все же сияло по всему листу, и казалось, что учительница обязательно все поймет. Она, кстати, уже несколько раз просила заканчивать, но они делали умильные глаза, выпрашивая еще минутку, и та легко отступала.

А Руся, дослушав рассказ, сначала засмеялся, а потом сказал что-то совсем неважное и стал складывать альбом и кисточки и торопить на урок.

...И первый раз так хотелось обидеться, так страшно хотелось не просто убежать, вжаться в саму себя и не быть, а распахнуться, как в два года; прекрасно помнит: мама тогда вдруг не купила шоколадку, и тело как-то само полетело на пол ногами вверх, а рот открылся в писклявом крике, пронзительном, настойчивом – не то, что тот куцый хвост, как когда хотелось петь про золотой город, выйдя из подъезда. И сделать так хотелось только для того, чтобы Руся признал свою вину, может, даже немножко обнял, оторопев и спеша извиниться (это, конечно, совсем не для дружбы мальчика и девочки, но сейчас, когда разрывала обида, все хотелось сделать более реальным, чем она).

А потом, когда обида чуть-чуть отпускает, то самое мерзкое и удушливое накатывает с такой силой, что с трудом получается схватить рюкзак и выбежать в коридор. Как хорошо, что кабинет в конце, тут никто не ходит, все сейчас в холле – сдают куртки в раздевалку и переобуваются. Как в кабинете получилось не расплескать две огромных, во весь мир, тяжелых капли – непонятно, да только в коридоре они вмиг теряют форму и льются двумя раздольными ручьями, по щекам и подбородку, на

воротничок блузки и под него. Туалет совсем рядом с кабинетом, он для учителей, но сейчас там вроде бы никого не видно, и надо зайти, присесть на корточки рядом с унитазами и выпустить хрипящим потоком рвущуюся горечь, от судорог задирая лицо кверху. А когда выйдет все, оставив мучительную боль в горле и груди и тонну соплей в носу, вытереть лицо подолом, чтобы было не так заметно, что плакала.

А еще – принять решение.

*А в небе голубом горит одна звезда;
Она твоя, о ангел мой, она твоя всегда.
Кто любит, тот любим, кто светел, тот и свят;
Пускай ведет звезда тебя дорогой в дивный сад.*

*Тебя там встретит огнегривый лев,
И синий вол, исполненный очей;
С ними золотой орел небесный,
Чей так светел взор незабываемый...*

Слезы делают голос тонким и прерывистым, но в нем звенит что-то, что не могло прозвенеть тогда днем по дороге в школу. Песня заканчивается и гаснет в сыром воздухе туалета.

* * *

Из туалета Женя выйдет решительно, догонит Русю, идущего по направлению к классу. Тот посмотрит с недоумением, но она быстро начнет говорить что-то про уроки, словно не было ничего – ни провалившегося рассказа, ни слез, ни учительского туалета. Заговорив Русе зубы, Женя оглянется назад, где Тимур некоторое время все еще будет идти следом и смотреть исподлобья, но потом она моргнет, и Тимур исчезнет. Он больше не будет сидеть рядом на уроках, когда нет соседки по парте, а по вечерам – на краю кровати, не будет спать ночами на диване напротив. В коридоре Женя с Русей встретят Таню и Галю, подождут их из раздевалки и вместе пойдут в класс. Будут плаксиво жаловаться друг другу, что первым уроком математика, а Галя еще добавит, что новые туфли трут ногу. Потом, присев на корточки рядом с батареей, обсудят вчерашнюю серию «Покемонов», и Руся, спохватившись, достанет из портфеля новую фишку – хвастаться. А когда прозвонит звонок, рванут в класс, каждый на свое место, и нужно будет быстро-быстро успеть достать все из портфеля, пока не зашла учительница.

Назавтра папа привезет заветный дневник, а в придачу – набор фишек.

Конкурс Живинка

ДАРЬЯ ГАНДИНА, 16 лет, Ангарск

* * *

Поезд близко. Ты слышишь, гремит вдалеке?
Странный звук. Громкий, резкий и злой.
Крепче паспорт сжимаю в замёрзшей руке
И хочу развернуться. Домой.
Первый шаг. На перрон, где толпится народ.
Первый шаг. И осталось чуть-чуть.
Поезд встал, терпеливо отбытия ждёт.
Ты молчишь, он молчит, я молчу.

ЕВГЕНИЯ ГЕРАСИМЧУК, 22 года, Ангарск

ВРАГ

Станислава Лещинска – акушерка из Польши,
Приняла, наверное, родов больше,
Чем целое отделение,
и руками тощими
Отвоёвывала новую жизнь в Освенциме.

В трёх бараках, поеденных злыми крысами,
Ей и женщинам много придется выстрадать,
За бараками ходят шагами быстрыми
Чьи-то тяжёлые берцы.

Вот на голой доске, собираясь с силами,
Мама дочке бормочет: «Прости же, милая,
Если б были не здесь, я тебя защитила бы,
Но иначе сейчас никак.

Мы, наверно, с тобою на небе встретимся,
Щечки пухлые нежным румянцем светятся,
Я люблю тебя, и это не изменится,
Я и ты для народа – враг».

Не успела ещё рассмотреть кровиночку,
Чей-то голос кричит: «Что ж, пойдёмте, милочка».
Она думает, ей бы в аорту пилочку,
Но покорно идёт вперёд.

Замотала ребенка, а слёзы капают:
«Я её так боялась родить в бараках,
И отец её ждал, он хотел быть папою,
Но сегодня она умрёт».

Медсестра представляется: «Фройлен Пфани, –
Забирая ребенка, не дрогнут длани:
Дальше мы разберёмся прекрасно сами!» –
Закрывает тугую дверь.

А малышка недолго и громко плачет,
Ей не светит ни мама, ни даже мячик,
Всё могло бы случиться тогда иначе...
Но чего причитать теперь?

Та, что ей «помогала», зовется Клара,
Им обеим в наказку и ада мало...
«Акушерка у смерти отвоевала,
А они не дают и день! –

И в холодной воде слышен плеск и грохот. –
Моя девочка сделала мало вдохов, –
Снова плачет и молится: Видит Бог-то...
Забери меня вслед за ней».

ИВАН ВОЛОГДИН, 31 год, Вихоревка (Братский район)

СТАЛИНГРАД

Пурга извивалась и пела,
В год страшный – год сорок второй
Ракеты зелёная сфера
Взлетела над стыллой водой.

Под рокот немецких моторов,
Под вой миномётных дождей,
Предметом смертельного спора
Стал город меж снежных полей.

Разбитый до самых остовов,
До труб и подвалов одних
Он снова. И снова. И снова!
Встречал обороной чужих.

Шёл фронт через комнаты дома,
(Порою промеж этажей).
За каждой стеной иль опорой
Ждал холод смертельных ночей.

И каждая жертва солдата,
И каждый осколок в крови
Являлись отчаянной платой
За пламя победной зари...

ВЕДЬ КАЖДЫЙ НА ФРОНТ ЗА СВОЁ УХОДИЛ

Ведь каждый на фронт за своё уходил –
За дом и за близких, за тех, кто был мил,
За поле в расцвете весенних цветов,
За то, чтобы дети не знали оков.

Ведь каждый, кто падал – родное шептал.
И каждый, кто пал, знал, за что умирал
Им виделось в грёзах, в предсмертном часу,
До боли родная дорога к крыльцу.

Ведь стёртые планы несбытых надежд
Слагались в единый, наивный сюжет.
И виделось мёртвым – минует война,
И вместе с другими взведут города.

И вместе с другими продолжают свой путь...
Но только земля тяжело давит на грудь,
Но только леса, что на них проросли,
В лазурное небо их стон вознесли...

Живые – вам память хранить довелось,
О времени чёрном, где ярость и злость,
Вздымались могучей, священной волной,
О времени страшном – Второй Мировой.

ЯРОСЛАВ ОПАРИН, 15 лет, Зима

БЕРЁЗА ПАМЯТИ

ОН: 22 июня выдался такой солнечный хороший день. Только что вернулись с полей. Я напряжённо вслушиваюсь в слова, которые несутся из репродуктора. Вещают: «Война...» Смысл слов не сразу доходит до меня. День уже не кажется таким ярким. Не дожидаясь повестки, записываюсь добровольцем на фронт. Мысль о семье не покидает меня. Что с ними будет? Понимаю, что враг силен, и война быстро не закончится...

Поднимаю сына на руки. Скоро ему исполнится два года. Внимательно смотрю на него, желая запомнить каждую чётточку его лица. Обнимаю свою пятилетнюю дочь, как же крепко она вцепилась своими маленькими ручонками в мой пиджак. Целую заплаканное лицо жены...

Наша колонна уходит из деревни по просёлочной дороге. Оглядываюсь. Околица, берёза, возле нее стоят три маленьких фигурки, взгляд которых я ощущал на себе еще очень долго...

Взрывы, огонь, стрельба, грохот, враг наступает. День иногда похож на ночь. Разрушенные деревни и города вызывают слезы и душевную боль за Родину. Весь ужас происходящего невозможно описать... Но я знаю, за что я воюю. Конечно, за вас – моих самых родных и любимых, за свою землю. А что им, немцам, нужно здесь? Не понимаю.

Порой закрываю глаза и вижу ваши фигуры у берёзы на краю деревни, вспоминаю ваши взгляды. Как я люблю читать письма, которые вы мне прислали. Мечтаю увидеть вас снова...

Я умер 21 августа 1942 года в госпитале после тяжёлого ранения в бою...

Оля, я уже не смогу прожить счастливую, до старости, с тобой жизнь. Не увижу, как выросли наши дети, не узнаю своих внуков. Больше ничего не будет... Война забрала всё...

ОНА: Я смотрю в твои серо-голубые глаза, которые стали почти черными, когда мы услышали, что началась война. Зная твою любовь к Родине, я понимаю, что скоро ты уйдешь на войну. А как мы будем без тебя? Волнения, тревоги, переживания за детей охватывают меня.

Не помню, как я собирала тебя в дорогу, что говорила... В душе была какая-то бездонная пустота...

Подхватив сына на руки, я бегу за колонной, остановилась на краю деревни, возле березы и долго смотрю, как вы уходите вдаль. Как же я тогда плакала, точнее выла, пугая детей.

Мы трудились до изнеможения, работали, работали и работали,

понимая, что победа зависит и от нас. Помогали эвакуированным, растили детей и ждали письма с фронта. Ночами я молилась за тебя...

Похоронка пришла в 1942 году... Время застыло... Я не верю, я не хочу в это верить.

Прошли годы, я вырастила достойных детей. Я часто прихожу к той березе, стоя у которой видела тебя в последний раз. Я все еще жду, что ты вернешься.

СЫН: Я помню, как ты подхватил меня на руки и долго смотрел на меня своими серо-голубыми, такими родными и добрыми глазами. Помню, как плакала мама, как мы ждали и читали твои письма.

Мы, дети войны, у нас не было радостного и счастливого детства. Радостью был кусочек хлеба, сахара, играли мы тоже «в войну».

Я вырос, я уже старше тебя. Подхватываю на руки свою двухгодовалую дочь, она смотрит на меня твоими серо-голубыми глазами. Жизнь продолжается...

Мы всегда помнили тебя и ждали. Мама до самой смерти ходила к той берёзе и, всё вглядываясь вдаль, ждала тебя.

ВНУЧКА: Я помню, как с бабушкой ходила на другой конец деревни к старой, покосившейся берёзке встречать деда Алёшу, по-детски искренне удивлялась этому, ведь я знала, что он погиб на войне.

Прости меня, бабуля, я была маленькая и не понимала, что для тебя это была дорога жизни, ты искренне верила, что твой Алёша может вернуться. Ты прожила свою жизнь за вас двоих. Война перекопала и сломала ваши жизни...

Дед, я всегда гордилась тобой, ты был для меня героем.

ПРАВНУК: Мой прадед Веденин Алексей Александрович, 1913-го года рождения, лейтенант, командир стрелкового взвода, награжденный медалью «За Отвагу», захоронен в деревне Мокрое в Московской области.

Для меня война – это самая страшная часть истории, состоящая из ужаса, мрака, боли, страдания, трагизма, смерти, которую надо знать и помнить, и повторения которой больше нельзя допустить.

Мне очень хочется верить, что где-то там, за гранью действительности, после своей смерти встретились у той берёзы мой прадед со своей женой, чтоб прожить вместе свою жизнь, но уже не земную.

ОСЕННИЙ БЛЮЗ

За окном промозглый ветер ломает дождь косым узором, прозрачные капли мокряди сбегают по стеклу. Листья на деревьях под тяжестью воды и порывов ветра обреченно падают на асфальт, укрывая его своей разноцветной пеленой. Я смотрю в окно на эту осеннюю вакханалию и вдруг как-то резко и осязаемо ощущаю глубину значения слова «ГРУСТЬ».

Ну что, Осень, погрустим вместе? Беру саксофон, и мелодия лёгкого блюза разносится по квартире. Музыка увлекает меня: закрываю глаза и представляю, как голосом дождя, шелестом листопада Осень рассказывает, как прекрасна, мудра и совершенна она; сколько разноцветных ярких красок, многоцветных эмоций и чувств дарит людям; какой бывает непредсказуемой и капризной: то одаривая теплом, то забрасывая холодным дождём. Люблю осень за её непередаваемую, щемящую душу, нежность, дрожащую прохладу воздуха, парящую над улицами паутину бабьего лета, за прощальную песню птиц, улетающих стаей на юг, за проблеск солнца в дождевом небе.

Музыка стихла, я доиграл свои мысли. Откуда-то пришла уверенность, что завтра будет солнечная погода, ведь Осень сама сказала, что она непредсказуема.

А за окном, в лёгком вечернем сумраке, под шум дождя и листвы, продолжает одиноко грустить Осень.

КРИСТИНА ПОДГОРОДЕЦКАЯ, 22 года, Ангарск

ВОЛШЕБСТВО

Слепой, дрожащий от холода человек шел по безлюдной улице. Деревянная трость дробно стучала по каменному обледенелому тротуару. Нынешняя ночь выдалась особенно ненастной. Особенно лютой. Особенно гнетущей. Нищий, облаченный в обноски, дошедший до крайней степени отчаяния, поднял голову к небу. Падал снег – безразличный, бесстрастный, отрешенный. Слепец не мог видеть его, но мог хорошо чувствовать. Так же хорошо, как и жгучую боль в совершенно пустом желудке. Как бы он хотел видеть ночь, видеть луну, видеть снег, видеть весь город, кажущийся в оную погоду вымершим и словно неполноценным. Таким же неполноценным, каким себя считал слепой старый нищий.

Уставший старец уже подумывал над тем, где остановиться на ночлег, как вдруг услышал незнакомый голос, зовущий его откуда-то снизу:

– Веришь ли ты в волшебство? – голос эхом отдавался в ушах, буд-

то его обладатель находился в огромном, пустом помещении.

– Совсем не верю, – отозвался нищий. Он давно перестал верить во что-либо, а волшебство ему казалось и вовсе сумасшествием.

– А вот и зря, – хитро ответил голос. Казалось, его обладатель что-то затевал. Что-то подлое и нехорошее. – Хочешь, я тебе докажу?

– Валяй, – безразлично бросил незрячий.

– Я могу вернуть тебе зрение, – многообещающе заверил голос. – Но что ты мне можешь дать взамен?

– Бери, что хочешь. Я на все согласен, – пожал плечами старец. Ему нечего было дать, соответственно, не о чем было жалеть.

– Если тебе нечего дать, то я возьму самое ценное. То, о чем ты даже и подумать не можешь, – невидимый незнакомец заметно повеселел, словно озорной мальчишка, придумавший некую грандиозную пакость. – Зажмурь плотнее глаза, а затем открой, и ты увидишь то, что так долго хотел, но не мог узреть.

Нищий послушался и плотнее закрыл глаза. Никаких ощущений, никаких посторонних звуков. Только снег и ветер, вызывающий необузданный табун мурашек, бегущих по телу, словно лошади по просторной поляне.

Секунду спустя он разлепил очи и задохнулся от изумления: он видел скромно освещенную уличными фонарями ночь, он видел снежинки, выплывающие в воздухе хаотичные пируэты, он видел город, который показался ему стерильным – ни людей, ни повозок, ни даже приبلудной кошки.

Нищий, обрадованный и воодушевленный, хотел было сдвинуться с места, но не смог. Скопив глаза вбок, он ощутил, что сердце его замерло, и появившиеся лишь мгновение назад счастливые крылья кто-то жестоко обрезают острыми садовыми ножницами. Он превратился в статую – неподвижную, каменную, бездушную, но прекрасно видящую все. Он хотел закричать, но не смог. Ведь статуи не кричат.

Очень много лет простоял он, наблюдая за тем, как мимо проходят, сменяя друг друга, поколения людей, пробегают поколения кошек, и пролетают поколения вечно голодных сизых голубей.

Когда ты думаешь, что тебе нечего терять, подумай хорошенько, прав ли ты на самом деле?

Критика и литературоведение

АРТЁМ ПИСАРЕВ, 1995 г.р., Иркутск

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО РАДЫ ЧЕРНОУСОВОЙ

Творчество Рады Черноусовой, дизайнера по образованию, можно охарактеризовать лёгкостью и пластичностью, которые прослеживаются как в графических, так и в живописных работах художницы.

Казалось бы, простые сюжеты пейзажных живописных работ Рады, представленных в этом номере, при ближайшем рассмотрении наполняются внутренним содержанием гармонии и единства формы и содержания, линии и цвета.

В работах «Осенние мониста» и «Тайны леса» почти осязаемо ощущаются тишина и безмолвность леса, его задумчивость и загадочность. На мой взгляд, осенний мотив в исполнении Рады вышел достаточно поэтичным за счёт сочетания приглушённости и яркости цвета, ритма форм и пятен цвета, создав в своей комбинации нужное лирическое настроение.

Созерцательным и прозрачным вышел «Сапёрный переулок», композиция которого построена на сопоставлении ритмов архитектурных форм на заднем плане и спокойной устойчивости кирпичных стен. В этом рисунке ощущаются чистота и свежесть ранней весны или поздней осени. Несмотря на не очень большое пространство, отведённое небу, рисунок создаёт ощущение лёгкости и простора. Похожее впечатление, но в иной тональности производит работа «Тёплый вечер», атмосфера которой полностью соответствует названию.

Все представленные Радой пейзажи хорошо передают атмосферу изображённого на них места, и при этом, на мой взгляд, содержат в себе неуловимые сюжеты, разворачивающиеся в диалоге между картиной и зрителем.

*Артём Писарев, преподаватель кафедры
изобразительного искусства и методики ПИ ИГУ,
член молодёжного объединения при ИРО ВТО
Союз художников России*

«КАВКАЗСКИЙ ЦИКЛ» Н.С. ГУМИЛЁВА

Опыт «обратного» прочтения

По отношению к поэтическим «пробам пера» в практике литературоведческих исследований сложилось мнение об их второстепенности – ввиду художественной «незрелости» юношеских стихов состоявшихся авторов. «Юношеская лирика» – понятие оценочное, включающее понимание неизбежных «издержек» на пути освоения молодым автором искусства стихосложения. Вместе с тем можно ли отнести к «ученическим» стихам шедевры Т. Чаттертона и А. Рембо, В. Брюсова и А. Блока, написанные в юности?

Очевидно, что специфика юношеских стихов – в большинстве случаев – определяется на фоне последующих достижений. Образно-эмоциональная, духовная составляющие, поиск их языкового «адекватата» оформляются в зрелом творчестве осознанней. Среди ярких примеров долгого восхождения к подлинным поэтическим высотам выделяются творческие судьбы Р.М. Рильке, Б.Л. Пастернака, М.И. Цветаевой и многих других. Однако именно обращение к «первым стихам» даёт возможность уточнить картину эволюции, позволяет прояснить «тёмные места» в творчестве того или иного автора.

К поэтам, прошедшим все стадии поэтического «взросления», относится, безусловно, и «возвращённый» классик русской литературы Николай Гумилёв (ср.: «Он <Гумилёв – А.Б.> удивительно поздно раскрывается как большой поэт»¹). Указанная оценка относится к стихам первых сборников, отмеченных влиянием символистов в лице Брюсова, Иванова, Бальмонта, Блока, но фактически отнесена к сборнику «Путь конквистадоров» (1906). Есть и более ранние стихи, которые, действительно, «едва ли привлекут людей, искушенных в достижениях новой русской поэзии»², однако позволяют выделить особенности, в большой степени свойственные последующим периодам.

Мы попытаемся показать (на уровне текстуальных «перекличек»), как стихотворения «кавказского цикла» предваряют особенности зрелой лирики автора, обнаруживая изначальную целостность авторского видения. От вершин поздней лирики к началу пути – круг, уточняющий пони-

1 Иванов Вяч. Вс. Звёздная вспышка (Поэтический мир Н.С. Гумилева). // Гумилев Н.С. Стихи; Письма о русской поэзии / вступ. статья Вяч. Иванова; сост., науч. подгот. текста, послесл. Н. Богомолова. М., 1990. – С. 6.

2 Там же.

мание всех этапов творческого развития.

Стихотворения так называемого «кавказского цикла», написанные во время пребывания поэта на Кавказе (1900–1903 гг.) – одно из наименее изученных явлений в творчестве Н. Гумилева. Тексты «тифлисского альбома»³ не публиковались при жизни автора (единственное опубликованное произведение – появившееся в газете «Тифлисский листок» дебютное «Я в лес бежал из городов...» (1902) шестнадцатилетнего поэта) и, за редким исключением, не становились предметом специального исследования⁴. В стихотворениях Альбома обнаруживается набор элементов поэтической структуры (мотивы, образы, темы), которые можно рассматривать как образцы, предшествующие аналогичным элементам в контексте всей последующей лирики Н. Гумилева, чем обусловлен их особый статус.

В открывающем Альбом стихотворении «*Я в лес бежал из городов...*» отчетливо проявлено личностное начало: появляется некое «я», говорящее **о себе**:

Я в лес бежал из городов,
В пустыню от людей бежал...
Теперь *молиться я готов,*
Рыдать, как прежде не рыдал.

Вот я один с самим собой...
Пора, пора мне отдохнуть:
Свет беспощадный, свет слепой
Мне выпил мозг, мне выжег грудь.

Я страшный грешник, я злодей:
Мне бог бороться силы дал,
Любил я правду и людей;
Но растоптал я идеал...

Я мог бороться, но, как раб,
Позорно струсив, отступил
И, говоря: «увы, я слаб!»,
Свои стремления задавил...

3 «Тифлисский альбом» – альбом Марии Михайловны Маркс (гимназической знакомой Гумилева), где записаны произведения, составляющие «кавказский цикл». Далее – Альбом.

4 Статья Л.Д. Хихадзе «Гумилев и Кавказ: К творческой биографии поэта» (Литературная Грузия, 1988, №12), а также комментарии к первому тому Полного собрания сочинений Н. Гумилева (1998).

Я страшный грешник, я злодей...
Прости, Господь, прости меня,
Душе изученной моей
Прости, раскаянье ценя!..

Есть люди с пламенной душой,
Есть люди с жаждою добра,
Ты им вручи свой стяг святой,
Их манит, их влечёт борьба.

Меня ж, Господь, прости, прости.
Прошу я милости одной:
Больную душу отпусти
На незаслуженный покой ⁵.

В лирическом произведении «сюжет разворачивается не своим естественным путем, не первично, а отраженно, *через переживания героя* <...>⁶, поэтому начать следует с описания характеристик того, **кто** говорит (в данном случае – **лирического героя**).

Психологический портрет героя стихотворения узнаётся в *романтическом контексте* с ярко выраженными лермонтовскими интонациями; ср.: «<...> Больную душу отпусти / На незаслуженный *покой*» и «<...> Я ищу свободы и *покоя!*» («Выхожу один я на дорогу...»). Коллизии его внутреннего мира воспроизводятся в подавляющем числе произведений всего Альбома, что, в свою очередь, предполагает наличие сознания **лирического героя «кавказского цикла»**.

Обозначим признаки, определяющие сферу героя и сюжет Альбома.

Уединенность. Ведущим мотивом становится *мотив одиночества*. Герой одинок, вырван из круга земных связей, погружен в мрачные размышления. Воспоминания ведут к самообличению, достигающему необычайных масштабов (ср.: «Я *грешник страшный, я злодей*» (дважды повторенное), «<...> Как раб, / *Позорно струсив*, отступил», а также заключительное «Меня ж, Господь, *прости, прости*»).

Строй переживаний героя «Я в лес бежал из городов...» отвечает

5 Курсив мой далее везде – А.Б. Стихи цитируются по следующим изданиям: Гумилев Н.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 1: Стихотворения. Поэмы (1902–1910). М., 1998; Гумилев Н.С. Стихи; Письма о русской поэзии / вступ. статья Вяч. Иванова; сост., науч. подгот. текста, послесл. Н. Богомолова. М., 1990.

6 Сильман Т.И. Семантическая структура лирического стихотворения // Заметки о лирике. Л., 1977. С. 8–9.

«жанровой структуре элегии», в основе которой – «“застывшее” содержание надгробного плача». Элегия предполагает «одинокость героя, его обращение к прошлому, к отдаленному пространству, упреки и жалобы, адресованные к кому-то недостижимому, невидимому и неслышимому, в ней содержится подтверждение “Всеобщего Закона”, которому подчинен, но не желает подчиняться человек»⁷.

Указанный «регистр» восприятия⁸ ясно прочитывается в последующей лирике автора, о чем свидетельствуют программные тексты Гумилева; ср.:

И надо мною *одинокость*
Возносит огненную плеть
За то, что древнее пророчество
Мне суждено преодолеть.
«Одинокость» («Жемчуга», 1910)

Я тело в кресло уравнию,
Я свет руками заслоню
И буду плакать долго, долго,
Припоминая вечера,
Когда не мучили «вчера»
И не томили цепи долга <...>
«Ослепительное» («Чужое небо», 1912)

Я вежлив с жизнью современною,
Но между нами есть преграда,
Всё, что смешит её, надменную, –
Моя единая отрада.
«Я вежлив с жизнью современною...» («Колчан», 1916)

7 Смирнов А.А. Романтическая лирика А.С. Пушкина как художественная целостность. М., 2007. – С. 72.

8 Следует также подчеркнуть значимость мотива *блуждания* (ср.: «Точно дух ночной *блуждаю*» («Я вечернею порою над заснувшею рекою...»)), получающий активное развитие в зрелой лирике автора; ср:

<...> Смотрю в века, живу в минутах,
Но жду Субботы из Суббот;

Конец тревогам и удачам,
Слепым блужданиям души...

«Вечное» («Чужое небо»),

См. также «Стокгольм» («Костер»), «Заблудившийся трамвай» («Огненный столп»).

См. также «Пятистопные ямбы» («Колчан»), «Я и вы» («Костер», 1918), «Память» («Огненный столп», 1921) и др.

Пространственное измерение «внутреннего». Лирическая эмоция развернута на фоне естественной, нечеловеченной природы. Природное окружение формирует мощный импульс *самопознания*. Неслучайно в одном из стихотворений цикла («Вам, кавказские ущелья...») подчеркивается момент подобия «внутреннего» и «внешнего»: «*Как и вы <ущелья – А.Б.>, душа угрюма, / Как и вы, душа мрачна <...>*». *Созависимость стихийного и личностного начал* отсылает к интуиции единства духа и материи, характерной для романтического типа мироощущения. При этом в результате соприкосновения с объектами природного мира активны, по преимуществу, *негативные* реалии внутреннего опыта.

Особый интерес представляет стихотворение «У скалистого ущелья», а именно – характер разработки мотива воспоминания: картины прошлого входят в сознание героя *извне*:

*И какие-то виденья
Все встают передо мной,
То над волнами потока,
То над пропастью глухой.
Ближе, ближе подлетают,
Наконец, – о, страшный вид! –
Пред смущенными очами
Вереница их стоит.
И как вглядываюсь ближе,
Боже, в них я узнаю
Свои прежние мечтанья,
Молодую жизнь свою.*

Выдвигается план прошлого, от которого герой ценностно **отстранен**, и план собственно настоящего. Важную роль играет экспрессия *тревожности* как элемент интонационной окраски текста. Обращаясь к тексту «У скалистого ущелья...» нельзя не отметить связи по линии образов (видений) прошлого, воспринимаемых *извне*, со стихотворением «Память» сборника «Огненный столп» – одного из наиболее загадочных в творчестве поэта; ср.:

*Память, ты рукою великанши
Жизнь ведешь, как под уздцы коня,
Ты расскажешь мне о тех, кто раньше
В этом теле жили до меня.*

Связь текстов корректирует понимание образов «я» («душ»), живших «в теле» героя «Памяти».

Восприятие природы в разнообразии ее проявлений – стихийном и магическом, подчиняющем и обращенном к личности – впоследствии заявит о себе в насыщенной символами экзотике «Романтических цветов» (знаменитое «Озеро Чад») и «Шатра», ср.:

Сердце билось, смертно тоскуя,
Целый день я бродил в тоске,
И мне снилось ночью: *плыву я*
По какой-то большой реке.

С каждым мигом всё шире, шире
И светлей и светлей река,
Я в совсем неведомом мире,
И ладья моя так легка.

«Мадагаскар» («Шатер», 1921)

Также в стихотворениях «Я и вы» (ср.: «И умру я не на постели <...> / А в какой-нибудь дикой щели, / Утонувшей в густом плюще <...>» («Костер»)), «Леопард» («Огненный столп») и др.

Желание борьбы. Важной чертой лирического героя юношеских стихотворений Гумилева становится осознание необходимости *активной, волевой жизненной позиции*, «борьбы против мрака насилия и тьмы» («Я всю жизнь отдаю для великой борьбы...»). Помимо героя указанным качеством обладает и определенный круг людей, наделенных «пламенной душой» («<...> Их манит, их влечет борьба»). Однако в фокусе внимания – переживание *полноты личной ответственности* лирического героя. Отход от указанной модели поведения – борьбы – истолковывается как *преступление и грех* (ср.: «Я грешник страшный, я злодей»), диктующие необходимость вымаливать прощение у бога.

Обращенность к богу. Покаянные настроения, несколько отдаляющие тексты «кавказского цикла» от лермонтовской традиции, вносят индивидуальное звучание *мотива обращения к богу*: герой ищет *забвения в боге*, что получит отклик в позднейшем творчестве автора. Одним из ярких примеров реализации христианской линии творчества Гумилева является стихотворение «Пятистопные ямбы» (ср.: «Есть на море пустынном монастырь <...> / Туда б уйти, покинув мир лукавый <...>») сборника «Колчан».

В то же время в стихотворении цикла «Злобный гений, царь сомнений...» особое значение имеет *опыт отрицания*, предвещающий появле-

ние «ницшеанской ноты» лирики Гумилева:

Вечно жить среди мучений, среди тягостных сомнений –
Это *сильных идеал*,
Ничего не созидая, ненавидя, презирая
И блистая, как кристалл.

Тема **завершения земного пути**, занимая одно из центральных мест в цикле (ср.: «Когда ж покоем мне насладиться / В *сырой могиле* придет черед?» («На сердце песни, на сердце слезы...»)), с одной стороны, ограничена установкой на борьбу: «<...> Завидев светила свободы восход / Я *спокоен умру*» («Я всю жизнь отдаю для великой борьбы...»). С другой стороны, в христианской традиции представление о смерти связано с понятием греха – нарушения божественной воли, поэтому признание недостаточности своих сил (отход от идеала: «Все, что *продал я, прельстившись / На богатство и почет* <...>» («У скалистого ущелья...»)) требует соответствующих определений: «Я брожу как *охладелый труп*» («В шумном вихре юности цветущей...»).

Тема смерти раскрывается также любовной лирикой цикла, являя образ «подчинения-смирения». Герой отдан «таинственным очам», сияющим во тьме ночи («Во мраке безрадостном ночи...»), воодушевлен безответной любовью («Я песни слагаю во славу твою...»). В последнем случае обращают на себя внимание образы соловья и розы («Так *раненный в сердце шипом соловей / О розе-убийце поет все нежней / И* плачет в тоске безнадежной <...>»), много позже воспроизведенные в сборнике «К синей звезде» («Однообразные мелькают...»)⁹.

Романтическим сознанием конструируется образ смерти, отражающий масштабы духовной активности. Называние смерти – один из наиболее разработанных мотивов Гумилева. В качестве примера можно привести тексты различного времени написания: «Смерти» («Романтические цветы»), «Завещанье» («Жемчуга»), «Птица» («Колчан»), «Рабочий», «Утешение» («Костер»), «Леопард» («Огненный столп») и др. Ср.:

Верной твердынею православья
Врезан Исакий в вышине,
Там отслужу молебен о здравье
Машеньки и *панихиду по мне*.

«Заблудившийся трамвай» («Огненный столп»)

9 Сборник «К синей звезде» (1923) включает стихотворения 1917 года, записанные в альбом Елены Карловны Дюбуше, парижской знакомой поэта.

В объединяющем контексте «кавказского цикла» оказываются божественное и земное. Формируется *антитеза*, в условиях которой напряженность переживаемых противоречий содержит потенциал целостного «охвата» действительности. Открытие идеала на земле, его непреложность и недостижимость, обращенность к вере как следствие бессилия, уход в «бесстрашие» («сырую могилу») и обретение «высшего» дают импульс *поэтике поиска* как регулярной основы поэтического видения. Романтизм юношеской лирики Гумилева, демонстрируя «игровой» («масочный») характер¹⁰, приобретает в зрелом творчестве абсолютно индивидуальные черты.

Всё сказанное позволяет сделать вывод о наличии преемственной связи на всех этапах эволюции лирики автора: от юношеских стихотворений до поэтических вершин позднего периода. Голос автора в стихотворениях Альбома отдан лирическому герою, внутренний мир которого основан на противоречиях, решение их предложено всей последующей лирикой Н. Гумилева. Цикл объединяет традиционное и индивидуальное, намечая дальнейший вектор художественного освоения реальности.

*Выпускник филологического факультета
Иркутского государственного университета
Анатолий Бичевин*

10 В чем видятся истоки гумилевской фантастики 1903-1910 годов («Я конквистадор в панцире железном...», «Я долго шел по коридорам...», «Следом за Синдбадом-Мореходом» и др.).

МУСОРНЫЕ ФАНТАЗИИ И БОЛЬ РЕАЛЬНОСТИ

Лет семь тому назад в Иркутске появилось уникальное место – музей на полигоне твердых бытовых отходов – «На свалке». Уникальное тем, что все экспонаты найдены на свалке или сделаны из ненужных, выброшенных вещей. Это единственный пока в России музей, который успел прославиться и стать достопримечательностью Иркутска. А потому принимает туристов со всего света.

В музее все просто и как будто лишено художественной концепции. Но почему-то люди возвращаются сюда снова и снова. Для меня как для экскурсовода это остается загадкой. И без преувеличения скажу: посещение полигона ТБО – одна из самых популярных экскурсий. Мне и самой каждый раз интересно приезжать сюда. В чем притягательность этого места? Попробуем разобраться.

Идея организации необычного музейного пространства принадлежит **Александру Расторгуеву**, директору иркутского полигона ТБО. Инженер, окончивший Иркутский политехнический институт, став директором «иркутской помойки», воплотил свою детскую мечту. А в детстве Саша любил вырезать из дерева древние корабли и средневековых рыцарей. Вот и решил директор Расторгуев для начала соорудить корабль, сохранив исторические размеры морского судна – высоту корпуса, ширину палубы, высоту мачт.

На помойке можно найти любой материал для задумки. Много бревен, горбыля, хозяйственных голубых мешков, выброшенных со строек. Так в «музее» появился первый экспонат – древняя галера. Теперь галер несколько, на них стоят рыцари, сделанные из листов жести от старых холодильников, стиральных машин и прочей бытовой техники.

Композиция с чередой кораблей находится на возвышенности и эффектно вписывается в ландшафт. Корабли будто выплывают из прошлого и двигаются на зрителя, что особенно красиво смотрится на фоне голубого неба. Интересно они смотрятся в пасмурную погоду и зимой.

Галеры стоят у въезда на полигон параллельно дороге. Ежедневно мимо них проезжают десятки машин с мусором. И любопытно наблюдать такую картину: средневековый корабль, сделанный из мусора, а рядом – современные КамАЗы с таким же мусором. Корабли стали визитной карточкой мусорного полигона. Ведь корабль – символ странствий, путешествий и одновременно символ спасения. Голубые паруса дополняют образ цветом неба, чистоты, надежды, мечты и разума. Идея спасения человечества здесь особенно актуальна.

Основная, центральная часть музея оформлена в виде крепости, точнее – острога, который охраняют рыцари, стоящие на земле или сидящие на конях. Со слов работников полигона, на изготовление рыцарей идут механизмы крупногабаритной техники, а на хвосты лошадей – выброшенные провода. Рыцари – тоже идея Александра Расторгуева. Средневековые образы чем-то напоминают оловянных солдатиков, которыми раньше в детстве играли мальчишки.

Жестяную армию установили удачно. Рыцари и всадники находятся спиной к возвышенности, на которой построен высокий забор со смотровыми башнями, в них тоже расположены фигуры рыцарей. Высокий забор скрывает огромную свалку, куда машины выгружают мусор. Мне как-то пришлось побывать в музее в пасмурную погоду. Сотни ворон кружили над огромной свалкой. И если в этот момент стоять лицом к всаднику и смотреть на жестяную армию, то возникает мистическое ощущение, напоминающее декорации к кинофильму ужасов.

Тему древнего мира продолжают образы страшных викингов, сидящих вокруг костра. Мрачные картины из прошлого с сожжением ведьмы на костре, отрубленными головами на копьях, скелетами и черепами

воспроизведены в следующей инсталляции. Эти изображения, конечно, гиперболизированы, но картины дополняют наше представление о далеком прошлом. Вообще, на экскурсиях я стараюсь не смотреть на эти две композиции, но посетителям, и даже детям, они нравятся.

Есть в музее и другие необычные скульптуры. Например, сверкающий зеркальный Пегас, летящий над шаром. Удивляют в скульптуре материал и способ изготовления. Сколько же времени нужно было подготовить столько стеклышек! Фигура летящего коня выделяется среди других блеском, высокой идеей и... несовместимостью с мусоркой. Пегас как образ духовного, творческого полета. Он символизирует переход от земли к небу, как сочетание низшей и стремящейся вверх природы. И, думаю, неслучайно он появился в таком необычном месте. На фоне мрачных инсталляций зеркальный конь выделяется светом. В солнечную погоду он играет и переливается всеми цветами радуги. Словно луч света в темном царстве, воплощает идею возрождения. Ведь в музее ненужные вещи обретают вторую жизнь.

В музее ТБО можно наблюдать историю быта – то, как изменялись форма, вид, назначение вещей. Например, телевизор. В коллекции музея он представлен разными видами – от ламповых до современных с жидкокристаллическим экраном. Огромна коллекция чугунных горшков, самоваров, крестьянской утвари, музыкальных инструментов, разнообразной посуды из фарфора, металла, керамики и много-много-много другого.

В большом ангаре, где представлены выброшенные вещи, привлекают внимание стенды со старыми фотографиями. Я часто бываю здесь с экскурсиями и вижу, что посетители подолгу смотрят черно-белые снимки, читают надписи на обратной стороне. Среди фотографий есть семейные портреты начала XX века. Тогда фотографирование в жизни людей

было целым событием, к нему готовились, продумывали каждую мелочь в гардеробе. На этих фотографиях лица открытые, выражения простые, естественные. Удивляет на фотографиях и разнообразие женских причесок. Каждый человек на старом снимке по-своему красив.

Вот солдатские фотографии времен Великой Отечественной войны с щемящими сердце подписями: «Любимой маме. 1942 г.» и т. д. Мне запомнился толстый бархатный альбом, на первой странице которого находятся фотографии маленькой девочки в возрасте 2-3 месяцев, на следующих – фотографии с мамой и папой, затем – та же девочка в детском садике, потом – школа, выпускной, несколько фотографий из студенческой жизни, свадьба, другие, уже не такие значимые, события, а дальше... чистые страницы. Альбом оказался на помойке. Грустно становится, когда видишь семейные реликвии в таком месте. Вдвойне грустно, что мы – «Иваны, не помнящие родства». Нет уважения к ушедшим из жизни родственникам, интереса к роду, к своим корням.

Есть на полигоне ТБО отдел, посвященный Боевой Славе нашей страны. В нем представлены ордена и медали. Не все, что можно здесь увидеть, выбросили за ненадобностью. Половина коллекции собрана Александром Расторгуевым. Но, когда он стал директором полигона, его

коллекция значительно увеличилась. Александр рассказывал, что на помойке можно найти свертки старых пиджаков ветеранов Великой Отечественной войны с наградами. Один раз попался и Георгиевский крест, высокая военная награда дореволюционных времен.

В 2018 году на территории полигона появилось новое выставочное пространство, посвященное Победе 1945 года. На огромной территории к 9 Маю проводят историческую реконструкцию боевых действий. Это привлекает множество зрителей. Выставки военной тематики поддерживают интерес к истории, к героическим страницам нашей Родины.

В 2018 году полигон превратился в съёмочную площадку. Режиссер из Бурятии Солбон Лыгденов снимал сцены к фильму «321-я Сибирская» об участии наших земляков в освобождении Сталинграда. Фильм пока не завершен. Но, мне кажется, после выхода в прокат полигон ТБО станет еще более известным местом.

Музей на свалке постоянно меняется. Своими экспозициями он старается быть актуальным, востребованным. Одна зона вдохновляет на творчество, другая – заставляет остановиться и задуматься о вечном. В этом и заключается, наверное, социальная значимость музея. А потому все представленное в музее не просто мусорные фантазии. Это своеобразный театр, в котором режиссер – директор полигона – создает перформанс своей детской мечты.

Есть у музея и сверхзадача – художественная переработка мусора. Это особенно важно сейчас, когда наш общий дом под названием «Земля» превратился в огромную помойку. Музей «кричит» об экологической катастрофе и предлагает свой вариант решения проблемы.

ЭТО О ЧЕЛОВЕКЕ

КАРТИНА ЭРИКА БУЛАТОВА «ДОРОГА»

*Эрик Булатов. Дорога.
Холст, масло. 1989.*

С первого взгляда на картину Э. Булатова «Дорога» понятны отличия классической живописи от произведений современного искусства. Зритель в недоумении и оцепенении. Ему кажется, что перед ним не картина, а фотография или кадр из кинофильма. Невероятная реалистичность изображения, краски, приближенные к натуральным, освещение и сюжет произведения – все это напоминает знакомый пейзаж, погружает в восприятие туманного осеннего утра.

Но именно реалистичность побуждает смотрящего к поиску ответов на сокровенные вопросы, к размышлениям о смысле жизни. Картина погружает в тишину. Не возникает желания говорить. Хочется остаться одному, вспомнить свое прошлое или попробовать представить будущее.

Дорога как жизненный путь у каждого человека своя, в итоге приводящая к одному и тому же концу.

А что там в конце? Свет? Никто не знает... Быть может, это дорога, на которую ступает человек после смерти? Деревья по обеим сторонам, словно души умерших людей, тянут руки-ветки ко вновь прибывшему из мира живых, будто ободряют на пути к познанию тайны.

Или это дорога, ведущая человека к мечте? Картина симметрична: белая полоса делит холст на две равные части. Как будто не белая линия, а невидимое зеркало. Одна половина – правильный путь, а вторая, точно такая же, путь ложный. Может быть, они так похожи, чтобы окончательно запутать? Чтобы человеку сложнее было выбрать, какой дорогой идти.

А белая линия – путь, который нужно выбрать? И следует ступать точно по ней, а, если оступишься, то враги дотянутся руками-ветками и собьют с намеченной цели, украдут мечту.

Эта картина о человеке, которого никто не поддерживает. И все вокруг отговаривают, а он не сдаётся. Может быть, в ней отражена личная история художника? Или история каждого из нас? Ведь мы, в конечном счете, одиноки. Одинокó приходим в этот мир, поодинокó его и покидаем.

Что же хотел сказать автор? При анализе классической живописи часто необходимо знать библейский или мифологический сюжет, исторические события. Знание символов и историко-культурного контекста помогают понять смысл произведения. С современным искусством все обстоит иначе. Человеку приходится вглядываться, чтобы понять идею картины. Но без традиционного искусства невозможно понять и нынешних художников. Оно – та основа, благодаря которой мы постигаем новое искусство. Если перенестись в прошлое и показать людям тех эпох работы современных авторов, наверное, они не смогут их понять. Потому что еще не было таких форм, правил изображения и восприятия, размытых границ.

Автору картины удалось найти свой стиль. Добиться эффекта реальности не просто, это мастерство. Художник открыл новую страницу живописи, не похожую на то, что было раньше. При том, что картина выполняет прежние основные функции: дарит эстетическое наслаждение и заставляет задуматься. Но не воспроизводит какой-либо исторический или мифологический сюжет, не несет информацию о событии или конкретной личности. А показывает то, что понятно и знакомо нынешнему зрителю. В картине много смыслов, и каждый человек может понять увиденное по-своему.

А что если, действительно, это изображение внутреннего мира человека? Человека, пережившего горе, утрату близкого, перенесшего страдания? В его душе царит осень, умирают надежды, желанья, мечты. Но еще теплится тонкий луч света, и зеленая трава не завяла. И в конце всего виден свет. Тогда человек берет себя в руки, понимает, что надо жить. Призраки былого, страданий и невзгод тянут к нему голые ветки. Но начерчена белая линия. Человек встает с колен и, поверив в себя, идет

к свету и жизни.

В картине прочитывается мотив единства человека и природы: лес и дорога. Голые, тонкие деревья, застывшие в искривленных позах, сбросившие медную листву. И прочная, графитная, серая дорога как противостояние им. Раньше тут стояли деревья. Но пришел человек с машинами и превратил живое в мертвое. Может показаться, что грядет апокалипсис, что разлитый в конце свет – свет от взрыва, который поглотит человечество и станет наказанием за убивание природы.

Но может быть, оглушающая тишина и одиночество в картине остановят современного человека и подтолкнут взглянуть на себя и жизнь вокруг? «Дорога» противопоставлена головокружительному ритму городов, торопящимся, бегущим куда-то людям, теряющим на стремление успеть секунды драгоценных жизней. Это картина-окно, заглянув в которое из несущегося поезда жизни, переполненный заботами человек может одуматься – повернуть и изменить свою судьбу.

Бесконечность – важный мотив произведения. В конце дороги виден свет. Но мы не знаем, что там. Может быть, дорога бесконечна? Бесконечность возможностей, которая дана в жизни каждому. Использует ли человек эти шансы?

Игра света и удивительная перспектива завораживают. Увидев традиционную картину, мы, вероятно, могли бы поговорить об увядании природы, наступающей осени, о смене времен года, о грядущих морозах. Затронули бы и тему угасания человеческой жизни. Но картина Э. Булатова притягивает волшебством, ровной линией, симметричными частями. И в этом тоже тайна. Ведь в реальности редко можно увидеть идеально симметричную композицию. Художник копирует действительность и одновременно создает утопический странный образ. В картине нет человека. Но зритель физически ощущает его присутствие. Возможно, благодаря широкой графитной дороге и неестественно-белой ослепительной линии посередине.

С эпохи Возрождения художники открывали в своих работах острые проблемы времени, отражали современные взгляды на мир. Со сменой эпох появлялись новые жанры и техники, искусство перестраивалось вместе с человеческой деятельностью. Сейчас в искусстве все чаще стали поднимать тему смерти: в литературе, кино, театре, живописи. Хотя эта тема касается и самих форм искусства.

Когда видишь картину «Дорога», приходится признать, что говорить о смерти искусства рано. Остается надежда, что изобразительное искусство не умрет. Конечно, с течением временем станет понятно, займет ли картина «Дорога» место в галерее незабвенных мировых шедевров.

Пока можно только сказать, что Э. Булатов – один из современных художников, которые чувствуют, что волнует человека в наше время. Он может передать это с помощью красок и кисти. Прогресс накладывает отпечаток на жизнь человека. Люди всегда что-то ищут, им хочется нового – новых форм, образов, новых загадок. Картина «Дорога» отвечает на эти запросы. Но она отражает и суть времени.

АЛЕКСАНДР СОКОЛЬЦОВ, 3 курс магистратуры ИФИЯМ ИГУ

В ПОИСКАХ ПАШКИ

РАБОТА НАД РОЛЬЮ В СПЕКТАКЛЕ «ПРОШЛЫМ ЛЕТОМ В ЧУЛИМСКЕ»

Важной частью формирования образа персонажа в спектакле является подготовительная работа актера над ролью. Без понимания того, что хочет персонаж, невозможно создать достоверного и правдивого героя. Этот важный аспект является стержнем полноценного сценического образа.

Сергей Александрович Помазан – выпускник Иркутского театрального училища (2008 г.) по специализации «актер драматического театра и кино» (худ. рук. курса А.А. Булдаков). «Я не прекращал свою актерскую деятельность никогда, работал в разных театрах: драматическом, музыкальном, юного зрителя, пилигримов, своем собственном», – признается Сергей Александрович. В 2019 году в Иркутске Сергей Помазан открыл Театр внутренней практики (ТВП). И сделал первый набор учеников на театральные курсы. В репертуаре театра в год открытия было всего два спектакля – комедия «Скамейка» А. Гельмана и рок-притча по песням Queen «Кто-то по-прежнему любит тебя». В 2021 году ТВП вырос. Репертуар расширился, обучение прошли первые три группы театральной мастерской. Новые актеры выступили с учебным спектаклем «Прошлым летом в Чулимске» по пьесе А. Вампилова. Сейчас идет подготовка следующего выпуска – со спектаклем «Одна ночь» по пьесе Е. Шварца.

«Глубоко люблю и уважаю творчество Вампилова. Хорошо знаком с драматургией нашего великого земляка. Мы тщательно разбирали его тексты еще в театральном училище. Правда, с тех пор я к нему не обращался, и вот решил наверстать упущенное», – так объясняет режиссер выбор пьесы.

Актерская группа собралась разновозрастная и разношерстная: от архитектора до инструктора цыгун и тайцзицюань. Тем проще и одновременно сложнее формировать спектакль. В составе команды оказался и я. Назову весь наш состав: режиссёр-постановщик Сергей Помазан; зву-

кооператор Алексей Малинин; актёры: Шаманов – Вадим Катунцев; Валентина – Екатерина Миницкая, Мария Быцко; Хороших – Татьяна Серебренникова, Галина Крендясева; Кашкина – Татьяна Семенкова; Дергачев – Артур Перминов; Еремеев – Александр Кожевин; Пашка – Александр Сокольников; Мечеткин – Дмитрий Березовский; Помигалов – Сергей Помазан.

Учебная группа Театра внутренней практики. В центре (слева направо): Мария Быцко, Сергей Помазан, Екатерина Миницкая. Задний ряд: Александр Кожевин, Дмитрий Березовский, Татьяна Серебренникова, Александр Сокольников, Галина Крендясева, Вадим Катунцев, Татьяна Семенкова, Артур Перминов, Алексей Малинин.

Большинство ролей режиссер распределил еще до прочтения группой пьесы. Роль Пашки досталась мне по самой банальной причине: для возрастных персонажей мужчины нашлись, а самым молодым в группе на тот момент был я. Первые читки состоялись летом 2020 года в формате онлайн. Это был самый разгар пандемии, всех «заперли» по домам. В тот же период началось формирование ролей – мы выписывали из пьесы информацию по разделам: «Я о себе», «Другие обо мне», «Я о других». Это позволило актерской группе внимательнее и вдумчивее прочитать пьесу, глубже узнать персонажи.

Затем началась творческая работа: написание биографий и психологических портретов персонажей. Здесь можно было дать волю фантазии. Главным ограничителем для нас, конечно, оставалась пьеса. Наши поиски характера не должны были противоречить тексту Вампилова. Приведу как пример свой текст.

Биография Пашки

Пашка (Павел Хороших) – сын Анны Хороших, пасынок Афанасия Дергачева. Ему 24 года. Родился 6 апреля 1946 года. Отец – один из рабо-

тавших в Чулимске геологов. До 10 лет мать потакала Пашке в его капризах, чем избаловала его и испортила характер. В 1956 году после лагерей в Чулимск вернулся искалеченный Дергачев. После этого жизнь Пашки меняется. Дергачев видит в пасынке результат предательства Хороших. Пашка становится свидетелем постоянных скандалов, драк, где ему тоже частенько достаётся. Воспитание «пряником» меняется на «кнут»: подзатыльники, ремень и презрение. Несмотря на это, Дергачев учит Пашку работать с инструментом, охотиться (по мере физических возможностей из-за собственной травмы). Пашка учился в сельской школе. В старших классах увлекался геологией. Учился, в основном, на «тройки». Любимые предметы – физкультура, труд, география. В школе его часто дразнили «крапивником», отчего драки для него не были редкостью. Из-за своего происхождения он был чулимским «посмешищем», потому постоянно пытался доказать свою значимость и важность с помощью агрессии и физической силы. После окончания школы Пашка не пошел учиться дальше. В 18 лет его призвали в армию. После военной службы уехал в Иркутск и работал на стройке. До 1970 года в Чулимске не появлялся, только переписывался с матерью. Летом этого года приехал к матери в отпуск на месяц, когда и увлёкся Валентиной. Из-за скверного характера его попытки ухаживания за девушкой перешли в преследования и домогательства.

Психологический портрет

«Жестокий, инфантильный человек, которому важно доказать свою значимость. Привык достигать желаемого напором, идти напролом. Но за бравадой и бахвальством скрывается неуверенный человек, жаждущий внимания со стороны окружающих. Всякий, кто смеет его игнорировать, сталкивается с агрессией. Среди хороших качеств можно выделить целеустремлённость. Но из-за сбитого морального компаса и плохого воспитания это приводит к трагедии. Тяжело воспринимает критику, всегда ставит свои интересы выше интересов других людей».

На этом моменте мы остановились и ушли на перерыв до октября 2020 года. Осенью ограничения были смягчены, и у группы появилась возможность собираться вместе в стенах театра. Мы возобновили читки, а вместе с тем определили основную мысль спектакля: людям трудно найти путь друг к другу через собственные проблемы. С этим пониманием мы и вышли в «ноги». В течение следующих трех месяцев работа над спектаклем продолжалась. Два раза в неделю мы собирались в театре. Режиссер определял мизансцены, направлял наши поиски в сторону ответа на вопрос «Чего я хочу?».

Пока не было реквизита, музыки, костюмов, мне трудно давалась роль упрямого, самоуверенного, хамоватого молодого парня. Было некомфортно, я постоянно выпадал из роли. Но постепенно, репетиция за репетицией, я начинал понимать этого «искалеченного» парня. Пашка – жертва времени и воспитания своих родителей. Мать не научила его принимать отказы, а отчим показал пример жестокости, в котором физическая сила превыше всего. Стремлением Пашки стала любовь Валентины, но он не любит девушку. Она для него игрушка, которую надо получить любой ценой.

Первые репетиции. Слева направо: режиссер Сергей Помазан, Вадим Катунцеv в роли Шаманова.

Я ни разу не видел «Чулимск» на сцене. В голове не укладывался образ «чайной» и дома с мезонином. Единственное, что я четко различал среди условностей сцены – это палисадник и калитку. Через эти объекты с помощью действий проявлялись отношения персонажей к окружающему миру. Выбивая ногой калитку, Пашка с первых секунд показывает свое отношение к Валентине. Ведь он знает, что девушка постоянно ее чинит.

В конце января 2021 года спектакль был готов. Дело оставалось за малым: отработать сложные сцены, дополнить сформированные образы, сделать технические прогоны с музыкой и освещением. Декорации были готовы. В процессе воплощения мне труднее всего давался конфликт с Валентиной. Из-за крошечного опыта движения по сцене и внутреннего зажима не было веры в происходящее. К сожалению, на мой взгляд, эти эпизоды так и остались слабыми, хотя были скорректированы и отработаны на отдельных занятиях. Зато конфликты с Шамановым и Дергачевым вызывали внутри меня бурю эмоций. Эпизоды драки и осечки находили отклик и у зрителей.

Готовые декорации. Дмитрий Березовский в роли Мечеткина, Татьяна Семенкова в роли Кашкиной.

Расскажу, как видел взаимоотношения моего героя с другими персонажами.

Пашка и Хороших

Пашка любит мать. Именно к ней в Чулимск он приезжает после долгой разлуки. Но все-таки не получает те любовь и заботу, на которые рассчитывает. Мать раз за разом отправляет сына обратно в город. Хороших беспокоится о нем. Ее желание заключается в том, чтобы все вернулось на круги своя, как было до приезда сына. Пашка для отчима, словно красная тряпка для быка. «Только бы они друг друга не убили. Последнее время они что-то чересчур усердствуют», – замечает Шаманов, когда из чайной доносятся крики Хороших и Дергачева. Ситуация осложняется увлечением Пашки Валентиной.

Во втором акте конфликт Пашки и матери раскаляется. Внутри молодого человека кипит обида, собиравшаяся многие годы. И она доходит до крайности: «Кто виноват, мать?.. Говори... Откуда я взялся? Ты меня родила или не ты?». По ходу событий опасения матери оправдываются: Пашка совершает насилие над Валентиной. Теперь под угрозой стоит не только семейное благополучие, но и жизнь ее единственного сына.

Роль Анны Хороших в спектакле исполняли две актрисы: Татьяна Серебренникова и Галина Крендясева. Это две разных матери. Татьяна – мягкая и сочувствующая, Галина – строгая и экспрессивная. Не в каждом спектакле получалось довести конфликт до точки кипения. Но тогда, когда это удавалось, в зрительном зале повисала тишина, полная напряжения.

Пашка и Дергачев

Между отчимом и пасынком – стена взаимной неприязни. Винником непонимания является Дергачев, который видит в Пашке результат предательства Хороших. «Пашка родился сразу после войны, а Афанасий – он был в плену, потом на севере, вернулся только в пятьдесят шестом году... Ты подумай. До сих пор он не может ей простить, до сих пор страдает», – говорит Шаманову Кашкина. На сцене мы с Дергачевым встречаемся единожды: в эпизоде драки, когда Пашка вступается за Хороших. Конечно, в этой постановочной потасовке нет сложных движений, но она производила должный эффект на зрителей, поднимая градус напряжения.

Драка Пашки с Дергачевым. Слева направо: Артур Перминов в роли Дергачева, Александр Кожевин в роли Еремеева, Александр Сокольников в роли Пашки. Фото Ильи Сакулина.

Пашка и Валентина

Валентина испытывает неприязнь к Пашке. Его грубость, хамство, приставания заставляют девушку работать с оглядкой. Валентина становится жертвой собственной наивности и стечения обстоятельств. Она живет среди фантазий и несбыточных идеалов, которые разбивает сначала Шаманов, потом Помигалов. А завершает все Пашка. Пашка в спектакле три раза разговаривает с Валентиной до ухода с ней на танцы. Первый раз утром: прямо и грубо. Второй раз пытается убедить, рассказывая о своих достоинствах. Третий раз Валентина сама идет на разговор – из жалости к парню.

Весь спектакль мне приходилось держать в голове, что Валентина – это добыча. Выделив в роли игру в кошки-мышки, я изменил и свое взаимодействие с актрисами. На первых спектаклях у Пашки было больше агрессии, но потом я скорректировал ее так, чтобы взаимодействие с

Валентиной превратилось в игру, цель которой – сломить сопротивление девушки.

Пашка и Шаманов

Два молодых человека сталкиваются друг с другом три раза: утром в чайной, во время осечки и в финале спектакля. Каждая встреча – это противостояние. Первый раз Пашка, ощущая себя хозяином положения, угрожает Шаманову. Второй раз уже действует: нажимает на спусковой крючок. Третий раз сам Шаманов нападает на парня.

Для постановки на сцене пьеса была сокращена. Необходимо было уложиться во временные рамки, доступные для камерного театра. Кроме того, режиссер определил сроки сдачи работы, продиктованные коротким периодом актерских курсов. Отмечу, что пьеса не была переделана, только немного сокращена. Мы строго следовали тексту драматурга и режиссерской задаче.

Ну, а что в результате получилось виднее из зрительного зала.

ЕЛЕНА ЖДАНОВА, 1982 г.р., Иркутск

ВОСЕМЬ ДНЕЙ – ПЯТЬ ЭСКИЗОВ: «АКТУАЛЬНАЯ ДРАМА» НА СЦЕНЕ ДРАМТЕАТРА ОБЗОР РЕЖИССЕРСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ «АКТУАЛЬНАЯ ДРАМА» ДРАМТЕАТРА ИМ. Н. П. ОХЛОПКОВА

Осенью в Иркутском академическом драматическом театре им. Н.П. Охлопкова должен был пройти XIII Международный театральный фестиваль современной драматургии им. А. Вампилова. К сожалению, из-за пандемии и связанных с ней ограничений драмтеатр не смог принять на своей площадке театральные коллективы из других городов. Однако задуманная ещё весной режиссёрская лаборатория «Актуальная драма» состоялась. В ней приняли участие пять молодых талантливых режиссёров, которые адаптировали пьесы современных драматургов к формату академического театра. Поиски новых форм велись не только в области режиссуры и актёрской игры, но и в области театрального пространства. Театр заново открыл для себя преимущества классицистической архитектуры.

Смерть на фоне празднества

Первый эскиз публике представил Николай Берман – выпускник совместной режиссёрской магистратуры Школы-студии МХАТ и Центра им. Вс. Мейерхольда, ученик Виктора Рыжакова, выпускник Мастерской Индивидуальной Режиссуры Бориса Юхананова. На иркутской сцене он поставил эскиз по пьесе Ольги Мухиной «Олимпия». Николай Берман делал читку пьесы на фестивале «Любимовка» ещё в 2013 году, и вот, спустя восемь лет, привёз «Олимпию» в Иркутск.

Для постановки эскиза режиссёр выбрал основную сцену драмтеатра. Зрителей разместили на сцене, а местом действия – Олимпом, – стало сценическое пространство вокруг зрителей, партер, ложи бельэтажа и амфитеатр. На сцене перед зрителями находится обеденный стол, накрытый на четыре персоны. Поодаль, за столом, висит прозрачный занавес. Занавес одновременно служит и экраном для демонстрации архивного документального видео 80-х годов, и «железным занавесом», который по мере развития действия убирается, символизируя смену эпох. Архивная кинохроника давит на зрителя – крупным планом идут образы Брежнева, Михаила и Раисы Горбачевых, Софии Ротару, кадры олимпийского шествия, похороны Высоцкого. Советский гимн и официальные речи генсеков в постановке Бермана довлеют над живым человеком. Сквозь документ к

зрителю настойчиво пробивается тихий голос актёра.

Благополучная семья Стечкиных представлена в пьесе Мухиной бабушкой, мамой, папой и сыном. Их объединяет любовь к спорту и олимпийским победам. Ольга Шмидгаль, исполнительница роли бабушки, настолько уверенно существует в роли, что эскиз перерастает в спектакль. Вековой мудрости бабушки противопоставляется молодёжь, которая ничего не ищет и ни о чём не заботится. Молодняк с обоих берегов Москвы-реки гоняет на роликах в Александровском парке, парит в иллюзиях, стремится к наслаждениям, на дискотеках прокачивает через себя музыкальные хиты и кокаин. Артисты катаются на роликах в партере и вокруг зрителей по сцене, ходят на лыжах, и под аккомпанемент гитары поют песни. Лыжи и акустика становятся символами эпохи – олимпийских достижений родины и бардовских слётов шестидесятников.

Текст «Олимпии» соткан из значимых для страны событий. На беспристрастном фоне истории протекает жизнь советских граждан. Из предложенных фрагментов зритель как мозаику собирает историю собственной семьи. В этом и оказывается художественная сила воздействия спектакля на публику. После просмотра иркутяне ещё долго обсуждали эскиз Николая Бермана, споря о впечатлениях, разбираясь в собственных чувствах, режиссёрских приёмах и актёрской игре.

На Марсе будут яблони цвести!

Следующим стал эскиз Андрея Шляпина – выпускника ГИТИСа, мастерской профессоров Евгения Каменьковича и Дмитрия Крымова. Он работал с пьесой Дмитрия Калинина «Кое-что о том самом и не только...».

Для постановки эскиза режиссёр выбрал камерную сцену. Из реквизита на сцене доминировали офисные вещи: принтер, стол, кресло на колёсиках, кулер для воды. По всему полу валялась листовая бумага для офисной техники. Посередине зала находились ширмы-двери, обтянутые прозрачной тканью. Сбоку стояла металлическая кровать с пружинной сеткой.

Кровать резко выделяется на фоне пластмассовых вещей. Так же, как выделяются одетые в строгие деловые костюмы взрослые люди с репликами семилетних детей. На противопоставлении детскости-взрослости выстраивается динамика спектакля – герои в одно и то же время существуют в условном пространстве офиса и в старом дворе с фонтаном, где, будучи детьми, строят космический корабль для полёта на Марс.

Появление актёров на сцене из-за ширмы, обтянутой легко рвущейся тканью, создаёт комическую рамку спектакля. Энергичный напор

актёрской игры сразу входит в конфликт с инертной средой обитания героев. Заслуженный артист России Александр Братенков в роли Димки полон задора, озорства и любознательности. Он летает на тросе, дерётся с Серёгой, после драки ходит в рваной штанине с выглядывающим из ботинка голубым носком и с разодранным плечом рубахи, разговаривает с Кукой на языке междометий. Андрей Винокуров в роли дворового хулигана Серёги играет на комическом несоответствии внешности возрастного актёра и юношеской запальчивости – старик с сединой, катаясь по полу в деловом костюме, отчаянно лупит Димку, нанося удары вслепую. Валерий Жука в роли Куки правдоподобно воспроизводит тот рубеж возрастной беспомощности, когда дети и старики настолько похожи друг на друга, что о них говорят «что стар, что млад». Заслуженный артист России Игорь Чирва в роли Вовки носит роговую оправу с заклеенным пластырем правым «глазом», пятится, прячется за спину Димки, сидит на железной кровати и мечтает о полёте на Марс. Для воображения ребёнка открыт весь мир, все впечатления для него внове, знания ещё не сужают полёт фантазии, поэтому вентилятор или уют вполне могут стать запчастями для ракеты, а кровать – звездолётом.

Сила театральной условности пробудила в зале «то самое», что не определяется ни материей, ни действиями, но рождается здесь и сейчас, во время совместно проживаемой актёрами и зрителями истории. Эскиз имел оглушающий успех. Драмтеатр взял его в работу, и в декабре спектакль Андрея Шляпина вошёл в текущий репертуар театра.

Магия бессмысленных движений

Александр Баркар – выпускник Луганского государственного института культуры и искусств. Он работал над эскизом по пьесе белорусского драматурга Дмитрия Богославского «13 первых правил баскетбола, сформулированных Джеймсом Нейсмитом».

Четвёртая сцена вместила в себя странную трагедию о банальной измене и продуманной мести. Скрытые между персонажами противоречия режиссёр решил передать через танец. Но импульс движения у артистов не совпал с текстом пьесы. Артисты произносили реплики, бегали, катались по полу, стояли, лежали, синхронно двигались, меланхолично смотрели в одну или разные стороны, стояли лицом, боком или спиной к зрителю. Отстранённость артистов от произносимых фраз подчёркивала фальшь интонации. Пластическое решение эскиза визуально воспроизводило тот бытовой ад, в котором существуют персонажи. В итоге зрелищность вытеснила сюжет на второй план. Разрыв между заурядным высказыванием и абстрактными движениями оказался настолько велик,

что и без того неглубокие смыслы пьесы оказались искусственно закопаны в чрезмерную телесность. Мне было неинтересно расшифровывать движения, которые что-то символизировали, и связывать их с репликами, которые что-то означали. Если мысль нужно было протанцевать, то текст Богославского стал лишним. Если мысль нужно было донести через живое слово, то движение сделало послание мёртвым. Если «скука» была запланирована режиссёром как художественное средство, то в большинстве своём зритель не воспринял этот «приём».

Оковы разума

Следующий эскиз подготовил Евгений Закиров – выпускник ГИТИСа (мастерская профессора Сергея Женовача). Он работал с пьесой французского драматурга Флориана Зеллера «Папа».

В квадратуре Второй сцены режиссёр создал поле памяти, где еле теплится гаснущий рассудок главного героя. Сергей Дубянский в роли Андрэ играет бескомпромиссно, беспощадно, «на разрыв аорты». Артисту удаётся потрясающее перевоплощение в восьмидесятилетнего мужчину, страдающего деменцией. Душевную боль он передаёт в растерянном взгляде, блуждающем по незнакомым лицам; в упрямстве, с которым он отказывается от сиделок; в галантности, с которой Андрэ флиртует с молодыми девушками. Весь мир распадается на эпизоды, которые между собой связывает только его дочь Анна.

Дуэт Татьяны Фроловой и Сергея Дубянского до предела наэлектризован тяжёлым противостоянием отца и дочери. Причины не ясны. Конфликт, как сжатая пружина, только и ждёт внешнего толчка, чтобы распрямиться со всей силой скрытого сопротивления. Но освобождения не происходит. Ясности не наступает. И тогда неестественную тишину сменяет сумасшедшая чечётка, которую выбивает Сергей Дубянский. Чечётка, как дробь, оглушительно разносится в пространстве, где истошно кричат чайки, с которыми только и остаётся «разговаривать» герою.

Пришёл, увидел, убил

Последний эскиз представил Виктор Стрельченко – выпускник ГИТИСа, мастерской профессора Олега Кудряшова. Он работал с пьесой немецкого автора Дэа Лоэр «Синяя борода – надежда женщин», написанной ещё в 1997 году.

Для постановки эскиза был выбран подвал драмтеатра. Зрители долго шли в потёмках по длинным коридорам старинного здания, где на каждом повороте их встречали капельдинеры с предостережениями «берегите голову» или «здесь ступенька». В некоторых углах стояли лам-

пы-свечи. Обстановка должна была создать атмосферу мистики и ужаса, но вызывала только смех. Всё это напоминало бюджетное обаяние квест-комнат с поисками ключей.

Анфилада подвального помещения как нельзя лучше подходила для формирования сюрреалистической атмосферы постановки. Массивные монументальные арки привносили в спектакль средневековый колорит. Холод и темнота физически погружали в проживание сюжета. Все предпосылки для удачного эскиза были соблюдены.

Начало действия тоже было многообещающим. На фоне арок в темноте высветился силуэт молодого человека, закапывающего труп. Звук лопаты гулко разносился под сводами помещения.

Завязка конфликта относится к моменту встречи в парке Синей Бороды и прекрасной незнакомки. Представившись Юлией, девушка предлагает ему съесть мороженное, покататься на роликах и спустя два часа после знакомства – жениться на ней сей же час, симитировав брачные клятвы. Синей Бороде по душе свободолюбие Юлии, и он вступает с ней в игру, правил которой не понимает. Юлия, сославшись на скоротечность жизни, травится у него на глазах. Вкусив неотразимый яд жестокой игры, Синяя Борода не может остановить поток женских смертей, которые нарастают вокруг него как снежный ком.

Драматург Дэз Лоэр, делая своего героя чуждым обществу, продолжает традицию Кафки, Камю и Зюскинда. Синяя Борода обладает диковинным запахом, который является аналогом необычайной красоты. Запах гипнотически воздействует на женщин, возбуждает в них тоску по идеальной любви, заставляет их преследовать источающий запах объект вожделения. Дэз Лоэр выворачивает наизнанку образы массовой культуры, превращает Синюю Бороду в жертву, а женщин – в одержимых страстью невротичек. Ни один из персонажей не останавливается перед искушением: женщины – безумно влюбляются, мужчина – убивает. Красота меняется местами с уродством, делая Синюю Бороду печальным убийцей женщин.

Однако в рамках постмодернистического театра режиссёр начал играть на поле психологического театра. Всё сползло в мелодраматические женские монологи, вялые попытки Синей Бороды отбиться от назойливых поклонниц, несмешной юмор и в череду унылых образов из трупов жён Синей Бороды, сыгранных студентками Иркутского театрального училища, которые на заднем плане монотонно ходили туда-сюда, твердя свои реплики. Реплики гулко разносились по помещению, из-за чего слов было не разобрать. Да и не было никакого желания в них вслушиваться, ведь обстоятельства в пьесе не играют никакой роли.

И в заключении...

Несмотря на объективные сложности, первая режиссёрская лаборатория прошла удачно. Отобранные на проект пьесы отразили двадцатилетний период в развитии новой драмы. В фокусе внимания оказались пьесы не только русских, но и французского, немецкого и белорусского драматургов. Эскизы продемонстрировали разнообразие режиссёрских школ и методов работы с актёрами и зрительским вниманием. С академической сцены драмтеатра прозвучали вопросы, которые сегодня волнуют авторов: место человека в истории и его возможности (или нет) влиять на свою жизнь, детство и роль воображения в жизни человека, проблемы памяти, взаимоотношения между поколениями, мораль общества потребления. То, с каким увлечением в лаборатории приняли участие актёры драмтеатра, и с каким интересом немногочисленные зрители встретили её результаты, сигнализирует о запросах театрального сообщества на нашу повседневность, которую можно найти в современных текстах.

О РАССКАЗАХ МАКСИМА ЖИВЕТЬЕВА

ДАРЬЯ ЖЕЛВИС, 4 курс ИФИЯМ ИГУ

КРИТИЧЕСКИЙ ОТКЛИК НА РАССКАЗЫ МАКСИМА ЖИВЕТЬЕВА

Казалось бы, тема ценности человеческой жизни достаточно не нова для литературы любого периода. Много сказано об этом, много написано, много показано на сцене... Но как же свежо выглядит «вечная тема» в исполнении Максима Живетьева!

Три совершенно разных и по общему настроению, и по масштабу ситуации – рождение котят и последующая гибель отца семейства, чудесное исцеление от чумы, разговор с пожилой женщиной. Абсолютно не похожие друг на друга герои. Разные обстоятельства, при которых происходили описанные ситуации. Но, конечно же, неслучайно эти рассказы вышли в одном номере. Одно обстоятельство все-таки общее в каждом из них – герои не ценили то, что имели. Не ценили свои жизни.

Люди – «глупые, однако, твари». В первом рассказе умнее всех оказывается кошка, которая «знает, как жить и чего делать». Она не растратила себя на какие-то глупости, не теряла времени зря, не искала какой-то «великий смысл в жизни» – просто жила. И успела многое. Утонувший Костя же остается на земле еще на двести лет не столько, чтобы «проследить за своим потомством», а для того, чтобы прожить то, что он прожить не успел в погоне за таинственным «чем-то».

Во втором рассказе также поднимается тема ценности человеческой жизни, однако немного в другом аспекте – через выживание. Интересно то, что Аня бежит от родителей, потому что испугалась чумы. И Митяй, в сущности, от нее тоже бежит. Почему же он выживает? Аня испугалась, поставила свою жизнь выше других из-за страха. Митяй же ради нее рискнул, согласившись на побег. Он до последнего находился с Анютой, даже когда уже понял, что она тоже заразилась. Здесь к теме ценности человеческой жизни добавляется еще одна, не менее важная – тема борьбы. Осознать, насколько важен каждый миг, невозможно, не пройдя при этом через какие-то трудности.

Третий рассказ особенно актуален для нашего времени. С помощью рассказа о жизни Капиталины Васильевны Костя осознает, что ценны не вещи, деньги, должности, а воспоминания, эмоции. Никто не вспомнит человека, одетого в красивые «тряпки», но Капиталина Васильевна помнит, с кем работала, какие песни она пела... Важно оставить о себе какие-то воспоминания, а не материальные ценности. Стоит отметить и то, что в представленных рассказах есть сразу два Кости – в «С

видом на Байкал» и «Казацкий чуб». Возможно, это один и тот же герой, который хотел бы изменить свою жизнь, но все-таки не успел?..

Также обращает на себя внимание сам язык Максима Живетьева. Он, казалось бы, весьма простой – мы не видим какого-то избытка художественных средств, «плетения словес», но какой же он яркий! Каждая реплика выглядит «настоящей», нет ощущения искусственности или несоответствия языка описываемой действительности.

Еще стоит отметить, что у Живетьева психологизм героев раскрывается через какие-то вещи или через портрет. В его рассказах нет подробного погружения во внутренний мир персонажей, но оно и не требуется – гораздо более полно обреченность той же Анюты и катастрофичность их с Митяем идеи раскрывается через ее мокрый лоб, больные глаза, истерики, через кролика, которого сырым съедает Митяй, чем если бы это было долгое и грустное рассуждение о скорой смерти девушки.

В целом, можно сказать, что Максим Живетьев очень интересный и необычный молодой писатель, который со временем определенно войдет в ряды классиков.

СВЕТЛАНА СОЛОВЬЁВА, 4 курс ИФИЯМ ИГУ

КРИТИЧЕСКИЙ ОТКЛИК НА РАССКАЗЫ МАКСИМА ЖИВЕТЬЕВА

Если бы меня спросили, какую ценность представляют рассказы Максима Живетьева для современного читателя, то я бы в первую очередь обратила внимание именно на его реалистичное изображение деревни и обилие философских проблем, раскрывающихся на фоне сложной жизни деревенского человека. Как мне показалось, тема деревни – одна из основных тем, на которую обращал свое внимание писатель. Конечно, эта тема не является новой, но Максим Живетьев раскрывает ее под особым углом.

Нельзя не отметить, с каким знанием атмосферы деревенской жизни представляется в его рассказах жизнь людей. Ощущается предельная близость писателя к той среде, о которой он говорит, потому что только человек, знакомый со всеми тонкостями жизни в деревни, смог бы так способствовать погружению читателя в это непростое пространство и заставить его прочувствовать тяжесть жизни деревенского человека.

Обращает на себя внимание и глубокая философичность рассказов писателя. И в «Казацком чубе», и в «Чуме в станице», и «С видом на Байкал» пусть и по-разному, но раскрывается одна из центральных проблем философии экзистенциализма – проблема смысла жизни. Общим

является то, что герои рассказов Максима Живетьева начинают всерьез задумываться о бытии, смысле жизни, о своем месте в этом мире, лишь столкнувшись в прямом смысле и косвенно со смертью.

Это наиболее явно видно в рассказе «Казацкий чуб», где герои, покинув земной мир и оказавшись в некотором пограничном состоянии, что, кстати, также отсылает читателя к экзистенциальной философии, рассуждают о том, как нужно прожить жизнь и какие у человека должны быть ценности. «А што. Один у всех путь – в могилу. Главное, как ты этот путь прошел, справедливо ли, по-правильному, – али нет. Самое ценное на этом белом свете что? Сохранение рода человеческого, если так угодно». Стоит отметить, что здесь писателем затрагивается и еще один аспект философии – аксиологический.

Косвенно со смертью сталкивается и герой рассказа «С видом на Байкал», пришедший на деревенское кладбище. Именно оказавшись в этом месте, он, как мне изначально показалось, очень рациональный, практичный, твердый и в чем-то циничный, зачинает задумываться о том, как мы живем и на какие жизненные ценности опираемся. «Вот как мы живем? Чем свою жизнь меряем? – задумался вдруг Костя и подпер собой кладбищенский забор, выкрашенный голубой краской. – Работой? Должностями? Тряпками? Домами? Или что о тебе потом на поминках вспомнят? Чем? Чем можно эту жизнь измерить? И никто тебе этого не скажет, в чем он, этот загадочный смысл жизни». На мой взгляд, в этих строках и заключена основная идея данного рассказа, которая просвечивается, так или иначе, и в других его произведениях. Идея о том, что перед человеком всегда стоит какой-то важный выбор: выбор ценностей, выбор жизненной философии, согласно которой он будет следовать, выбор смысла жизни. И в данном рассказе, и в «Казацком чубе» очень тонко отмечается, что человек порой выбирает ложные ценности или не ту дорогу. В этом вновь можно увидеть некоторые экзистенциальные идеи.

Интересна и система образов писателя. Так, меня привлек сквозной образ воды, присутствующий и в «Казацком чубе», и в «Чуме в станице», и «С видом на Байкал». В первом рассказе образ воды достаточно амбивалентен. С одной стороны, вода представлена как метафора исчезновения, опасности и смерти, так как главный герой погибает именно в водоеме. С другой стороны, вода – начало жизни «сквозь дремоту Костя почувствовал, как рядом с ним стремительно расплзается мокрое пятно: на божий свет собирались появиться котятка». Кроме того, одним из фундаментальных значений воды является значение неизмеримой мудрости. Этой мудростью, на мой взгляд, обладает умерший Матвей, который как раз и стремился поделиться ею со своим покойным сыном.

В «Чуме в станице» образ воды не столь яркий, то также присутствует и имеет значение смерти. Вода в этом рассказе – это капельки пота, проявляющиеся на лбу умирающей Анюты.

В рассказе «С видом на Байкал» вода, как мне показалось, образ, воплощающий в себе нечто, способствующее пробуждению человека и начинанию чего-то нового. «Костя дошел до воды и присел на берегу: «А может тем, что ты для этого мира хорошего сделал? О чем даже и не вспомнит никто? А оно, дело твое, останется?». Откинув невольные думы, Костя расправил плечи, снял рубаху и пошел купаться в ледяной Байкальской воде».

Интересен и выбор героя, который взаимодействует с водной стихией. И в данном рассказе, и в «Казацком чубе» главного героя зовут Костя. Можно предположить, что образ данного героя – переходящий, и в этих рассказах читателю представляется один и тот же человек, но в разные периоды его жизни.

Если же говорить о художественном своеобразии рассказов Максима Живетьева, то нельзя оставить без внимания язык, простой и местами разговорный, обилие фразеологизмов и метафор. Элементы из разговорного стиля, конечно, встречаются именно в диалогах героев. Своеобразен и синтаксис, который также в полной мере передает устную разговорную речь. В некоторых случаях писатель намеренно нарушает орфографическую норму, опять же с целью передать особенности языка жителей деревни. Обращает на себя внимание и натурализм, с которым писатель описывает происходящее.

Но в большей степени рассказы Максима Живетьева меня привлекли все же именно своей глубокой философичностью и неисчерпаемым количеством философских проблем, которые весьма трудно осветить в рамках одной небольшой работы. В его рассказах затрагиваются: экзистенциальная философия, аксиология, онтология, этика, гносеология. В рамках этих аспектов можно выявить еще множество различных тем. Нельзя не сказать и о преобладающей в его рассказах христианской тематике. Образная система его рассказов тоже весьма разнообразна, но для меня именно образ воды показался самым интересным. И конечно, стоит еще раз отметить, с каким знанием тонкостей деревенской жизни и особенностей людей, проживающих в деревне, Максим Живетьев выстраивает свои произведения.

АНАСТАСИЯ ЛУШЕВА, 4 курс ИФИЯМ ИГУ

КРИТИЧЕСКИЙ ОТКЛИК НА РАССКАЗЫ МАКСИМА ЖИВЕТЬЕВА

Творчество М. Живетьева пронизано национальным колоритом: описание природы, сознания героев, передача их устной речи – всё это помогает прогрузиться в пространство произведений.

Колорит встречает читателя ещё с самых первых строк – с названия рассказов. «**Казацкий чуб**», «**Чума в станице**», «**С видом на Байкал**» – каждое название настраивает на определённое пространство. При этом пространство не кажется чуждым: при прочтении создается впечатление полного погружения в атмосферу произведения – будь то дом с Муськой, базар или дом Капиталины Ивановны.

Пространство мифологизировано, везде есть центр, вокруг которого происходят основные события.

Стиль повествования по форме достаточно прост – много просторечий, помогающих передать как речь героев, так и их особенности поведения. Особенно ярким примером является базар в «Чуме в станице», где автор точно передаёт речевое поведение женщин в станице. Благодаря простому стилю создаются образы «простых» героев. При прочтении чувствуется схожесть с деревенской прозой, однако, возможно, это всего лишь сходство, а не подражание. Хочется отметить лаконичность повествования – автор не вдаётся в глубинно-подробное описание пейзажей, предметов интерьера, одежды, внешности персонажей. Эта лаконичность привлекает читателя. Автор описывает только то, что является важным для раскрытия сюжета, ведь всё-таки он играет важную роль в творчестве М. Живетьева. Таким образом, описание имеет фабульную функциональность. Благодаря интересному, быстрому развитию сюжета автору удаётся завлечь читателя.

Наряду с простотой повествования присутствует и глубокая философичность. В «Казацком чубе» практически стираются границы между живыми и мёртвыми, что создаёт картину взаимосвязи всего живого. Также в эту картину автор добавляет и животных: чувственных, понимающих. Они тесно связаны как с внешним, так и с внутренним миром героев. Животные раньше начинают понимать то, что люди осознают лишь в зрелом возрасте. А это осознание связано со смыслом жизни – герои после смерти задумываются об этом и дают ответ на такой сложный вопрос. Главный герой – Костя – оказывается вневременным, после смерти ещё двести лет наблюдает за своим родом – тем самым вливаясь в «главного героя» своей жизни – в свой род.

Рассказ «Чума в станице» также раскрывает тему смерти. В самом начале произведения главный герой – Митяй – говорит о том, что от смерти убежать нельзя – здесь автор раскрывает **внутренний** мир казака. Тем не менее, герой в действительности сбегает от смерти вместе с Анютой, но смерть всё равно настигает возлюбленную главного героя. Так, с помощью **внешних** обстоятельств, читателю демонстрируется, что от смерти не убежишь.

Последний рассказ («С видом на Байкал») несколько отличается от предыдущих – в нём присутствует другое пространство – Байкал. И если рассматривать произведение в парадигме деревенской прозы, то оно будет максимально приближено к этому течению: задеваются темы русской деревни (дома, которые могут потом «под дачу снести»), проявляется русский народный характер (рассказы Капиталины Ивановны о своей жизни, её связь с историческим прошлым). При этом присутствует поколенческая проблематика, которая реализуется в отношениях: мать–сын и тетя–племянник. Создаётся впечатление «глухости» между поколениями: на реплику племянника об экологических проблемах Капиталина Ивановна отвечает совершенно тематически несвязанной репликой про покос – у героев отсутствует обратная связь. М. Живетьев достаточно умело показал эту «стену» (не железную, а пока ещё деревянную, с большими щелями) между поколениями: во многом это обусловлено развитием техники, сменой идеалов и т.д.

Все рассказы М. Живетьева связаны с темой смерти – автор мастерски её раскрывает, не делая из произведения трагедии.

Однако возникает несколько вопросов: насколько актуальны эти произведения? Насколько они понятны и интересны **современному** читателю? Почему они так схожи с парадигмой советской литературы второй половины XX века? Нельзя ли сказать, что тематика уже довольно глубоко была раскрыта ранее?..

ДАРЬЯ ГУЩИНА, 4 курс ИФИЯМ ИГУ

КРИТИЧЕСКИЙ ОТКЛИК НА РАССКАЗЫ МАКСИМА ЖИВЕТЬЕВА

Рассказы Максима Живетьева – это небольшие по своей форме произведения, основанные на описании бытовых ситуаций с философской подоплёкой. «Казацкий чуб», «Чуму в станице» и «С видом на Байкал» объединяет онтологическая тема – тема жизни и смерти, вопрос человеческого существования.

В конце рассказа «С видом на Байкал» Костя, гуляющий по берегу

озера, задаётся вопросами: «Вот как мы живём? Чем жизнь свою меряем? Работой? Должностями? Тряпками? Домами? Или что о тебе потом хорошего на поминках вспомнят? Чем? Чем можно эту жизнь измерить? И никто тебе этого не скажет, в чем он, этот загадочный смысл жизни. А если вдруг и скажет, даже если красиво сформулирует – всё одно глупо и неправильно покажется». Эти вопросы красной нитью проходят через все три рассказа.

В целом, философские проблемы, затрагиваемые в произведениях любых авторов, не могут не вызывать интерес, поскольку философия задаёт только те вопросы, которые актуальны на протяжении всего существования человечества. В рамках творчества Живетьева это представляет интерес ещё и потому, что его герои и персонажи – обыкновенные, даже «простые» люди из народа, которые не просто живут – они размышляют о своей жизни, о её хрупкости, о её разном для каждого значении.

Поднимается персонажами тема рода, которая тесно связана с жизнью конкретного человека. Так, в рассказе «Казацкий чуб» отец и сын встречаются на том свете и обсуждают смысл жизни. Дед Матвей – отец Кости – считает, что главное – это оставить после себя «след» на земле в виде своих детей. «Самое ценное на этом белом свете что? – обращается он к сыну, – сохранение рода человеческого, если так угодно. Продолжение рода своего. Тут я снимаю шапку: ты для этого всё сделал... Вон Муська – тоже старается, надрывается, рожает и рожает. Как ей не надоест. А ведь правильно делает. Тут она умнее нас будет: знает – как жить и что делать». Дед наказывает сыну, чтобы тот присматривал за своим родом до тех пор, пока его душу не заберут «наверх». Поэтому мы видим Костю через двести лет, также охраняющего своих потомков, уже перебравшихся в Сибирь.

Один из излюбленных принципов М. Живетьева – это принцип монтажа. Автор, «не успев» закончить описание одного пространства, резко переводит нас на другое, тем самым усыпляя бдительность. Именно поэтому смерть Кости из рассказа «Казацкий чуб» становится для читателя полной неожиданностью.

Посредством «монтажности» М. Живетьев создаёт целостную картину художественного пространства, позволяет читателю оказаться сразу в нескольких точках одновременно.

Отсутствие деталей и даже некоторую сжатость в описании нельзя поставить в укор М. Живетьеву, поскольку это, в частности, обусловлено выбором формы произведения. Думаю, главное – то, что намеченное им укладывается в несколько страниц рассказа.

Произведения, на мой взгляд, рассчитаны на неискущённого чита-

теля, но вместе с тем встречаются и моменты недосказанности в финале рассказов, отчего у меня сложилось впечатление о том, что определённо в них заложен ещё какой-то смысл, который я не смогла извлечь. При перечитывании некоторых эпизодов приходилось «реконструировать» сюжет. Например, в произведении «Чума в станице» Аля говорит своему умирающему отцу о том, что отцом её ребёнка является Матвей, который тем временем находится с уже больной Аней и даже не думает об Але. Не думает даже и тогда, когда возвращается. Аля говорит Матвею о том, что именно ему придётся принимать у неё роды, и эта недосказанность, эта форма намёка порождает определённую двусмысленность.

Подытоживая, хочу отметить, что рассказы вызвали определённые эмоции, в голове возникали картины при прочтении, поэтому произведения, несмотря на некоторые недочёты, можно высоко оценить и пожелать автору творческого процветания.

ДАРЬЯ АНДРЕЕВА, 4 курс ИФИЯМ ИГУ

КРИТИЧЕСКИЙ ОТКЛИК НА РАССКАЗЫ МАКСИМА ЖИВЕТЬЕВА

Я прочитала три рассказа Максима Живетьева «Казацкий чуб», «Чума в станице», «С видом на Байкал», опубликованные в журнале «Азь-арт», выпуск №1, 2020 г.

Все три рассказа затрагивают актуальную на все времена тему жизни и смерти. В первом – «Казацкий чуб» – эта тема проявляется наиболее явно, в совокупности с темой смысла жизни и темой продолжения рода. Рассказ говорит нам: «Смысл жизни – продолжение и сохранение рода, забота о детях, внуках и правнуках», и с этой мыслью нельзя не согласиться. Также хотелось отметить, что этот рассказ хорошо бы лёг в сценарий фильма: эпизоды перемежаются друг с другом, чётко описаны пространство и действия героев (когда я впервые прочитывала «Чуб», я представляла этот берег, с которого вошел в воду Костя; избу с Любашей и детьми, кошку и котят). Сюжет строится линейно, присутствует какая-никакая развязка событий. Образы героев яркие, речь подчеркивает их индивидуальность.

Второй рассказ о чуме содержит в себе те же достоинства, что и «Чуб»: последовательный сюжет, эпизоды с хорошо описанным пространством, диалогами и действиями персонажей видятся мне в виде сценария фильма (даже удивительно, что такое маленькое произведение как рассказ под пером Живетьева рисует такие яркие картины, которые легко представляются в виде фильма). Тематически, как было описано выше,

«Чума в станице» продолжает тему жизни и смерти, включая в себя очень серьёзные тезисы: «От смерти не убежишь. Всё равно настигнет», и раз суждено умереть, то неминуемо погибнешь (Аня пыталась сбежать от чумы, бросила больных отца и мать, но всё равно сама заболела и умерла). Но, не смотря на ужас ситуации, в рассказе главенствует витальная тема, заканчивается рассказ на положительной ноте (Аля носит ребёнка, и Митяй возвращается к ней, чтобы растить с ней этого ребёнка).

Рассказ «С видом на Байкал», посвященный Капиталине Ивановне Суворовой, завершает триаду. В нём задаются такие вопросы, как «Чем можно эту жизнь измерить? В чём смысл жизни? Что сделал человек хорошего для мира? И что останется после него?», затрагиваются важные на сегодняшний момент тема вымирания деревень и тема экологии города. С точки зрения сценария к фильму рассказ представляется в меньшей степени, чем предыдущие два: он достаточно короток, финал открытый, персонажи, пространство и действия персонажей не настолько ярки, чтобы «нарисовать» законченный фильм.

Знакомясь с творчеством современного автора и прочитывая его тексты, я получила массу удовольствия.

Гость номера: поэзия

АЛЕКСАНДР ТИХОНОВ, 1990 г.р., Омск

Родился 19 мая 1990 года в п. Большеречье Омской области. Живёт в г. Омске. Заведующий экскурсионным отделом Исторического парка «Россия – моя история» (г. Омск). Произведения публиковались в журналах: «Наш современник», «Роман-газета», «Молодая гвардия», «Сибирские огни» и др. Автор книг стихов «Облачный парус» (Омск, 2014) и «На вечном наречье» (Омск, 2020), романов «Охота на зверя» (М: АСТ, 2016) и «Синдром героя» (М: АСТ, 2017), соавтор научно-популярной книги «Сила Сибири. История Омского края» (Омск, 2016) и пьесы для детей «Волшебный планшет Джинна» (2017).

Лауреат литературных премий: им. М.Ю. Лермонтова (Тарханы, 2015), им. Ф.М. Достоевского (Омск, 2015), «В поисках правды и справедливости» (М., 2016), «Русские рифмы» (СПб, 2018).

ПЕРЕМЕШИВАЯ СЮЖЕТЫ

* * *

Татьяне Мальгавко

Этот дом – смешенье надежд и судеб,
Встреч и расставаний... И новых встреч.
Дом на Александровской. Он, по сути,
Помогал поэтам талант сберечь.

Здесь по воскресеньям кипели споры,
И звучало слово на все лады.
Творчество легко выпускало споры,
Заражая дерзостью молодых.

Старый «Дом Учителя» – в самом деле
Больше, чем четыре его стены.
Я приехал в Тару в конце недели,
В это средоточие старины,

Тишины, покоя, знакомых ставен.
И пошёл, горчащей тоской ведом,
То ли отыскать, что я здесь оставил,
То ли поглядеть на знакомый дом.

Я не к храму шёл, как любой приезжий,
Не к домам купеческим, не в музей.
Я пришёл на свет, что отныне брезжит
В каждой новой книге моих друзей.

* * *

Пушкин кукушке читает стихи в ночи –
Всё, что успел срифмовать на своём веку.
Птица отчаянья слушает и молчит.
Копится в клюве последнее злое «ку».

Видит кукушка насквозь его, на прострел:
Мальчик кудрявый с морщинками возле глаз.
Он до сих пор царскосельский лихой пострел,
Хоть уверяют: «Повеса и ловелас...»

Сколько кукушка молчала ему в плечо,
Сколько чужого свинца пролетело, но
Пушкин вдруг смолк... Неужели, там кровь течёт?
Чёрная речка бела, а кругом темно.

Чур тебя, смерть! Не бывать тебе, не бывать!
Он ведь певец твой, воспевший недавний мор...
Только кукушка не думает куковать.
Каплет из клюва могильное: «Не-вер-мор».

Нет, не бывать!.. Но судьба сосчитала дни.
Мечется, бредит, предсмертные муки для.

Чудится, няня склонилась в ночи над ним:

– Саша, кому ты читаешь?

– Читаю для...

* * *

Наш будний мир нелепей и опасней,
Чем русской сказки красочный лубок:
Пока лиса ворону кормит басней,
Из клюва ускользает колобок.
Он сказку припечатывает крепко,
Да так, что мир потом трясёт всюю...
Дед тянет невод с золотою репкой,
Не понимая, что творится сюр,
Кощей иглу меняет на корону,
Учёный кот скрывается в лесах,
И снова провоцирует ворону
Голодная матёрая лиса.

* * *

В небе маячит луны апостроф –
Краткая форма её самой.
Близость беды ощущая остро,
Наш Одиссей покидает остров,
Выкрикнув: «Выиграем, и домой!»

Знал бы скиталец, как мир устроен,
Он бы бежал от постылой Трои,
Словно бы от огня!
Но Агамемнон зовёт в атаку.
Значит, пора покидать Итаку
Нынче, на склоне дня.

Царь остаётся в умах у черни
Густобородым, в лучах вечерних,
Мчащим навстречу с тьмой.
Скупое ответил прощальным взмахом
Он Пенелопе и Телемаху.
Он возвратится из бездны страха
К близким своим, домой.

Но, как гекзаметр, непокорен
Город, принёсший и смерть, и горе.
Троя – одна беда.
А за стеной его ластят море,
Чтоб деревянным конём стать вскоре,
Греческие суда.

Ты был не первый и не последний –
Давних напевов слепой наследник,
Голос времён, Гомер.
Где в наше время твоя Эллада?
Где же поэмы и где баллады?
Кто для живых пример?

В землях, где жаркий пустынный климат,
Бьются за нефть и «Гомер», и «Шлиман».
Как тут писать стихи?
И позывной «Одиссей» в эфире
Слышен с земли и богам в Эфире.
– Ну же, ответь, Ахилл!..

Главный рубеж обороны вспорот.
Группа спецназа заходит в город,
Гектору на беду.
Стой, Одиссей! Не мечтай, не ведай.
Что там последует за победой,
Видится лишь в бреду.

Всё как в поэме, и даже хуже:
Ты будешь ранен, притом контужен,
И упадёшь во тьму.
Густобородый, в разгрузке пыльной,
Слыша сражения гул могильный.
Ты не спеши к нему.

Ждут тебя близкие, ждёт Итака.
Рядом, в угаре, идёт атака.
Нефть подросла в цене!
Лишь на рассвете отыщут двое,
Вынесут раненого из боя.
Не отдадут войне.

Годы пройдут, и тогда из комы
Выйдет на свет пациент искомый,
Вспомнит, как долго он не был дома –
Десять тяжёлых лет.
Как же отчаянно тянет к жёнам
Их: Одиссея, Ивана, Джона...
Общей судьбы скелет.

Позже Гомер, веря в чудо слепо,
Трою восславит, а с ней – Алеппо,
Всё намешает власть.
Тысячи лет как одно мгновенье.
Лишь у творца как по мановенью –
Над мирозданьем власть.

Вот автомат с откидным прикладом,
Греческий щит, арбалет и латы,
Скифский кинжал, праща.
Ты снаряжён для грядущих странствий.
Путь твой во времени и пространстве.
Разве скажу: «Прощай...?»

* * *

Всё в мире начинается с весны,
Когда под ливнем первоцветы гнутся,
А сквозь подушку прорастают сны
О тех, кому не суждено проснуться,
О тех, кому не суждено вернуться,
О тех, кому уже не суждено...
Их образы останутся в кино,
Их медальоны смертные – в музеях,
Где дремлет вечность в склянках и фузях,
Все сотни поколений уравнивая
От пращуров, сидящих у огня,
Сквозь время их свершения просеивая
И на просвет вдруг разглядев меня.

Желтеют письма, зеленеет медь,
В витринах выцветают гимнастёрки,
И нам, живущим, больше не сумеет

Дознаться, жил ли вправду Вася Тёркин.
Но на портретах фронтовых ищущу
Там, рядом с дедом, молодым и статным,
Парнишки развесёлого прищур –
Солдата, не пришедшего обратно,
Оставшегося с гильзами лежать
(Под Курском ли, под Севском ли – не важно).
Он бился там. Отчаянно, отважно.
А нам лишь зубы остаётся сжать.
Он лишь на это нам оставил право.

Сквозь грохот: «Переправа, Переправа...»
Горланит время: «Бой идёт кровавый...»
Тот самый «страшный бой не ради славы»,
Тот самый «ради жизни на земле».
В каком-нибудь оставленном селе,
Где до войны врага искала тройка,
А позже всё сжирала перестройка,
Отчаянно верстая на тот свет,
В селе, где ныне улицы пустынные,
Никто уже не ждёт его у тына.
Он уходил, как призрачный рассвет –
На запад, вслед за солнцем, вслед за ветром,
Считая вёрсты, мили, километры
(система исчисления не важна).
Смотрела вслед испуганно жена,
Затем за годом год ждала она
Из горечи, из дыма и огня,
Нашептывая тихо: «Жди меня...»
И дети ждали. Он едва успел
Понячить их. Не докурил, не спел...
Ты прав, поэт, «последний папиросы»
Не докурил и сгинул где-то там,
Где смерть в строю шагала попятам
И выкликала гаубичным гулом.
А нам осталось, чтоб сводило скулы,
Лишь зубы стиснуть и молчать. Молчать.
И помнить без крикливости, без фальши.
И дальше жить. Всё дальше-дальше-дальше...

Ты скажешь: «Что-то путаешь, сынок,
В оригинале Тёркин одинок,
И ты стихи Твардовского неверно
Трактуешь – в школе заучил их скверно...»
Раз я детали вспомнить не могу,
Так вписывай фамилию в строку
Любую, и навряд ли ошибёшься.
Так много судеб выжжено войной
По страшному шаблону: за спиной
Жена и дети, впереди – дорога...
И, кажется, в стихах моих нет прока,
Легко в незнание упрекнуть, во лжи.
Вот-вот начнут учёные мужи,
На сорок пятый май взглянув из лета,
Из ясного, безоблачного дня,
Вещать, что им: писателям, поэтам,
Известно всё (в отличие от меня).
А Тёркин что? Не понял до конца
Ни жертвенности (под волной свинца),
Ни истинный, глубинный смысл победы.

Возьми, вдова, конверт и приголубь
(От Тёркина? Петрова? Иванова?)
Его письмо последнее, и снова
Подумай, что ты знаешь наизусть
Там каждое написанное слово.
Не понял смысл победы? Ну и пусть!
Он понял землю на полметра вглубь,
Окоп, что стал концом его дороги.
Он никогда не встанет на пороге,
Да так, чтоб гимнастёрка – в орденах.
И никогда не выскочит жена
Навстречу мужу, радости, весне...
Они нам снятся иногда. Во сне
(там, где обычно, чудеса возможны)
Солдат домой крадётся осторожно,
Да только не доходит никогда:
Села уж нет – бурьян, да лебеда.
Здесь враг прошёл с войной? Стряслась беда?

Всё это сон. Ты зря ответа ждёшь,
Будь Иванов, Петров ты или Тёркин,
Ты, наш спаситель в потной гимнастёрке,
Не встретишь близких, в дом свой не войдёшь.
Ты выдуман? Ведь многим неохота
Поверить в то, что приземлённо-зло,
С отчаяньем и яростью пехоты,
По пепелищам в бой добро ползло.
По нашим, по советским пепелищам,
Где прежде споро строились дома.
А жизнь хрупка – и только ветер свищет...
Но разве это – пища для ума?
Но разве это повод бить тревогу,
Когда твердят, что мир обязан Богу
Своим спасеньем? Богу одному,
А вовсе не погибшему солдату,
В бездонный мрак упавшему когда-то.
Так почему, ответьте, не ему,
Тому, кто стал короткой скорбной датой
Среди множества подобных скорбных дат?
Не мне ответьте, а тому солдату.
Да будет свят и подвиг, и солдат.

ДЖУЗЕППЕ

Стружку снимает судьба, шутя.
Время острей резца.
Выстругал мастер себе дитя.
Лихо, без образца
И без подобия. Из бревна,
Пахнущего смолой.
Старый Джузеппе хлебнул вина:

– Дышит. Привет, малой...
Карло, мои у него черты.
Кажется, сизый нос.
Я бы отдал его, если б ты
Завтра «пузырь» принёс.
Что, принесёшь?.. Значит, будем пить!
И-и-и... не была-была...
Он ведь по замыслу должен быть

Ножкою для стола.
Я бы его, да с размаху в печь,
Пусть погудит в трубе
Пламя сомнений. О том и речь...
На вот, дарю тебе.

Взгляд у полена тепло мерцал,
Всё понимал вполне.
Старый Джузеппе в себе творца
Молча топил в вине.
Плакал над ним весь небесный хор,
Лишь поднимал стакан.
Жизнь, словно стружки лихой вихор,
Падала с верстака.

ДОМ

«...В доме, который построил Джек»
С. Маршак

Вот дом. Его, может, построил Джек,
А, может, построил трест.
Его год за годом мусолил ЖЭК
И ставил на доме крест.
Он помнит и смех, и ночной арест –
Обычный кирпичный дом.
Увидев десятки таких окрест,
Ты их отличишь с трудом.
Похожи в них двери, антенны в ряд,
«Кандёры» по всем стенам.
И только лишь в Этом, как говорят,
Смешались все времена.
Здесь ночью глухие шаги звучат,
Здесь короток каждый день.
Заходишь на кухню в полночный час,
И видишь, как чья-то тень
Сдирает обои за слоем слой,
Сквозь время уходит вглубь:

Вот эти по благу к ним занесло,
Когда он был мал и глуп,

Что прямо поверх хризантем и роз
Вазюкал карандашом.
Но мальчик вырослел, над цветами рос,
И жребий не обошёл –
Он начал курить, он завёл семью,
Поклеил обои в цвет
Печального неба. Какой уют,
Когда они гасят свет?
Семья разбежалась, и, взяв вину,
На сдачу купив вино,
Вот здесь, у окна, он скурил одну,
Хотел было прыгнуть, но...
Врастал в этот дом, становясь всё злей,
Исполненный до краёв
Горячей обиды...

Обойный клей
Впитается в сто слоёв,
Спустя тридцать лет размягчит цветы,
Вернёт из небытия.
А дом среди прочих увидишь ты,
А, может, увижу я.
Пусть он – лишь метафора громких ссор,
Мечтаний, стремлений, но
Порой нам дано выбирать узор,
А прочее – не дано.
Порой всё не клеится, как назло,
Да только пройдёт беда.
И если тебе невзначай свезло,
Не думай, что навсегда...

* * *

Хрущёвка, ПАЗик, кислое житьё...
«Провинциалка» – застревает комом
В девичьем горле. Кройка и шитьё,
И прочие труды её по дому

Достали, допекли, свели к нулю
Все прежние амбиции и страсти.
И вместо фразы «Я тебя люблю!»
С порога муж твердит: «Ну, вот я, здрасьте...».

Она в Москву стремится из провин...
Из душных комнат, из дворов знакомых.
Ей кажется, что мир неисправим,
Но вдруг – щелчок: «Любимая, я дома...».

И про столицу до поры молчок.
Так рыбка попадает на крючок.

* * *

Бессонницей отмечено окно.
На девять этажей оно одно.
В полночный час там нет теням покоя,
И кто-то бродит от стены к стене.
Из сотен окон лишь оно – такое,
И оттого столь непонятно мне.

Да что там дом! Спит городской квартал,
И лишь окно – таинственный портал
В мир грёз, который не постичь иначе,
Как только разузнав, что свет в окне
Не просто так, и что-то явно значит
Он для кого-то не внутри, а вне...
Быть может, он ниспослан, явлен мне,
Как чудо, что порой зовём удачей.

О ком грустят там, думают о ком?
Кому горит печальным маяком
В районе спальном, тёмных окон между,
Как суть всего, без шелухи причин,
Когда не важно, кто же свет включил,
Вольфрамовая ниточка надежды?

Гость номера: сатира

АЛЕКСАНДР ТИХОНОВ, 1990 г.р., Омск

ТВОРЧЕСКИЙ ВЕЧЕР

В библиотеку ведут три двери, над каждой табличка. Взъерошенный парень в припорошенной снегом куртке стоит, запорошив голову, и бубнит себе под нос:

– «Вход для читателей», «Вход для персонала», «Вход для писателей». Ага, вот он, нужный...

Дёргает одну из дверей и шагает в тёплое, гулкое помещение, оставляя за порогом разошедшуюся метель.

Напротив входа – тоскливый вахтёр за низкой конторкой. Увидев парня, он откладывает потрёпанную книгу, аккуратно снимает очки и с вызовом спрашивает:

– Здравствуйте, а вы к кому?

– Мне бы это... – посетитель нерешительно топчется у входа, отряхивая снег, – творческий вечер организовать. Книжка вот вышла.

– Кни-и-ижка, – растягивает вахтёр. – Так что ж вы раньше молчали, мил человек?..

Он вскакивает со своего места, опрометью бросается к посетителю, нет же – к гостю, едва не опрокинув стул. Начинает стягивать с прошедшего верхнюю одежду, подобострастно заглядывая тому в глаза.

– А вы, я извиняюсь, поэт или прозаик? – интересуется он, замирая в дверях гардероба с влажной от снега курткой в обнимку.

– Ну... Я стихи пишу.

– Пре-кра-сно! – тянет вахтёр, пропадает из виду, потом вновь появляется с номерком в руках, – вот, ваш номер – первый. Вы не подумайте, у нас часто проходят вечера поэтов. Вот сейчас пойдёте по коридору и на нескольких, возможно, натолкнётесь... Хорошо, что вас назначили к нам, ой как хорошо. Мы заявку на писателя товарищу Книгочееву отправляли на прошлой неделе... Чаю хотите? Может, кофе? Или водочки из горла? Ваши, говорят, любят этак выпить и потом песни петь.

– Нет, спасибо... А могу я с кем-то из библиотекарей пообщаться?

– Я тут за них сегодня, уважаемый. Можете со мной пообщаться, – вахтёр нежно гладит гостя по плечу, но тот отшатывается.

– Вы в каком литературном цеху числитесь, если не секрет? Из Ударно-патриотического? Или из Трогательно-лирического? У нас тут был недавно поэт из...

– Да... я нигде не числюсь.

Вахтёр замирает на полуслове, в движении, словно у него внезапно сели батарейки.

– Па-па-па-звольте, – заикаясь, переспрашивает он, – у вас что и пи-и-писательского браслета нет? И отметки в трудовой книжке?

– Конечно, нет, – гость, незванный наглый гость улыбается. – Я вообще слесарь по профессии, но стихи пишу. Хочу единомышленников встретить, читателя своего найти. Ну, знаете, как бывает.

– Ишь, чего захотел! – лицо вахтёра сводит судорогой. – Единомышленников ему подавай! Иди сюда!

Он размашисто шагает в гардероб, швыряет парню его куртку, затем молча проходит в широкий холл, где по стенам висят ровненькие ряды портретов. Все один к одному: одинаковые рамы, одинаковая одежда на людях, одинаково постные «заслуженные» лица.

– Узнаёшь, мерзавец?

– Кого?

– Их! – вахтёр порывисто тычет пальцем в ровные ряды унылых портретов.

– Ну, может, видел где-то на Ютубе.

– На Ютубе он видел! – сплёвывает и снова тычет пальцем в портреты, – Это пи-са-те-ли! Настоящие!

Парень пытается всмотреться в лица, но никого не узнаёт. Пушкина там нет, Гоголя тоже. Все портреты современные, вычищенные «Фотшопом». Ещё бы улыбки натянуть через ту же программу – и готово.

– Вот это, – срываясь на фальцет, сообщает тем временем вахтёр, – Афанасий Аскольдович Царелюбов. Поэт от бога! У него в трудовой книжке так и написано: «Поэт от бога», лауреат трёх золотых орденов Пушкиных с бантами и двух с бакенбардами. А это – Анна Иоанновна Анжеро-Судженская, прозаик. Заслуженный прозаик шестого разряда, между прочим. У неё за год выработка – две тысячи авторских листов. Она – полный кавалер ордена Донцовой и двух медалей «За верность жанру и фанатам».

Посетитель непонимающе смотрит на взбеленившегося собеседника.

– Что я сделал-то? Вообще ничего не понимаю...

– А, ну раз не понимаешь, – сквозь зубы шипит вахтёр, – то я объясню. Мне же другой заботы нет, как всяким графоманам объяснять...

Тебе, стихоплёт ты подзаборный, чтобы провести тут творческий вечер, надо сначала подать заявку в Министерство по делам писателей. Знаешь, где такое находится?

– Где?

– На Лубянской площади, в Москве. Там тебя проверят на благонадёжность, и если ты не из этих... – опасливо оглядывается, – которым «выпало в империи родиться», то переведут тебя из слесарей в писатели. Заведут трудовую книжку, выдадут писательский браслет с маячком слежения. Только тогда ты – писатель, мил человек, только тогда! А сейчас ты – голь перекатная. Книжку твою, кстати, сожгут. Она ведь вышла без согласия редактора из Министерства? Точно сожгут. И выдадут разрешение на новую. Нужно будет отстоять в очереди год или два, но это мелочь – зато твои опусы редактор прочтёт, и если скажет, что это стихи – тогда выйдет книга. Но и это ещё не всё. Ты к нам вот так просто прийти не сможешь. На творческий вечер может дать разрешение только начальник Управления региональной подцензурицы, товарищ Книгочеев. И только так! А не назначит – жди. Всё ясно?

– Ясно, – слесарь с душой поэта тяжело сглатывает, – а где у вас писатели-то, раз они тут постоянно вечера проводят? Я живём тут только вас вижу.

– А они не могут, им некогда. У них, милый ты мой, всё распланировано. У них у каждого в графике два творческих вечера в месяц. Усёк? А за внеплановый вечер мы платить должны. Библиотека у нас бедная, поэтому мы копим на внеплановую презентацию книги Сорбита Аспартамова «Очерки о себе любимом». Ради этого весь персонал на полставки перевели, некоторых сократили. Я вот один сегодня. Но это ничего! У нас всё впереди...

Парень молча кивает и, накинув на плечи куртку, направляется к выходу.

– Эй, мил человек, у тебя фамилия-то какая? Я в журнале должен зафиксировать.

– Может, Бродский... Или Рыжий... Или Лермонтов... Не помню.

Гость номера: проза

АНДРЕЙ ТИМОФЕЕВ, 1985 г.р., Москва

Родился в городе Салавате, Республика Башкортостан. Окончил Московский физико-технический институт и Литературный институт имени Горького. Победитель третьего литературного славянского фестиваля «Золотой Витязь» в номинации «Дебют». Лауреат премии имени Гончарова в номинации «Ученики Гончарова» (2013), премий им. А. Кузьмина (2016) и Л. Леонова (2019), журнала «Наш современник» (2019). Публикуется в журналах: «Первоцвет», «Новый Мир», «Наш современник», «Октябрь», «Роман-газета», «Вопросы литературы» и других. Автор книг и коллективных сборников. Член Союза писателей России. Председатель Совета молодых литераторов Союза писателей России.

СВАДЬБА

Рассказ

Бывают свадьбы, похожие на похороны.

Ранней весной парень из соседней деревни изнасиловал девушку, встреченную в пролеске у реки. Отец девушки отыскал обидчика на следующий день и устроил драку во дворе его дома. Но когда оказалось, что Маша беременна, родители обоих, встретившись и поразмыслив здраво, решили сыграть свадьбу – одни, чтобы избежать огласки, другие неиз-

вестно чего стыдятся и желая пристроить дочь.

Первый день гуляли у жениха. Собрались родственники, соседи, знакомые со всей деревни. Во дворе наспех вкопали в землю деревянные столбы, натянули брезент, поставили длинные скамейки, столы накрыли простынями вместо скатертей. Гостей рассаживали вплотную, так что тяжело было пошевелиться. Стояла жара, повсюду летали жадные мухи. Часто поднимались из-за стола, чтобы погулять и размяться, и тогда собирались на крыльце дома или на оставшихся от постройки гаража бетонных плитах, сваленных у ворот. Там заводили разговоры, шутки, сплетни. А дядька жениха, пожилой Кошир Кузьма, беззаботно рассказывал, как именно здесь валялись в грязи сам жених и отец невесты и до крови царапали друг другу лица об угол бетонной плиты.

Родственники невесты шепотом обсуждали, что хозяйева не стали тратиться на водку, а кто-то даже видел, как на кухне тайком разливают по красивым бутылкам дешевую жидкость из пятилитровых канистр. С подозрением глядели на прибившихся к их краю стола нескольких башкир, родственников жениха по отцу: как бы те не выболтали лишнего, и торопливо переходили с русского на родной чувашский.

Было много случайных людей, которых не пускали во двор, но они все равно болтались рядом с воротами в ожидании нечаянной рюмки водки. Чуваш из соседней деревни Петьук Миккуль уныло выпрашивал свое у хозяйки, а потом до крика разругался с ней и ушел обиженный.

Приносили винегрет, свеклу с чесноком, а на горячее – картошку с курицей. Ели и пили с удовольствием. Туй араме, ведущий свадьбы, дал гостям наесться досыта прежде полагающихся по обычаю тостов и подарков.

Невеста сидела неподвижно. Она была в отчаянном забытии, ничего не слышала и не замечала. К человеку рядом она не поворачивалась, но чувствовала его движение, а иногда видела чужие руки.

Сегодняшнее утро растянулось в памяти на несколько дней. Ее должны были поднять с рассветом, но Маша проснулась раньше и долго смотрела в окно на небо, крыши домов, скрюченную яблоню в саду, побитую весенним морозом. В последние вечера они много разговаривали с мамой, та читала ей книги об отношениях в семье и о том, как нужно вести себя, чтобы быть счастливой. Мама много говорила о любви, а Маша плакала, обнимая ее. Но сегодня утром ей вдруг показалось, что она начинает чувствовать эту странную, угнетающую душу любовь. Маше хотелось, чтобы мама пришла сейчас и поговорила с ней, но вместо этого заскрипели половицы, и в комнату заглянула баба Варвара.

– Давай вставай! – окликнула она всегда сердитым голосом.

В доме только начали мелькать, суетиться, а они уже оделись, готовясь выйти на улицу. Были еще сестра Света и две тетушки, которые недовольно ворчали. Баба Варвара коротко объясняла про обычай. Маша ждала маму, но, занятая приготовлениями, та осталась дома и только мельком заглянула в прихожую. Маше было грустно, будто они виделись последний раз. И потом, когда уже шли по пустой деревенской улице, Маша все думала об этом. Впереди мутным пятном виднелся лес у реки. Стоял туман, пахло трухлявым деревом.

Наконец показалось кладбище. Спускались к нему по узкой тропинке, вьющейся от самой дороги. Долго возились с железной калиткой, двигались сквозь заросли овсяга, цеплявшегося за ноги. И вот тропинка привела их вниз, где все могилы были знакомы. Приминая мокрую непослушную траву ногами, медленно крошили хлеб за каждую ограду, приговаривая: «Деды, прадеды, благословите нашу свадьбу». Потом баба Варвара велела им стоять рядом, а сама принялась то ли колдовать, то ли молиться. Становилось холодно, но она не спешила, а потом затянула унылую поминальную песню.

Вернувшись с кладбища, Маша сидела в комнате и слипавшимися глазами смотрела на те же крыши домов и яблоню за окном. Ей смертельно хотелось спать, так что она едва чувствовала, как надевали на нее платье, поправляли складки, до боли скручивали волосы.

Когда приготовления закончились, она положила голову на стол перед собой, обхватив ее руками, и чуть было не заснула, но вдруг раздался грубый удар в ворота и беспорядочный смех, будто сто человек разом засмеялись и каждый хотел смеяться не так, как другие. Она испуганно вдохнула. Смех приближался, сначала он топтался у ворот, неловко звеня монетками, потом послышался на крыльце. Наконец ввалились в комнату, заполняя свободное место от двери до стола. Началась толкотня, сильно запахло потом.

Маша испуганно глядела по сторонам. Вокруг ожесточенно торговались, кричали, стучали по столу скалкой как молотком. Сестра Света все отвечала – мало, а за ней повторяли и все родственники. Пришедшие же горячились и нехотя выгребали оставшуюся мелочь. Дружок жениха, Антошка Кривой, вместо денег бросал поддельные купюры, его разоблачили и хотели силой вывернуть карманы. Родня вступилась за своего, завязалась ссора.

Сам жених стоял у дверей, Маша смотрела на него, не отводя глаз. Он держал в руках бутылку водки, не пригодившуюся на конкурсах во дворе, шутливо размахивая ею, будто добыл что-то ценное. Его лицо наполняло Машино сердце болью и непонятной ей самой добротой ко всему

миру. Но вот последний раз ударила скалка – продано. Продано, продано, зашептали вокруг.

Потом ее благословляли отец и мать, крошечный блик света бегал по иконе вверх-вниз, как живой, так что Маша заулыбалась сквозь слезы. Мать не выдержала и разрыдалась. «На кого же я тебя, доченька, оставляю», – причитала она, наклоняясь к девушке, неистово целуя в волосы. Баба Варвара недовольно одернула ее. Подошел жених, и тогда гости принялись бросать под ноги свежие полевые цветы...

– Горько, горько! – закричали отовсюду, и Маша опять оказалась за праздничным столом. Ее муж стоял перед ней. Она смотрела на него так, будто видела в первый раз. Ей казалось, что она уже любит его. Но тут он приблизился, прижал к себе и стал жадно целовать. Она захлебнулась от слез.

Окончив счет поцелуям, довольные гости уселись на места, а туй араме шутливо, но решительно принялся сгонять народ с крыльца обратно за стол. Гости шли нехотя и уже захмелевшими голосами ворчали, что он портит им гулянку, но в конце концов собрались, ожидая своей очереди поздравить молодых. Туй араме торжественно вызвал к себе двух башкир со стороны отца жениха и вручил им большую сумку – ардю, чтобы они собирали в нее деньги, положенные родственниками, а в конце пересчитали их. Из кухни понесли крошечные порции покупных пельменей и новые бутылки водки.

Первыми поздравляли родители жениха. Мать, Антонина Петровна, дородная женщина с толстыми складками на щеках, лихо подскочила с места и подняла полную рюмку водки. Отец, худой, жилистый башкир, Артур Кадимович, стоял рядом, держа за спиной маленький конверт с деньгами, и недоверчиво поглядывал по сторонам, будто опасаясь, что кто-то захочет украсть его прямо из-за спины. Родственники Маши увидели их первый раз во время сватовства. Они пришли тогда вместе с толпой человек в десять, несли выпивку, салаты, поднос с хлебом и солью, а сам жених беззаботно наигрывал на гармошке. Поднявшись на порог, Антонина Петровна настойчиво постучала в дверь. «Мы слышали, у вас телочка есть», – оглушительно запела она сватовскую песню. Остальные повторяли за ней, готовясь есть и пить досыта. Резким скрипом ответила им дверь. На пороге появилась баба Варвара, закрывая собой широкий проем и исподлобья оглядывая незваных гостей.

– У вас товар – у нас купец, – продолжала Антонина Петровна, постепенно теряясь от ее взгляда, – извольте ли продать, красную цену заплатим...

Она хотела было войти нахрапом, но баба Варвара не уступила и

решительно уперлась мозолистой ладонью ей в грудь.

– Входить не положено. Ждите, – выговорила она бесстрастно и с силой захлопнула дверь.

Когда же их все-таки пустили в дом, Антонина Петровна, нисколько не смущенная, щедро наливала новым родственникам по рюмкам и пела на весь дом в хмельном веселье.

Отец жениха во время сватовства стоял в стороне и только считал пустые бутылки. Зато он больше всех осматривал подарки невесты, привезенные по обычаю в их дом за две недели до свадьбы: на ощупь проверял качество ткани, наизнанку выворачивал платья, чтобы увидеть, хорошо ли выполнен шов. Потом, удовлетворенный проверкой, позвал сына и объяснил, в какой шкаф сложить добро.

Поздравление их длилось недолго: говорила только мать, а отец деловито положил в ардю конверт с деньгами. Отовсюду закричали «горько», а родственники жениха с особым старанием захлопали, чтобы поддержать своих.

Встали родители невесты. Оба они были маленького роста, оба смотрели по сторонам настороженно. Сергей Викторович, отец Маши, показался родне жениха слишком чувствительным, у него в глазах стояли слезы. Это был человек с детскими чертами лица, но с первой проседью, говорил правильно и красиво, по-городскому, но иногда путался и вздыхал. «Люби своего мужа, деточка моя, и Бог пошлет тебе новую жизнь», – закончил он и отчаянно опустил голову.

Поговаривали, что он сильнее всех противился этой свадьбе. Когда родственники жениха пришли свататься, а баба Варвара, вернувшись в дом, рассказала всем о происходящем, он будто бы подскочил со стула и закричал: «Да что же это такое, как же с этим быть...».

Но в комнату к дочери он пошел первым. Девочка неподвижно лежала на кровати, и лишь глаза ее были живыми и испуганными. Он присел на краешек и боялся смотреть на нее. Ему хотелось закрыть ее от всего на свете и не тревожить ничем больше, но необходимость говорить заговала ему горло.

– Что же, доченька, это жизнь, – повторял он потом, лихорадочно теребя ее руку в своих ладонях. – Иногда в жизни бывает нужно пострадать и получить от Бога венец... Я не знаю, за что это тебе, но ты должна все вытерпеть...

– Пойми, милая, мы долго не сможем содержать тебя, – оказалась рядом и мать. Она то вытирала Машино лицо носовым платком, топравляла спутавшиеся волосы. – Отцу работу совсем не дают, меня пока держат в колхозе, но никто ведь ничего не обещает. А одна, с ребеночком,

298

как ты будешь жить после нас?

Маша растерянно глядела то на одного, то на другого и больше пугалась их слез, чем решения своей судьбы.

– Милые мои, дорогие, – начала мать невесты, обращаясь к молодым, хотя ее тихий монотонный голос показался гостям слишком грустным для свадебного поздравления, – вы теперь одна семья, и самое главное, вы должны жить в любви и согласии, заботиться и помогать друг другу. Не обижаться по пустякам, а если случилась ссора, сразу же прощать друг друга. Тогда и жизнь у вас сложится, и отношения в семье будут добрые и уважительные...

Татьяна Аркадьевна всеми силами старалась допустить меньше сплетен, обычных для свадьбы, где невеста уже беременна, и поддержать хорошие отношения с новыми родственниками. Перед свадьбой она, как положено, устроила в своем доме Большой сговор с родителями жениха, где договаривались о количестве гостей, угощениях, устройстве праздника. А когда ее муж вдруг встал из-за стола и быстро вышел из дома, она нарочно беззаботно махнула рукой и объяснила присутствующим на сговоре гостям, что у мужа проблемы на работе, потому что колхоз опять перестал платить зарплату, а ведь сейчас свадьбу играть, вот он и переживает. Родители и сам жених довольно закачали головами, а пришедший с родней Кашир Кузьма лукаво усмехнулся ее объяснениям.

Маша же с самого дня сватовства поняла, что наступает что-то неведомое и тяжелое для нее. В этом неведомом и тяжелом не было людей, а было будто грозовое облако. Первые мысли о муже как о реальном человеке появились у нее только после Большого сговора, когда по обычаю мать жениха повесила у входа большой пастушеский кнут, который должен был висеть здесь до самой свадьбы. Когда сговор закончился, и в дом вернулся Сергей Викторович, он сначала в бешенстве пытался снять его, но баба Варвара не позволила, потому что на самом деле был такой обычай. Для Маши этот кнут был как живой, она украдкой разглядывала его, когда сидела за обеденным столом. У кнута была стертая ручка, напоминавшая Маше о лошадях и работе в поле. И когда на второй день Татьяна Аркадьевна все-таки уговорила свекровь убрать кнут, Маша все равно вспоминала о нем, когда думала о своем женихе...

Собрались было сделать перерыв на танцы и конкурсы, но тут без очереди влезли Антошка Кривой и Виктор Вдовцов. Они пробирались позади скамеек, не обращая внимания на недовольство сидевших гостей. «Подожди, подожди, мы сейчас», – заносчиво кричал ведущему Виктор, а Антошка изо всех сил расталкивал локтями мешавших.

– Мы пришли сюда поздравить нашего друга со свадьбой, – начал

Виктор, молодой парень с тонкими усиками и красивыми кудрями. – Надеюсь, что наша дружба сегодня не закончится, и мы сможем еще собираться, как в старые добрые времена.

Родственники жениха, не слушая, захлопали ему, а Света, сестра невесты, покраснела оттого, что тот нахально рассматривал ее полуоткрытую грудь.

– Да и вообще, жена не должна стоять между мужем и друзьями! – подхватил Антошка Кривой.

Прозвище пришло к нему от отца, но лицо его на самом деле было сморщено сейчас от выпивки. Желая повеселить гостей, он отобрал у туй араме бутылку, из которой тот наливал каждому поздравлявшему, подхватил чужой стакан со стола и, наполнив, выпил, не отрываясь.

– О, Антошка начал, – раздались со всех сторон насмешливые голоса, – смотрите, вам его еще до дома тащить...

Антошка недовольно огляделся вокруг и с достоинством вышел из-за стола. Туй араме объявил перерыв.

На свободное место между крыльцом и воротами вынесли две большие старые колонки и, не жалея, выкрутили ручки до упора. «Громче, громче», – послышались задорные крики. Музыка взбудоражила захмелевших гостей, так что они вскакивали со своих мест, толкались, спешили и высыпали на двор, чтобы танцевать изо всех сил. Старухи за столом, неодобрительно качая головами, прижимали слабые ладони к ушам. Веселье разгоралось, как пожар на соломе. Виктор подскочил к Свете и, грубо обнимая за талию, увлек за собой. Они врзались в круг танцующих, разбили его, чтобы закружиться в центре, привлекая всех своим пылом и красотой. Антошка Кривой беззаботно отплясывал рядом, не замечая, как насмешливо косятся из круга, а две девушки показывают на него пальцем, как на дурачка.

Маша съежилась, будто не желая, чтобы музыка вошла ей внутрь. Вдруг сильно потянули за ногу, она вскочила и увидела, что у нее украли туфлю. Рядом закричали, а дядьки с шумом пытались догнать вора. Все смешалось, и уже нельзя было понять, кто ловит, а кто убегает.

У Маши закружилась голова.

– Петя, – бессильно выговорила она, в отчаянии поворачиваясь к мужу, но тот не слышал и уже вылезал из-за стола, чтобы присоединиться к танцующим друзьям.

– Невесту, невесту-то возьми! – придержала его мать. – Всему тебя учить надо!

– Да, пойдём, – опомнился тот и схватил Машу за руку, но она не двигалась.

– Туфли нет, – объяснила удивленному мужу. Ей отчего-то было стыдно, будто именно она виновата, что не уследила.

– Так иди босиком! – не растерялась Антонина Петровна. – А сомневаешься, вот тебе, доченька, для согрева, – и налила полную рюмку водки.

Маша нерешительно пригубила. В глазах ее вспыхнуло, а в груди обожгло. И тогда она, хмельная, не от выпитого, а от собственного чувства, побежала в круг быстрее мужа, в страстном отчаянии заплясала, вскидывая вверх свои тонкие руки...

Тем временем за столом начались обычные разговоры и сплетни.

– А жених-то наш беспутный дурачок, – приговаривала Марине Чермеш, – какой же из него муж получится... А ведь он ее силой взял!

– Это правда? – серьезно спрашивала Наталья Миттук. – Я тоже слышала об этих сплетнях, но им не верю.

– Да как же неправда, вся деревня об этом говорит, – настаивала Марине. – До вас, городских, новости-то не доходят, откуда вам знать! А бабка Степанида сама видела, как отец ее домой нес из леса, когда тот над ней надругался. У нее спросите, она вам все расскажет...

Наталья Миттук неодобрительно покачала головой, но возражать не стала, потому что действительно не могла знать всего.

Чуть поодаль оживленно беседовали мужья Марине и Натальи. Первый, Миккас Чермеш, был щупленький мужичок, несмелый на деле, но дерзкий на слова. Он, как и жена, рассказывал о деревенских делах. Второй, Савва Миттук – малоразговорчивый седой старик, всю жизнь проработавший на заводе в городе, но страсть как любивший разговоры о колхозной работе, посеве, уборке и потому с уважением слушавший Микаса Чермеша.

– Овсюг все попортил в этом году, – деловито вздохнул Миккас, – мало урожая будет, опять в колхозе передерутся и зарплату не заплатят!

– А я слышал, кто-то из колхоза вышел у вас? – мягко поинтересовался Савва. – Вот молодец мужик, сам решил хозяйство вести, да?

– Есть у нас такой, – с досадой ответил Миккас, – как раз из родни жениха, вон даже как устроился, смотрите, – кивнул он на коренастого мужика с огромными плечами, сидевшего в почетной близости к жениху и невесте. – Григорий Михайлович Микулин его зовут, русский, пришлый. Пару лет назад заявился в колхоз и говорит: дайте мою долю земли, буду сам пахать. Да нет, не думайте, человек он пустой, – добавил он торопливо, видя, как уважительно смотрит Савва на Григория Михайловича, – противный такой, злобный, все только себе, а других за мусор считает. Я с ним даже не здороваюсь, как вижу!

Иначе велись разговоры среди родни жениха. Там центром был пожилой Кашир Кузьма, перебравшийся с крыльца дома, где слишком громко играла музыка, на скамейку за воротами. Возле него столпились и чувашаи, и башкиры и говорили наперебой, а он сидел в середине и изредка останавливал или поправлял говорящих.

– А венчаться-то они будут? – спрашивала особенно религиозная чувашка.

– Да куда им венчаться! – перебивали ее несколько голосов. – У невесты же живот, какое венчание!

– У нас бы за такое не свадьбу... – поддержала родню башкирка Гузель Рифкатовна.

– А у них вся родня такая, – не успокаивались чувашаи. – Да чего далеко ходить, если бабка у нее жила с четырьмя мужиками и от них родила двух сыновей и двух дочерей.

– Хватит вам чепуху городить, – подскочил вдруг со своей скамейки Кашир Кузьма, – мелете своими языками не пойми чего! А ты, балаболка, иди отсюда, чтоб я тебя не видел, – прикрикнул он на женщину, которая говорила про бабу Варвару.

Когда молодежь стала заметно уставать от танцев, туй араме объявил окончание перерыва и опять пригласил всех на места. Едва затихла музыка, Маша бессильно опустилась на землю, прямо там, где танцевала. На нее сначала смотрели удивленно, будто ожидая, что это розыгрыш, но потом закричали, переполошив всех. Родственники окружили ее, стараясь понять, что произошло. У Маши болела голова, ей казалось, что ноги разбиты в кровь. Она несколько секунд не двигалась, будто не узнавала окружающих, но потом сильно вдохнула и виновато улыбнулась.

– Все хорошо, – постаралась она успокоить родных, – просто устала.

Отец взял ее на руки и отнес обратно к столу, потому что под брезентом было прохладнее, а потом заботливо обнимал за плечи, боясь, что она упадет назад. Мать взволнованно трогала ее лоб.

– Да не волнуйтесь, сваты, – убеждала их Антонина Петровна, – такое бывает, от жары, наверно. Сейчас надышится, придет в себя!

Столпившиеся рядом родственники быстро подхватили, что, конечно, от жары и сейчас все пройдет.

– Выпить тебе надо, жена, – хмельным голосом пошутил жених, – сразу отпустит!

Все засмеялись.

В этот момент отец невесты неожиданно подскочил с места и, схватив жениха за грудь, потащил его на бетонные плиты у ворот.

– Я на этих самых руках ее нес, ты понимаешь? – ожесточенно выговаривал он, глядя в испуганное лицо.

– Да чего ты, батек, чего, все ведь выяснили... я же ее замуж беру... – лепетал Петька.

Родственники и друзья жениха окружили их, но боялись вмешаться, и только Татьяна Аркадьевна бросилась к мужу и отчаянно обняла сзади, пытаясь ослабить его руки. Он же вдруг сам расплакался и головой уперся обидчику в грудь.

– Да ладно, батек, ладно, давай лучше выпьем, – отвечал ему Петька, оглядывая своих, будто ожидая их помощи.

– Выпьем, выпьем, горько, – подхватило несколько голосов.

Тогда из-за стола встал Григорий Михайлович Микулин, оттолкнул Петьку в сторону и, позволив Сергею Викторовичу опереться на себя, проводил за стол. Родня жениха неодобрительно зашептала, потому что он не встал на сторону Пети, но упрекать Микулина вслух никто не решился.

– Рассаживайтесь, – коротко рявкнул тот, не глядя по сторонам. – Я сейчас буду поздравлять молодых.

Гости стали неохотно расходиться по своим местам, и только Татьяна Аркадьевна осталась с Машей. Сергей Викторович сидел рядом, закрыв лицо руками, страшно стесняясь себя. Наконец все действительно успокоились.

Григорий Михайлович степенно подошел к Маше, чтобы убедиться, что она чувствует себя лучше. Потом строго посмотрел вокруг, будто выискивая в толпе тех, кто еще не замолчал, и начал речь.

– Я не буду повторять то, что до меня уже сказали и после меня скажут. Понятно, что я желаю молодым здоровья, счастья и достатка. Но мои главные слова будут для тебя, Маша. Ты новый человек в нашей семье, и ты еще совсем молодая, но тебе надо повзрослеть, – завершил он первую мысль и остановился.

– Наш Петька, он сам по себе ничего не стоит, – продолжал Микулин. – Я своих мыслей ни перед кем не скрываю, я ему это в лицо могу сказать. Ты, Петька, никчемный осел, понял? Тебя нужно кнутами до крови избить, чтобы у тебя хоть немного ума появилось. Поэтому ты, Маша, теперь в семье голова, ты должна рассуждать за обоих.

Маша испуганно смотрела на Микулина, а жених сидел с глупой улыбкой, не зная, смеяться ли словам дяди, как шутке, или же обижаться на него.

– Вам сейчас нужно строить дом, – не обращая внимания на их замешательство Григорий Михайлович, – не вечно ведь вы будете у свекро-

ви жить. Потом будут у вас дети. Их нужно воспитывать, не шалопаями, а настоящими людьми, чтобы крепко стояли на ногах. Потом копить деньги на старость. Чтобы прожив жизнь, ты могла сказать, что жила по совести, ни у кого займы не брала и ни одному лентяю не давала. Мужу верная была, какой бы он ни был. И помирать могу спокойно, никто дурным словом не вспомнит. Поняла меня? Ну, тогда у меня все.

Родня жениха молча переглядывалась, зато родня невесты встретила этот тост громкими хлопками. Григорий Михайлович недовольно оглянулся. Продолжались поздравления и тосты...

Сергей Викторович и Татьяна Аркадьевна сидели рядом с Машей, но потом и их подняла с места бойкая Антонина Петровна и потащила участвовать в конкурсах. Машу же не беспокоили, думая, что ей нездоровится. Только один раз ей принесли украденную туфлю.

Сама Маша не понимала, что происходит вокруг. Она только боялась, что опять начнутся танцы, и нужно будет бегать по острым камням. Вдруг она заметила, как на нее грустно смотрит Григорий Михайлович, и сразу же отвернулась. Ей припомнились обрывки его слов про дом, про деньги, но она не могла связать их воедино. Ей казалось, не будет никакого дома и денег и что после сегодняшнего дня уже вообще ничего не будет.

Подошла разгоряченная Света и обняла Машу за хрупкие плечи. Маша устало улыбнулась. Ей приятно было чувствовать родного человека рядом. Она смотрела на сестру и с тихой радостью слушала ее сбивчивый рассказ о Викторе. Оказывается, Свете нравилось его грубое ухаживание, но она хотела показать, что ее не так просто добиться, и поэтому решила немного посидеть с сестрой. Они обнялись и остались одни посреди этой громкой свадьбы.

– Что, целоваться-то противно? – вдруг усмехнулась Света.

Маша только вздохнула, сильнее прижимаясь к сестре.

– А я тебе так скажу: выпей побольше, помогает, сама знаю! Утром проснешься и ничего помнить не будешь.

– Нет, напиваться не хочется, – тихо ответила Маша.

Они посидели молча. Вокруг звенела музыка. Редкие гости остались за столом, ведя неторопливые разговоры. На противоположном краю появились Петя с Виктором и, налив себе по полной стопке, выпили.

– Скажи, а ты хотела бы себе такого мужа, как у меня? – спросила Маша, осторожно поглядывая на них.

– А почему нет? Слабенький, дурачок, таким командовать знаешь как можно! Было бы где мне разгуляться... Ладно, пойду, – добавила она, видя, что Виктор идет прямо к ним. – Кстати, говорят, кататься поедем но-

чью. Будешь с нами? Да поехали, развлечемся хоть, теперь тебе положено с мужем развлекаться!

– Хорошо, поедем, – сказала Маша, стараясь улыбнуться.

Света и Виктор взяли за руки и поспешили в круг танцующих. Маша огляделась, ожидая, что муж тоже пригласит ее, но тот уже веселился с друзьями...

Сестры Антонины Петровны, Анна и Людмила, прислуживающие гостям, присели отдохнуть и поесть, а когда на одном из столов кончилась водка, свекровь подступилась к невестке и ласково стала подталкивать ее в локоток.

– Давай, Машенька, покажи нашим гостям, какая ты хозяйственная, сходи на кухню, принеси еще несколько бутылок.

Маша согласно закивала и медленно поднялась из-за стола. Боли в ногах не чувствовала, и только монотонно колотило в висках от неосторожных движений.

– Какая у нас невестушка, – тем временем нахваливала ее Антонина Петровна. – Новая хозяйка в доме появилась!

Маша смутилась, а гости одобрительно засмеялись.

На кухне было жарко, и клубился пар от двух огромных котлов с водой, кипящих на плите. Третий же стоял у окна и был доверху наполнен грязными тарелками. Всем распорядилась бабка Степанида. Сама она торопливо доставала тарелки из чана и насухо протирала сбившимся в комок кухонным полотенцем. Узнав, зачем пришла Маша, она качнула головой в сторону пустых бутылок на столе.

– Не готовы! Погуляй пока, – и отвернулась к своим тарелкам.

Маша осталась в сенях, не зная, возвращаться ей назад или подождать здесь. Было темно и неудобно, потому что могли войти из любой двери. Внезапно Маша услышала глухую песню за стеной, песня была протяжная и грустная, и она тянула к себе. На ощупь приоткрыла одну из дверей, и тогда песня поразила Машу своей громкостью и силой. Она попала в летнюю кухню, где на кровати, укрытой половиками, старыми шубами и другой одеждой, сидели усталые женщины.

Все они казались Маше знакомыми, наверное, были из ее родни, но по имени она могла вспомнить только тетю Марине Чермеш. Увидев невесту, они не перестали петь, но глядели на нее с улыбкой и жестами приглашали входить.

– Здравствуй, Машенька, садись к нам, – обратилась к ней спокойная пожилая женщина, когда закончилась песня. – А мы вот тут сидим и старушечьи плачи плачем.

– Ты помнишь своих родственниц-то, это баба Наталья и тетя Юля,

они из Стерлитамака, – представила Маше пожилую женщину и ее дочь тетя Марине.

– Да откуда ей нас помнить, – возразила баба Наталья, – молодые должны жить, а не старух-родственников считать.

Маша села среди женщин. Ей нравилось здесь. Хотелось только, чтобы они опять запели что-нибудь медленное и тревожное, так, чтобы можно было забыться и помечтать о чем-нибудь. Пару раз она с опаской взглянула в окно, не идет ли муж или свекровь, но за окном вразнобой ходили только чужие люди, и не было слышно ни звука.

Тем временем женщины продолжали прерванный разговор.

– Ну, и что потом было? – спросила у бабы Натальи Марине. – Расскажи нам дальше, пусть и Маша послушает.

Баба Наталья улыбнулась.

– Ну что ж, ладно, если так просите, – вздохнула она.

Маша затаила дыхание и принялась слушать.

– После войны мы с сестрой Груней осталась сиротами. Отец погиб, а мама умерла от болезни. Сильно голодали, даже больше, чем во время войны. В деревне мы были пришлыми, поэтому родственников у нас не было. Попросили у колхоза зерна, они отказали, сказали, что из нашей семьи никто не работает. Тогда я уговорила меня взять в колхоз, работала сначала в столовой, а потом и в поле стала выходить. Так и зерно у нас в доме появилось, и картошка. Было мне тогда четырнадцать лет. А когда вышла замуж, переехала к Миттьукам, а Груню увезли к дяде Мукасею в Аллагват. Свекровка меня невлюбила. В первый день после свадьбы послала она меня кизяки делать, и так я все работала у нее. Бывало, гулянка какая-нибудь, сама свекровь пьет, дядя Савелий пьет, а младшую дочь от работы бережет. Иди, говорит, Наташка, на кизяки или в огород. Так я и жила.

Потом переехали мы с Савелием в город, в бараки, там у нас была маленькая комнатка. Стали на заводе работать. А по выходным все равно в деревню, надо ведь маме помочь, маме там тяжело. А мама на мне и ездила. Ох, нехорошо про покойников так говорить... – осеклась она и осторожно перекрестилась.

– Ну, вот, так время и проходило, – продолжала баба Наталья вскоре. – Дядя Савелий пил сильно, не буду скрывать. Сколько я раз его по дворам искала, сколько раз домой тащила, уже и не вспомнить! А тут у меня ребеночек родился, Алешенька. Помню, маленький такой был и почти не кричал. Месяца ему еще не было, а тут у племянника свекровки свадьба, нас позвали. Я говорю, Савва, давай не поедем, а он: нет, нельзя обидеть родню. Вот и поехали с ребенком.

А поехали – это не как сейчас, прямо ко двору на своей машине. Тогда так добирались: на автобусе до Разъезда, а оттуда пешком. Через Ашкадар вброд перебирались. Там мы Алешеньку и застудили.

И вот они на свадьбе гуляют, а я с ребенком дома сижу. Он заболел, лежит, кашляет, я его тряпкой укутаю и к себе прижму. Потом заснул вроде. Я успокоилась, сама немного прикорнула. А просыпаюсь, смотрю, он уже синенький. Выглядываю в окно: никого нет, вся деревня гуляет на другой улице. Села и заплакала: не знаю, что делать. А потом смотрю: Николай Васильевич, помощник председателя, идет по дороге, я кричу ему, а сама плачу, задыхаюсь. Говорю, найдите, где гуляют, скажите Савелию: ребенок у нас умер. И вот скоро пришли и Савва, и братья его. Николай Васильевич тут же распорядился, гробик смастерили. А я смотрю, такой маленький. Спрашиваю, неужели поместится, а он говорит, что поместится...

А свекровка с дочерью только к вечеру вернулись. Я уже тогда успокоилась, ужин сварила. Свекровка говорит мне: давай, Наташ, сегодня похороним, зачем будет в доме стоять. А завтра уже картошку надо окучивать. Я согласилась: так мы и похоронили его.

– А ты говоришь, Марине, хорошо жили, всякое бывало, как у всяких людей, – закончила она и спокойно улыбнулась родственнице.

Стало тихо: было слышно, как бьются мухи в окно. Маша зажмурилась. Ей представились и пустой дом, и мертвый ребенок на столе, а вокруг чужая свадьба, все смеются и кричат проклятое «горько»... Наконец она открыла глаза и увидела, что баба Наталья ласково смотрит на нее.

– А вы часто приезжаете в деревню? – спросила вдруг Маша.

– Нет, куда уж нам, старухам, часто приезжать.

Маша хотела пригласить бабу Наталью заходить в гости, если получится, но не решилась. Женщины опять завели разговор, а она то слушала, то устало наклонялась к тете Марине и тихонько спала у нее на плече.

Вдруг сквозь сон Маша почувствовала движение и громкие голоса. Ее звали сестра Света и кто-то еще. Маша испугано поднялась, выбежала в сени. Торопливо огляделась в темноте, будто собиралась спрятаться. Больше всего ей не хотелось ехать сейчас с мужем и остальными в клуб. Она не знала, что же делать. Из кухни пахло сыростью, с крыльца доносился голос сестры. Тогда Маша нащупала позади ручку двери и потянула на себя. Это был вход в жилую часть дома, она была здесь первый раз.

Сначала Маша оказалась в просторной комнате, напоминавшей зал в городских квартирах. Через два больших окна проникал свет со двора, и мелькали знакомые фигуры. Под ногами лежал огромный шерстяной

ковер, так что Маша сняла обувь, прежде чем наступать на него. Посреди стоял большой диван, но она не решилась остаться прямо в зале, опасаясь, что ее сразу же обнаружат, если войдут в дом. На противоположной стене виднелись две двери, и Маша решила заглянуть туда.

Первая дверь вела в большую, но низкую комнату с одним окошком, занавешенным тяжелыми портьерами. Повсюду стояли шкафы, тумбы, а на каждой стене из-за шкафа виднелся краешек ковра. Маша поняла, что это была комната хозяев, и поспешила выйти, чтобы не задеть чего-нибудь ненароком.

Вторая дверь сильно скрипнула, и ей отозвались хрупкие половицы. Это была маленькая спальня с пустыми стенами; прямо у двери стояли письменный столик и крошечный платяной шкаф; у другой стены раскинулась тахта; над тахтой висела разбитая гитара без струн. В углу виднелась старенькая детская люлька. Маша легла на тахту и хотела уснуть, но смутное беспокойство не покидало ее. Она закрыла глаза и старалась вообразить, как ходит по комнате и рассматривает все вокруг. В шкафу она нашла невероятно красивое платье из тонкого шелка, хотела примерить его, но побоялась помять и потому оставила на вешалке. Потом ее внимание привлекла гитара на стене, старая, потертая, будто ручка рабочей косы или пастушьего кнута. Маша осторожно погладила теплое дерево. Наконец она подошла к люльке и наклонилась над ней, будто ожидая увидеть там настоящего ребенка. Но внутри лежала только большая мертвая кукла. Вдруг она поняла, что эта комната – ее будущая спальня, гитара на стене – ее мужа, а люлька загодя повешена для ее ребенка. Маша раскрыла глаза и подпрыгнула с тахты, не сводя глаз со страшной люльки. Ее охватил страх, будто она оказалась ночью на кладбище, и тогда она побежала прочь, ничего не видя перед собой.

Очнулась Маша, сжимая ручку двери в сени, и сильно заплакала. Она не хотела выходить к людям, но и не хотела возвращаться туда, в маленькую комнату. Маша села на ковер у двери и, опершись на стену, устало запрокинула голову. Тикали на стене часы.

Эссе

ДАРЬЯ ГОЛОВИНА, 2007 г.р., Иркутск

О ПРОСТОМ

Снежинки...

Такие простые в своём существовании, но, кажется, такие сложные и интересные в своём строении... Хотя, что может быть сложного в строении, при этом до невыносимости простое в своём совсем жалком, тихом существовании? Кому они нужны, эти снежинки?.. А они нужны... Они нужны зиме, уходящей, уже совсем холодной осени и бесконечному круговороту природы. Без них, без снежинок, не было бы той атмосферной, холодной, окутанной трескучим морозом российской зимы...

А кому нужна эта зима? Кто придумал, чтобы в году три месяца были обязательно с невыносимым холодом, от которого так и хочется спрятаться, укрыться под что-то тёплое и не выходить, как минимум, до весны. А ведь этот холод так и норовит укусить, ошпарить своим колючим, шершавым языком, оставляющим обледеневшую красноту на щеках и на пальцах. Кому нужна такая зима?.. Детям... Детям нужна такая зима. Ведь если бы не дети, мы бы не видели этих смешных снеговиков во дворах и на площадках. Не наблюдали бы за «взятиями снежных городков», не слышали бы весёлого, громкого смеха детей, катающихся на ледяных горках. А этот смех не грел бы нам душу, пока внешний мороз пытается нас ошпарить и укусить. Мы были бы лишены такого прекрасного развлечения и изящно красивого вида спорта, как фигурное катание... Всё было бы по-другому, если бы не снежинка. Если бы не снег, не холод, не зима...

А всё же у снежинок слишком жалкое существование... Мы ведь убиваем их, когда притрагиваемся к ним. Мы убиваем их своим человеческим теплом, в то время как они нуждаются в постоянном холоде, без которого их жизнь не имеет никакого смысла. Они просто падают с перешитого белыми облаками неба, прилипают своими мокрыми лапками к веточке высушенного куста или дерева, или к серому асфальту, и остаются там до тех пор, пока их кто-нибудь не сбросит или не затопчет. А некоторые остаются там до начала тёплой весны, которая превратит всю эту снежную, холодную красоту в серую грязь и в печально журчащие ручейки.

Вот так снежинки и проживают свою короткую, холодную, но имеющую большую важность в величавой природе жизнь. Ибо если бы од-

ной маленькой детали не было бы в этом огромном природном пазле, то он бы просто не имел никакого значения. Ничего бы не имело значения.

ДМИТРИЙ РЕЦ, 4 «Ж» класс, МБОУ г. Иркутска СОШ №57

МОЙ ПАПА – МОЙ ДРУГ

Мы с папой друзья с самого детства. Вместе мы собирали «Лего», по вечерам вместе ставили машину в гараж и вместе резали картошку на суп – правда, тогда у меня был игрушечный ножик.

Папа привел меня в хоккей, когда мне было пять лет. У меня не сразу всё получалось. Я расстраивался. Очень тяжелая форма, ноги не слушались – в такие моменты я был в отчаянии. Но стоило взглянуть на трибуну, папа подавал мне одному понятные знаки, и силы находились сами собой.

У нас с папой есть только наши мужские дела. Например, мы каждый год вместе открываем и закрываем дачный сезон. Мы приезжаем весной, как только растает снег, убираем участок и подолгу топим печь в доме.

Всё лето мы потом живём на даче, купаемся, играем и работаем, а как стемнеет, разводим костер. Папа называет его пионерским.

Лето заканчивается, и нам приходится возвращаться в город. В октябре мы с папой ездим консервировать дачу. Не понимаю, почему именно «консервировать»? Ведь мама консервирует огурцы и компоты. Но я не спорю и не спрашиваю. Главное, что мы едем на дачу!

Весь день мы упаковываем вещи и инструменты, а затем прячем на чердаке. После нас ждет жаркая баня. Такой жар не потерпят девочки, этот жар только для самых выносливых! После парилки мы обливаемся холодной водой (жалко, что бассейн убрали)! Мама бы этого не позволила, а с папой можно.

После бани мы на костре жарим шашлыки и едим их прямо с шампура, а ещё смотрим на звезды. Звезды на небе огромные и яркие, кажется, их можно достать рукой, если взять лестницу подлиннее. Папа показал мне много созвездий, и некоторые я могу уже найти сам. А ещё папа приручил огромную собаку, которая вышла на нашу дачу. К счастью, через день нашлись хозяева этой собаки и увезли её домой. Не знаю, было ли страшно папе находиться с ней, кормить и отводить её подальше от нас. Но я теперь тоже не боюсь собак, я научился с ними договариваться!

А ещё у нас в гараже две удочки. Правда, этим летом мы так и не вырвались на рыбалку, потому что папа всё время строил на даче дом. Но папа говорит, что всё у нас ещё впереди. И я ему верю!

*Сибирь!.. Напишешь это слово –
И вдруг свободная мечта
Меня уносит в край суровый.
Природы дикой красота
Вдали встает передо мною.
Иван Никитин*

Родина – как много в этом слове заключено глубочайшего, многогранного смысла, неочевидного порой, на первый взгляд, и каждый человек придаёт ему своё, особое значение. Для кого-то Родина – это отчий дом, где тебя всегда рады видеть, любимая и любящая семья, привычный быт и обстановка, счастливые воспоминания о беззаботном детстве. Для других Родина – состояние души; дом там, где сердце. Находясь далеко от места своего рождения, такие люди сохраняют настроения, модель поведения и менталитет своей страны. Можно покинуть дом, но покинет ли дом твою душу?

Я родилась и выросла в Сибири. И это – моя Родина. Наш край, словно древнерусский богатырь, – великий, могучий, порой беспощадный, но благосклонный и справедливый. Он богат разнообразными природными красотами: древний и глубочайший Байкал с кристально-чистыми водами; изумрудная тайга, раскинувшаяся вековыми соснами по всей Сибири; крутые горы-великаны, высокой стеной заслоняющие нас от всех напастей; пушистые поля и колючие колосья, переливающиеся на солнце ярче любого бриллианта. Наша природа удивительна и прекрасна. Она вдохновляет меня на новые свершения, успокаивает, заставляет чувствовать себя частью огромного целого.

Наш климат суров и изменчив, но именно он осенью наряжает леса в золотое убранство, а зимой окутывает белоснежным серебром и кристальными льдами; весной – проливает ручьи и украшает молодой зелёной травкой полянки, а летом дарит сибирякам такое долгожданное тепло. Жара и холод нашего края закаляют дух и тело каждого из нас. Сибирь наполняет легкие чистым воздухом, а голову – ясными мыслями. «...И рад я, что ветер тревожит, что тучами давит меня... приятно дышать и идти...» – писал Наум Коржавин в стихотворении «В Сибири».

Любить свою малую Родину – значит, не только наслаждаться неземными видами и красотой природы, но и бережно хранить интеллектуальное и творческое наследие. Скольких замечательных и талантливых деятелей искусства, спортсменов, ученых, военных и просто хороших

людей вырастила и отправила в свободное плаванье Сибирь. Мы должны гордиться тем, что мы – сибиряки.

Любить Сибирь – значит, не забывать ее историю, длинную, порой кровопролитную, но всегда честную и справедливую. Историю, связанную с коренными народами Прибайкалья, которая учит нас уважать и ценить образ жизни и традиции людей других наций, ведь поистине необычайно интересно жить в многонациональном мире, многогранном, необъятном...

Любить Родину – значит, стремиться не допустить ошибок прошлого, делать все для ее благополучия в настоящем и стремиться к светлому будущему. От каждого сибиряка, от каждого гражданина России зависит, какая страна ждёт нас в будущем. Мы должны сохранять природные ресурсы и заботиться о животных; ценить и приумножать интеллектуальные богатства; уважать родной дом, помнить историю. Вот, что для меня значит по-настоящему любить Родину.

Российское гражданство, паспорт и прописка делают нас россиянами на законодательном уровне. Но я считаю, что истинным россиянином может звать себя только тот, кто искренне и бескорыстно любит, уважает и ценит Россию. И я с гордостью могу сказать: я – россиянка, потому что моя Родина – Иркутск, Сибирь, Россия, и я люблю ее.

АЛЕКСАНДРА ЧАЙКА, 17 лет, МБОУ г. Иркутска СОШ №57

МОЯ ЛЮБОВЬ К РОДНОМУ КРАЮ

Что же такое для меня Родина?

У каждого человека есть свой родной уголок в мире. Для меня это родной край – Иркутск; дом, место, где каждый день я встречаю новые закаты, рассветы и верю в каждый завтрашний день. Родина – далеко не вся Россия; это места, где душа разбросала свои частички по родным уголкам, оставив тёплые воспоминания о каждом. Нет ничего дороже этих маленьких частичек, пусть они и ведут к надломленным скамейкам во дворе или к красивому, сверкающему яркими ночными огоньками центру города.

Моя родина – Иркутск, я верю, что каждый город имеет свой характер. Мой город представляется мне старым, мудрым рыцарем, который оберегает свой народ.

На такой образ меня натолкнуло стихотворение Инны Молчановой «Иркутская постель»:

*Думал я, проходя под окошками теми,
Что на свете величественней не найти.*

*Городов, где такие же были бы теремы,
Городов, где такими же были бы мы.
Под резными под теми лилась кружевами
Задушевная песня моих стариков...*

Вот она Родина! Собственный мир с теплотой и уютом, привязанность к своему дому, окружению, воспоминаниям. Как вечный огонёк в сердце, что каждый день выжигает новую причину привязаться к нему сильнее.

Куда же ещё сильнее? Стоит взглянуть на Байкал, как вопрос становится до безрассудия глупым. Он как большой щит для всех Иркутян, или как длинный, нежный узор в виде полумесяца на платье таинственной незнакомки.

Таким мне видится Байкал. Такой мне представляется моя Родина, дорогой, милый город. Дороже воспоминаний о родном крае не найти, и это то, что можно назвать поистине бесценным, что есть только у меня и останется со мной на протяжении многих лет.

ЮЛИЯ ТЕТЕРИНА, 17 лет, МБОУ г. Иркутска СОШ №57

Сколько всего теряется в суете дней... Бывает, идешь себе по важным делам и ловишь себя на мысли, что что-то забыл, что-то очень важное...

Вдруг захочется остановиться, буквально на минутку, и посмотреть вокруг себя – на людей, проходящих мимо; опустить взгляд и рассмотреть лужи и мокрый шершавый асфальт.

В такую минуту умиротворения возникает удивительная возможность заглянуть за невидимый занавес обычного дня, в самое загадочное место для любого человека – в глубины собственного «я», в самые потаенные уголки души...

«Я закрываю глаза для того, чтобы видеть»

Поль Гоген

Я закрываю глаза...

И вижу – стою на обрыве.

Внизу – дикий грохот бушующих волн,

Стаи птиц улетают в причудливом клине,

Сквозь танец дождя и ветров среди крон.

И птицы все выше и дальше вдали

Но за кем и куда те летят?

Не природы ли шепот услышать смогли
И подсказки им счастье сулят?

Не туда ли, где тихо и мирно плывут
И уходят в закат облака,
Где в назначенный час луча первого ждут,
Чтоб гореть на восходе с утра.

...

Сидишь в тени у кедра –
Пути усталость снять,
Послушать песни леса,
Их мудрость перенять.
В стальной походной кружке
Душистый аромат –
Чабрец, малина, мята –
Букет таёжных трав.

...

Здесь всё – Сибирь, здесь всё – её владения:
И буйство красок утренней зари,
И кружка чая, в ней частичка неба,
Здесь всё имеет часть её души.

«Отчизна – это край, где пленница душа»

Вольтер

...И ты открываешь глаза. Смотришь по сторонам. Уже давно забыто то, куда ты шел и с какой целью. Да и не хочется вспоминать, если можно просто остановиться, буквально на минутку, и посмотреть вокруг себя – на мир, который стал не тем, чем был раньше. Он на мгновение накрывается пеленой другого, неведомого нам – в волосах начинает танцевать ветер, в нос ударяет запах дождя, под ногами возникает гравюра таинственного горного мастера, а в ней, как в дорогой раме, разбивается на тысячи кристальных осколков жидкое серебряное зеркало, где отражаются мягкие и пушистые, бегущие к закату облака...

А внутри тебя разрастается что-то теплое, неуловимое и слегка печальное; то, что возродило призрачный мир видений. И имя этому – воспоминания.

Воспоминания о месте, времени и чувстве. Воспоминания о Родине.

Посвящается... Александру Казинцеву

АНДРЕЙ ТИМОФЕЕВ, 1985 г.р., Москва

Утром седьмого декабря, как только пришло неожиданное и страшное известие о смерти Александра Ивановича, социальные сети наполнились множеством личных записей, в которых были – боль, растерянность, благодарность. Причём писали в основном люди молодые. И все в один голос говорили о нём как о своём учителе.

О новом поколении в литературе Александр Иванович начал говорить задолго до появления «новых традиционалистов». Помню его небольшую заметку в «Дне литературы» в 2014 году, где он уже называл конкретные имена молодых авторов поколения, которые тогда ещё были «двадцатилетними». Молодые стали его последним большим проектом. Он лично приглашал интересных авторов, редактировал «молодёжные» номера «Нашего современника». По крупницам создавал и скреплял поколение в единое целое.

А мы принимали его внимание и заботу как должное, не понимая до конца, какой труд стоит за его деятельностью. И сколько веры в молодость нужно, чтобы серьёзно рассматривать наши первые неловкие шаги, угадывать в них что-то талантливое, развивать это талантливое, редактируя рукописи, исправляя ошибки, поддерживая. Мы ценили его недостаточно – как не можешь оценить явление, находясь с ним «лицом к лицу», как не можешь до конца оценить родителей, пока они рядом. Возможность показать любую новую вещь, позвонить по любому поводу, найти понимание и поддержку. Услышать мнение человека, понимающего и тонко чувствующего литературу. Мы привыкли к нему, как привыкаешь к родному дому. А он ушёл, и осталась пустота сиротства.

Он часто критиковал, но делал это, ласково улыбаясь, как будто говоря: ничего, ничего, скоро и сами поймёте. И действительно, время проходило и оказывалось, что он был во всём прав.

Думаю, нам ещё предстоит осмыслить Александра Казинцева уже не как человека, а как крупную фигуру в русской литературе XX-XXI века. Перечитать его статьи и стихи, ещё раз оценить его роль в русском движении, его подвижнический труд на благо литературы, его влияние на творчество и на судьбы многих писателей.

АЛЕКСАНДР ТИХОНОВ, 1990 г.р., Омск

ВСЕГДА СОВРЕМЕННЫЙ АЛЕКСАНДР КАЗИНЦЕВ

В 2016 году Александр Казинцев выдернул мою рукопись из «самотёка», выделил среди множества стихотворных подборок, приходящих на электронную почту журнала «Наш современник». Не ошибусь, если скажу, что многие молодые авторы журнала попали на его страницы, благодаря неустанному поиску, который вёл Александр Иванович. Он открывал читателям всё новые имена, пестовал каждого, следил за творческим ростом и искренне радовался успехам, как способен радоваться сильный писатель и настоящий наставник.

Мне довелось бывать на его семинарах трижды: Иркутск, Кемерово, Ульяновск. Именно в Ульяновске пришло понимание масштаба личности Казинцева, да и вообще многое встало на свои места.

Мы с ребятами с семинара «Нашего современника» удивительно сдружились за несколько дней. С утра и до поздней ночи общались, обсуждая прочитанное, гуляли по городу. Такие разные, но почти каждого Александр Казинцев когда-то выдернул из «самотёка» жизни и помог понять себя.

В предпоследний день Форума все участники собрались на поэтический вечер, где блистали редакторы «толстых» литературных журналов. Знаковые поэты современности, держащие руку на пульсе отечественной литературы, читали свои стихотворения молодым авторам и гостям вечера: пространно, многозначительно, нарочито возвышенно. Казинцев выступал одним из последних. Огляделся, улыбнулся, мурлыкающе поприветствовал всех и вдруг начал читать, словно в последний раз:

*Сколько тут домов снесли
под один замах,
лишь проплешины земли –
память о домах...*

Громко, чётко, с такой бешеной энергетикой, что мы вжимались в кресла, поражённые мощью таланта и искренностью наставника. Ему не нужно было кому-то что-то доказывать, бряцать наградами, играть с формой и содержанием. Наш! Наш Александр Иванович с горящим взглядом читал... Не читал даже – проживал, вколачивал в сознание собравшихся строку за строкой.

Русский писатель и наставник: интеллигентный, спокойный, мудрый, с достоинством и тактом отвечавший миру, где вся жизнь – «са-

мотёк», и готовый отстаивать принципы и ценности, не поступаясь честью. Настоящий. Наш Александр Иванович!

АНДРЕЙ АНТИПИН, 1984 г.р., п. Казарки Усть-Кутского района

ПРОЩАНИЕ С МОЛОДОСТЬЮ

Я не знаю, как дальше жить. Никто не ждал моих новых произведений, как он, никто так не радовался им, даже самые близкие люди. Уже само существование этого человека было сродни свечению путевого створа в том крошечном тупике, о котором он писал и где выпало на долю родиться и жить литераторам нашего поколения, благословлённым его лёгкой рукой.

Но понял я это только сейчас, как всегда мы опаздываем в своих главных оценках. Да и откуда было знать, что нужно поторопиться? Почему-то и мысли не возникало, что его может не стать. Как будто он бессмертник какой-то, призванный оберегать нас миллиарды лет, лететь над нами в этой ледяной Вселенной, стоять за нашим правым плечом, как добрый ангел-хранитель.

Он бы, пожалуй, и оберегал, если бы Господь не распорядился иначе. Наверное, и кончина его – суть напоминание нам о чём-то таком, о чём мы не то чтобы забыли, но до чего ещё не дерзнули додуматься, не успели дожить. Весть о том, что молодость прошла, и вот каким грустным финалом ознаменован её уход.

Прощание с молодостью всегда печально, а наше прощание с нашей молодостью отныне печально вдвойне. Прощайте, Александр Иванович. Вы стали молодостью нашей жизни, таким и пребудете в памяти. Ребята из Москвы в эти дни сойдутся возле вас, как и при вашей жизни сходились. А вам мой последний поклон из глубины Сибири, где на протяжении почти десяти лет нашего знакомства меня согревала каждая ваша весточка.

7 декабря 2020 года

МАКСИМ ЖИВЕТЬЕВ, 1983 г.р., Иркутск

АЛЕКСАНДР КАЗИНЦЕВ – БЕЛИНСКИЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Александр Казинцев самым своим личным присутствием изменял пространство вокруг и замыкал на себе, стоило ему просто войти в аудиторию или появиться на улице. Спокойно, уверенно, не привлекая внимания. Это происходило само собой.

Впервые я увидел Александра Ивановича на Международном литературном форуме 2013 года в столовой пансионата подмосковных Липок. Он выглядел таким недостижимым. Казалось, что никогда не решусь подойти, заговорить, появиться на семинарах «Нашего современника». На следующих моих «Липках», которые проходили в Иркутске, решился, и с тех пор – только «Наш современник». Вместе со мной за несколько последних лет семинары литературного мастерства с участием Александра Казинцева (Школа СФО в Кемерово, Липки и Химки) посетили Василий Попов, Антон Макаров, Екатерина Куйдина (Сереброва), Наталья Папенко, Вячеслав Демин – молодые земляки-писатели из Иркутской области.

Дружный семинар «Нашего современника»

В Ульяновске в рамках XIX Форума Александр Казинцев произнес важные, на мой взгляд, слова (впрочем, все, что бы он ни говорил, было важно): «Нет в наше время Белинского, что поделаешь», – и улыбнулся своей неизменной и многозначительной улыбкой. Эти слова остались самым ярким воспоминанием тех «Липок» 19-го. Приняты и поняты – отчасти.

Утром 7 декабря 2020 года, когда страна была ошарашена новостью об уходе Казинцева, пронзила мысль как откровение: «Ушел Белинский...» Не меньше.

Величина Александра Ивановича Казинцева, глубина его мысли, слова, влияние на литературный процесс, смелость, мягкая безапелляционность – в этом с ним тягаться некому. И незачем. В литературе ему

можно было многое – то, чего нельзя, он и не делал.

Легко найдет простые аргументы в любой, пусть самой острой, ситуации. Попросит – не откажешь. Откажет – и правильно сделает! Похвалит или пожурит – справедливо. Скажет ровно то и столько, сколько ты готов понять.

Подозреваю, он озвучил и в своих статьях только то, что нам сейчас достаточно знать, а видел намного больше и дальше.

В феврале 2020 года в Химках на Школе, посвященной организации периодических литературных изданий, одним из мастеров был неизменный Александр Иванович Казинцев. У меня пока был только проект журнала. Будет сам журнал или не будет – еще неизвестно. Уже тогда Александр Иванович посоветовал: «Максим, всегда начинай журнал со вступительного слова редактора. Поэзию не все любят». Коротко и ясно. С уверенностью, что журнал выйдет.

И вот октябрь 2020. Самый первый номер готов, а я неделю не решаюсь приступить к главному – Слову редактора. Ночью снится Казинцев. Мы молча стоим у Музыкального театра: Иркутск – как на ладони. Потом, не произнося ни слова, идем по мощеным иркутским улицам. Молчал Александр Иванович всегда тоже многозначительно: достаточно взора и энергетики величины личности, за счет которой искривляется пространство вокруг. Так молчать мог только он. На этот раз – сурово, умиротворяюще и уверенно. И непонятно было, кто из нас – я или он – пристально и проникновенно любуется Иркутском, его старинными домами, развороченной серой каменной плиткой мостовых, желтым песком, на который эту каменную плитку вот-вот разместят, и свинцовым осенним небом, сквозь пелену которого светило белое солнце, рассеянным на все небо светом.

С этим всепоглощающим и непреходящим спокойствием и уверенностью можно было утром сесть и писать.

Второй номер «Азь-арта» и снова Слово редактора.

6 ноября 2020 года. Вечер. Лень... Сел. Дописал. Помню, что не хотелось. Но было ощущение, что надо. Именно сегодня, именно сейчас.

Утром А.И. Казинцева не стало. Как?! Всё как в тумане. И только одна постоянная мысль сквозь слёзы: «Ушел Белинский». И давящая пустота.

Химки – 2021. Закончилась программа организаторов литпроцесса. Мы с Юрой Харлашкиным еще два дня гуляли по Москве. Зашли в храм. Второй раз в жизни поставил свечку за упокой. И на этот раз не своему кровному отцу А. Живетьеву...

Покойтесь с миром, Александр Иванович!

ВЛАДИМИР СКИФ, 1945 г.р., Иркутск

ПРОБИВШИЙ «СТЕКЛЯННОЕ» НЕБО

*Александру Казинцеву,
автору книги «Россия над бездной»*

Саша Казинцев, Вы – критик известный,
Вы – аналитик, мудрец, публицист.
Страшная книга «Россия над бездной»
Не отпускает... Я с нею завис

Над полонённой, угрюмой Отчизной,
Ныне охваченной чёрным огнём.
Что ж мы над бездной, как будто над тризной,
Так и забудемся, так и заснём!?

Клятвы за Родину мы не нарушим!
Мы поклялись животом и судьбой,
Что закалённым словесным оружием
Будем вести наступательный бой,

Чтоб уберечь от предательских танков
Душу России и Память её,
Чтобы очистить от бесов, мутантов
Русь – родовое гнездовье своё.

Мы не отравимся бездною ржавой,
Мутным фантомом исчезнет она.
Будет Россия – Великий Державой!
Будет Россия – на все времена!

1996

* * *

Александру Казинцеву

Звонит надо мною большое стеклянное небо,
Царапает душу колючая, ломкая высь.
Ещё далеко до осеннего первого снега,
А птицы, как пули, уже в никуда понеслись.

За ними душа, словно ласточка,
в небо рванулась,
За край горизонта ушла и на самом краю

АЛЕКСАНДР КАЗИНЦЕВ, 1953-2020, Москва

Окончил факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова и аспирантуру при МГУ по кафедре критики и публицистики. С 1981 года сотрудник журнала «Наш современник», с 1988-го – заместитель главного редактора. Ведущий авторской рубрики «Дневник современника». Поэт, критик, публицист. Автор около 200 публикаций в журналах «Наш современник», «Литературное обозрение», «Вопросы литературы», «Октябрь», газетах «Литературная газета», «Литературная Россия», «Завтра» и других, часть которых переведена на английский, испанский, французский, китайский, арабский и другие языки, а также двух десятков поэтических публикаций. Автор 7 книг, в том числе «Новые политические мифы» (1990), «Россия над бездной. Дневник современника 1991–1996» (1996), «На что мы променяли СССР? Симулякр, или Стекольное царство» (2004), «Возвращение масс» (2010), «Имитаторы. Иллюзия «Великой России» (2015), «Сила земли» (2021). Лауреат Большой литературной премии за лучшую книгу 2010 года, премии «Прохоровское поле», премий им. Н. Гумилёва и Б. Корнилова.

* * *

Удивительно пахнет дождём –
воздух соткан из влаги и воли,
жадно дышишь и веришь с трудом,
что сугробы мы перебороли.

А зима бесконечной была,
опостылело это убранство –
как посмертная маска бела
затвердевшая корка пространства.

Девять месяцев – гипсовый гнёт,
воздух в струнку, деревья ни шагу,
и казалось, что кончится год
и земля под снегами умрёт,
не всосав животворную влагу.

А теперь – до ростка, до комка
глинозёма – всё дышит весною,
и течёт как ночная река
в отраженьях асфальт подо мною.

И безумный, казённый, любимый
город, вырванный из-подо льда,
и машины, летящие мимо,
одуревши, не зная куда,
в гром, в жару, где сирени в пыли, –
всё омыто прозрачной водою,
всё омыто водой молодой,
властным запахом мокрой земли.

1976

* * *

Земля моя, моя родная,
в снегу, бетоне и стекле –
и всё-таки такая земляная,
как и положено родной земле.

Всё, что в тебя вминали сапогами,
что грейдера отвалами скребли,
открылось в нас, нет – больше – стало нами,
живою памятью земли.

Что ждало нас – бредовая наука,
ночной кошмар, облипший наяву,
полупустых аудиторий скука,
профессора со стажем ГПУ.

По вечерам неряшливость прилавка,
свет неживой струится со стены,
в мясном отделе часовая давка –
глаза опущены и скулы сведены.

А слева за окрашенной решёткой
в нетопленном отсеке угловом
теснятся мужики за водкой
и прячут шкалики за рукавом.

Где родина, где купола златые,
концерты, выставки, разъездов кутерьма? —
Продмага три ступеньки ледяные,
над входом лампочка, на улице зима.

Так как же эта чёрная громада —
оранжевые окна в вышине —
удерживается от распада,
глядит хоккей из Ленинграда,
когда гореть пристало ей в огне?

.....

Но если кровь течёт не как руда —
твердея, каменея, пламенея —
перегнаны сквозь сердце вместе с нею,
встают в былом величье города.

Тогда над деревцами, колеями,
бетонными коробками жилья
восходят храмы, блещут куполами,
безгласыми гудят колоколами,
и это память, это кровь моя!

1979

* * *

Сколько тут домов снесли
под один замах,
лишь проплешины земли —
память о домах.

Взялся поздний снегопад
выбелить дотла
пустоту, где год назад
жизнь своя текла.

Паром дверь заволокло –
вход по одному –
застоялое тепло
плещется в дому.

Газовых конфорок пыл,
жар кухонных ссор.
А какой тут запах плыл
за окно во двор!

Коридорной лампы свет
жалко оголён.
На стене велосипед
косо закреплён.

В белом воздухе пустом
в двадцать пять венцов
высится снесённый дом
без своих жильцов.

Словно струи сквозь золу,
в землю, в корни трав,
все они ушли во мглу,
слова не сказав.

1978

* * *

По жухлым травам просеки сквозной
летит тяжёлый ветер земляной
и листья пред собою гонит валом –
зелёную апрельскую тщету.
Они разваливаются на лету
и бьются ураганом обветшалым,
не покрывая дёрна наготу.

А в вышине воздушное движение –
торжественно рождается весна –
клубятся тучи, ширится свечение,
и растекается голубизна.

И птицы рвутся в светлые проёмы,
и прутья тычут почки в вышину,
и кажется, что отголоски грома
бесповоротно утвердят весну.

В гранитном парке сталинских домов,
чьи капители расцвести готовы,
фосфоресцирующий свет лилов
и мостовые мокрые лиловы.

И над слепой доверчивой весной
летит тяжелый ветер земляной,
окрашенный свечением лиловым,
валы листвы уже изнемогли,
и только руки тянутся с земли,
туда, где птицы развернулись снова
и за покров сияющий ушли.

1976

* * *

Я в мир отражений войду,
в зелёные кущи забвенья –
и будет как в нашем саду
просторным листвы шелестенье.

Она не успела отечь –
громада ветвистая эта,
покамест не сбросила с плеч
дождливую музыку лета.

Но длится зелёная мгла,
но солнце в любое мгновенье
ударит в верхушку ствола
в разгар трепетанья и пеня.

.....

Москва окунулась в листву,
в сиреневый воздух незрячий –
Москва покидает Москву
и за город рвётся на дачи.

1978

ОДА ПУСТЫРЮ

Зажатый стройкой с четырёх сторон,
он неизменно в небо обращён.
Поёт железо на высокой ноте,
жарою пышут корпуса машин,
а он застыл в могучем развороте
спрессованных на солнцепёке глин.

Клочок земли измусоренной, бедной
курчавится ромашкою целебной,
и одуряет травяной настой,
настоянный прогретой высотой,
и запах подымается к листве,
такой же цепкой, чахлой, пропылённой,
и – на Кольцо – и льётся по Москве,
отвалами бульдозеров снесённой,
грузовиками за город свезённой,
в пожарном оцеплении сожжённой.

Из кирпичей фундамента трава
Выглядывает с видом торжества.
На щит ромашки встала синева,
и нет опоры крепче и просторней,
чем кирпичи, соплодия и корни,
которыми чем дальше, тем упорней,
девятый век уже жива Москва!

1977

* * *

Остановился воздух. Стебли трав,
и зонтики душистые цветов,
и ветки ароматного жасмина,
и старого шиповника гряда,
настой земли, на солнце разогретой –
все запахи как будто напряглись,
слились в один, утратили все свойства.

Образовался плотный щит воздушный,
замешанный на мощной светотени,

и небо положили на него:
огромный материк и океаны,
в лазури огненные острова,
пылающая над землёю карта!

В нагретом электрическом пространстве,
пульсируя копилось напряжение.
Умолкли птицы, лес обезголосел,
теперь стояла тишина такая,
что кажется, вот-вот расколет небо
мгновенный ослепительный разряд.
Сетчатка глаза выцветет, когда
вернётся зренье – поздно, не заметишь,
как две плиты сомкнутся по разлому.

Мгновенье напряжения. Минута
мучительного чудного настроя!
Две, пять минут... Вдруг карта неба гаснет,
проносятся стрижи, идёт прохлада,
а небо выцветает, вечереет,
и делается бледно-голубым.
Уже запахло свежестью ночной,
и потемнели елей силуэты,
и в светлое открытое окно
ко мне ночная бабочка летит.

1976

ПЕРЕД РАССВЕТОМ

Памяти отца

Что на тело смотришь ты, душа,
сторожишь пустую оболочку,
в памяти события вороша,
теребя имён и лиц цепочку?

Каково тебе сидеть одной
в зале с голым светом посредине,
в страшной невесомости земной,
в кафельной сверкающей пустыне?

А над толщей сводов и палат,
там, куда крыла твои воздеты,
зимние созвездия горят
и, пылая, движутся планеты.

И о чём-то ангелы поют –
ты ещё не поняла ни слова,
ты, томясь и сокрушаясь тут,
вся во власти языка земного.

Ты ещё не поднимаешь взор,
ты ещё сидишь осиротело,
не решаясь вознестись в простор,
в звёздный мир из своего придела.

1976

* * *

Я не могу остановить ресницы,
глаза и волосы. Но я могу
запрятать вглубь исписанной страницы
двухцветный талый воздух на снегу.

Я запихну весь разворот пространства,
деревьев щётки и полёты птиц,
чтоб сохранить на веки постоянство
застывших в этом воздухе ресниц.

Ты так далёко, ты за город целый,
за жизнь – свою, которая родней, –
за провода троллейбусов, за белый,
предсмертный снег с газонов площадей.

Жизнь подступает чёрною весною,
и даль перегоревшая грустна.
И вот она стоит передо мною,
как чудеса тревожная, весна.

1973

* * *

Что делать мне – дождливый воздух пуст,
такой щемящий и такой прозрачный,
как тот вишнёвый невесомый куст,
вчера расцветший у ограды дачной.

А дождь прошёл, и все сады в цвету,
и брезжит вечер в лепестковой гуще,
как будто въяве видишь пустоту,
объемлющую этот рай цветущий.

1976

* * *

Вода стоит. И облака
по грудь уходят в воду. Веток ивы
касаются. Река нетороплива,
и вечность зелена и глубока.

А там на убегающих холмах
огромный мир залит кипящим солнцем,
и потемнев, и с ужасом в глазах
большая туча в стан грозы несётся.

Как нестерпимо блещет море крыш
всё в оловянных, мёртвых вспышках света.

.....

Ты на плече моем тихонько спишь
в вагоне поезда, летящего сквозь лето.

1973

* * *

М. Лукичёву

Есть в первом настоящем снегопаде
какой-то грустный преизбыток сил.
Вы посмотрите – он не то что за день,
за полчаса весь мир преобразил.

И вот уже во двор выходят дети
и тычут в снег лопаткой для песка,

и скатывают ком, второй и третий –
и ставят с торжеством снеговика.

И всё стихает, словно это сад
в глуши, а не в полметре от движенья,
и ветки невесомые парят,
как вишни в мае в первый день цветенья.

Глаза закроешь – до чего светло!
А небо нависает тяжело
над жёлтыми разбухшими домами,
над пэ-образным вырезом двора.

Теперь пойдут такие вечера,
и только снег пребудет вместе с нами.

1976

БЛАГОДАРЕНИЕ

Строй деревьев в преддверье заката –
луч с верхушки на землю упал,
день огромный, как будто кантата,
разрастается в светлый финал.

И в наплывах зелёного света,
словно в сонном спокойствии вод,
к равноденствию движется лето,
и зелёное солнце плывёт.

И бескрайно уже славословье,
но все ширится, ширится хор,
завершая, скрепляя любовью
все разрозненное до сих пор.

И в блаженные эти мгновенья
всё мне кажется – это за нас
мир громадный и полный значенья
превращён в благодарственный глас.

1973

ЗИМА НА АРБАТЕ

Вот я опять на улице старинной,
слоистый снег идёт с рассвета дня,
и запах новогодний, мандаринный
под скрип шагов преследует меня.

Но я не вынесу с граненой формой спора –
пускай войдут в чередованье стоп
заснеженные шишаки забора,
еловой веткой машущий сугроб.

И я скажу: осыпалась рябина
и ягоды краснеют на снегу.
Нагнусь, носком ботинка пододвину –
рябина? Да, рябина на снегу.

А снег идёт, а снег летит крылато,
всё шире, всё сильнее – заносит он
оконницы особняков Арбата –
московских переулков сон.

А снег летит, как будто из придела,
где звёзды высятся, сокрыты пеленой.
И потому такой холодный, белый,
наполненный колючей тишиной.

* * *

О, Господи, великолепный день –
какое солнце светит над домами!
Москва блаженствует – ей даже думать лень –
укрытая глубокими снегами.

Морозный ангел реет над Москвой,
и крылья блещут розовым и синим.
Небесной надышавшись синевою,
по воздуху скользят разини.

Они плывут в универмаг большой,
цепочкой чёрною над снегом бирюзовым,
и взявшись за руки, и с чистою душой
несут оттуда светлые обновы.

А там, поверх их задранных голов,
храня в полёте ряд и расстояние,
такси летят, светлея меж стволов,
вмерзающих в холодное сиянье.

Прозрачно время, видно даже дно,
секунды бьются подо льдом непрочным
и вот скопились; и сейчас оно
прольётся родником проточным.

И пахнет дымом – но откуда дым,
откуда знак тепла и расставанья,
над городом блаженно-голубым,
над мощным кругом пенья и сиянья?

1976

События

О КРУГЛОМ СТОЛЕ «ФИЛОЛОГИЯ И ЛИТЕРАТУРА СЕГОДНЯ: ВЗАИМНЫЕ ОЖИДАНИЯ»

В конце сентября ИФИЯМ ИГУ организовал конференцию «Литература Сибири в социокультурном пространстве», которая была посвящена столетию литературоведа, критика, доктора филологических наук Василия Прокопьевича Трушкина.

В рамках мероприятия работали шесть секций, доклады на которых были призваны ответить на важные вопросы – что отличает сибирскую литературу от других текстов русской поэзии и прозы, насколько велика в этом роль особой ментальности населения и географического расположения региона (между Западом и Востоком). Иными словами, на научном уровне обсуждалось, чем самобытны местные авторы, что ценного они привнесли в русскую литературу, что привносят сейчас, если говорить о новых именах, и что способны привнести в принципе.

В рамках конференции 24 сентября также прошла встреча филологов, литераторов и театральных деятелей в формате круглого стола. На мероприятии присутствовали представители Союза писателей России, Союза российских писателей, театра имени Н.П. Охлопкова, преподаватели Госуниверситета. Модератором обсуждения выступила заместитель директора Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации ИГУ **Екатерина Сумарокова**.

Заведующая отделом прозы журнала «Сибирь», заместитель директора Иркутского Дома литераторов **Светлана Зубакова** рассказала о заметных молодых авторах, которыми прирастает иркутская земля: об Андрее Антипине, Игоре Корниенко и Юрии Харлашкине. Светлана добавила, что, вопреки распространённому мнению, местные писатели продолжают не только линию деревенской прозы: многие из них работают в совершенно ином русле социальных вопросов и тем. А из перечисленных авторов писателем-деревенщиком является лишь Андрей Антипин. Так что хорошие писатели есть, а вот чего остро не хватает, по мнению Зубаковой, так это разнообразия жанров: почти не представлены утопии, антиутопии и фэнтези.

Методист Иркутского Дома литераторов **Юрий Харлашкин** присовокупил к словам старшей коллеги, что на самом деле, молодые дарова-

ния, работающие в этих жанрах, есть, только пока ещё набираются опыта. С его точки зрения, определённо стоит следить за развитием такого автора, как Михаил Тепляшин, который как раз таки пишет фэнтези. Также Юрий затронул тему развития современной сибирской драматургии. Он рассказал, что весной 2021 года был проведён конкурс пьес «Весна драматурга». К сожалению, по словам Харлашкина, конкурс нельзя назвать удавшимся и достигшим цели, так как присланных работ было слишком мало, и новые имена открыть не удалось.

Поэт **Артём Морс** призвал иркутских филологов активнее подключаться к критическому разбору произведений местных авторов. Он отметил, что литературоведческая работа важна и нужна, но, как правило, остаётся фактом науки и не доходит до обывателя. А потому, чтобы о современных писателях Иркутской области узнавали, желательно, чтобы филологи писали, в том числе статьи критического характера, и предлагали их для публикации в толстые журналы регионального уровня: «Сибирь», «Сибирские огни», «Байкал».

В свою очередь, писатель и журналист **Светлана Михеева** акцентировала своё внимание на том, что журнал «Сибирь» довольно давно перестал выполнять задачи именно литературного журнала. По её мнению, это, скорее, общественно-политическое издание, представляющее интерес для узкого круга читателей. Причина: литература региона остается за кадром, полемика по острым вопросам не предполагается. Светлана считает необходимым пересмотреть в этом отношении редакционную политику, ну и, конечно, больше поддерживать молодых интересных и самых разных писателей, давая им возможность публикации на страницах «Сибири». Также Михеева коснулась темы профессионализма, ведь «если писатели ратуют за внесение профессии "писатель" в реестр профессий, то они должны быть профессионалами». При этом, как считает Светлана, в Иркутске формированию профессиональной среды мешает разрозненность: Союзы, филологическое сообщество, читатели существуют сами по себе, не пересекаясь и порой не зная друг о друге.

Несколько пессимистично прозвучали слова доцента кафедры новейшей русской литературы ИФИЯМ ИГУ **Натальи Подрезовой**. Она рассказала о небольшом опросе, который провела среди студентов-филологов на тему, каких критиков они читают. Опрос показал, что большая часть филологов вообще не читает критические статьи. Поэтому, по словам Натальи, особого интереса у общественности именно к критике в настоящий момент нет и не будет, раз уж даже учащиеся профильных факультетов его утратили. Критика сейчас, по мнению Натальи, представляет собой область знаний для узкого круга лиц. С ней поспорил поэт

Артём Морс, указавший на то, что и поэзия не для каждого, и у многих людей вообще нет потребности её читать, однако это не даёт нам права утверждать, что не нужно писать стихи. То же самое с критикой. По словам Морса, если она не рассчитана на широкий читательский круг, это не означает, что ею не нужно заниматься.

С речью также выступила руководитель литературно-драматической части Иркутского академического драматического театра им. Н.П. Охлопкова **Татьяна Довгополая**. Она рассказала о высоком запросе у театра на специалистов, которые писали бы критические статьи на постановки. Как уточнила Татьяна, несколько раз театр уже подготовил себе отличные кадры. Эти авторы интересно и ярко разбирали спектакли, отмечали плюсы и минусы, способствовали повышению зрительского интереса. Однако проблема состоит в том, что эти кадры уехали работать в крупные города. Довгополая отметила, что сейчас театр сотрудничает с двумя молодыми перспективными театральными критиками (один из которых постоянный автор журнала «Азь-арт» Елена Жданова – Прим. автора), и надеется, что они никуда не уедут. Тем не менее, руководитель литературно-драматической части попросила филологов по возможности обеспечить приток начинающих специалистов в этой области. Сам театр, в свою очередь, готов содействовать их дальнейшему профессиональному росту.

Также в ходе обсуждения было принято решение о возобновлении работы литературной студии в ИГУ. Однако присутствующие предложили сделать её межфакультетской, а не узконаправленной, работающей только с филологами и журналистами. Вторым решением стало возобновить конкурс «Продвижение», долгое время проводившийся Госуниверситетом. Мероприятие позволяло выявлять творческий потенциал студентов и приносило хорошие плоды, однако, было приостановлено. Все собравшиеся единогласно поддержали мнение, что эти форматы работы с пишущей молодёжью нужно возвращать.

Любовь Головина

Олег Слободчиков поведал слушателям увлекательные истории исторического характера. Он рано начал самостоятельную жизнь, работая рулевым-мотористом на речных судах Иртыша и Оби, служил на боевом корабле Северного Флота, работал бурильщиком и проходчиком горных выработок в геологии, гуртовщиком в Скотоимпорте, корреспондентом городской газеты. Доучивался в вечерней школе. Первые рассказы публиковались в газете «Лениногорская правда» в 1975 г., в 1980-х печатался в журнале Союза писателей Казахстана «Простор». Со слов Олега Слободчикова, он старался писать детские рассказы, стихи, но у него не лежала душа к этому. И через некоторое время он открыл в себе тягу к истории, поэтому связал свою жизнь с историческими, приключенческими романами, также увлекался фантастикой.

Завершил мероприятие Юрий Харлашкин, заместитель главного редактора литературного журнала «Азь-арт» для начинающих писателей в возрасте от 16 до 40 лет. Он со своей командой помогает молодым авторам выстроить дорогу в литературный мир. Писатель выучился на филолога. На его счету несколько рассказов. Как сказал Юрий, его рассказы называют жестокими, но на самом деле они лишь раскрывают смысл жизни. На данный момент он разрабатывает роман о Кирилле и Мефодии.

Встреча прошла с особой атмосферой, присущей литературному обществу. Хотим выразить огромную благодарность писателям за то, что они предоставляют возможность увидеться с ними вживую и поближе познакомиться с их творчеством.

*Милена Десятерик,
ученица 10 класса МБОУ г. Иркутска СОШ №24*

НА «ПЕРЕКРЕСТКЕ ВДОХНОВЕНИЙ»
РЕПОРТАЖ О РАБОТЕ МОЛОДЁЖНОГО КЛУБА
ОЮБ ИМ. И. П. УТКИНА

Среди современной молодежи, называемой поколением прагматиков, есть те, для кого жизнь означает творчество. Самое ценное, что может предложить библиотека начинающим авторам, – это поддержка в творческих начинаниях и создание комфортной, доброжелательной атмосферы для самореализации. Все это очень важно для молодых людей, нуждающихся в интеллектуальном развитии и общении, а также уважительном отношении к своему увлечению творчеством.

Клуб «Перекресток вдохновений» был задуман в **2005 году** как спутник литературно-художественного альманаха для юношества «Первоцвет», изданием которого с **1998 года** занимается ОЮБ им. И.П. Уткина. Изначально организатор клуба и главный редактор альманаха «Первоцвет» **Светлана Владимировна Зубакова** ставила перед собою цель выявить в среде творческой молодежи тех, кто достоин к публикации в альманахе, поэтому основной состав клуба и раньше, и сейчас – это, конечно, авторы «Первоцвета».

На страницах альманаха работы начинающих поэтов, прозаиков, драматургов и художников – учащейся и работающей молодежи Приангарья, а также других городов и областей России. Молодые авторы знакомят сверстников со своими первыми творческими шагами в поэзию, прозу, драматургию, живопись, графику, литературный перевод.

У «Перекрестка» есть эмблема. Создала ее студентка Иркутского государственного колледжа культуры, будущий режиссер **Татьяна Рузавина**.

В клубе сложились самобытные традиции проведения заседаний. Символом творчества стала поэтическая свеча, которую принято зажигать перед каждым заседанием. Участники читают стихи по кругу – как

любимые поэтические творения классиков и современных авторов, так и свои собственные. Долгое время практиковалось проведение авторского часа, когда автор сам представляет себя и свое творчество. Среди любимых поэтов, стихи которых читают по кругу, чаще других звучат: **Анна Ахматова, Борис Пастернак, Сергей Есенин, Иосиф Бродский, Владимир Маяковский, Дмитрий Кедрин и Марина Цветаева.**

За годы существования молодежного литературного клуба на «Перекрестке» встречались не только литераторы. Заседания нередко посещали актеры, художники, барды и другие представители искусства и культуры, во многих отношениях интересные люди.

С 2011 года на сайте ОЮБ им. И.П. Уткина ведется летопись встреч клуба. Благодаря этому всегда можно вспомнить, как же все начиналось, или узнать, чем живет клуб сейчас. Именно в тот год был расцвет клубной деятельности, что отразилось в появлении многих молодых талантливых авторов, ставших визитной карточкой «Первоцвета» и всех встреч на «Перекрестке вдохновений»: **Елены Анохиной, Марины Шамсутдиновой, Ильи Махова, Марьи Дементьевой, Юрия Богородского.** Неоднократно презентация нового номера альманаха «Первоцвет» проходила под эгидой клуба, собирая не только новых авторов, но и тех, кто пока лишь приглядывался, прислушивался ко всему происходящему и едва помышлял попробовать себя в творчестве. А сколько запоминающихся и ярких выездных презентаций новых номеров альманаха было сделано благодаря участникам клуба и авторам публикаций! Среди них: **Елизавета Оводнева, Юрий Харлашкин, Максим Живетьев, Мария Борисова, Денис Афонин, Юлия Васильева, Садиг Мамедов** и другие.

Для начинающего автора очень важно быть услышанным. Такую возможность получают все, кто приходит на встречи в молодежный литературный клуб «Перекресток вдохновений», где участники делятся своим творчеством, читают и обсуждают стихи и прозу, поют романсы и песни под гитару, говорят о жизни и литературе, пьют чай. Здесь молодые авто-

ры знакомятся, встречают единомышленников, обмениваются мнениями, учатся друг у друга, совместно творят и представляют на суд сверстников свои произведения.

Многие из авторов, получивших право первой публикации в «Первоцвете», окончили высшие учебные заведения и профессионально связали свою жизнь с литературой. Все они с благодарностью вспоминают библиотеку, на базе которой были созданы альманахи для юношества «Первоцвет» и клуб «Перекресток вдохновений», ставшие для них стартовой площадкой и давшие им шанс реализовать себя в творчестве. А для тех, кто не стал профессионалом, это возможность поверить в свои силы, почувствовать себя увереннее и продолжить, несмотря на все трудности и сложности, начатое нелегкое, но благородное писательское дело.

*Е.А. Сыроватская,
заведующая редакционно-издательским отделом
ОЮБ им. И.П. Уткина,
М.А. Штрассер,
ведущий методист организационно-методического отдела
ОЮБ им. И.П. Уткина*

ГЛАГОЛЬ, ГЛАГОЛ: НА ПОРОГЕ ДВАДЦАТИЛЕТИЯ

«Глагол» (полное название – Иркутская городская молодёжная общественная организация «Глагол») – молодёжное объединение, занимающееся популяризацией и развитием литературного творчества молодёжи. В следующем году организация отметит своё двадцатилетие. Этому будет посвящено отдельное мероприятие.

«Глагол» имеет юридическую регистрацию. Председатель правления организации – Андрей Андреев, в числе членов правления – Дарья Давыдова, Сергей Дроздов, Ольга Курятова, Александра Ломухина, Илья Шеметов. Председателем общего собрания является Антон Зоркальцев. В «Глаголе» также есть ревизор Наталия Попович, председатель редакционного цеха Елена Анохина, и руководитель Литературного цеха (традиционно проводимого в летние месяцы мероприятия) Андрей Шпаков. Всего в организации насчитывается 52 члена, также 52 человека состоят на правах участников – таковыми считаются все, кто не имеет членства, но принимает участие в деятельности объединения.

История «Глагола» начинается с 26 ноября 2002 года, когда в стенах филологического факультета Иркутского педагогического университета возникло объединение «Литературный цех «Глагол»». Изначально это был студенческий кружок, участники которого читали и обсуждали свои произведения, готовили поэтические вечера и издавали сборник «Каждый стих – дитя любви». Презентация первого выпуска состоялась в 2003 году, а к настоящему времени издано уже 66 выпусков.

Еще с 2006 года предпринимались попытки по приданию организации официального статуса. В итоге это было сделано 19 июня 2009 года в результате работы учредительного собрания. А к августу того же года государственные органы подтвердили для «Глагола» статус общественной организации.

Одним из ключевых видов деятельности «Глагола» является, как

уже сказано, литературный цех, проводимый обычно летом на открытом воздухе и представляющий из себя совместную работу авторов как с произведениями друг друга, так и с классикой. Участники также практикуются в составлении стихотворных импровизаций, таких как, например, буриме, или же твёрдых форм.

Кроме того, организация проводит свои дистанционные литературные городские конкурсы «В творчество – с головой!»: «Смелые шаги юного творца» – для школьников, и «Авторский почерк» – для студентов средних специальных и высших учебных заведений. С 2010 года молодые иркутские писатели ежегодно отправляют свои литературные произведения, и тексты победителей публикуются на страницах литературного альманаха «Каждый стих – дитя любви». Для выдачи дипломов и призов осуществляется церемония награждения, где участники конкурса также могут прочесть своих стихи. Вообще, принцип популяризации литературного творчества молодежи – основа всей деятельности организации, и конкурс напрямую этому способствует.

Кроме того, «Глагол» организует и мероприятия концертного формата. Таковы, например, «Покровские встречи», которые проходят каждую осень. На них выступают преимущественно исполнители стихов и песен классиков. А арт-платформа «Арифмия», проводимая несколько раз в год, предназначена скорее для авторов – поэтов и музыкантов.

У организации есть свое печатное издание – уже названный литературный альманах «Каждый стих – дитя любви», где могут печататься как опытные, так и начинающие авторы.

Что же касается структуры организации, то в ней выделяются: Общее собрание (высший орган управления, в который входят все члены), Правление (постоянно действующий руководящий орган) во главе с председателем, ревизор, осуществляющий контрольную функцию деятельности организации, а также редакционный совет, обсуждающий качество творческих материалов членов и участников организации.

Помимо литературной деятельности, организация занимается и непосредственно общественной, реализуя тем самым возможность общественного объединения защищать права своих товарищей и других граждан. Так, например, с 2013 года организация содействует комитету городского обустройства администрации города Иркутска по разным вопросам, связанным с городским обустройством.

Антон Зоркальцев, студент 2 курса НГУ, председатель общего собрания ИГМОО «Глагол», член редсовета ИГМОО «Глагол»

Нам пишут

Добрый день, Максим Аркадьевич!

Когда искала рецензентов, нашла сначала Вашу работу как сотрудника Института физиологии и биохимии растений, а уже потом обнаружила, что Вы писатель и издаёте свой литературный журнал.

Прочитала вчера Ваши публикации в литературных журналах, а также несколько интервью. Ваша история вызвала у меня большой отклик: никогда ничего художественного не публиковала, но всё ещё лелею надежду когда-нибудь довести до ума свои черновые наброски. Как и Вы, я биолог по образованию, меня тоже всегда привлекала работа над статьями (поэтому и согласилась работать в нашем Вестнике), ну а писать публично прозу пока не решаюсь, да и не хватает, как мне кажется, талантов. Сейчас многие хотят быть биоинформатиками, даже те, у кого нет базовых знаний по биологии, а Вы ломаете стереотипы. Очень вдохновила Ваша история. Почему-то весь этот художественный мир от меня был скрыт. Казалось, сейчас уже нет литературных журналов, а в голову не приходило поискать информацию на эту тему. Так что обычное рабочее задание открыло для меня совершенно новое окно, через которое я теперь буду хотя бы следить за тем, что происходит в современном мире российских писателей.

Могу лишь попытаться представить, как много сил у Вас отнимает работа над журналом. Выпуски такие объёмные – по 300 страниц: столько совершенно разных произведений, так много разделов. Не знаю, как Вы справляетесь. Мы даже с нашим небольшим научным журналом заняты с утра до ночи, но это совсем другой формат, намного проще, чем у Вас.

С самыми искренними пожеланиями успехов в Вашем сложном, но очень интересном деле!

Спасибо за предложение опубликовать моё письмо. Если оно подходит по формату, я, конечно, не против.

*С уважением,
Галина Моргунова,
ответственный секретарь редколлегии журнала
«Вестник Московского университета.
Серия 16. Биология»*